

Салтыков
Щедрин
За рубежом

Za rubezhom.

M. E. Saltykov

Acq. Dept., Library
Univ. of North Carolina
Chapel Hill, N. C. 27514

Evgrafovich, CF
00
CV
SR

Vols: 79

C
SR

endor: Init:
mf
Saltykov

Recommended
By: 119, p. 246
Y-1C

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3361
.S3
Z3
1881

7
16264

~~ad~~
~~1829~~

Cu
8/26.

1829

ЗА РУБЕЖЕМЪ.

МС PG-3361
.S3
Z3
1881

СОЧИНЕНІЕ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная № 2).

1881.

110-43. *акт №35*
69639 7
65

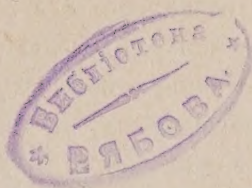
ПОГАСЕНО

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

ЗА РУБЕЖЕМЪ.

I.

Есть множество средств сдѣлать человѣческое существованіе постылымъ, но едва-ли не самое вѣрное изъ всѣхъ — это заставить человѣка посвятить себя культу самосохраненія. Рѣшившись на такой подвигъ, надлежитъ побѣдить въ себѣ всякое буйство духа и признать свою жизнь низведенною на степень безцѣльнаго мельканія на все то время, покуда будетъ длиться искусство животолубія.

Но, во-первыхъ, чтобъ выполнить такую задачу вполне добросовѣстно, необходимо, прежде всего, быть свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ. И не только отъ такихъ, которыя обусловливаются апелляціонными и кассационными сроками, но и отъ другихъ, болѣе деликатнаго свойства. Или, говоря короче, нужно сознать себя и безответственнымъ, и въ добавокъ совсемъ празднымъ человѣкомъ. Ибо, во время процесса самосохраненія, всякая забота, всякое напоминовеніе о покинутомъ дѣлѣ и даже «мышленіе» вообще — считаются не *Kurgemaess* и препятствуютъ солямъ и щелочамъ успѣшно всасываться въ кровь.

Среди женщинъ, субъекты, способные всецѣло отдаваться праздности, встрѣчаются довольно часто (культ-

турно-интернаціональныя дамочки, кокотки, бонапартистки и проч.). Всякая дамочка самимъ Богомъ какъ бы цѣликомъ предназначена для заботъ о самосохраненіи. Въ прошломъ у нея — декольтѣ, въ будущемъ — тоже декольтѣ. Ни о какихъ обязательствахъ не можетъ быть тутъ рѣчи, кромѣ обязательства содержать въ чистотѣ бюстъ и шею. Поэтому, всякая дамочка не только съ готовностью, но и съ наслажденіемъ устремляется къ курдортамъ, зная, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, въ какомъ положеніи находятся легкія или почки, а въ томъ, чтобъ имѣть законный поводъ по пяти разъ въ день одѣваться и раздѣваться. Самая плохая дамочка, если Богъ наградилъ ее хоть какою-нибудь частью тѣла, на которой безъ ожесточенія можетъ остановиться взоръ мужчины, — и та заранѣе разочтеть, какое положеніе ей слѣдуетъ принять, во время питья Kraenchen, чтобъ именно эту часть тѣла откомендовать въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Я знаю даже старушекъ, у которыхъ, подобно старымъ ассигнаціямъ, оба нумера давно потеряны, да и портретъ поврежденъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, подчиняли себя всѣмъ огорченіямъ курсового леченія, потому что нигдѣ, кромѣ курдортвъ, нельзя встрѣтить такую массу мужскихъ панталонъ и, стало быть, нигдѣ нельзя такъ цѣлесообразно освѣжить потухающее воображеніе. Словомъ сказать, «дамочки» — статья особая, которую вообще ни здѣсь, ни въ другомъ какомъ человѣческомъ дѣлѣ въ расчетъ принимать не надлежитъ.

Но въ средѣ мужчинъ, подобныя оглашенныя личности встрѣчаются лишь какъ исключеніе. У всякаго мужчины (ежели онъ, впрочемъ, не бонапартистъ и не отставной русскій сановникъ, мечтающій, въ виду Юнгфрау, о коловратностяхъ міра подачекъ) есть родина, и въ этой родинѣ есть какой-нибудь кровный интересъ.

въ соприкосновеніи съ которымъ онъ чувствуетъ себя семьяниномъ, гражданиномъ, человѣкомъ. Развязаться съ этимъ чувствомъ, даже временно, ужасно тяжело; и я положительно убѣжденъ, что самый культъ самосохраненія долженъ отъ этого пострадать. Легко сказать: позабудь, что въ Петербургѣ существуетъ цензурное вѣдомство, и затѣмъ возьми одръ твой и гряди; но выполнить этотъ совѣтъ на практикѣ, право, не легко.

Недавно, проѣзжая черезъ Берлинъ, я заѣхалъ въ зоологическій садъ и посѣтилъ заключеннаго тамъ чимпандзе. При случаѣ, совѣтую и вамъ, читатель, послѣдовать моему примѣру. Вы увидите бѣдное, дрожащее существо, до того угнетенное тоской по родинѣ, что даже предлагаемое въ изобиліи молоко не утѣшаетъ его. Скорчившись, сидитъ злосчастный плѣнникъ подъ теплымъ одѣяломъ на соломенномъ одрѣ и, закрывши глаза, дремлетъ предсмертною дремотой. Замѣчательно, что тутъ же, за рѣшеткой, у самага изголовья стараго чимпандзе, заключенъ маленькій чимпандзе, родившійся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уже въ Берлинѣ. Этотъ ребенокъ стоитъ, ухватившись передними лапами за рѣшетку, и положительно глазъ не сводитъ съ умирающаго старика. Какіе сны снятся старику, — этого, конечно, нельзя угадать, но, судя по тоскливымъ вздохамъ, ясно, что передъ умственнымъ его взоромъ мелькаетъ нѣчто необыкновенно заманчивое и дорогое. Быть можетъ, тамъ, въ родныхъ лѣсахъ, онъ былъ исправникомъ, а, можетъ быть, даже министромъ. Въ первомъ случаѣ, онъ предупреждалъ и пресѣкалъ; во второмъ — принималъ въ назначенные часы доклады о предупрежденіи и пресѣченіи. Безъ сомнѣнія, это были доклады не особенно мудрые, но вѣдь для чимпандзе, по части мудрости, не особенно много и требуется. И вотъ, теперь онъ умираетъ, не понимая, затѣмъ понадобилось оторвать его отъ доро-

гихъ сердцу интересовъ родины и посадить за рѣшеткой въ берлинскомъ зоологическомъ саду. Умираетъ въ горькомъ сознаніи, что ему не позволили даже подать прошенія объ отставкѣ (просто поймали, посадили въ клѣтку и увезли), и вслѣдствіе этого тамъ, на родинѣ, за нимъ числится тридцать тысячъ неисполненныхъ начальственныхъ предписаній и девяносто тысячъ (по числу населяющихъ его округъ чимпанзе) непроизведенныхъ обысковъ! Не знаю, какъ подѣйствуетъ это скорбное зрѣлище на васъ, читатель, но на меня оно произвело истиннѣ удручающее впечатлѣніе.

Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что люди науки, осуждающіе своихъ кліентовъ выдерживать курсы леченія, упускаютъ изъ вида, что эти курсы влекутъ за собой обязательное цыганское житіе, среди безпорядка, въ тѣснотѣ, внѣ возможности отыскать хоть минуту укромнаго и самостоятельнаго существованія. Изъ привычной атмосферы, въ которой вы такъ или иначе обдержались, васъ насильственно переносятъ въ атмосферу чуждую, насыщенную иными нравами, иными привычками, инымъ говоромъ и даже инымъ разумомъ. Передъ глазами у васъ снуетъ взадъ и впередъ пестрая толпа; въ ушахъ гудитъ разноязычный говоръ, и все это сопровождается такимъ однообразіемъ формъ (вѣчный праздникъ со стороны наѣзжихъ, и вѣчная лакейская бѣготня — со стороны туземцевъ), что подъ конецъ утрачивается даже ясное сознаніе времени дня. Это однообразіе малтнаго движенія досаждаеть, волнуеть, вызываетъ ежеминутный ропоть. Нѣтъ ничего изнурительнѣе, какъ не понимать и не быть понимаемымъ. Я говорю это не въ смыслѣ разности въ языкѣ — для культурнаго человѣка это неудобство легко устранимое — но трудно, почти невыносимо въ молчаніи снѣдать боль сердца, ту щемящую боль, которая зародилась гдѣ-нибудь на берегахъ Иловли и по пятамъ

пришла за вами къ самой подошвѣ Мальберга *). Тамъ, въ долину Иловли, эта боль напоминала вамъ о живучести въ васъ человѣческаго естества; здѣсь, въ долину Лана, она ровно ни о чемъ не напоминаетъ, ибо ее давно уже пережили (можетъ быть, за нѣсколько поколѣній назадъ), да и на бобахъ развели. Мало того, эта боль становится признакомъ неблаговоспитанности съ вашей стороны, потому что неприлично вздыхать и роптать среди людей, которымъ, въ качествѣ возстановляющаго средства, прописано непремѣнное душевное спокойствіе. Не ясно-ли, что тѣ катарральныя улучшенія, которыя достигаются глотаніемъ и вдыханіемъ подлежащихъ щелочей, должны въ значительной мѣрѣ ослабляться полнымъ отсутствіемъ условій, составляющихъ обычную принадлежность той жизни, съ которою вы, по крайней мѣрѣ, лично привыкли соединять представленіе объ осѣдлости.

Въ-третьихъ, наконецъ, культъ самосохраненія заключаетъ въ себѣ нѣчто, свидѣтельствующее не только о чрезмѣрномъ, но, быть можетъ, и о незаслуженномъ животолюбіи. Русская пословица гласитъ такъ: «жить живи, однако, и честь знай». И замѣтите, что, какъ всѣ народныя пословицы, она имѣетъ въ виду не празднолюбца, а человѣка, до истощенія силъ тянувшаго выпавшее на его долю жизненное тягло. Если даже ему, истомленному человѣку тягла, надо «честь знать», то что же сказать о празднолюбцѣ, о бонапартистѣ, у котораго ни назади, ни впереди нѣтъ ничего, кромѣ умственнаго и нравственнаго декольтѣ? Клянусь, надо знать честь, господа! Подумайте! миллионы людей изнемогаютъ, прикованные къ землѣ и къ труду, не справляясь ни о почкахъ, ни о легкихъ и зная только одно: что они повинны ра-

*) Гора, командующая надъ Бад-Эмсомъ.

ботѣ, — и вдругъ, изъ этого безпредѣльнаго кабальнаго моря выдѣляется горсть празднолюбцевъ, которые самовластно декретируютъ, что для кого-то и для чего-то нужно, чтобъ почки дѣйствовали у нихъ въ исправности! Ахъ, господà, господà!

Все это я отлично понималъ, и всё эти возраженія были у меня на языкѣ прошлой весной, когда рѣшался вопросъ о доставленіи мнѣ возможности прожить «аридовы вѣки». Но — странное дѣло! — когда люди науки высказались въ томъ смыслѣ, что я мѣсяца на три обязываюсь позабыть прошлое, настоящее и будущее, для того, чтобъ всецѣло посвятить себя нагуливанію животовъ, то я не только ничего не возразилъ, но сдѣлалъ видъ, что много доволенъ. Я зналъ, что ради возстановленія силъ я долженъ буду растратить свои послѣднія силы, — и промолчалъ. Я очень хорошо провидѣлъ, что процессъ самосохраненія окончательно раззоритъ мой и безъ того раззоренный организмъ, — и сказалъ: помидуйте! куда угодно, хоть въ тартарары! Я — человѣкъ дисциплины по преимуществу и твердо вѣрю, что всякое «распоряженіе» клонится къ моему благу.

Словомъ сказать, я сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ.

Но такъ какъ фактъ совершился и нелѣгкая принесла уже меня на берега вонючаго Лана, то я считаю себя въ правѣ подѣлиться съ читателями вынесенными мною впечатлѣніями. Пишу не для дамочекъ и не для бонапартистовъ, а для тѣхъ, кои, сидя на берегахъ Лопани, Вороны и Хопра, не ослабляючи вздыхаютъ надъ вопросами объ акклиматизаціи саранчи, колорадскаго жучка и гессенской мухи. Пусть дойдетъ до нихъ мой голосъ и скажетъ имъ, что даже здѣсь, въ виду башни, въ которой, по преданію, Карлъ Великій замуровалъ свою дочь (здѣсь всё башни таковы, что въ каждой кто-нибудь кого-нибудь замучилъ или убилъ, а у насъ башень

нѣтъ), ни на минуту не покидало меня представленіе о саранчѣ, опустошавшей благословенныя чешбарскія пажити. И пусть засвидѣтельствуетъ этотъ голосъ, что покуда человѣкъ не развяжется съ представленіемъ о саранчѣ и другихъ расхитителяхъ народнаго достоянія, до тѣхъ поръ никакіе Kraenchen и Kesselbrunnen «аридовыхъ вѣковъ» ему не дадутъ.

Но если бы и дѣйствительно глотаніе Kraenchen, въ соединеніи съ ослинымъ молокомъ, способно было дать безсмертіе, то и такая перспектива едва-ли бы соблазнила меня. Во-первыхъ, мнѣ кажется, что безсмертіе, посвященное непрерывному наблюденію, дабы въ организмѣ не переставаячи совершался обмѣнъ веществъ, было бы отчасти дурацкое; а, во-вторыхъ, я на столько совѣстливъ, что не могу воздержаться, чтобъ не спросить себя: ежели всѣ мы, культурные люди, сдѣлаемся безсмертными, то при чемъ же останутся попы и гробовщики?

Въ заключеніе настоящаго введенія, еще одно слово. Выраженіе «бонапартисты», съ которымъ читателю не разъ придется встрѣтиться въ подлежащихъ эскизахъ, отнюдь не слѣдуетъ понимать буквально. Подъ «бонапартистомъ» я разумѣю вообще всякаго, кто смѣшиваетъ выраженіе «отечество» съ выраженіемъ «ваше превосходительство» и даже отдаетъ предпочтеніе послѣднему передъ первымъ. Такихъ людей во всѣхъ странахъ множество, а у насъ до того довольно, что хоть лопатами огребай.

Въ одно прекрасное утро, часовъ около одиннадцати, всѣхъ насъ, «отпущенныхъ по пачпорту», въ Вержболовѣ обыскали и, по сдѣланіи надлежащихъ отмѣтокъ, переправили, какъ въ старину пѣвалось, «въ гости къ братьямъ-пруссакамъ». Но нынѣшніе братья-пруссаки

ужь не тѣ, что прежде были, и приняли насъ не какъ «гостей», а какъ данниковъ. Прежде всего, они удостовѣрились, что у насъ нѣтъ ни чумы, ни иныхъ тѣлесныхъ озлобленій (за это удостовѣреніе насъ заставляютъ уплачивать въ петербургскомъ германскомъ консульствѣ по 75 копеекъ съ паспорта, чѣмъ крайне оскорбляются выѣзжающіе изъ Россіи иностранцы, а намъ оскорбляться не предоставлено), а потомъ сказали милостивое слово: der Kurs 213 пф., т. е. рускій рубль слишкомъ на марку стодитъ дешевле противъ нормальной цѣны. Въ заключеніе, обыскавъ наши багажи (весьма, впрочемъ, деликатно) и удостовѣрившись по нашимъ простодушнымъ фізіономіямъ, что отнынѣ всѣ марки и пфенниги, сколько бы таковыхъ у насъ ни оказалось, мы не только за страхъ, но и за совѣсть, обязываемся сполна расходовать на пользу германскаго отечества, объявили насъ отъ митирогнозіи свободными.

Странное дѣло! покуда мы пробирались къ Вержболову (нѣмцы ужь называютъ его Wirballen), никому изъ насъ не приходило въ голову выглядывать въ окна и любопытствовать, какой изъ нихъ открывается пейзажъ. Какъ-то само собой предполагалось, что все извѣстно и переизвѣстно. «Мокрое мѣсто, по которому растетъ настоящій лѣсъ» — вотъ картина, которую ожидалъ встрѣтить взоръ и во избѣжаніе которой всякій старался убить время независимо отъ впечатлѣній родной природы. Одни, не разгибая спины, «винтили». Другіе во всеуслышаніе роптали, что никакой «за-границы» не нужно, и что всю эту «за-границу» выдумали ихъ дамочки, которыя, подъ предлогомъ исправленія суиружескихъ почекъ и легкихъ, собрались ловить по курзаламъ бонапартистовъ всѣхъ наименованій. Третьи всеминутно тосковали, «какимъ-то насъ курсомъ батюшка-Берлинъ наградить».

— Кажется, мы нынче смирно сидимъ... Ни румыновъ, ни грековъ, ни сербовъ, ни болгарь — ничего за нами нѣтъ! Пора бы ужь и намъ милостивое слово сказать! слышалось въ одномъ углу.

— Ну, батенька, и за саранчу тоже не похвалятъ! гдѣ-то по сосѣдству раздавалось въ отвѣтъ.

Даже два старца (съ претензіей на государственность), ѣхавшіе вмѣстѣ съ нами, — и тѣ не интересовались своимъ отечествомъ, но считали его лишь мѣстомъ для полученія присвоенныхъ по штатамъ окладовъ. Повидимому, они ничего не ждали, ни на что не роптали и даже ничего не мыслили, но въ государственномъ безмолвіи сидѣли другъ противъ друга, спѣсиво хлопая глазами на прочихъ пассажировъ и какъ бы говоря: мы на счетъ казны нагуливать животы ѣдемъ!

Живя въ Петербургѣ, я зналъ объ этихъ старцахъ по слухамъ; но эти слухи имѣли такой опредѣленный характеръ, что, признаюсь, до самаго Эйдтеумена я съ величайшимъ безпокойствомъ взиралъ на нихъ. Я такъ и ждалъ, что они вынутъ казенныя подорожныя и скажутъ: а ну-те предъявляйте свои сердца! И тогда, прощай Эмсъ, прощайте Бадень-Бадень, Интерлакенъ, Парижъ! Одинъ былъ малаго роста, сложенъ кряжемъ и назывался по фамиліи Дыба; другой былъ длиненъ, сухощавъ, извивался и сокращался, словно змѣй, и назывался по фамиліи Удавъ. Оба состояли въ чинѣ безшабашнаго совѣтника, и у каждаго было по трещинѣ вдоль черепа. Одинъ прошелъ школу графа Михаила Николаевича въ качествѣ чиновника для преступленій; другой прошелъ школу графа Алексѣя Андреевича, въ качествѣ чиновника для чтенія въ сердцахъ. Оба служатъ представителями новой департаментско-курьерской аристократіи. У одного въ гербѣ была изображена, въ червленомъ полѣ, рука, держащая серебряную урну, съ над-

писью: *не пролей!* у другого — на серебряномъ полѣ, рука, держащая золотую урну съ надписью: *содержи въ опрятности!* Изъ чего дозволялось заключать, что оба происходятъ не отъ Рюрика. Оба, въ юныхъ лѣтахъ, думали скончать жизнь въ столоначальническихъ должностяхъ, но, благодаря беззавѣтной свирѣпости при исполненіи начальственныхъ предписаній, были замѣчены, понравились и удостоены повышенія въ чинахъ и должностяхъ. И, въ довершеніе всего, у обоихъ, по смерти, вмѣсто монументовъ, будетъ воткнуто на могилахъ по осиновому колу. Спрашивается: въ виду столь жестоковѣрныхъ идоловъ, можно-ли было не трепетать, пока Эйдткуненъ не предсталъ передъ нами въ качествѣ несомнѣнной дѣйствительности?

И въ самомъ дѣлѣ, въ Эйдткуненѣ картина измѣнилась, какъ бы волшебствомъ. Винтившіе бросили русскія карты и на первыхъ порахъ какъ бы совѣстились продолжать винтъ въ нѣмецкомъ вагонѣ. Пассажиры, роитавшіе на женъ, смирились, а тѣ, которые ожидали милости отъ «батюшки-Берлина», прочитавши: *der Kurs 213*, окончательно убѣдились, что за саранчу не похвалятъ. Что же касается до государственныхъ старцевъ, то я просто ихъ не узналъ. Какъ только съ нихъ сняли въ Эйдткуненѣ чины, такъ они тотчасъ же отлучились и, выпустивъ угнетавшую ихъ государственность, всѣмъ безъ разбора начали подмигивать. И шафнеру нѣмецкаго вагона, и французенкѣ, ѣхавшей въ Парижъ за товаромъ, и даже мнѣ... И всѣмъ, казалось, говорили: не таите помышленій вашихъ, ибо нынче у насъ въ Петербургѣ... вольно!

И вотъ, едва мы размѣстились въ новомъ вагонѣ (мнѣ пришлось сѣсть въ одномъ спальномъ отдѣленіи съ безшабашными совѣтниками), какъ тотчасъ же бросились къ окнамъ и начали смотрѣть.

Природа, которая открывалась передъ нами, мало чѣмъ отличалась отъ только-что оставленной мною природы русско-чухонскаго поморья, въ пескахъ котораго ютилось знакомое читателю Монрепо. Та же низменная равнина, тѣ же рудожелтые пески, въ перемежку съ торфяными низинками. Но ни кочкарника, ни мховъ, ни лѣзущаго отовсюду лозняка, ни еле дышущей, одиноко стоящей и во всѣ стороны гнущейся березки — и въ поминѣ нѣтъ. И справа, и слѣва тянутся засѣянные поля, къ которымъ гораздо болѣе идетъ эпитить «необозримыхъ», нежели, напримѣръ, къ полямъ Тверской или Ярославской губерній и вообще средней полосы Россіи. Я видалъ такія обширныя полевая пространства въ южной половинѣ Пензенской губерніи, но, подъ опасеніемъ возбудить въ читателѣ недовѣріе, утверждаю, что репутація производства, такъ называемыхъ «буйныхъ» хлѣбовъ гораздо съ бѣльшимъ правомъ можетъ быть примѣнена къ обиженному природой прусскому поморью, нежели къ чембарскимъ благословеннымъ нажитямъ, гдѣ, какъ рассказываютъ, глубина черноземнаго слоя достигаетъ двухъ аршинъ. Въ Чембарѣ такъ долго и легкомысленно рассчитывали на безконечную способность почвы производить *буйные* хлѣба, что и не видали, какъ поля выпахались и хлѣба присмирѣли. Здѣсь же, очевидно, ни на какія великія и богатые милости не рассчитывали, а, напротивъ, и денно и поочно только одну думу думали: какъ бы, среди песковъ да болотъ, съ голоду не подохнуть. Въ Чембарѣ говорили: а въ случаѣ, ежели Богъ дожжичка не пошлетъ, такъ намъ, братцы, и помирать не вдиковину! а въ Эйткуненѣ говорили: тамъ какъ будетъ угодно на счетъ дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны!

Почему на берегахъ Вороны говорили одно, а на берегахъ Прегеля другое, — это я рѣшить не берусь, но

положительно утверждаю, что никогда въ чембарскихъ палестинахъ я не видалъ такихъ *буйныхъ* хлѣбовъ, какіе мнѣ удалось видѣть нынѣшнимъ лѣтомъ между Вержболовомъ и Кёнигсбергомъ, и въ особенности дальше, къ Эльбингу. Это было до такой степени неожиданно (мы всѣ заранѣе зарядились мыслью, что у нѣмца хотъ шаромъ покати, и что безъ нашего хлѣба нѣмецъ подохнетъ), что нѣкто изъ ѣхавшихъ рискнулъ даже замѣтить:

— Вотъ увидите, что скоро отсюда къ намъ хлѣбъ возить стануть!

На что другой ѣхавшій патристически-задумчиво пробормоталъ:

— Ну, это ужъ, кажется, не тово... Этакъ, братъ-колбаса, ты, пожалуй, и вовсе насъ въ полонъ заберешь!

Но этого мало, что хлѣба у нѣмца на пескахъ родятся буйные, у него и коровамъ не житье, а рай, благодаря изобилію луговъ. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ (тотъ же торфъ), выйдешь, бывало, въ Монрепо посмотрѣть, какъ оно тамъ произрастаетъ, — и разомъ дѣлается какъ-то нестерпимо скучно. Кажется, все было сдѣлано: и канавы въ прошломъ году по осени чистили, и золото изъ Кронштадта цѣлую зиму возили и по полянкамъ разбрасывали, а все проку нѣтъ. Куда ни глянешь, — либо мохъ сплошной, либо какая-то бурная болячка, либо цѣлая щетка молоденькихъ березокъ выскочила, и только гдѣ-гдѣ занялась настоящая трава. Ну, разумѣется, сейчасъ слѣдствіе.

— Иванъ! да точно-ли вы золото изъ Кронштадта здѣсь валили?

— Помилуйте! вотъ и бумажки-съ!

— Ну, стало быть, канавы осенью не прочистили какъ слѣдуетъ?

— И канавы, нельзя лучше, чистили, только въ нихъ вода, вишь, стойтъ...

— Отчего-жь она не стекаетъ?

— Да стѣку ей нѣтъ — отъ того. Еще спервоначалу, Иванъ Павлычъ (прежній вотчинникъ), какъ только эти самые луга затѣялъ — все стѣку искалъ. Сыщеть, анъ на слѣдующую вѣсну его пескомъ затянетъ, — давай песокъ разгребать. До воли, мужикъ-отъ дешевъ былъ, разгребуть стѣкъ, канавы на-ново вычистятъ, — трава-то и уродится; а какъ подошла воля, разгребать-то и нѣкъмъ стало. По канавкамъ лознякъ пошелъ, по полянкамъ мохъ выскочилъ, затягиваетъ каждый годъ да и шабашъ. Ну, Иванъ Павлычъ-то видитъ, что ежели тутъ хозяйствовать, такъ послѣдніе штаны съ себя снять придется, — осердился, плюнулъ и продалъ всю палестину. Пропадайте, говоритъ, вы прѣпадомъ, а я на теплыя воды ѣздить стану!

И точно, какъ ни безнадежно заключеніе Ивана Павлыча, но нельзя не согласиться, что ѣздить на теплыя воды все-таки удобнѣе, нежели пропадать прѣпадомъ въ Петергофскомъ уѣздѣ. Есть люди, у которыхъ такъ и въ гербахъ значится: пропадайте вы прѣпадомъ, — пускай они и пропадаютъ. А намъ съ Иваномъ Павлычемъ это не съ руки. Мы лучше въ Эмсъ поѣдемъ, да легкія пообчистимъ, а на зиму опять вернемся въ отечество: неужто, молъ, петергофскіе-то еще не пропали?

— Послушай, однакожь, Иванъ! какъ же мужики-то? у нихъ вѣдь надѣль... обезпеченіе, братецъ, вѣдь это! Неужто-жь и они стѣку не могутъ сыскать?

— И мужики тоже бьются. Никто здѣсь на землю не надѣтся, всѣ отъ нея бѣгутъ да около коё-чего побираются. Вонъ она, мельница-то гаша, который ужъ мѣсяцъ пустая стойтъ! Кругомъ на двадцать верстъ другой мельницы нѣтъ, а для нашей врьдъ до Филиппова

заговѣнія помолу достанеть. Вотъ хлѣба-то здѣсь каковы!

Таковы порядки въ Монрепѣ. А здѣсь, подъ Инстербургомъ, сьумѣли и стѣкъ отыскать, и луга расчислить, и коровье житье устроить. Вездѣ канавы чистыя, безъ лозняка, и вездѣ вынутый изъ канавъ торфъ сформованъ и сложенъ въ стѣпки. Этимъ торфомъ и отапливаются, и сдабриваютъ поля. Даже лѣсъ — и тотъ совсѣмъ не такъ безнадежно здѣсь смотритъ, какъ привыкли думать мы, отапливающіе кизякомъ и гречневой шелухой наши жилища на берегахъ Лопани и Ворсклы. Съ чего-то мы вообразили себѣ (должно быть, Печорскіе лѣса слишкомъ часто намъ во снѣ снятся), что какъ только перевалишь за Вержболово, такъ тотчасъ же представится глазамъ голое пространство, лишенное всякой лѣсной растительности. «Кабы не мы, нѣмцу протопиться бы нѣчѣмъ» — эта фраза пользуется у насъ почти такую же популярностью, какъ и та, которая удостовѣряетъ, что безъ нашего хлѣба нѣмцу пришлось бы съ голоду подохнуть. Въ дѣйствительности же, всѣ горы Германіи покрыты отличнѣйшимъ лѣсомъ, да и въ Балтійскомъ поморьѣ недостатка въ немъ нѣтъ. Вотъ подъ Москвой, такъ точно что нѣтъ лѣсовъ, и та цѣна, которую здѣсь, въ виду Куришгафа, платятъ за дрова (до 28 марокъ за клафтеръ, около 1½ саж. нашего швырка), была бы для Москвы истинной благодатью, а для береговъ Лопани, пожалуй, даже баснословіемъ. И замѣтте, что если цѣна на топливо здѣсь все-таки достаточно высока, то это только потому, что Германія вообще скуна на тѣ произведенія природы, которыя возобновляются лишь въ продолжительный періодъ времени. А припустите-ка сюда похозяйничать русскаго лѣсничаго съ двумя-тремя русскими лѣсопромышленничками, они разомъ всѣ рынки

запруждать такой массой дровъ, что послѣднія немедленно подешевѣютъ на половину...

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что прусское правительство изстари производило въ восточной Пруссіи опыты разработки земли въ обширныхъ размѣрахъ и тратило на это громадныя суммы, безъ всякой надежды на ихъ возвратъ... Чтожъ! противъ этого я, конечно, ничего возразить не имѣю.

Между тѣмъ, нашъ поѣздъ на всѣхъ парахъ несся къ Кёнигсбергу, въ глазахъ мельгали разноцвѣтныя поля, луга, лѣса и деревни. Физиономія крестьянскаго двора тоже значительно видоизмѣнилась противъ до-Вержболовской. Изба съ выбѣленными стѣнами и черепичной крышей глядѣла веселѣе, довольнѣе, нежели до-Вержболовскій почернѣвшій срубъ съ всклооченной соломенной крышей. Это было *жилище*, а не изба въ той формѣ, въ какой мы, русскіе, привыкли себѣ ее представлять.

Я смотрѣлъ, вмѣстѣ съ прочими, на эту картину и невольно задумывался. Я не скажу, чтобъ сравненія, которыя при этомъ сами собой возникали, были обидны для моего самолюбія (у меня на этотъ случай есть въ запасѣ прекрасная поговорка: моя изба съ краю), но не могу скрыть, что чувствовалась какая-то непобѣдимая неловкость. Передо мной воочію метался тотъ «повинный работѣ» человѣкъ, который, выбиваясь изъ силъ, надрывался и проливая кровавый потъ, въ награду за свою вѣчную страду получить кусокъ мякиннаго хлѣба. Есть что-то мучительно-загадочное въ этомъ сопоставленіи мякиннаго хлѣба и вѣчной страды. Какимъ образомъ выработалось это сопоставленіе, и почему оно вылилось въ такую неподвижную форму, что скорѣе можно разбить себѣ лобъ, чѣмъ видоизмѣнить ее? Ужели на этотъ вопросъ никогда не будетъ другого отвѣта, кромѣ: не твое дѣло?

Пусть читатель не думаетъ, однакожь, что я считаю прусскіе порядки совершенными и прусскаго человѣка счастливейшимъ изъ смертныхъ. Я очень хорошо понимаю, что среди этихъ отлично воздѣланныхъ полей рѣчь идетъ совсѣмъ не о распредѣленіи богатствъ, а исключительно о накопленіи ихъ; что эти поля, луга и выдѣленные жилища принадлежатъ такимъ же толстосумамъ-буржуа, какимъ въ городахъ принадлежатъ дома и лавки, и что за каждымъ изъ этихъ толстосумовъ стоятъ десятки кнехтовъ, въ пользу которыхъ выпадаетъ очень ограниченная часть этого красиваго довольства.

Я ни мало не сомнѣваюсь, что въ званіи кнехта очень мало лестнаго, но развѣ кнехты родятся, только начиная съ Эйткунена? развѣ политико-экономическія основанія, которыя практикуются подъ Инстербургомъ, не совершенно равносильны тѣмъ, которыя практикуются и подъ Петергофомъ? Увы! я совершенно искренно убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи обѣ мѣстности могутъ аттестовать себя равно способными и достойными, и что инстербургскій толстосумъ едва-ли даже не менѣе жаденъ, нежели, на примѣръ, купецъ Колушаевъ, который разостлалъ паутину кругомъ Монрепо. Я знаю, что многіе думаютъ такъ: мы бѣдны, но за то у насъ на первомъ планѣ распредѣленіе богатствъ; однакожь, по мнѣнію моему, это только одни слова. Повѣрьте, что въ Петергофскомъ уѣздѣ распредѣленіе богатствъ гораздо въ большей степени зависитъ отъ господина Колушаева, нежели въ Инстербургскомъ уѣздѣ отъ господина Гехта (Hecht — жука). И я убѣжденъ, что если бы Колушаеву даже во снѣ приснилось распредѣленіе, то онъ скорѣе самъ на себя донесъ бы исправнику, нежели допустилъ бы подобную пропаганду на практикѣ. Стало быть, никакого «распредѣленія богатствъ» у насъ нѣтъ, да, сверхъ того,

нѣтъ и накопленія богатствъ. А есть простое и наглое расхищеніе.

И еще говорятъ: въ Россіи не можетъ быть пролетаріата, ибо у насъ каждый бѣднякъ есть членъ общины и надѣленъ участкомъ земли. Но говорящіе такимъ образомъ, прежде всего, забываютъ, что существуетъ громадная масса мѣщанъ, которая изстари не имѣетъ иныхъ средствъ существованія, кромѣ личнаго труда, и что, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, къ мѣщанамъ присоединилась еще цѣлая масса бывшихъ дворовыхъ людей, которые еще менѣе обезпечены, нежели мѣщане. А кромѣ того, забываютъ еще и то, что около каждаго «обезпеченнаго надѣломъ» выскочилъ Колупаевъ, который высоко держитъ знамя кровопивства, и ежели не зоветь еще «обезпеченныхъ» кнехтами, то уже довольно откровенно отзывается объ мужикѣ, что «въ ѣмъ только тогда и прокъ будетъ, коли ежели его съ утра до ночи на работѣ морить».

Вмѣсто того, чтобъ увѣрять всеу, что вопросъ о распредѣленіи уже разрѣшенъ нами на практикѣ, мнѣ кажется, приличнѣе было бы взглянуть въ глаза Колупаевымъ и Разуваевымъ и разоблачить детали того кровопивственнаго процесса, которому они предаются безъ всякой опаски, при свѣтѣ дня. *Cur? quomodo?* и въ особенности, *quibus auxiliis?* Вотъ, если это *quibus auxiliis* какъ слѣдуетъ выяснить, тогда самъ собою разрѣшится и другой вопросъ: чтò такое современная русская община и кого она наипаче обезпечиваетъ, общинниковъ или Колупаевыхъ?

А то выдумали: нѣчего намъ у нѣмцевъ заимствоваться; покуда-де они надъ «накопленіемъ» корнятъ, мы, того гляди, и политическую-то экономію совсѣмъ упразднимъ. Такъ и упразднили... упразднители! Вотъ ужь прослышитъ объ вашемъ самохвальствѣ купецъ Колупаевъ, да

quibus auxiliis и спросить: а знаете-ли вы, робята, какъ кузькину сестрицу зовутъ? И придется вамъ на этотъ вопросъ по сущей совѣсти отвѣтъ держать.

Вообще, я полагаю, что у насъ практически заниматься вопросомъ о «распредѣленіи богатствъ» могутъ только Политковскіе да Юханцевы. Эти не поцеремонятся: придутъ, распредѣлятъ, и никто ихъ ни потрясателями основъ, ни сѣятелями превратныхъ толкованій не назоветъ, потому что они воры, а не сѣятели. Да и теоретически заняться этимъ вопросомъ, то есть разговаривать или писать объ немъ. — тоже дѣло не подходящее, потому что для этого нужно выполнить множество подготовительныхъ работъ по вопросамъ о кузькиной сестрѣ, о бараньемъ рогѣ, о макарѣ телятъ не гонящемъ, объ истинномъ значеніи слова «фюить» и т. п. Спрашивается: много-ли найдется людей, которымъ такой трудъ по силамъ? Напротивъ того, въ Инстербургѣ подготовительныя работы этого рода уже упразднены, такъ что теоретической разработкой вопроса о распредѣленіи можно заниматься и безъ нихъ. Ибо это вопросъ человѣческій, а здѣсь съ давнихъ поръ повелось, что человѣку о всѣхъ, до человѣка относящихся вопросахъ и говорить, и разсуждать, и писать свойственно. У насъ же свойственно говорить, разсуждать и писать: ура!

И такъ, въ Эйдткуненѣ кнехты и въ Вержболовѣ кнехты; въ Эйдткуненѣ — господинъ Гехтъ, въ Вержболовѣ — господинъ Колушаевъ; въ Эйдткуненѣ нѣтъ распредѣленія, но есть накопленіе, въ Вержболовѣ тоже нѣтъ распредѣленія, но нѣтъ и накопленія. Вотъ въ какомъ положеніи находятся дѣла. Однакожь, я былъ бы не правъ, если бы скрылъ, что на сторонѣ Эйдткунена есть одно важное преимущество, а именно: общее признаніе, что человѣку свойственно человѣческое. Допу-

стимъ, что признаніе это еще робкое и неполное, и что господинъ Гехтъ, конечно, употребить все отъ него зависящее, чтобъ не допустить его чрезмѣрнаго распространія, но несомнѣнно, что просвѣтъ уже существуетъ, и что кнехтамъ отъ этого хоть капельку да веселѣе.

Мнѣ кажется, что это признаніе есть начало всего, и что изъ него должно вытечь все то разумное и благое, на чемъ зиждется прочное устройство обществъ. Только тогда, когда это признаніе сдѣлается совершившимся фактомъ, смягчатся нравы, укротится людская дикость, исчезнутъ расхитители, процвѣтутъ науки и искусства, и даже начнутъ родиться «буйные» хлѣба. И ежели разъ общество добилось этого признанія, то нужно, чтобъ оно держалось за него крѣпко и помнило всеминутно, что чѣмъ шире прольется въ жизнь струя «человѣческаго», тѣмъ свѣтлѣе, счастливѣе, благодатнѣе будетъ литься существованіе самого общества. Но во всякомъ случаѣ, достиженіе этого признанія должно быть первою и главнѣйшею цѣлью всего общества, и худо рекомендуетъ себя та страна, гдѣ сейчасъ слышится: отнынѣ вы можете открыто выражать ваши мысли и желанія, а слѣдомъ затѣмъ: а ну-те, посмотримъ, какъ-то вы будете открыто выражать ваши мысли и желанія! Или: отнынѣ вы будете сами свои дѣла вѣдать, а слѣдомъ затѣмъ: а ну-те, попробуйте и т. д. Такому обществу ничего другого не останется, какъ дать подписку, что члены его всѣ до одинаго, отъ мала до велика, во всякое время, помирать согласны.

Надо сказать правду, въ Россіи въ наше время очень рѣдко можно встрѣтить довольнаго человѣка (конечно, я разумѣю исключительно культурный классъ, такъ какъ некультурнымъ людямъ нѣтъ времени быть недоволь-

ными). Кого ни послушаешь, всё на что-то негодуютъ, жалуются, вопіють. Одинъ говорить, что слишкомъ мало свободъ даютъ, другой — что слишкомъ много; одинъ ропщеть на то, что власть бездѣйствуетъ, другой — на то, что власть черезчуръ достаточно дѣйствуетъ; одни находятъ, что глупость пасъ одолѣла, другіе — что слишкомъ мы умны стали; третьи, наконецъ, участвуютъ во всѣхъ пакостяхъ, и, хохоча, приговариваютъ: ну, гдѣ такое безобразіе видано?! Даже расхитители казеннаго имущества — и тѣ недовольны, что скоро нечего расхищать будетъ. И всякій требуетъ лично для себя конституціи: мнѣ, говорить, подай конституцію, а прочіе пусть, по прежнему, довольствуются ранами и скорпіонами.

Эта всеобщность недовольства, сопряженная съ пожеланіемъ самыхъ пріятныхъ проэктовъ лично для себя и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относительно жизненной обстановки сосѣда, представляется для меня фактомъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что фронтёрство, повидимому, заползаетъ въ сердце самыхъ твердыхъ. И вдобавокъ, фронтёрство до того разношерстное, что уловить оттѣнки его (а стало быть, и удовлетворить капризные требованія этихъ оттѣнковъ) нѣтъ никакой возможности. За примѣрами ходить недалеко. Когда дѣлили между чиновниками сначала западныя губерніи, а впоследствии Уфимскую, то мы были свидѣтелями явленій, поистинѣ, поразительныхъ. Казалось бы, ужь на что лучше: урвалъ кусокъ казеннаго пирога — и проваливай! Такъ нѣтъ же, тутъ-то именно и разыгрались во всей силѣ свара, ненависть, глумленіе и всякое безстыжество, главною мишенью для которыхъ — увы! — послужила именно та самая неоскудѣвающая рука, которая и дѣлежку-то съ тою спеціальною цѣлью предприняла, чтобъ угобить господъ чиновниковъ и, само собой разумѣется, въ то же время

положить начало корпораціи довольныхъ. Пускай, молю, хоть малый прыщъ въ началѣ вскочить, а потомъ, не топясь да Богу помолясь, и большого волдыря дождемся...

А между тѣмъ, вышло совсѣмъ, совсѣмъ напротивъ.

Я помню, иду я, въ разгаръ одного изъ такихъ дѣлежей, по Невскому, и думаю: непременно встрѣчу кого-нибудь изъ знакомыхъ, который хоть что-нибудь да утащилъ. Узнаю какъ и что, да тутъ же ужь кстати и поздравлю съ благополучнымъ похищеніемъ. И точно, едва я успѣлъ сойти съ Аничкина моста, смотрю его превосходительство Петръ Петровичъ идетъ.

— Урвали? спрашиваю!

— Помилуйте! на что похоже! выбросили кусокъ да еще ограничиваютъ! Говорятъ: пользуйся такъ-то и такъ-то: лѣсу не руби, травы не мни, рыбы не лови! А главное, не смѣй продавать, а эксплуатируй постепенно самъ! Вѣдь только у насъ могутъ *проходить даромъ* подобныя нелѣпости.

— Сс... да вѣдь я думаю, это больше на бумагѣ, а на дѣлѣ, вѣроятно...

— Еще бы! Поймите, развѣ естественно, чтобъ человекъ самъ себѣ зложелательствовалъ! Лѣсу не руби! ахъ, чортъ поberi! Да я и сейчасъ весь лѣсъ на срубъ продалъ... ха-ха!

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, встрѣчаю его превосходительство Ивана Иваныча.

— Урвали?

— Получилъ, между прочимъ, и я; да, кажется, только грѣхъ одинъ. Помилуйте! плѣшь какую-то отвалили! Ни рѣвки, ни лѣсу — ничего! «Чернозѣмъ, говорятъ. Да чорта-ли мнѣ въ вашемъ «чернозѣмѣ», коли цѣна ему — грошъ! А коллегѣ моему Ивану Семенычу — оба вѣдь подъ одной державой, кажется, служимъ — тому такое же количество лѣса, на подборъ дерево къ дереву, от-

вели! да при рѣкѣ, да въ семи верстахъ отъ пристани! Нѣтъ, батинька, не доросли мы! Ой-ой, какъ еще не доросли! Отъ того у насъ подобныя дѣла и могутъ *проходить даромъ!*

— Ваше превосходительство! да вы бы на мѣсто съѣздили, осмотрѣлись бы, посовѣтовались бы, да и тово... Въ старину говаривали: по нуждѣ и закону премѣна бываетъ, а нынче то же изреченіе только въ другой реакціи выразить — смотришь и выйдетъ: по нуждѣ и чернозѣму премѣна бываетъ?! И будетъ у васъ, вмѣсто плѣши, густо растущій лѣсъ!

— А что вы думаете, вѣдь это идея! съѣздить развѣ въ самомъ дѣлѣ... ха-ха! Вѣдь у насъ... Право, отличная штука выйдетъ! Все была плѣшь, и вдругъ на ней строевой лѣсъ выросъ... ха-ха! Вѣдь у насъ волшебство-то эти... ха-ха! Благодарю, что надоумили! Съѣзжу, непременно съѣзжу... ха-ха!

Еще нѣсколько шаговъ — идетъ на встрѣчу его превосходительство Терентій Терентичъ. Этотъ даже вопроса не выжидаетъ, прямо заливается-хохочетъ.

— Ха-ха! вѣдь и меня надѣлили! Какъ же! заполучилъ-таки тысячки двѣ чернозѣмцу! Вотъ такъ потѣха была! Хотите? говорятъ. Ну, какъ, моль, не хотѣть: съ моимъ, говорю, удовольствіемъ! А! какова потѣха! Да, батинька, только у насъ такія дѣла могутъ *даромъ проходить!* Да-съ, только у насъ-съ. Общественнаго мнѣнія нѣтъ, печать безмолвствуетъ — валяй по всѣмъ по тремъ! Ха-ха!

Вотъ какіе результаты произвелъ фактъ, который, въ принципѣ, долженъ былъ пролить миръ и благоволеніе въ сердцахъ получателей. Судите по этимъ обрачикамъ, на сколько наивны должны быть люди, которые мечтаютъ, что есть какая-нибудь возможность удовлетворить чело-вѣка, который урываетъ кусокъ пирога и тутъ же

выдаетъ головой и самого себя, и своихъ убогаторгителей?

Но ежели такое смѣшливое настроеніе обнаруживаютъ даже люди, получившіе сильное угобженіе, то съ какими же чувствами должны относиться къ дирижирующей современности тѣ, которые не только ничего не урвали, но и въ будущемъ никакой надежды на угобженіе не имѣютъ? Ясно, что они должны представлять собою сплошную массу волнуемыхъ завистью людей.

— Сказываютъ, что въ Вятской губерніи еще полезные лѣсочки втунѣ лежатъ? говорилъ мнѣ надняхъ одинъ безшабашный совѣтникъ, о которомъ при дѣлкахъ почему-то не вспомнили.

Передъ этимъ, онъ только что сквернословилъ, ронгаль и вопилъ. Рассказывалъ расхитительные анекдоты, цитировалъ свой формулярный списокъ, перечислялъ по пальцамъ свои формулярныя преступленія, и доказывалъ какъ дважды два, что преступленія, совершенныя тѣми, которымъ судьба поблагоприятствовала при дѣлкахъ, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя выпали на долю его, обдѣленнаго безшабашнаго совѣтника. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ сквернословія, вспомнилъ, что остается еще въ резервѣ Вятская губернія, и умилился. Ласковыми глазами глянулъ онъ мнѣ въ глаза, какъ бы ища въ нихъ подтвержденія, что Вятская губернія еще не ушла. Глядѣлъ и какъ-то покорно ждалъ. Однакожь, я, по совѣсти, не могъ доставить ему искомага утѣшенія. Во-первыхъ, я долженъ былъ указать ему, что нынѣ начальство строгое, и никакихъ територіальныхъ усовершенствованій, ради него, безшабашнаго совѣтника, въ Вятской губерніи не допустить; во-вторыхъ, я вынужденъ былъ объяснить, что хотя и дѣйствительно слыживалъ о полезныхъ лѣсочкахъ въ Вятской губерніи, но

это было ужь очень давно, такъ что теперь отъ этихъ лѣсочковъ, вѣроятно, остались одни пеньки.

— Ну, вотъ! воскликнулъ онъ горестно: — не говориль-ли я вамъ! Гдѣ это видано! гдѣ допустили бы такое расхищеніе! давно-ли такая, можно сказать, непроходимость была — и вдругъ на лицо одни пеньки!

И вновь во всю мочь принялся сквернословить, роптать на начальство и вошіять объ отмщеніи.

Вообще, было бы и любопытно и поучительно изучить современную культурную Россію съ точки зрѣнія сквернословія. Разсмотрѣть въ подробности этихъ алчущихъ наживы, вѣчно хватающихъ и все-таки живущихъ со дня на день людей; опредѣлить резонъ, на основаніи котораго они находятъ возможнымъ существовать, а затѣмъ, въ этой безшабашной массѣ, отыскать, если возможно, и человѣка, который имѣетъ понятіе о «собственныхъ средствахъ», который помнитъ свой вчерашній день и знаетъ навѣрное, что у него будетъ и завтрашній день. Увы! я вполне искренно убѣжденъ, что работа будетъ трудная, такъ какъ люди второй категоріи составляютъ положительную диковину.

Петербургъ полонъ наглými, мечущимися людьми, которые хватаютъ и тутъ же сыплютъ нахватаннымъ, которые вѣчно глотаютъ и никогда не насыщаются, и вдобавокъ даже не даютъ себѣ труда воздерживаться отъ циническаго хохота, который возбуждаетъ въ нихъ самихъ ихъ безнаказанность. Могутъ-ли эти люди сознавать себя довольными? Могутъ-ли они не скрежетать зубами, видя, что жизнь, не смотря на то, что они всячески стараются овладѣть ею, все-таки не представляетъ вполне обезпеченнаго завтрашняго дня? — Нѣтъ, по совѣсти, не могутъ. Ибо самое безпорядочное положеніе вещей — и то не въ состояніи удовлетворить той безпредѣльной жажды стяжанія, суеты и безпорядочности,

которыя, въ ихъ глазахъ, составляютъ истинный идеаль безпечальнаго житія. Вѣчный праздникъ, вѣчное скитаніе на чужой счетъ—очевидно, что никакое начальство, какъ бы оно ни было всемогуще, не можетъ безсрочно обезпечить подобное существованіе.

Что же касается до провинцій, то, по моему мнѣнію, масса ропщущихъ и вопіющихъ должна быть въ нихъ еще компактнѣе, хотя причины, обусловливающія недозвольство, имѣютъ здѣсь совершенно иной характеръ. Все здѣсь соединилось, чтобъ изъ безконечнаго нитья сдѣлать обычный провинціальный *modus vivendi*. И голодное житіе, и неспособность приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, и насильственная праздность, и удаленность отъ пирога, и отсутствіе правильныхъ устоевъ жизни — все идетъ на встрѣчу провинціалу, все ставитъ ему непреодолимыя препоны на пути, все запутываетъ, заставляетъ останавливаться въ недоумѣніи. Выкупныя ссуды проѣдены или прожиты такъ, что почти можно сказать, спущены въ ватерклозетъ. Желѣзно-дорожными концессіями воспользовались не многіе шустрые, которые украли и удрали въ Петербургъ. Правда, остаются еще мировые суды и земства, около которыхъ можно бы кой-какъ пощечиться, но, во-первыхъ, ни тѣ, ни другія не въ силахъ пріютить въ своихъ нѣдрахъ всѣхъ изувѣченныхъ жизнью, а во-вторыхъ, развѣ «благородному человѣку» можно остаться довольнымъ какими-нибудь полуторами-двумя тысячами рублей, которые предоставляетъ нищенское земство? Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что и въ провинціи уже успѣло образоваться довольно компактное сословіе «кровопивцевъ», которые не имѣютъ причинъ причислять себя къ лику недовольныхъ; но вѣдь это именно тѣ самые люди, о которыхъ уже говорено выше, и которые, въ одно и то же время,

и пирогъ зубами рвутъ, и глумятся надъ рукою, имъ благодѣющею.

— Ну, ужъ времячко! говоритъ купецъ Колупаевъ со-
сѣду своему, купцу Разуваеву, удивляясь, что оба они
сидятъ на волѣ, а не въ острогѣ.

— Такое время, Иванъ Прокофѣичъ, что только не
зѣвай! поясняетъ купецъ Разуваевъ.

— Такъ-то такъ, а только... И откуда только онѣ бе-
рутся, эти деньги, прахъ ихъ побери!

И оба уходятъ, каждый подъ свою смоковницу, оба
продолжаютъ кровопивствовать, и каждый въ глубинѣ
души говоритъ: Ну, гдѣ-жь это видано! у какихъ такихъ
народовъ слыхано... ахъ, прахъ-те побери!

Нѣтъ, даже Колупаевъ съ Разуваевымъ — и тѣ не-
довольны. Они, конечно, понимаютъ, что «жить нонѣ
очень способно», но въ то же время не могутъ не трево-
житься, что есть тутъ что-то «необнакавенное», чудное,
что, идя по этой покатоности, можно, того гляди, и го-
лову свернуть. И оба начинаютъ просить «констнтун-
ціевъ»... Намъ чтобъ «констнтунціевъ» дали, а толо-
кѣнниковъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да
чтобъ за печатью: и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Натурально, я понималъ, что около меня цѣлый ва-
гонъ кишитъ фрондѣрами, и только ожидалъ отвала изъ
Эйдткунена, чтобъ увидѣть цвѣтеніе этого фрондѣрства
въ самомъ его разгарѣ. Но, признаюсь, всего болѣе меня
интересовали въ этомъ отношеніи безшабашные совѣт-
ники. Наравнѣ съ другими, они любознательно вглядыва-
лись въ разстилавшуюся по обѣимъ сторонамъ дороги
долину, и почему-то мнѣ казалось, что они дѣлаютъ это
не просто. Навѣрное, думалось мнѣ, они смотрятъ и
въ то же время какое-нибудь мѣропріятіе выдумываютъ.
Не въ родѣ тѣхъ, какія у насъ, «въ прекрасномъ да-

левѣ», черезъ часъ по ложкѣ прописываютъ, а такое, чтобъ сразу совсѣмъ тошно сдѣлалось. Ужѣ, за-границей, на досугѣ выдумаютъ, а домой прїѣдутъ, изложить. Сколько смѣху-то будетъ!

Говоря по совѣсти, безшабашные совѣтники не только мнѣ не претятъ, но я чувствую къ нимъ почти nepозволенную слабость. Все въ нихъ мнѣ нравится: и неожиданность сужденій, и безыскусственная несвязность рѣчей, и простодушная готовность во всякое время совершить какое угодно мѣропріятіе. Даже трещина въ черепѣ, которая постепенно, по мѣрѣ утолщенія формулярнаго списка, у каждаго изъ нихъ образовывается — и та не представляется мнѣ вазорною, ибо я знаю, что она установлена для того, чтобъ предписанія начальства быстрѣе доходили по назначенію. Бояться безшабашныхъ совѣтниковъ, я; конечно, считаю своею природною обязанностью, но боюсь не потому, чтобъ они представлялись мнѣ преисполненными злобы, а потопику, поколику они являются вмѣстителями казеннаго интереса. По казенной надобности они воспаляются и свирѣпѣютъ съ изумительной легкостью, но въ домашнемъ быту, и въ особенности на водахъ за-границей, они такіе же люди, какъ и прочіе. У большинства ихъ есть семейства, въ которыхъ они являются нѣжными супругами и любящими отцами, а у нѣкоторыхъ, сверхъ того, имѣются и французенки, которыхъ они, разумѣется, содержатъ на казенный счетъ. Въ качествѣ партикулярныхъ людей, многіе изъ нихъ не прочь почитать и даже «писнуть» что-нибудь, въ Карамзинско-Державинскомъ родѣ. Затѣмъ, всѣ вообще любятъ получать хорошія содержанія и аренды. Словомъ сказать, это обыкновенные «русскіе люди», у которыхъ брюхо болитъ, если гдѣ плохо лежитъ. Разумѣется, однаковъ, если бы меня спросили, могу-ли я хоть на одинъ часъ поручиться, чтобъ та-

кой-то безшабашный совѣтникъ, будучи предоставленъ самому себѣ, чего-нибудь не накуралесиль, то я отвѣтилъ бы: нѣтъ, не могу! Но такъ какъ никто объ этомъ меня не спрашиваетъ, то я ограничиваюсь тѣмъ, что озираюсь по сторонамъ и шепчу: твори, Господи, волю свою! И затѣмъ, когда встрѣчаюсь съ безшабашнымъ совѣтникомъ лицомъ къ лицу, то стоить только мнѣ представить себѣ, что я иду мимо монумента, который, того гляди, на меня упадетъ, — и я спокоенъ. Ну, упадетъ, ну раздавить—только и всего. А можетъ быть, и не на меня упадетъ, а на другого, или и совсѣмъ ни на кого не упадетъ, а просто останется стоять на страхъ врагамъ. Ибо, повторяю, тутъ все зависитъ отъ того, какая, въ данную минуту, казенная надобность на очереди состоитъ.

Вообще, я весьма неохотно завиняю людей и знаю очень мало такихъ, которые были бы съ ногъ до головы противуестественны. Но не могу умолчать, что дѣятельность большинства встрѣчаемыхъ нами нѣжныхъ супруговъ и любящихъ отцовъ очень мало мнѣ симпатична. Есть между ними такіе, которые представляютъ собой какъ бы неистощимый сосудъ вреднѣйшихъ мѣропріятій, и есть другіе, которые, хотя самостоятельно мѣропріятій не выдумываютъ, но имѣютъ спеціальностью усугублять вредоносную сущность чужихъ выдумокъ. Бываютъ даже такія личности, которыя, покуда одѣты въ партикулярное платье, перелагаютъ Давидовы псалмы, а какъ только надѣнутъ виць-мундиръ, такъ тотчасъ же начинаютъ читать въ сердцахъ постороннихъ людей, хотя бы послѣдніе совсѣмъ ихъ объ этомъ не просили. Вотъ почему я не со всякимъ встрѣчнымъ связываюсь и предпочитаю быть осторожнымъ съ людьми, непомнящими родства. Однажды, со мной, по неопытности, ужаснѣйшій случай былъ. Ходилъ я въ Эмсѣ вокругъ курзала и, по обык-

новенію, «жалѣль» объ отечествѣ. И вдругъ, подходитъ ко мнѣ простодушнѣйшій мужчина, въ теплое картузѣ съ козырькомъ, точно вотъ сейчасъ изъ-подъ Гадыча выскочилъ. Словомъ сказать, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ въ пѣснѣ поется:

У огорода — бузина,
У Києви — дядя,
Я за то тебе люблю,
Що у тебе перстень...

Такъ вотъ этотъ самый «Кіевскій дядя» подходитъ и голосомъ, исполненнымъ умиленія, говорить:

— Такъ и вы нашу Россію жалѣете? Ахъ, какъ приятно! Признаюсь, я на здѣшней чужбинѣ только тѣмъ и утѣшаюсь, что вмѣстѣ съ великимъ Ломоносовымъ восклицаю:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь человекъ...

Не успѣлъ я опомниться, какъ онъ уже держалъ мою руку въ своихъ и крѣпко ее жалъ. И очень возможно, что такъ бы и привелъ онъ меня за эту руку въ мѣста не столь отдаленныя, если бы изъ-за угла не налетѣлъ на насъ другой соотечественникъ и не закричалъ на меня:

— Вы это что дѣлаете? вы кому руку-то жмете? вѣдь это...

И онъ назвалъ его «постоянное занятіе»...

Какъ я уже сказалъ выше, мнѣ пришлось помѣститься въ одномъ спальномъ отдѣленіи съ безшабашными совѣтниками. Натурально, мы нѣкоторое время дичились другъ друга. Старики вполголоса переговаривались между собой и, тихо воркуя, сквернословили. Оба были недовольны, оба ссылались на графа Михаила Николаевича и на графа Алексѣя Андреича, оба сѣтовали не то на произволь власти, не то на умаленіе ея, — не поймешь,

на что именно. Но что меня всего больше огорчило — оба искали спасения... въ конституціи!!

— Такую намъ конституцію надо, либеральничаль Удавь: — чтобъ лбы затрещали!

А Дыба, съ своей стороны, присовокуплялъ:

— Покойный графъ Михаилъ Николаевичъ эту конституцію еще когда провидѣлъ! Сколько разъ, бывало, при мнѣ самолично говариваль: я имъ ужѣ пропишу... конституцію!

И въ заключеніе, не входя въ дальнѣйшія разъясненія, оба порѣшили, что «какъ тамъ ни вертись, а не минѣшь что-нибудь предпринять, чтобъ «лбы затрещали». А затѣмъ, грозя очами по направленію къ Вержболову, перешли къ вопросу о «кушахъ». Какъ извѣстно, «конституція» и «куши» составляютъ больное мѣсто русской современности, но «конституцію» понимаютъ смутно и каждый по своему, а «куши» всѣми понимаются ясно и одинаково. Такъ было и тутъ. Какъ только зашла рѣчь о «кушахъ», безшабашные совѣтники почувствовали себя, какъ рыба въ водѣ, и сразу насытили воздухъ вагона разсказами самаго игриваго свойства. Съ одной стороны, приводились безчисленные примѣры благополучнаго казнокрадства; съ другой—произносились имена, высчитывались суммы, указывались лазейки. Безъ утайки. на распашку. Однимъ словомъ, повѣствовалося что-то до такой степени необъятное и неслыханное, что меня чуть не бросило въ лихорадку. И въ заключеніе опять:

— Именно конституцію прописать надо! такую конституцію, чтобъ небу было жарко!

. Наконецъ, наговорившись и нахохотавшись досыта между собой, безшабашные совѣтники нашли своевременнымъ и меня привлечь къ интимному сквернословію.

— Вотъ здѣсь хлѣба-то каковы! сказалъ Дыба, подмигивая мнѣ: — и у насъ бы, по росписанію, не хуже

должны быть, а нѣ вместо того, саранча... Ишь вѣдь! с ранчу ухитрились акклиматизировать! Вы какъ объ этомъ полагаете... а?

Къ счастью, я вспомнилъ про «киевского дядю» и его «постоянное занятіе», и потому отвѣчалъ твердо, хотя и почтительно:

— Я такъ полагаю, ваши превосходительства, что ежели у насъ жукъ и саранча даже весь хлѣбъ поѣдятъ, то и тогда нѣмецъ безъ насъ съ голоду подохнетъ!

Дыба съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня.

— Гм... да, произнесъ онъ, какъ бы понявъ: — это ежели съ точки зрѣнія «предостереженій» и розничной продажи... Но согласитесь сами, что здѣсь подъ Инстербургомъ подобнаго рода опасенія...

— И съ розничной продажей и безъ розничной продажи, одинаково утверждаю: подохнетъ нѣмецъ безъ насъ! воскликнулъ я еще съ бѣльшею настойчивостью.

Столь любезно-вѣрная непреоборимость была до того необыкновенна, что Удавъ, по старой привычкѣ, собрался было почитать у меня въ сердцѣ, но такъ какъ онъ умѣлъ читать только на пространствѣ отъ Восточнаго океана до Вержболова, то, разумѣется, подъ Эйткуненомъ ничего прочесть не сумѣлъ.

— Но для чего же вы непремѣнно настаиваете, чтобъ нѣмецъ подохъ? спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Собственно говоря, я никому напрасной смерти не желаю, и если сейчасъ высказался не въ пользу нѣмца, то лишь потому, что полагалъ, что таковы требованія современной внутренней политики. Но, если вашимъ превосходительствамъ, по обстоятельствамъ службы, представляется болѣе удобнымъ, чтобъ подохъ русскій, а нѣмецъ торжествовалъ, то я противодѣйствовать предначертаніемъ начальства даже въ семъ крайнемъ случаѣ не считаю себя въ правѣ.

— Но почему же? почему?

— А потому, ваши превосходительства, что, во-первыхъ, я ничего не знаю. Можетъ быть, для пользы службы, необходимо, чтобъ русскій подохъ или, по малой мѣрѣ, обмеръ? Конечно, если бы онъ весь подохъ, безъ остатка—это было бы для меня лично прискорбно, но вѣдь мое личное воззрѣніе никому не нужно, а сверхъ того, я убѣжденъ, что поголовнаго умертвія все-таки не будетъ, и что ваши превосходительства хоть сколько-нибудь на раззаводъ да оставите. А во-вторыхъ, я отлично понимаю, что противодѣйствіе властямъ, даже въ формѣ простого мнѣнія, у насъ не похваляется, а такъ какъ лѣта мои уже преклонныя, то было бы въ высшей степени неприятно, если бы въ ушахъ моихъ неожиданно раздалось... фюить!

— Чтò такъ? новыхъ-то впечатлѣній, стало быть, ужь не ищите? любезно ослабился Дыба.

— Довольствуюсь старыми, ваше превосходительство. Люблю свое отечество, но подробно изучать его статистику предпочитаю изъ устныхъ и печатныхъ рассказовъ мѣстныхъ изслѣдователей.

— Гм... да... А вѣдь истинному патриоту не такъ подобаетъ... Покойный графъ Михаилъ Николаевичъ не даромъ говаривалъ: путешествія въ мѣста не столь отдаленныя не токмо не вредны, но даже не безъ пользы для молодыхъ людей могутъ быть допускаемы, ибо они формируютъ характеры, обогащаютъ умы понятіями, а сверхъ того, разжигаютъ въ сердцахъ благородный пламень любви къ отечеству! Вотъ-съ.

— Знаю я это, ваше превосходительство, отвѣтилъ я коротко:—но думаю, что и независимо отъ путешествій, люблю свое отечество самымъ настоящимъ манеромъ. А именно: люблю ваши превосходительства и считаю священнѣйшей обязанностью исполнять всѣ ваши предна-

чертанія. Знаю, что вамъ наверху виднѣе, и потому думаю лишь о томъ, чтобъ снискать ваше расположеніе. Ежели я въ этомъ успѣю, то у меня будетъ избыточествовать и преизбыточествовать; если же не успѣю, то у меня отнимется и послѣднее. Вотъ въ какомъ смыслѣ я понимаю любовь къ отечеству, а всѣ прочіе сорта таковой отвергаю, яко мечтательные. Полагаю, что этого достаточно?

— Гм... однакожь, въ литературѣ не часто приходится читать подобныя благоразумныя мнѣнія, пріятно огрызнулся Дыба.

— Ваши превосходительства! позвольте вамъ доложить! Я самъ былъ много въ этомъ отношеніи виноватъ и даже готовъ за вину свою пострадать, хотя, конечно, не до безчувствія... Долгое время я думалъ, что любовь къ отечеству выше даже любви къ начальственнымъ предписаніямъ; но съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ брошюры г. Цитовича, то вполнѣ убѣдился, что это совсѣмъ не любовь къ отечеству, а фанатизмъ, и, разумѣется, поспѣшилъ исправиться отъ своихъ заблужденій.

Это было высказано съ такою горячею искренностью, что и Дыба, и Удавъ—оба были тронуты.

— Можетъ быть! можетъ быть! задумчиво молвилъ Дыба:—мнѣ самому, по временамъ, кажется, что иногда мы считаемъ человѣка заблуждающимся, а онъ, между тѣмъ, давно уже во всемъ принесъ оправданіе и ожидаетъ лишь случая, дабы запечатлѣть... Какъ вы полагаете, ваше превосходительство? обратился онъ къ Удаву.

— На этотъ случай я могу рассказать вашему превосходительству слѣдующее истинное происшествіе, о которомъ мнѣ передавалъ мой духовникъ, отвѣчалъ Удавъ.— Жили въ одномъ селеніи двѣ Анны, и насталь часъ

одной изъ нихъ умирать. Только послалъ Богъ къ ней по душу своего ангела, а ангель-то и ошибись: вмѣсто того, чтобъ взять душу у подлежащей Анны, взялъ ее у другой. Хорошо-съ. Та-ли Анна, другая-ли Анна—все равно приходится поамъ хоронить. И чтожъ! только-что стали новопреставленную Анну на литин поминать, какъ вдругъ сверху голосъ: Анна да не та! Такъ точно, думается мнѣ, и въ настоящемъ случаѣ, часто мы себѣ человѣка нераскаяннымъ представляемъ, а онъ, между тѣмъ, за раскаяніе давно ужъ въ титулярные совѣтники произведенъ. Оедотъ да не тотъ!

Высказавшись такимъ образомъ, мы подивились премудрости и на минуту смолкли.

— А, впрочемъ, по нынѣшнему времени и мудренаго мало, что нѣкоторые впадаютъ въ заблужденія, задорливо началъ Дыба: — нельзя! Посмотрите, что кругомъ дѣлается? Гдѣ власть? гдѣ, спрашиваю васъ, власть? Намѣднись, прихожу за справкой въ департаментъ Расхищеній и Раздачъ—былъ ужъ второй часъ—спрашиваю: начальникъ отдѣленія такой-то здѣсь?—Они, говорятъ, въ три часа приходятъ. — А столоначальникъ здѣсь? — И они, говорятъ, раньше какъ черезъ часъ не придутъ.—Кто же, спрашиваю, у васъ дѣла-то дѣлаетъ?—Такъ, повѣрите-ли, даже сторожа смѣются!

— И послѣ этого жалуются, что авторитеты попораны! основы потрясены!

— Нѣтъ, хорошо, что литература хоть изрѣдка да подбадриваееть... Помилуйте! личной обезпеченности — и той нѣтъ! Сегодня—здѣсь, а завтра—фюить!

Сказавши это, Удавъ совсѣмъ было пристроился, чтобъ непремѣнно что-нибудь въ моемъ сердцѣ прочитатъ. И съ этою цѣлью даже предложилъ вопросъ:

— Ну, а вы... какъ вы на счетъ этой личной обезпе-

ченности... въ газетахъ нынче что-то сильно объ ней поговариваютъ...

— И на этотъ счетъ могу вашимъ превосходительствомъ доложить, отвѣтилъ я:—личная обезпеченность—это такое дѣло, что ежели я сажу смирно, то и личность моя обезпечена, а ежели я начну фыркать да фордыбачить, то, разумѣется, никто за это меня не похвалить. Сейчасъ за ушкѣ да на солнышко—не прогнѣвайся!

— Не прогнѣвайся! словно эхо, хотя вполнѣ машинально, повторили Дыба и Удавъ.

— Потому что, по мнѣнію моему, только то общество можно назвать благоустроеннымъ, гдѣ всякій къ своему дѣлу опредѣленъ. Такъ, на примѣръ: ежели въ росписаніи сказано, что такой-то долженъ получать дани—тотъ пусть и получаетъ; а ежели про кого сказано, что такой-то обязывается уплачивать дани—тотъ пусть уплачиваетъ. А не наоборотъ.

— А не наоборотъ! повторили безшабашные совѣтники, дивясь моему разуму.

— Если же мы станемъ фордыбачить, да не захотимъ по росписанію жить, то насъ за это—въ кутузку!

— Въ кутузку! повторило эхо.

Но, испустивъ это восклицаніе, безшабашные совѣтники спохватились, что по выѣздѣ изъ Эйдткунена, даже по росписанію, положено либеральничать, и потому поспѣшили поправиться.

— Но по суду или безъ суда? почти испуганно спросилъ меня Дыба.

— И по суду, и безъ суда—это какъ будетъ вашимъ превосходительствомъ угодно. Но что касается до меня, то я думаю, что безъ суда, просто по росписанію, лучше.

— Од-на-ко?!

— Я знаю, вашимъ превосходительствомъ угодно, въ-

роятно, сказать, что въ последнее время русская печать въ особенности настаивала на томъ, чтобъ всѣхъ русскихъ жарили по суду. Но я — не настаиваю. Прежде, грѣшный человѣкъ, и я думалъ, что по суду крѣпче, а теперь вижу, что крѣпко и безъ суда. Въмѣсто того, чтобъ судиться, да по мытарствамъ ходить, я лучше прямо къ вашимъ превосходительствамъ приду: виновать! Вы меня въ одну минуту разсудите. Ежели я не очень виновать — сейчасъ меня мѣрами кротости доймете, а ежели виновать кругомъ — фюить! По пословицѣ: любишь кататься, люби и саночки возить... не прогнѣвайся!

— Не прогнѣвайся! цыркнуть было Дыба, но опять спохватился и продолжалъ: — позвольте, однакожь! если бы мы одни на всемъ земномъ шарѣ жили, конечно, тогда все равно... Но вѣдь намъ и безъ того въ Европу стыдно нось показать... надо же принять это въ расчетъ... Неловко.

— А если неловко, то надо такой судъ устроить, чтобъ онъ былъ, и все равно какъ бы его не было!

— Вотъ... это отлично!

— И все это я говорю передъ вашими превосходительствами по сущей совѣсти, такъ точно, какъ въ томъ отвѣтъ передъ вышнимъ начальствомъ дать надлежить!

Какъ ни лестно было для безшабашныхъ совѣтниковъ это признаніе, однакожь, они сидѣли другъ противъ друга и недовѣрчиво покачивали головами.

— Послушайте, однакожь! сказалъ Удавъ: — а какъ же вы на счетъ этихъ расхищеній полагаете? Ужели же и это можно... простить?

Онъ даже не договорилъ отъ волненія (очевидно, онъ принадлежалъ къ числу «позабитыхъ»), и въ глазахъ его сверкнула слеза любостязанія.

— Расхищеній не одобряю, твердо отвѣтилъ я: — но.

съ другой стороны, не могу не принять въ соображеніе, что вскому человѣку сладенькаго хочется.

Послѣ такого категорическаго отвѣта, Удаву осталось только щелкнуть языкомъ и замолчать. Но Дыба все еще не считалъ тѣму либерализма исчерпанною.

— Вотъ вы бы все это напечатали, сказалъ онъ не то иронически, не то серьезно: — въ томъ самомъ видѣ, какъ мы сейчасъ говорили... Вѣроятно, со стороны начальства препятствій не будетъ?

— У насъ, ваши превосходительства, для выраженія похвальныхъ чувствъ никогда препятствій не бываетъ. Вотъ ежели бы кто непохвальныя чувства захотѣлъ выражать—ну, разумѣется, тогда не прогнѣвайся!

— Не прогнѣвайся! подтвердилъ Дыба.

— Такъ вы, значить, думаете, что и свобода книгопечатанія у насъ существуетъ? попытался подловить меня Удавъ.

— У насъ все существуетъ, ваше превосходительство, только намъ не всегда это извѣстно. Я знаю, что многіе отрицаютъ существованіе свободы печати, но я — не отрицаю.

— Да... да! Чего бы, кажется: суды—дали, печать—дали, земство — дали, а между тѣмъ, посмотрите кругомъ—много-ли найдете довольныхъ?

— А я, ваше превосходительство, такъ даже по горло доволенъ!

— Вотъ хоть бы земство, молвилъ Дыба: — ну, развѣ это... мечта?!

— И на счетъ земства, ваше превосходительство, скажу: многіе сомнѣваются въ его существованіи, а я — не сомнѣваюсь!

— И полагаете, что оно процвѣтетъ?

— Непремѣнно, ваше превосходительство, процвѣтетъ. Вообще, я полагаю, что мы переживаемъ очень интерес-

ное время. Такое интересное, такое интересное, что, кажется, никогда и ни въ одной странѣ такого не бывало... Ахъ, ваши превосходительства!

— Ну, дай Богъ! дай Богъ!

Безшабашные совѣтники набожно перекрестились и тонкія обезцвѣченныя губы ихъ машинально шептали: дай Богъ! дай Богъ!

— Но чѣмъ же вы объясните, встрепенулся Дыба: — отчего здѣсь на пескѣ такой отличный хлѣбъ растетъ, а у насъ и на чернозѣмѣ то дожжичка нѣтъ, то черзчуръ его много? И молебны, кажется, служатъ, а все хлѣбушка нѣтъ?

— А тѣмъ и объясню, ваши превосходительства, что много ужъ очень свободъ у насъ развелось. Такъ что ежели еще немножечко припустить, такъ, пожалуй, и совѣмъ хлѣбушка перестанетъ произрастать...

Dixi et animam levavi, или, въ русскомъ переводѣ: сказалъ и стошнило меня. Дальше этого *profession de foi* идти было нѣкуда. Я очень былъ радъ, что въ эту минуту нашъ поѣздъ остановился и шафнеръ объявилъ, что мы на полчаса свободны для обѣда.

Между Бромбергомъ и Берлиномъ я заснулъ и видѣлъ чрезвычайно странный сонъ. Снилось мнѣ, что я очутился въ самой простой нѣмецкой деревнѣ, и встрѣтилъ 7—8-лѣтняго крестьянскаго мальчика... въ штанахъ! Никогда этого со мной не бывало. Много ѣзжалъ я по нашимъ деревнямъ, много видалъ въ нихъ крестьянскихъ мальчиковъ — и всегда безъ штановъ. Бѣжить кудластый мальчѣнко по деревенской улицѣ, а вѣтеръ такъ и раздуваетъ подолъ его замазанной рубашенки. Или шлепаетъ мальчѣнко босыми ногами по грязи, или, заворотивъ подолъ, сидитъ въ лужѣ и играетъ камешками... ахъ, бѣдный! А тутъ, въ нѣмецкой деревнѣ, ни грязи

ни традиціонной лужи — ничего такого не видать, да въ добавокъ еще штаны! Это до такой степени меня заинтересовало, что я поманилъ мальчика и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Скажи, нѣмецкій мальчикъ, спросилъ я: — ты постоянно ходишь въ штанахъ?

— Когда я въ первый разъ безъ посторонней помощи прошелъ по комнатѣ нашего дома, то моя добрая мать, обращаясь къ моему почтенному отцу, сказала слѣдующее: не правда-ли, мой добрый Карлъ, что нашъ Фрицъ, съ нынѣшняго дня, достоинъ носить штаны? И съ тѣхъ поръ, я расстаюсь съ этой одеждой только на ночь.

Мальчикъ высказалъ это солидно, безъ похвалы и безъ всякаго глумленія надъ странностью моего вопроса. Повидимому, онъ понималъ, что передъ нимъ стоитъ иностранецъ (кстати: ужасно странно звучить это слово въ примѣненіи къ русскому путешественнику; по крайней мѣрѣ, мнѣ большого труда стоило свыкнуться съ мыслью, что я гдѣ-нибудь могу быть... иностранцемъ!), которому простительно не знать нѣмецкихъ обычаевъ.

— Изумительно! воскликнулъ я: — и ты не боишься запачкать штаны въ грязи? ты рѣшаешься садиться въ нихъ въ лужу?

— Вопросъ вашъ до крайности удивляетъ меня, господинъ! скромно отвѣтилъ мальчикъ: — зачѣмъ я буду пачкаться въ грязи или садиться въ лужу, когда могу имѣть для моихъ прогулокъ и игръ сухія и удобныя мѣста? А главное, зачѣмъ я буду поступать такимъ образомъ, зная, что это огорчитъ моихъ добрыхъ родителей?

— Великолѣпно! Но знаешь-ли ты, нѣмецкій мальчикъ, что существуетъ страна, въ которой не только мальчики, но даже вполне совершеннѣтній комаринскій мужикъ — и тотъ . . . . по улицѣ бѣжить?

— Я еще не учился географіи и потому не смѣю отрицать, что подобная страна возможна. Но... было бы очень жестоко съ вашей стороны такъ шутить, господинъ!

— Я ни мало не шучу, и ежели хочешь, то могу теперь же познакомить тебя съ однимъ изъ такихъ мальчиковъ.

— Господинъ! вы въ высшей степени возбудили во мнѣ любопытство! Конечно, мнѣ слѣдовало не иначе принять ваше предложеніе, какъ съ позволенія моихъ добрыхъ родителей, но такъ какъ въ эту минуту они находятся въ полѣ, и, сверхъ того, мнѣ извѣстно, что они тоже очень жалостливы къ бѣднымъ, то надѣюсь, что они не найдутъ ничего дурного въ томъ, что я познакомлюсь съ мальчикомъ безъ штановъ. Поэтому, если вы можете пригласить сюда моего бѣднаго товарища, то я весь къ его услугамъ.

Тогда, по манію волшебства (не надо забывать, что дѣло происходитъ въ сновидѣніи, гдѣ всякія волшебства дозволяются), въ нѣмецкую деревню врывается кудластый русскій мальчикъ, въ длинной рубахѣ, подолъ которой замоченъ, а вѣротъ замазанъ мякиннымъ хлѣбомъ. И между двумя сверстниками начинается драматическое представленіе подъ названіемъ:

МАЛЬЧИКЪ ВЪ ШТАНАХЪ

И

МАЛЬЧИКЪ БЕЗЪ ШТАНОВЪ.

РАЗГОВОРЪ ВЪ ОДНОМЪ ЯВЛЕНИИ.

(Эта пьеса рекомендуется для детских спектаклей).

Театръ представляетъ пессированную улицу нѣмецкой деревни. Мальчикъ въ штанахъ стоитъ подъ деревомъ и размышляетъ о томъ, какъ ему прожить на свѣтѣ, не огорчая своихъ родителей. Внезапно въ средину улицы вдвигается обыкновенная русская лужа, изъ которой выпрыгиваетъ мальчикъ безъ штановъ.

Мальчикъ въ штанахъ (*конфузая и краснѣя, въ сторону*). Увы! иностранный господинъ сказалъ правду: онъ безъ штановъ! (*Громко*). Здравствуйте, мальчикъ безъ штановъ! (*Подаетъ ему руку*).

Мальчикъ безъ штановъ (*не обращая вниманія на протянутую руку*). Однако, братъ, у васъ здѣсь чисто!

Мальчикъ въ штанахъ (*настойчиво*). Здравствуйте, мальчикъ безъ штановъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Присталъ какъ банный листъ... Ну, здравствуй! Дай оглядѣться сперва. Ишь вѣдь какъ чисто — плюнуть нѣкуда! Ты здѣшній, что-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Да, я мальчикъ изъ этой деревни. А вы — русскій мальчикъ?

Мальчикъ безъ штановъ. Мальчишко я. Пострѣленокъ.

Мальчикъ въ штанахъ. Пострѣленокъ? что это за слово такое?

Мальчикъ безъ штановъ. А это когда мамка ругается, такъ говоритъ: ахъ, пострѣли те горой! Отъ того и пострѣленогъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*старается понять и не понимаетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. Не понимаешь, колбаса? еще не дошелъ?

Мальчикъ въ штанахъ. Вообще, многое, съ перваго же взгляда, кажется мнѣ непонятнымъ въ васъ, русскій мальчикъ. Правда, я началъ ходить въ школу очень недавно, и, вѣроятно, не всѣ результаты современной науки открыты для меня, но, во всякомъ случаѣ, не могу не сознаться, что вашъ внѣшній видъ, ваше появленіе сюда среди лужи и вашъ способъ выражаться сразу повергли меня въ величайшее недоумѣніе. Ни мои добрые родители, ни почтеннѣйшіе наставники никогда не предупреждали меня ни о чемъ подобномъ... И, во-первыхъ, съ позволенія вашего, объясните мнѣ, отъ чего вы, русскій мальчикъ, ходите безъ штановъ?

Мальчикъ безъ штановъ. Изволь, пѣмецъ, скажу. Но прежде ты мнѣ скажи, отъ чего ты такъ скучно говоришь?

Мальчикъ въ штанахъ. Скучно?

Мальчикъ безъ штановъ. Да, скучно. Мямлишь, канитель разводишь, слюнями давишься. Инда голову разломило.

Мальчикъ въ штанахъ. Я говорю такъ же, какъ говорятъ мои добрые родители, а когда они говорятъ, то мнѣ бываетъ весело. И когда я говорю, то имъ тоже бываетъ весело. Еще надняхъ моя почтенная матушка сказала мнѣ: когда я слышу, Фриць, какъ ты складно говоришь, то у меня сердце радуется!

Мальчикъ безъ штановъ. А у насъ за такой

разговоръ камень на шею, да въ воду. У насъ по всей землѣ такой приказъ: разговоръ, чтобъ веселый былъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*испуганно*). Позвольте, однакожь, русскій мальчикъ! Допустимъ, что я говорю скучно, но неужели это такое преступленіе, чтобъ за него справедливо было лишить челоуѣка жизни?

Мальчикъ безъ штановъ. «Справедливо!» Экъ куда хватилъ! Нужно, тебѣ говорить; нужно, потому что такое правило есть.

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ понять и не понимаетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. У насъ, братъ, безъ правила ни на шагъ. Скучно тебѣ — правило; весело — опять правило. Сѣлъ — правило, всталъ — правило. Задуматься, слово молвить — нельзя безъ правила. У насъ, братъ, даже прыщикъ и тотъ долженъ почесаться прежде, нежели вскочить. И въ концѣ всякаго правила или пѢронцы, или въ холодную. Вотъ и я безъ штановъ, *по правилу*, хожу. А тебѣ въ штанахъ, небось, лучше?

Мальчикъ въ штанахъ. Мнѣ въ штанахъ очень хорошо. И если бы моимъ добрымъ родителямъ угодно было лишить меня этого одѣянія, то я не иначе понялъ бы эту мѣру, какъ въ видѣ справедливаго возмездія за мое неодобрительное поведеніе. И, разумѣется, употребилъ бы всѣ мѣры, чтобъ вновь возвратить ихъ милостивое ко мнѣ расположеніе!

Мальчикъ безъ штановъ. Соплякъ ты — вотъ что!

Мальчикъ въ штанахъ. И этого я не понимаю.

Мальчикъ безъ штановъ. Дались тебѣ эти родители! «Добрая матушка», «почтеннѣйшій багюшка» — къ чему ты эту канитель завелъ! У насъ, братъ, дядя Кузьма намеднисъ отца на кобеля промѣнялъ! Вотъ такъ разъ!

М а л ь ч и к ъ в ъ ш т а н а х ъ (*въ ужасѣ*). Ахъ нѣтъ! это невозможно!

М а л ь ч и к ъ б е з ъ ш т а н о в ъ (*понявъ, что онъ слишкомъ далеко зашелъ въ дѣль отрицанія*). Ну полно это я такъ... пошутилъ! Пословица у насъ такая есть, такъ я вспомнилъ.

М а л ь ч и к ъ в ъ ш т а н а х ъ. Однако, ежели даже пословица... ахъ, какъ это жаль! И какъ безчеловѣчно, что такія пословицы вслухъ повторяютъ при мальчикахъ! (*Плачетъ*).

М а л ь ч и к ъ б е з ъ ш т а н о в ъ. Завылъ, нѣмчура! Ты лучше скажи, отчего у васъ такіе хлѣба рождаются? Ъхаль я давеча въ лужѣ по дорогѣ — смотрю, вездѣ песокъ да торфикъ, а все-таки на поляхъ страсть какіе сулоны наворожены!

М а л ь ч и к ъ в ъ ш т а н а х ъ. Я думаю, это отъ того, что намъ никто не препятствуетъ быть трудолюбивыми. Никто не пугаетъ насъ, никто не заставляетъ производить такія дѣйствія, которыя ни для чего не нужны. Было время, когда и въ нашемъ прекрасномъ отечествѣ всѣ жители состояли какъ бы подъ слѣдствіемъ и судомъ, когда воздухъ былъ насыщенъ сквернословіемъ, и когда всюду, гдѣ бы ни появлялся обыватель, навстрѣчу ему несся одинъ неумолимый окрикъ: куда лѣзешь? не твое дѣло! Въ эту мрачную эпоху головы нѣмцевъ были до того заколочены, что они сдѣлались неспособными ни на какое дѣло. Земля обрабатывалась небрежно и дала скудную жатву, обыватели жили, какъ дикіе, въ тѣсныхъ и мрачныхъ логовищахъ, а нѣмецкіе мальчишки ходили безъ штановъ. Къ счастью, эти варварскія времена давно прошли, и съ тѣхъ поръ, какъ никто не мѣшаетъ намъ употреблять наши способности на личное и общественное благо, съ тѣхъ поръ, какъ изъ насъ не выбиваютъ податей и не ставятъ къ намъ экзекуцій,

мы стали усердно прилагать къ землѣ нашъ трудъ и нашу опытность, и земля вознаграждаетъ намъ за это сто-рицею. О, русскій мальчикъ! можетъ быть, я *скучно* говорю, но лучше пусть буду я говорить скучно, нежели вести веселый разговоръ и въ то время чувствовать, что нахожусь подъ слѣдствіемъ и судомъ!

Мальчикъ безъ штановъ (*тронутый*). Это, братъ, правда твоя, что мало хорошаго всю жизнь изъ-подъ суда не выходитъ. Ну, да что ужъ! Лучше давай на счетъ хлѣбовъ. Вотъ у васъ хлѣба хорошіе, а у насъ весь хлѣбъ нынче саранча сожрала!

Мальчикъ въ штанахъ. Слышалъ и я объ этомъ, и очень объ васъ жалѣлъ. Когда нашъ добрый школьный учитель объявилъ намъ, что дружественное намъ государство страдаетъ отъ недостатка питанія, то онъ тоже объ васъ жалѣлъ. Слушайте, дѣти! сказалъ онъ намъ, вы должны жалѣть Россію не за то только, что половина ея чиновниковъ и всѣ безъ исключенія аптекаря — нѣмцы, но и за то, что она съ твердостью выполняетъ свою историческую миссію. Какъ древле, выстрадавъ иго монголовъ, она избавила отъ нихъ Европу, такъ и нынѣ, вынося иго саранчи, она той же Европѣ оказываетъ геодѣннѣйшую изъ услугъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Нескладно что-то ты говоришь, нѣмчура. Лучше, чѣмъ похабничать-то, ты мнѣ вотъ что скажи: правда-ли, что у вашего царя такія губерніи есть, въ которыхъ яблоки и вишенье по дорогамъ растутъ и прохожіе не рвутъ ихъ?

Мальчикъ въ штанахъ. Здѣсь, подъ Бромбергъ, этого нѣтъ, но матушка моя, которая родомъ изъ-подъ Вюрцбурга, сказывала, что въ тамошней сторонѣ всѣ дороги обсажены плодовыми деревьями. И когда нашъ старый добрый императоръ получилъ эти земли въ награду за свою мудрость и храбрость, то его нѣ-

мецкое сердце очень радовалось, что отнынѣ баденскіе, баварскіе и другіе каштаны будутъ сѣждаемы его дорогою и лойяльной Пруссіей.

Мальчикъ безъ штановъ. Да неужто деревья по дорогѣ растутъ, и такъ-таки никто даже яблочка не сорветъ?

Мальчикъ въ штанахъ (*изумленно*). Но кто же имѣетъ право сорвать вещь, которая не принадлежитъ ему въ собственность?!

Мальчикъ безъ штановъ. Ну, у насъ, братъ, не такъ. У насъ бы не только яблоки съѣли, а и вѣтки-то бы все обломали?! У насъ, намеднись, дядя Софронъ мимо кружки съ керосиномъ шель — и тотъ весь вышилъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Но, конечно, онъ это по ошибкѣ сдѣлалъ?

Мальчикъ безъ штановъ. Опохмѣлиться захотѣлось, а грошика не было — вотъ онъ и опохмѣлился керосиномъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Но вѣдь онъ, навѣрное, боленъ сдѣлался?

Мальчикъ безъ штановъ. Разумѣется, будешь боленъ, какъ на другой день при сходѣ спину взбондируютъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*пугаясь*). Ахъ, неужели у васъ...

Мальчикъ безъ штановъ. А ты думалъ, глядятъ?

Мальчикъ въ штанахъ (*окончательно пугается и хочетъ бѣжать домой, но мальчикъ безъ штановъ удерживаетъ его*).

Мальчикъ безъ штановъ. Стой, чего испугался! Это намъ, которые изъ простаго званія, подъ ру-

башку смотреть, а вѣдь ты... иностранецъ?! (*Помолчавъ*)
У тебя званіе-то есть-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Я — бауеръ.

Мальчикъ безъ штановъ. Это мужикъ, что-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Не мужикъ, но земледѣлецъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Ну да, извѣстно... мужикъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Нѣтъ, земледѣлецъ. Мужикъ — это русскій, а у насъ — земледѣлецъ.

Мальчикъ безъ штановъ. Натко, выкуси!

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, русскій мальчикъ, какія вы странныя слова употребляете, и какъ должно быть недостаточно воспитаніе, которое вамъ даютъ! Я увѣренъ, напримѣръ, что вы не знаете, что такое Богъ?

Мальчикъ безъ штановъ. А Богъ его знаетъ! У насъ, братъ, въ селѣ Успенью Матушкѣ престольный праздникъ показанъ — вотъ мы въ спожинки его и справляемъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ понять и не можетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. Не дошелъ? Ну, нечего толковать: я и самъ, признаться, въ этомъ не твердъ. Знаю, что праздникъ у насъ на селѣ, потому что и намъ, мальчишкамъ, въ этотъ день портки надѣваютъ, а отъ Бога или отъ начальства эти праздники приказаны — не любопытствовалъ. А ты мнѣ вотъ еще что скажи: слыхалъ я, что начальство здѣшнее васъ, мужиковъ, никогда скверными словами не ругаетъ — неужто это правда?

Мальчикъ въ штанахъ. Отецъ мой сказывалъ, что онъ отъ своего дѣдушки слышалъ, будто въ его время здѣшнее начальство ужасно скверно ругалось. И

всѣ тогдашніе нѣмцы до того отъ этого загрузѣли, что и между собой стали скверными словами ругаться. Но это было ужъ такъ давно, что и старики теперь ничего подобнаго не запомнятъ.

Мальчикъ безъ штановъ. А насъ, братъ, такъ и сейчасъ пѣходя ругаютъ. Кому не лѣнь, только тотъ не ругаетъ, и все самыми скверными словами. Даже намъ надоѣло слушать. Исправникъ ругается, становой ругается, посредникъ ругается, старшина ругается, староста ругается, а нынче еще урядниковъ ругаться наняли.

Мальчикъ въ штанахъ (*испуганно*). Но, можетъ быть, это дурная болѣзнь какая-нибудь?

Мальчикъ безъ штановъ. То-то, что ты не дошелъ! Правило такое, а ты — болѣзнь! Намѣднись, пріѣхалъ въ нашу деревню старшина, увидѣлъ дядю Онисима, да какъ вцѣпится ему въ бороду — такъ и повисъ.

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, Боже мой!

Мальчикъ безъ штановъ. Говорю тебѣ, надоѣло и намъ. Съ души прѣтъ, когда-нибудь перестать надо. Только какъ съ этимъ быть? Коли ему сдачи дать, такъ тебя же засудятъ, а ему, ругателю, ничего. Вотъ одинъ парень у насъ и выдумалъ: въ вечерни его отпороли, а онъ въ ночь удавился!

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль! какъ мнѣ васъ жаль!

Мальчикъ безъ штановъ. Что насъ жалѣтъ! Сами себя не жалѣемъ — стало быть, такъ намъ и надо!

Мальчикъ въ штанахъ (*съ участіемъ*). Не говорите этого, другъ мой! Иногда мы и очень хорошо понимаемъ, что съ нами поступаютъ низко и безчеловѣчно, но бываемъ вынуждены безмолвно склонять голову подъ ударами судьбы. Нашъ школьный учитель говорить, что это — наслѣдіе прошлаго. По моему мнѣ-

нію, тутъ одинъ выходъ: чтобъ начальники сами сдѣлались на столько развитыми, чтобъ устыдиться и сказать другъ другу: отнынѣ пусть постигнетъ кара закона того изъ насъ, кто опозорить себя употребленіемъ скверныхъ словъ! И тогда, конечно, будетъ лучше.

Мальчикъ безъ штановъ. Держи карманъ! Это, братъ, у насъ «революціей сверху» называется!

Мальчикъ въ штанахъ. А мы, нѣмцы, называемъ это просто справедливостью. Но откуда вы такое выраженіе знаете?

Мальчикъ безъ штановъ. А это у насъ бывшій нашъ баринъ такъ говорить. Какъ ежели кого на сходѣ сѣчь приговорять, сейчасъ онъ выйдетъ на балконъ, прислушивается и приговариваетъ: вотъ она, «революція сверху», въ ходъ пошла!

Мальчикъ въ штанахъ. Ахъ, нѣтъ, я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

Мальчикъ безъ штановъ. А онъ у насъ во всѣхъ смыслахъ... Выкупныя онъ давно проѣлъ, доходовъ съ земли — грошъ; вотъ онъ похаживаетъ у себя по хоромамъ да и шутить... во всѣхъ смыслахъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Но какимъ же образомъ онъ живетъ безъ доходовъ? Работаетъ?

Мальчикъ безъ штановъ. У насъ дворянамъ работать не полагается. У насъ, коли ты дворянинъ, такъ живи, не тужи. Хошь на солнышкѣ грѣйся, хошь по ляжкѣ себя хлопай — живи. А чуть къ работѣ пристроился, значить, пустое дѣло затѣялъ! Превратное, значить, толкованіе.

Мальчикъ въ штанахъ. Какой, однакожь, странный народъ у васъ живетъ! Находятъ, что полезнѣе по ляжкѣ себя хлопать, нежели работать... изумительно!

Мальчикъ безъ штановъ. Да, братъ-нѣмецъ!

про тебя говорятъ, будто ты обезьяну выдумалъ, а коли поглядѣть да посмотрѣть, такъ куда мы противъ васъ на выдумки тароваты!

Мальчикъ въ штанахъ. Ну, это еще...

Мальчикъ безъ штановъ. Вѣрно говорю, и даже примѣръ сейчасъ приведу. Слыхалъ я, правда-ли, нѣтъ-ли, что ты такую сигнацію выдумалъ, что куда хошь ее носи — сейчасъ тебѣ за нее настоящія деньги дадутъ... такъ что-ли?

Мальчикъ въ штанахъ. Конечно дадутъ настоящія золотыя или серебрянныя деньги — какъ же иначе!

Мальчикъ безъ штановъ. А я такую сигнацію выдумалъ: предъявителю выдается изъ размѣнной кассы... плюха! Вотъ ты меня и понимай!

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ понять, но не можетъ*).

Мальчикъ безъ штановъ. И не старайся! не поймешь!

(*Оба мальчика задумываются и нѣкоторое время стоятъ молча*).

Мальчикъ въ штанахъ. Знаете-ли, русскій мальчикъ, чтò я думаю! Остались бы вы у насъ совсѣмъ! Господинъ Гехтъ охотно бы васъ въ кнехты принялъ. Вы подумайте только: вы какъ у себя спите? чтò кушаете? А тутъ вамъ сейчасъ войлокъ хорошій для сна нья дадутъ, а пища — даже въ будни горохъ съ свинымъ саломъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Пища хорошая... А правда-ли, нѣмецъ, что ты за грошъ чорту душу продалъ?

Мальчикъ въ штанахъ. Вы, вѣроятно, про господина Гехта говорите?.. Такъ вѣдь родители мои получаютъ отъ него опредѣленное жалованье...

Мальчикъ безъ штановъ. Ну да, это самое я и говорю: за грошъ чорту душу продалъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Позвольте, однакожь! Про васъ хуже говорятъ: будто вы совѣмъ за даромъ душу отдали?

Мальчикъ безъ штановъ. Ты про Колупаева, что-ли, говоришь? Ну, это, братъ... объ этомъ мы еще поговоримъ... Надоѣлъ онъ намъ, го-спо-динъ Ко-лу-па-евъ!

Мальчикъ въ штанахъ (*резонно*). Надоѣлъ, или не надоѣлъ — это ваше дѣло; но замѣтите, что всегда такъ бываетъ, когда въ взаимныхъ отношеніяхъ людей не существуетъ самой строгой опредѣленности. Между родителями моими и г. Гехтомъ никогда не случилось недоразумѣній — а почему? Потому что въ контрактѣ, ими заключенномъ, сказано ясно: господинъ Гехтъ даетъ грошъ, а родители мои — душу. Вотъ и все. Тогда какъ вы, русскіе, все на какую-то «на водку» надѣтесъ. И потомъ, когда, вмѣсто «на водки», васъ награждаютъ ударами, вы ворчите, что вамъ... надоѣло! Сквернословіе — надоѣло, господинъ Колупаевъ — надоѣлъ... Ну, надоѣло — что же изъ этого?

Мальчикъ безъ штановъ. Погоди, нѣмецъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

Мальчикъ въ штанахъ. Никогда у васъ ни улицы, ни праздника не будетъ. Убѣждаю васъ, останьтесь у насъ! Право, черезъ мѣсяцъ вы сами будете удивляться, какъ вы могли такъ жить, какъ до сихъ поръ жили!

Мальчикъ безъ штановъ (*съ нѣкоторымъ раздраженіемъ*). Врешь ты! Ишь вѣдь съ гороховицей на свиномъ салѣ подѣхалъ... диковинка! У насъ, братъ, шаромъ покати, да за то занятно... Вѣрное слово тебѣ говорю!

Мальчикъ въ штанахъ. Чтò же тутъ занятнаго... «шарòмъ повати»!

Мальчикъ безъ штановъ. Это-то и занятно. Ты ждешь, что хлѣбъ будетъ — анъ вмѣсто того лебеда. Сегодня лебеда, завтра лебеда, а послѣ завтра — саранча; а потомъ — выкушныя подавай! Сказывай, нѣмецъ, какъ бы ты тутъ выпутался?

Мальчикъ въ штанахъ (*хочетъ что-нибудь выдумать, но долгое время не можетъ; наконецъ, выдумываетъ*). Я полагаю, что вамъ безъ нѣмцевъ не обойтись!

Мальчикъ безъ штановъ. Натко, выкуси.

Мальчикъ въ штанахъ. Опять это слово! Русскій мальчикъ! я подаю вамъ благой совѣтъ, а вы затвердили какую-то глупость, и думаете, что это отвѣтъ. Поймите меня. Мы, нѣмцы, имѣемъ старинную культуру, у насъ есть солидная наука, блестящая литература, свободныя учрежденія, а вы дѣлаете видъ, какъ будто все это вамъ не въ диковину *). У васъ ничего подобнаго нѣтъ, даже хлѣба у васъ нѣтъ, — а когда я, отъ имени нѣмцевъ, предлагаю вамъ свои услуги, вы отвѣчаете мнѣ: выкуси! Берегитесь, русскій мальчикъ! это съ вашей стороны высокоуміе, которое положительно ничѣмъ не оправдывается!

Мальчикъ безъ штановъ. Нѣтъ, это не отъ высокоумія, а надоѣли вы намъ, нѣмцы — вотъ чтò! Взяли въ полонъ да и держите!

Мальчикъ въ штанахъ. Но плѣнъ, въ которомъ держитъ васъ господинъ Колупаевъ, по мнѣнію моему, гораздо...

---

*) Прошу читателя помнить, что все это происходитъ въ сновидѣніи, и не удивляться, что нѣмецкій мальчикъ выражается не вполне свойственнымъ его возрасту языкомъ.

Мальчикъ безъ штановъ. Чтò Колупаевъ! Съ Колупаевымъ мы сочтемся... это вѣрно! Давай-ка лучше объ нѣмцахъ говорить. Правду ты сказалъ: есть у васъ и культура, и наука, и искусство, и свободныя учрежденія *), да вотъ что худо: къ намъ-то вы приходите совсѣмъ не съ этимъ, а только, чтобъ пакостничать. Кто самый безсердечный притѣснитель русскаго рабочаго человѣка?—нѣмецъ! кто самый безжалостный педагогъ?—нѣмецъ! кто вдохновляетъ произволь, кто служитъ для него самымъ неумолимымъ и всегда готовымъ орудіемъ?—нѣмецъ! И замѣть, что, сравнительно, ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство — тоже, а ваши учрежденія — и подѣвно. Только зависть и жадность у васъ перваго сорта, и такъ какъ вы эту жадность произвольно смѣшали съ правомъ, то и думаете, что вамъ предстоитъ слопать міръ. Вотъ почему, васъ вездѣ ненавидятъ, не только у насъ, но именно вездѣ. Вы подъѣзжаете съ наукой, а всякому думается, что вы за тѣмъ пришли, чтобъ науку прекратить; вы указываете на ваши свободныя учрежденія, а всякій убѣжденъ, что при одномъ вашемъ появленіи должна умереть всякая мысль о свободѣ. Всѣ васъ боятся, никто отъ васъ ничего не ждетъ, кромѣ подвоха. Вонъ вы, сказываютъ, Берлинъ на славу отстроили, а никому на него глядѣть не хочется. Даже свои, «объединенные» нѣмцы, и тѣхъ тошнить отъ васъ, «объединителей». Есть же какая-нибудь этому причина!

Мальчикъ въ штанахъ. Разумѣется, отъ необразованности. Необразованный человѣкъ все равно, что низшій организмъ, такъ чего же ждать отъ низшихъ организмовъ!

---

*) Со стороны русскаго мальчика этотъ способъ выразаться еще неестественнѣе, но, опять повторяю, въ свидѣніи нѣтъ ничего невозможнаго.

Мальчикъ безъ штановъ. Вотъ видишь, колбаса! тебя еще отъ земли не видать, а какъ ужъ ты поговариваешь!

Мальчикъ въ штанахъ. «Колбаса!» «выкуси!»! какія несносныя выраженія! А вы, русскіе, еще хвалитесь богатствомъ вашего языка! Цѣлый часъ я говорю съ вами, русскій мальчикъ, и ничего не слышу, кромѣ загадочныхъ словъ, которыхъ ни на одинъ языкъ нельзя перевести. Между тѣмъ, дѣло совершенно ясное. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ вы хвастаетесь, что идете исполинскими шагами впередъ, а нѣкоторые изъ васъ даже и о какомъ-то «новомъ словѣ» поговариваютъ — и что же оказывается? — что вы бѣднѣе, нежели когда-нибудь, что сквернословіе болѣе, нежели когда-либо, регулируетъ ваши отношенія къ правящимъ классамъ, что Колушаевы держатъ въ плѣну ваши души, что никто не довѣряетъ вашей солидности, никто не рассчитываетъ ни на вашу дружбу, ни на вашу неприязнь... ахъ!

Мальчикъ безъ штановъ. Ахай, нѣмецъ! а я тебѣ говорю, что это-то именно и есть... занятное!

Мальчикъ въ штанахъ. Рѣшительно ничего не понимаю!

Мальчикъ безъ штановъ. Гдѣ тебѣ понять! Сказывалъ ужъ я тебѣ, что ты за грошъ чорту душу продалъ, — вотъ онъ теперь тебѣ и заститъ свѣтъ!

Мальчикъ въ штанахъ. «Сказывалъ!»! Но вѣдь и я вамъ говорилъ, что вы тому же чорту за даромъ душу отдали... кажется, что и эта афера не особенно лестная...

Мальчикъ безъ штановъ. Такъ то за даромъ, а не за грошъ. За даромъ-то я отдалъ — стало быть, и опять могу назадъ взять... Ахъ, колбаса, колбаса!

. . . . .

Но тутъ разговоръ внезапно порвался, потому что я проснулся. Кто-то въ нашемъ отдѣленіи вскочилъ съ своего ложа и благимъ матомъ кричалъ: караулъ! грабятъ! Это вопіялъ Удавъ, которому приснилось, что произошла третья дѣлежка, и что его и при этой дѣлежкѣ... опять позабыли!

Черезъ часъ мы уже подѣзжали къ Берлину.

II.

Переѣхавши границу, русскій культурный человѣкъ становится необыкновенно дѣятельнымъ. Всю жизнь онъ слылъ фатюемъ, ѳетюкомъ, фалелеемъ; теперь онъ, во что бы то ни стало, хочетъ доказать, что, по природѣ, онъ совсѣмъ не фатюй, и ежели являлся таковымъ въ своемъ отечествѣ, то или потому только, что его «заѣла среда», или потому, что это было согласно съ видами начальства. Онъ рано встаетъ утромъ, не спитъ послѣ обѣда, не сидитъ по цѣлымъ часамъ въ ватерклозетѣ, и съ Бедекеромъ въ рукахъ, съ утра до вечера нюхаетъ, смотритъ, слушаетъ, глотаетъ. Съ лихорадочною страстностью переѣзжаетъ онъ съ мѣста на мѣсто, всходитъ на горы и сходитъ съ оныхъ, бродитъ по деревнямъ, удивляется свѣжести горнаго воздуха и дешевизнѣ табльдотовъ, не морщась пьетъ мѣстное вино, вступаетъ въ собесѣдованія съ кельнерами и хаускнехтами и, наконецъ, съ наступленіемъ ночи, падаетъ въ постель (снабженную, впрочемъ, дерюгой, вмѣсто бѣлья, и какими-то кисельными комками, вмѣсто подушекъ), измученный бѣготней и массой полученныхъ впечатлѣній. Сегодня онъ ѣдетъ во Франкфуртъ и восклицаетъ: вотъ мѣсто рожденія Гёте! а завтра, въ Страсбургѣ,

возвѣщаетъ: вотъ, братъ, такъ колокольня! Сегодня, въ Интерлакенѣ, не сводитъ глазъ съ Юнгфрау, а завтра любитъся Люцернскимъ раненымъ львомъ, съ надписью: *Helvetiorum virtuti ac fidei*, каковую надпись, въ шутили-вомъ русскомъ тонѣ, переводитъ: «любезно-вѣрнымъ швейцарцамъ, спасавшимъ, въ 1790 году, за поденную плату, французское престоль-отечество». Не успѣвъ познать самого себя — такъ какъ на счетъ этого въ Россіи строго — онъ очень доволенъ, что никто ему не препятствуетъ познавать другихъ. Поэтому, нѣтъ ничего мудренаго, что, возвратясь изъ дневной экскурсіи по окрестностямъ, онъ говоритъ самому себѣ: вотъ я и по деревнямъ шлялся, и съ мужичками разговаривалъ, и пиво въ кабачкѣ съ ними пилъ — и ничего, сошло-таки съ рукъ! а попробуй-ка я такимъ образомъ у насъ въ деревнѣ, безъ предписанія начальства, явиться—сейчасъ руки къ лопаткамъ и маршъ къ становому... ахъ подлость какая! Словомъ сказать, съ точки зрѣнія подвижности, любознательности и предпріимчивости, русскій культурный человѣкъ за-границей является совершенной противоположностью тому, чѣмъ онъ былъ въ своемъ отечествѣ.

Но здѣсь я опять долженъ оговориться (пусть не посѣтуетъ на меня читатель за частыя оговорки), что подъ русскими культурными людьми я не разумѣю ни русскихъ дамочекъ, которыя устремляются за-границу, потому что тамъ каждый кельнеръ имѣетъ видъ наполеоновскаго камеръ-юнкера, ни русскихъ бонапартистовъ, которые, вернувшись въ отечество, съ умилениемъ рассказываютъ, въ какой поразительной опрятности парижскія кокетки содержатъ свои приманки. Равнымъ образомъ, я не стану говорить ни о дѣйствующихъ савонникахъ, которые, на казенный счетъ, ставятъ въ ту-

пикъ Вефура, Бребана и Маньи *) несбыточностью своихъ кулинарныхъ мечтаній, ни о сановникахъ опальныхъ, которые повѣряютъ Юнгфрау свои любезновѣрные вздохи и пробуждаютъ жалость въ сердцахъ людей кадетской мудростью своихъ административно-полицейскихъ выдумокъ. Я говорю о среднемъ культурномъ русскомъ человѣкѣ, о литераторѣ, адвокатѣ, чиновникѣ, художникѣ, купцѣ, то есть о людяхъ, которыхъ прямо или косвенно уже коснулся лучъ мысли, которые до извѣстной степени свыклись съ идеей о трудѣ, и которые три четверти года живутъ подъ напоминаніемъ о мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Понятно, что они рады-радѣхоньки хоть два-три мѣсяца прожить внѣ этого напоминанія.

Я искренно убѣжденъ, что именно только это послѣднее обстоятельство можетъ побуждать этихъ людей такими массами устремляться въ «чужое мѣсто», и именно тамъ, а не на берегахъ Ветлуги или Чусовой искать отдыха отъ тревоженій трудовой жизни. Ужасно пріятно прожить хоть нѣсколько времени, не боясь. Необходимость «ходить въ струнѣ», памятовать, что «выше лба уши не растутъ», и что съ «суконнымъ рыломъ» нельзя соваться въ «калашный рядъ», — это такая жестокая необходимость, что только любовь къ родинѣ, доходящая до ностальгій, можетъ примириться съ подобнымъ безчеловѣчіемъ. Кажется, что можетъ быть проще мысли, что жить въ средѣ людей довольныхъ и не боящихся гораздо удобнѣе, нежели быть окруженнымъ толпою ропщущихъ и трепещущихъ несчастливцевъ—однакожь, съ какимъ упорствомъ торжествующая практика держится совершенно противоположныхъ воззрѣній! И сколько еще встрѣчается на свѣтѣ людей, которые вполнѣ искренно

---

*) Содержатели извѣстныхъ въ Парижѣ ресторановъ. Впрочемъ, заранѣе извиняюсь: быть можетъ, есть имена и болѣе извѣстныя.

убѣждены, что съ жиру человекъ можетъ только бѣситься, и что поэтому самая мудрая внутренняя политика заключается въ томъ, чтобъ держать людской родъ въ состояннн болѣе или менѣе пришибленномъ! Чтò же удивительнаго, что на такія воззрѣнн и жизнь даетъ вполне соответствующей отвѣтъ. Съ одной стороны, она производитъ людей-мучениковъ, которыхъ повсюду преслѣдуетъ представленн о родинѣ, но которые все-таки, по совѣсти не могутъ отрицать, что на родинѣ ихъ ожидается разговоръ съ становымъ приставомъ; съ другой— людей-мудрецовъ, которые разъ на всегда порѣшили: пускай родина процвѣтаетъ особо, а я буду процвѣтать тоже особо, ибо лучше два-три мѣсяца подышать полною грудью, нежели просидѣть ихъ въ «холодной»...

Рѣшительно невозможно понять, почему появленн русскаго культурнаго человека въ русской деревнѣ (если бы даже этотъ человекъ и не былъ мѣстнымъ обывателемъ) считается у насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, за что надо вывертывать руки къ лопаткамъ и вести къ становому. Почему желанн знать, какъ живетъ русскій деревенскій человекъ, называется предосудительнымъ, а желанн подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми небезполезными свѣдѣннми, которыя повысили бы его умственный и нравственный уровень, — превратнымъ толкованнмъ? Вѣдь надо же, наконецъ, чтобъ мужикъ когда-нибудь что-нибудь зналъ, надо же, чтобъ онъ созналъ себя и свое положенн и когда-нибудь пожелалъ для себя лучшаго удѣла, нежели тотъ, на который онъ осужденъ въ данную минуту. Говорю: «надо» совсѣмъ не въ смыслѣ ублаготворенн мужицкой прихотливости, а просто потому, что безъ этого знанн, безъ этого стремленн къ лучшему не можетъ преуспѣвать страна. Уничтожьте идеалы (хотя бы и мужицкн), заставьте замереть желанн лучшаго, и вы увидите, какъ быстро загрубѣетъ

окружающая среда. А между тѣмъ, благосостояніе этой среды необходимо и для васъ лично, потому что имъ, и только имъ однимъ, обуславливается ваше собственное благосостояніе.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что во всѣхъ этихъ собесѣдованіяхъ съ «мужичкомъ» и хожденіяхъ около него кроется достаточная доля опасности, такъ какъ они могутъ служить удобнымъ орудіемъ для извѣстнаго рода происковъ, которые во всѣхъ новѣйшихъ христоматіяхъ извѣстны подъ именемъ неблагонамѣренныхъ. Допустимъ, пожалуй, что подобные случаи не невозможны, но вѣдь дѣло не въ томъ, возможна-ли та или другая случайность, а въ томъ, нужно-ли эту случайность обобщать? нужно-ли крутить руки къ лопаткамъ всякому проходящему? нужно-ли заставлятъ его бесѣдовать съ незнакомцемъ, хотя бы онъ назывался становымъ приставомъ? Вѣдь не дѣлаютъ же этого подъ Висбаденомъ, подъ Вюрцбургомъ или подъ Фонтенеблѣ. Вездѣ — сначала ожидаютъ поступковъ, и ежели поступковъ нѣтъ, то оставляютъ человѣка въ покоѣ, а ежели есть поступки, то поступаютъ согласно съ обстоятельствами. Но даже и въ послѣднемъ случаѣ не сажаютъ съ закрученными руками въ «холодную», а спокойно изслѣдуютъ. Помилуйте! что это за манера такая — не говоря худого слова, крути руки къ лопаткамъ! вѣдь это, наконецъ, подло! Неужто нельзя обойтись безъ тумачковъ, особливо если еще неизвѣстно, съ чѣмъ имѣешь дѣло, съ превратнымъ или съ полезнымъ толкованіемъ?

Я знаю очень много полезныхъ и даже пріятнаго образа мыслей людей, которые прямо говорятъ: зачѣмъ я въ деревню поѣду — тамъ мнѣ, навѣрное, руки къ лопаткамъ закрутятъ! Въ городѣ я гораздо меньше рискую. Я пишу, вчинаю иски, апеллирую, торгую, играю въ карты — все это внѣшнимъ образомъ беретъ мое

время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ мнѣ возможность прятать мысль и избѣгать возмездій. Если въ городѣ меня спросятъ, какого я образа мыслей на счетъ Успенья-Матушки, я могу отвѣтить: пассъ! восемь въ червахъ, шлемъ безъ козырей! — и всякій похвалитъ мою скромность. Напротивъ того, въ деревнѣ я непременно долженъ вести партикулярный разговоръ объ Успенѣ-Матушкѣ и непременно имѣть собесѣдникомъ мужика. Не говоря уже о томъ, что иначе я пропаду со скуки, одиночаю, но, сверхъ того, я положительно не понимаю, почему я обязанъ воздерживаться отъ собесѣдованій съ мужикомъ? Почему я, видя человѣка безпомощнымъ, не имѣю права подать ему руку помощи? почему, имѣя возможность сообщить человѣку полезный совѣтъ, обязываюсь, вмѣсто того, осквернять его мозги благонамѣренными благоглупостями? Вѣдь, наконецъ, въ самой природѣ человѣческой есть стремленіе симпатизировать своему ближнему и желать поднять его духовный уровень до своего духовнаго уровня! Почему я долженъ отказать себѣ въ удовлетвореніи этого естественнаго требованія? Почему, въ случаѣ неотказа, я обязанъ имѣть по сему предмету объясненіе съ становымъ приставомъ? Съ человѣкомъ, котораго супругѣ я не имѣлъ чести быть представленнымъ? Лучше я совсѣмъ не поѣду въ деревню; пускай она процвѣтаетъ... безъ меня!

Жалуются, что русская деревня страдаетъ отъ культурнаго абсентеизма, но развѣ можетъ быть иначе? Возьмите самыя простыя сельско-хозяйственныя задачи, предстоящія культурному человѣку, рѣшившемуся посвятить себя деревнѣ, каковы, напримѣръ: способы пользоваться землею, расчеты съ рабочими, степень личнаго участія въ прибыляхъ, привлеченіе къ этимъ прибылямъ батрака и т. п. — развѣ все это не находится въ самой несносной зависимости отъ какихъ-то волшебныхъ

вѣяній, сущность которыхъ даже не для всякаго понятна? А между тѣмъ, эти вѣянія пристигаютъ человека и въ самомъ процессѣ его дѣятельности, и во всѣхъ послѣдствіяхъ этого процесса. Вездѣ подозрѣніе, вездѣ доносъ, вездѣ на стражѣ стоитъ тысячекій Колупаевъ, которому, конечно, невыгодно, чтобъ «обезпеченный надѣломъ» человекъ выскользнулъ изъ его загребистыхъ рукъ. Нужно-ли, чтобъ Колупаевъ безсрочно оставался владыкою думъ «обезпеченныхъ»? Ежели нужно, то не сѣтуйте на абсентеизмъ, и пускай страна грубѣетъ, а аборигенъ ея пусть дичаетъ. Если же это нежелательно, то пускай деревня освѣжится приливомъ новыхъ, разумныхъ силъ, и пускай эти силы не встрѣчаются, съ первыхъ же шаговъ, съ выворачиваніемъ рукъ и сажаніемъ въ «холодную».

Я не говорю, чтобъ отношенія русскаго культурнаго человека къ мужику, въ томъ видѣ, въ какомъ они выработались послѣ крестьянской реформы, представляли нѣчто идеальное, равно какъ не утверждаю и того, чтобъ благодѣянія, развиваемыя русской культурой, были особенно цѣнны; но я не могу согласиться съ однимъ: что приурочиваемое какимъ-то образомъ къ обычаямъ культурнаго человека свойство пользоваться трудомъ мужика, не пытаясь обсчитать его, должно предполагаться равносильнымъ ниспроверженію основъ. А у насъ, къ несчастію, именно этотъ взглядъ и пользуется авторитетомъ, такъ что всякій протестъ противъ обсчитыванія прямо приравнивается къ социализму. И, что всего удивительнѣе, благодаря Колупаевымъ и споспѣшествующимъ имъ *quibus auxiliis*, самъ мужикъ почти убѣжденъ, что только вредный и преисполненный превратныхъ толкованій человекъ можетъ не обсчитать его. По истинѣ, это ужаснѣйшая изъ всѣхъ пропагандъ. Мало того, что она держитъ народъ въ невѣжествѣ и убиваетъ въ немъ

чувство самой простой справедливости къ самому себѣ (до этого, повидимому, никому нѣтъ дѣла), — она чревата послѣдствіями иного, еще болѣе опаснаго, съ точки зрѣнія предупрежденія и пресѣченія, свойства. Ибо, ежели въ настоящую минуту еще можно сказать, что культурный человѣкъ является абсентеистомъ отчасти по собственной винѣ (недостатокъ мужества, терпѣнія, знаній, привычка къ роскоши и т. д.), то, быть можетъ, недалеко время, когда онъ явится абсентеистомъ поневолѣ. И тогда... что станется съ нашими исконными «опорами»?

Тѣмъ не менѣе, я не могу не признать, что со стороны Колушаевыхъ и ихъ попустителей описанный сейчасъ образъ дѣйствій не представляетъ ничего непонятнаго. Эти люди на столько угорѣли подъ игомъ стяжанія и до того лишены дара провидѣнія, что никакія перспективы будущаго не могутъ волновать ихъ. Но совершенно непонятно, почти страшно, что поощренія въ подобномъ смыслѣ отъ времени до времени раздаются и въ литературѣ. Признаюсь, я никогда не могъ читать безъ глубокаго волненія газетныхъ извѣстій о томъ, что въ такую-то, дескать, деревню явились неизвѣстные люди и начали съ мужичками бесѣдовать, но мужички, не теряя золотого времени, прикрутили имъ къ лопаткамъ руки и отправили къ становому приставу. Въ особенности омерзительною казалась мнѣ радостная редакція этихъ статей. Зачѣмъ приходили неизвѣстные люди, о чемъ они разговаривали, — ничего невидно; достоверно только, что имъ закрутили руки, чтобъ не терять золотого времени. Чему же тутъ, однако, радоваться? Вѣдь, можетъ быть, эти «неизвѣстные» отыскивали способъ бороться съ саранчей или съ колорадскимъ жукомъ, и приходили въ деревню затѣмъ, чтобъ подѣлиться своимъ открытіемъ съ ея обитателями? Или, быть

можетъ, они желали указать на какую-нибудь новую отрасль промышленности, которая могла бы съ успѣхомъ привиться въ этой мѣстности? Или, наконецъ, просто хотѣли объяснить мужичкамъ, что такое Богъ? Неужто же это не полезно? А между тѣмъ, этимъ полезнымъ «неизвѣстнымъ людямъ», не теряя золотого времени, скрутили назадъ руки...

Прошу читателя извинить меня, что я такъ часто повторяю фразу о вывернутыхъ назадъ рукахъ. Повидимому, это самая употребительная и самая совершенная изъ всѣхъ формъ изслѣдованія, допускаемыхъ обитателями російскихъ палестинъ въ наше просвѣщенное время. И я убѣжденъ, что всякій добросовѣстный урядникъ совершенно серьезно подтвердитъ, что если бы этого метода изслѣдованія не существовало, то онъ былъ бы въ высшей степени затрудненъ въ отправленіи своихъ обязанностей.

За всѣмъ тѣмъ, отнюдь не желая защищать превратныя толкованія, я все-таки думаю, что первая и наиболее обязательная добродѣтель для тѣхъ, которые, подобно урядникамъ, даютъ тонъ внутренней политикѣ, есть терпѣніе. Система быстрого и немедленнаго заѣзжанія пользуется у насъ ужь чрезчуръ большимъ довѣріемъ, и, право, она этого довѣрія не заслуживаетъ. Въ сущности, это система дурная, и наименѣе опасный изъ результатовъ, къ которымъ она приводитъ, это отсутствіе всякихъ результатовъ въ смыслѣ предупрежденія и пресѣченія. Если бы дѣло ограничивалось только этимъ, то Богъ бы съ нею: пускай утѣшаетъ бойцовъ; но есть и существенная опасность, которая ей присуща и которая заключается въ томъ, что «заѣзжаніе» можетъ надѣсть. Конечно, «мальчикъ въ штанахъ» былъ отчасти правъ, говоря: «вамъ, русскимъ, все надѣло: и сквернословіе, и Колупаевъ, и тумакі, да вѣдь до этого ни-

кому дѣла нѣтъ?», но, сдается мнѣ, что и «мальчикъ безъ штановъ» не былъ далекъ отъ истины, настойчиво повторяя: надоѣло, надоѣло, надоѣло...

За однимъ изъ безчисленныхъ табльдотовъ Германіи мнѣ случилось однажды обѣдать въ большой компаніи русскихъ. Я сидѣлъ съ краю компаніи, а рядомъ со мною помѣщался неизвѣстный юноша, до такой степени бѣловолосый, что я заподозрилъ: непременно это долженъ быть «скиталець» изъ Котельническаго уѣзднаго училища, который какимъ-то чудомъ попалъ въ Германію. Разумѣется, это было съ моей стороны только беллетристическое предположеніе, которое тотчасъ же и разсѣялось, потому что юноша говорилъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ діалектѣ, и, очевидно, принадлежалъ къ коренной нѣмецкой семьѣ, которая съ нами же и обѣдала. Но тутъ-то именно и случилось дѣйствительное чудо. Между тѣмъ, какъ въ средѣ русскихъ шла оживленная бесѣда на тѣму: для чего собственно нуженъ Берлинъ (многіе предлагали такое рѣшеніе: для челоуѣкоубивства), мнѣ привелось передать моему бѣловолосому сосѣду какое-то кушанье. И вдругъ, въ отвѣтъ на мою любезность, я услышалъ отъ него по-русски:

— Благодарю васъ!

Это было до того неожиданно, что я чуть не въ ужасѣ воскликнулъ:

— Однако, братъ, ты... угораздило-таки васъ, mein Herr!

На чтò юноша, ни мало не смущаясь, скромно отвѣтилъ:

— Я солдаты; мы уфѣ Берлинъ немного учимъ по русску... на всякъ случай!

Такъ вотъ оно какъ. Мы, русскіе, съ самаго Петра I-го, усердно «учимъ по нѣмецку», и все никакого слу-

чая поймать не можемъ, а въ Берлинѣ ужь и теперь «случай» предвидать, и, конечно, не для того, чтобъ читать порнографическую литературу г. Цитовича, учать солдатъ «по русску». Разумѣется, я не преминулъ сообщить объ этомъ моимъ товарищамъ по скитаніямъ, которые нашли, что фактъ этотъ служить новымъ подтвержденіемъ только-что формулированнаго рѣшенія: да, Берлинъ ни для чего другого не нуженъ, кромѣ какъ для челоувѣкоубивства.

Берлинъ, какъ столица Прусскаго королевства, былъ для всѣхъ понятенъ. Онъ скромно стоялъ въ славѣ скромнаго государства, и, находясь почти въ центрѣ его, былъ очень удобенъ въ качествѣ административнаго распорядителя. Нѣсколько скучный, какъ бы страдающій головной болью, онъ привлекалъ очень немного иностранцевъ, и ежели, тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ силъ бился походить на прочія столицы, съ точки зрѣнія монументовъ и дворцовъ, то дѣлалъ это pro domo, чтобъ вѣрные подданные прусской короны имѣли поводъ гордиться, что и ихъ короли не отказываютъ себѣ въ монументахъ. Милитаристскія поползновенія существовали въ Берлинѣ и тогда, но они казались столь безобидными, что никому не внушали ни подозрѣній, ни опасеній, хотя подъ сѣнію этой безобидности выросли Бисмарки и Мольтке. Неоднократно, Прусское королевство находилось подъ угрозой распадения, но всякій разъ на помощь ему являлась дружественная рука, которая на безсрочное время обезпечивала за нимъ возможность дѣлать разводы, парады и маневры. По временамъ, въ Европѣ ходили смутные слухи о томъ, что Берлинъ собирается снабдить Пруссію свободными учрежденіями, и слухи эти вливали тревогу въ сердца сосѣдей. Не проходили годы, учрежденій не появлялось, слухи затихали, и сердца сосѣдей вновь загорались довѣріемъ.

Въ 1848 году Берлинъ даже бунтовалъ, но непродолжительно и скудно. Были, однакожь, въ старомъ Берлинѣ и положительно-симпатичныя стороны. Во-первыхъ, онъ съ незапамятныхъ временъ воздерживался отъ ежовыхъ рукавицъ и митрогнозій, что заставляло сосѣдей говорить: да и кудажь имъ, колбасникамъ! Во-вторыхъ, сознавая себя не безусловно-нѣмецкимъ городомъ, онъ изъ всѣхъ силъ старался быть нѣмецкимъ. Это вынуждало его состязаться съ другими центрами нѣмецкой культуры, приглашать въ свой университетъ лучшихъ профессоровъ, покровительствовать литературѣ, искусствамъ и наукамъ. Все это, разумѣется, дѣлалось довольно экономно (и не безъ примѣси коварства), но, право, даже экономно-коварное покровительство наукамъ все-таки лучше, нежели натискъ и быстрота. Но лучшее право стараго Берлина на общія симпатіи, во всякомъ случаѣ, заключалось въ томъ, что никто его не боялся, никто не завидовалъ и ни въ чемъ не подозрѣвалъ, такъ что даже Москва-рѣчка ничего не имѣла противъ существованія рѣчки Шпрее.

Въ настоящее время, отъ всѣхъ этихъ симпатичныхъ качествъ осталось за Берлиномъ одно наименѣе симпатичное: головная боль, которая и до нынѣ свинцовой тучей продолжаетъ царить надъ городомъ. Все прочее радикально измѣнилось. Застѣнчивость замѣнилась самоувереніемъ, политическая уклончивость — ничѣмъ не оправдываемой претензіей на вселенское господство, скромность — неудачнымъ стремленіемъ подкупить иностранцевъ мѣщанскою роскошью новыхъ кварталовъ и какимъ-то второразряднымъ развратомъ, безобразный цинизмъ котораго тщетно усиливается затмить красивый и щеголеватый парижскій цинизмъ. Уже подъѣзжая къ Берлипу, иностранецъ чувствуетъ, что на него пахнуло скукой, офицерскимъ самодовольствомъ и коллекціей не-

опрятныхъ подоловъ изъ Орфеума. И такъ какъ ни то, ни другое, ни третье не заключаютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, то путникъ спѣшитъ въ первую попавшуюся гостинницу, чтобъ почиститься и выспаться, и затѣмъ ни мало не медля ѣдетъ дальше.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе унылое, нежели улицы Берлина. Недостатка въ движеніи, конечно, нѣтъ (да и не можетъ не быть движенія въ городѣ съ почти миллионнымъ населеніемъ), но это какое-то озабоченное, почти вымученное движеніе, какъ-будто всѣмъ этимъ двигающимся взадъ и впередъ людямъ до смерти хочется куда-то убѣжать. Каждому удаляющемуся экипажу такъ и хочется крикнуть вслѣдъ: счастливцевъ! ты, конечно, оставляешь Берлинъ навсегда! Ни гула, напоминающаго пчелиный улей (такой гулъ слышится иногда въ курортахъ, и всегда—въ Парижѣ), ни этой живой связи между улицей и окаймляющими ее домами, которая заставляетъ считать первую какъ бы продолженіемъ послѣднихъ — ничего подобнаго нѣтъ. Одно непрерывное и молчаливое маятное движеніе — и ничего больше.

Нѣчто подобное можно наблюдать, часовъ около пяти передъ обѣдомъ, въ Петербургѣ на Невскомъ, когда чиновники и адвокаты, вырвавшись съ каторги, спѣшатъ голодные домой. Они не заглядываются по сторонамъ, потому что нѣ на что смотрѣть, никуда не заходятъ, потому не зачѣмъ заходить. Не до глядѣнья тутъ, а какъ бы по добру по здорову домой добѣжать, да чтобъ по дорогѣ въ участокъ не свели. Конечно, кромѣ чиновниковъ и адвокатовъ, встрѣчаются въ это время на Невскомъ еще желѣзнодорожники и кокетки, но и они, по совѣсти, едва-ли отвѣтятъ на вопросъ, зачѣмъ они суетятся и движутся. Вотъ этотъ желѣзнодорожный хлыщъ, который во всю прыть мчится на рысакѣ — по-

чему онъ такъ озабоченно смотритъ? объ чемъ думаетъ? Увы! онъ самую простую думу думаетъ, а именно: какъ бы ему такъ обожраться, чтобъ штаны по цѣлому мѣсту лошнули (этого результата онъ почему-то не могъ до сихъ поръ добиться), или какъ бы ему «шельму Альфонсинку» такъ изуродовать, чтобъ она послѣ того цѣлый мѣсяць сѣсть не могла. Для чего ему это понадобилось, — онъ и самъ не вѣдаетъ. Ему просто адски скучно, не смотря на то, что, съ точки зрѣнія жранья и Альфонсинокъ, ему не житье, а рай. Да и эта самая Альфонсинка, которую онъ собрался «изуродовать», и которая теперь, развалившись съ коляскѣ, летитъ по Невскому, — и она совсѣмъ не объ томъ думаетъ, какъ она будетъ черезъ часъ пѣсег у Бореля, а объ томъ, сколько еще нужно времени, чтобъ «отработаться» и потомъ удрать въ Парижъ, гдѣ она начнетъ пѣсег ужъ взаправду, какъ истинно доброй и бравой кококтѣ надлежитъ...

Ту же щемящую скуку, то же отсутствіе непоказной жизни вы встрѣчаете и на уляцахъ Берлина. Я согласенъ, что въ Берлинѣ никому не придетъ въ голову, что его «занапрасно» сведутъ въ участокъ или обругаютъ, но, по мнѣнію моему, это придаетъ уличной озабоченности еще болѣе удручающій характеръ. Кажется, что весь этотъ людъ выспалъ на улицу затѣмъ, чтобъ купить на грошъ колбасы; купилъ, и бѣжить поскорѣй домой, какъ бы знакомые не увидѣли и не выпросили.

Въ соотвѣтствіе съ улицами, и магазины берлинскіе смотрятъ уныло, хотя есть между ними достаточное число обширныхъ и заваленныхъ товаромъ. Это скорѣе владовья, нежели магазины. Можетъ быть, въ нихъ и спрятано гдѣ-нибудь что-нибудь подходящее, да заглядывать-то туда не хочется, потому что покуда отыскива-

ешь это подходящее (а спросите-ка «дамочку», знаетъ-ли она даже, что для нея «подходящее?»), непременно сто разъ часъ своего рожденія проклянешь. Представьте себѣ, что вы хотите знать, какимъ образомъ и почему петербургскіе оберъ-полиціймейстеры начали именоваться градоначальниками, а вамъ на это говорятъ, что для точнаго уразумѣнія этого событія необходимо прочитать «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева. Зачѣмъ? вѣдь это, наконецъ, обременительно по поводу самой простой исторической справки, каждый разъ перечитывать «Исторію» Соловьева. А въ Берлинѣ каждый магазинъ такъ, кажется, и говоритъ проходящему, что человекъ, желающій приобрести фланелевую куртку, тогда только получитъ искомое, ежели предварительно ознакомится съ полнымъ курсомъ «Исторіи фланелевыхъ куртокъ съ древнѣйшихъ временъ». Даже русскія культурныя дамочки—ужь на что охочи по магазинамъ бѣгать—и тѣ чуть не со слезами на глазахъ жалуются: помилуйте! мужъ заставляеть меня въ Берлинѣ платья покупать!

Въ Берлинѣ можно купить одѣяло, но не такое, чтобъ имъ покрывать постель днемъ; можно купить резиновый мячикъ, но лишь для дѣтей небогатыхъ родителей; наконецъ, въ Берлинѣ можно купить колбасу, но не такую, чтобъ подчивать ею людей, которымъ желаетъ добра, а такую, чтобъ съѣсть ее отъ нужды одному, при запертыхъ дверяхъ, съѣсть, и когда желудочныя боли утихнутъ, то позабыть. И за всеѣмъ тѣмъ, Берлинъ торгуеть, какъ говорится, въ развалъ, и въ особенности шерстянымъ товаромъ. Куда расходится эта громадная масса безвкуснаго, а отчасти и не особенно прочнаго товара?—Разумѣется, прежде всего по своимъ собственнымъ Диршау, Бромбергамъ, Тарантамъ и проч., но главное количество все-таки уходитъ въ Россію. Пензы,

Тулы, Курски—все слопають, и Тульская дамочка, которая визжала при одной мысли ремонтировать свой туалетъ въ Берлинѣ, охотно износить самага несомнѣннаго Герсона за самага несомнѣннаго Ворта, если этотъ Герсонъ будетъ предложенъ ей въ магазинѣ дамскаго портного Страхова... въ кредитъ.

Но самый гнетущій элементъ берлинской уличной жизни — это военный. Сравнительно съ Петербургомъ, военный гарнизонъ Берлина не весьма многочисленъ, но тѣла-ли прусскихъ офицеровъ дюжѣ, груди-ли у нихъ объемистѣ, какъ бы то ни было, но дѣлается положительно тѣсно, когда по улицѣ проходитъ прусскій офицеръ. Одѣтъ онъ какимъ-то чудакомъ, въ форму, напоминающую наши военные сюртуки и фуражки сороковыхъ годовъ; грудь выпячена колесомъ, усы закручены въ колечко... Идетъ румяный, крупичатый, довольный, точно сейчасъ получилъ жалованье, что не мѣшаетъ ему, впрочемъ, относиться къ ближнему съ строгостью и скоростью. Мнѣ кажется, что Держиморда именно былъ бы таковъ, если бы не заѣлъ его Сквозникъ-Дмухановскій, и онъ самъ не имѣлъ бы слабости къ спиртнымъ напиткамъ.

Когда я прохожу мимо берлинскаго офицера, меня всегда беретъ оторопь. Даже въ Баденъ-Баденѣ, въ Эмсѣ мнѣ дѣлалось жутко, когда, бывало, привезутъ въ курзалъ изъ Рапштата или изъ Кобленца нѣсколько десятковъ офицеровъ, чтобъ доставить удовольствие à ces dames. Не потому жутко, чтобъ я боялся, что офицеръ кликнетъ городского, а потому, что онъ всеѣмъ своимъ складомъ, посадкой, устоемъ, выпяченной грудью, выбритымъ подбородкомъ такъ и тычетъ въ меня: я герой! Мнѣ кажется, что если бы, вмѣсто того, онъ сказалъ: я разбойникъ и сейчасъ начну тебя свѣжевать,—мнѣ было бы легче. А то «герой» — шутка сказать! Передъ героями

простые люди обязываются падать ницъ, обожать ихъ, забыть объ себѣ, чтобъ исключительно любоваться и гордиться ими, — вотъ какъ я понимаю героевъ! Но какъ бы я ни былъ малъ и ничтоженъ, вѣдь и у меня есть собственныя дѣлишки, которыя требуютъ времени и заботы. И въ добавокъ, эти дѣлишки, вмѣстѣ съ дѣлишками другихъ столь же простыхъ людей, не бесполезны и для страны, въ которой я живу. Неужели же я долженъ обо всемъ забыть, на все закрыть глаза, затѣмъ только, чтобъ во всю глотку орать: ура, герой! Нѣтъ, право, самое мудрое дѣло было бы, если бы держали героевъ взаперти, потому что это развязало бы простымъ людямъ руки и въ то же время дало бы возможность странѣ пользоваться плодами этихъ рукъ. Пускай герои между собой разговариваютъ и другъ на друга любятъ; пускай читаютъ Плутарха, припоминаютъ анекдоты изъ жизни древнихъ и новыхъ героевъ, и вообще поддерживаютъ въ себѣ вкусъ къ истребленію «исконнаго» врага (а кто же теперь не «исконный» врагъ въ глазахъ прускаго офицера?). Но пусть они не показываются днемъ на улицѣ, пусть не напоминаютъ мнѣ, смиренному и скромному колбаснику, что я ежемгновенно могу погибнуть какъ червь, если за меня не бдитъ недремлющее око его... героя!

Нашъ русскій офицеръ никогда не производилъ на меня такого удручающаго впечатлѣнія. Прежде всего, онъ въ объемѣ тоньше, и грудей у него такихъ нѣтъ; во-вторыхъ; онъ положительно никому не тычетъ въ глаза: я герой! Русскій человекъ способенъ быть дѣйствительнымъ героемъ, но это не выпячиваетъ ему груди и не заставляетъ таращить глаза. Онъ смотритъ на героизмъ безъ панибратства и очевидно понимаетъ, что это совсѣмъ не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить съ собою, въ числѣ прочей аммуниціи. Напротивъ,

пруссакъ убѣжденъ, что разъ онъ произведенъ, съ соизволенія начальства, въ герои, разъ ему воздвигнуть на Королевской площади памятникъ, то онъ обязывается съ честью носить это званіе не только на улицахъ, но и въ садахъ Орфеума. Разумѣтся, простыхъ людей это стѣсняетъ.

Можетъ быть, поэтому-то и берлинская веселость имѣетъ какой-то неискренній, мрачный характеръ. Какъ тутъ искренно веселиться, когда о бокъ съ вами торчитъ «герой», который, того гляди, начнетъ повѣствовать объ Вѣртѣ или объ Седанѣ? А между тѣмъ, не веселиться — нельзя. Во-первыхъ, современный берлинецъ черезчуръ взбаламученъ рассказами о парижскихъ веселостяхъ, чтобъ не попытаться завести и у себя что-нибудь à l'instar de Paris. Во-вторыхъ, ежели онъ не будетъ веселиться, то не скажетъ-ли объ немъ Европа: вотъ онъ прошелъ съ мечемъ и огнемъ половину цивилизованнаго міра, а остался все тѣмъ же скорбнымъ главою берлинцемъ. Въ-третьихъ, не скажутъ-ли и самые «герои»: мы завалили васъ лаврами, а вы ходите какъ заспанные — ужели нужно и еще раззорить какую-нибудь страну, чтобъ разбудить васъ? И вотъ, берлинецъ начинаетъ веселиться. Онъ заводитъ шарабанъ mit einem ganz noblen Lakai, и хвастается: wir haben unsere eigenen gamins de Paris! А затѣмъ, отправляется въ Орфеумъ, щиплетъ тамошнихъ кокотокъ («не знаетъ какъ блеснуть очаровательнѣе», какъ выражается у Островскаго Липочка Большова), наливается шампанскимъ точно такъ же, какъ отецъ или предокъ его наливался пивомъ, и пьяный отправляется на почлегъ въ сопровожденіи двухъ кокотокъ, вмѣсто одной. И мечется на своемъ ложѣ, видя во снѣ, что и завтра ему предстоитъ веселиться гочно тѣмъ же порядкомъ.

Я съ особенной настойчивостью останавливаюсь на

уличной жизни, во-первыхъ, потому, что она всего больше доступна наблюденію, а во-вторыхъ, потому, что въ городѣ, имѣющемъ претензію быть кульминаціоннымъ пунктомъ цѣлой имперіи, уличная жизнь, по мнѣнію моему, должна преимущественно отражать на себѣ степень бѣльшей или мѣньшей эмансипаціи общества отъ узъ. Основать университетъ и населить его знаменитѣйшими и наилучше оплаченными профессорами можно всюду, даже при наличности самыхъ нестершимѣйшихъ узъ, равно какъ всюду же можно устроить музеи, коллекціи, выставки и проч. Для этого нужны только добрая воля и матеріальныя средства. Но общительность, но мягкость формъ общежитія нельзя декретировать ни начальственнымъ предписаніемъ, ни громомъ и блескомъ побѣдъ. Тамъ, гдѣ эти свойства отсутствуютъ, гдѣ чувство собственнаго достоинства замѣняется оскорбительнымъ и въ сущности довольно глупымъ самоуниженіемъ, гдѣ шовинизмъ является обнаженнымъ, безъ всякой примѣси энтузіазма, гдѣ не горять сердца ни любовью, ни ненавистью, а воспаляются только подозрительностью къ сосѣдѣ, гдѣ нѣтъ ни истинной привѣтливости, ни искренней веселости, а есть только желаніе похвастаться и разсчитать на тринкгельдъ — тамъ, говорю я, не можетъ быть и большого хода свободѣ. Я не хочу, конечно, сказать этимъ, чтобъ университеты, музеи и тому подобныя образовательныя учрежденія играли ничтожную роль въ политической и общественной жизни страны — напротивъ! но для того, чтобъ вліяніе этихъ учрежденій оказалось дѣйствительно плодотворнымъ, необходимо, чтобъ между ними и обществомъ существовала живая связь, чтобъ университеты, напримѣръ, были свѣточами и вѣстниками жизни, а не комментаторами официально признанныхъ формулъ, которыя и сами по себѣ на столько

крѣпки, что, право, не нуждаются въ подтвержденіи и провозглашеніи съ высоты профессорскихъ кафедръ.

Но здѣсь я не могу воздержаться, чтобъ не припомнить одного любопытнаго факта изъ моего прошлаго. Когда я былъ въ школѣ, то въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ еще весьма часто упоминалось слово «кнутъ». Нужно полагать, что это было очень серьезное орудіе государственной Немезиды, потому что оно отпускалось въ количествѣ, непревышавшемъ 41-го удара, хотя опытный палачъ, какъ въ то время удостовѣряли, могъ съ трехъ ударовъ заколотить человѣка на смерть. Во всякомъ случаѣ, орудіе это несомнѣнно существовало, и слѣдовательно, профессоръ уголовного права долженъ былъ такъ или иначе встрѣтиться съ нимъ на кафедрѣ. И что же! выискался профессоръ, который не только не проглотилъ этого слова, не только не подавился имъ въ виду десятковъ юношей, внимавшихъ ему, не только не выразился хоть такъ, что какъ-дескать ни печально такое орудіе, но при извѣстныхъ формахъ общечитія представляется затруднительнымъ обойти его, а прямо и внятно повѣтствовалъ, что кнутъ есть одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находятъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе. Мало того: онъ утверждалъ, что сама злая воля преступника требуетъ себѣ воздаянія въ видѣ кнута, и что не будь этого воздаянія, она могла бы счесть себя неудовлетворенною. Но прошло немного времени, курсъ уголовщины не былъ еще законченъ, какъ вдругъ, передъ самыми экзаменами, кнутъ отрѣшили и замѣнили трехвостною плетью, съ соответствующимъ угубженіемъ съ точки зрѣнія числа ударовъ. Я помню, что насъ, молодыхъ школяровъ, чрезвычайно интересовало, какъ-то вывернется старый буквоѣдъ изъ этой неожиданности. Пролетѣть-ли онъ слезу на могилѣ кнута, или надругается надъ этой мо-

гилой и воткнеть въ нее осиновый коль. Оказалось, что онъ воткнулъ осиновый коль. Цѣлую лекцію сквернословилъ онъ передъ нами, какъ скорбѣла высшая идея правды и справедливости, когда она осуществлялась въ формѣ кнута, и какъ ликуеть она теперь, когда, съ соизволенія вышняго начальства, ей предоставлено осуществляться въ формѣ трехвостной плети, съ соответствующимъ угобженіемъ. Онъ говорилъ и его не тошнило, а мы слушали и насъ тоже не тошнило. Я не знаю, какъ потомъ справился этотъ профессоръ, когда тѣлесныя наказанія были совсѣмъ устранены изъ уголовного кодекса, но думаю, что онъ и тутъ вышелъ сухъ изъ воды (быть можетъ, ловкій старикъ внутренне посмѣивался, что какъ молъ не вертись, а тумакъ и митрогнозія все-таки остаются въ прежней силѣ). Кто же, однако, бросить въ него камень за выказанную имъ научную сноровистость? Развѣ отъ него требовалось, чтобъ онъ стоялъ на дорогѣ съ свѣточемъ въ рукахъ? Нѣтъ, отъ него требовалось одно: чтобъ онъ подыскалъ обстановку для истины уже отверженной и официально признанной таковою, и потомъ за эту послугу, чтобъ получалъ присвоенное по штатамъ содержаніе.

Весьма можетъ статья, что я не правъ (охотно сознаюсь въ моей некомпетентности), но мнѣ кажется, что именно для этой послѣдней цѣли собраны въ берлинскомъ университетѣ ученые знаменитости со всѣхъ концовъ Германіи. Они устраиваютъ обстановочки, придумываютъ оправдательныя теоріи въ пользу совершившихся фактовъ, и скромно пользуются присвоеннымъ имъ отличнымъ содержаніемъ. Но вліянія на ходъ жизни они не имѣютъ и никого для будущаго не воспитываютъ. Конечно, они не будутъ распинаться въ пользу кнута, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ хранился, за печатами,

въ губернскихъ правленіяхъ, но вѣдь бываютъ кнуты и индказательные...

Я не имѣю никакихъ данныхъ утверждать, что Берлинъ *никогда* не сдѣлается дѣйствительнымъ руководителемъ германской умственной жизни, но, судя по современному настроенію умовъ, думаю, что *въ настоящее время* для доброй половины Германіи Берлинъ не только не симпатиченъ, но даже прямо непріятенъ. Онъ у всѣхъ что-нибудь отнялъ и ничѣмъ за отнятое не вознаградилъ. И вдобавокъ, вездѣ насоваль берлинскаго солдата съ соотвѣтствующимъ количествомъ берлинскихъ же офицеровъ. Какое, спрашивается, имѣлъ онъ право смущать сонъ добродушныхъ баденцевъ вѣчноприсущимъ представленіемъ о выпяченныхъ грудяхъ и вытаращенныхъ глазахъ? И была-ли въ томъ надобность?

Однимъ словомъ, вопросъ, для чего нуженъ Берлинъ? — оказывается вовсе не столь празднымъ, какъ это можетъ представиться съ перваго взгляда. Да и отвѣтъ на него не особенно затруднителенъ, такъ какъ вся суть современнаго Берлина, все міровое значеніе его сосредоточены въ настоящую минуту въ зданіи, возвышающемся въ виду Королевской площади и носящемъ названіе: *Главный штабъ*...

Разсказываютъ, правда, что никогда въ Берлинѣ не были такъ сильны демократическія аспираціи, какъ теперь, и въ доказательство указываютъ на нѣкоторые парламентскіе выборы. Но вѣдь разсказываютъ и то, что берлинское начальство очень ловко умѣетъ справляться съ аспираціями и отнюдь не церемонится съ излюбленными берлинскими людьми...

Само собой разумѣется, что каждый здравомыслящій берлинецъ, по поводу сейчасъ изложеннаго, можетъ сказать мнѣ: если тебѣ у насъ не хорошо, то ступай домой

и тамъ наслаждайся! И я не только допускаю возможность такого возраженія, но даже понимаю, что въ отвѣтъ на него я могу только сконфузиться. Но, въ сущности, я буду неправъ, потому что дѣло совѣмъ не въ томъ, гдѣ и на сколько золотниковъ жизнь угрюмѣе, а въ томъ, гдѣ и на сколько она интереснѣе. Читатель! удивиись! я совершенно безъ всякой ироніи утверждаю, что нигдѣ жизнь не представляетъ такъ много интереснаго, какъ въ нашемъ бѣдномъ, захудаломъ отечествѣ.

Конечно, это интересъ своеобразный, какъ говорится, на охотника, но все-таки интересъ.

Бываютъ существованія, съ личной точки зрѣнія, очень мучительныя, почти невозможныя, но съ точки зрѣнія изслѣдованія и выводовъ, полныя изумительнѣйшихъ откровеній. Наблюдать такія существованія со стороны было бы, разумѣется, удобнѣе, нежели знакомиться съ ними при помощи собственныхъ боковъ, но устроить это, безъ ущерба для полноты самыхъ наблюденій, до крайности трудно. Во-первыхъ, какъ бы ни было добросовѣстно и подробно изслѣдованіе со стороны, никогда оно не замѣнитъ того интимнаго изслѣдованія, процессъ котораго оставляетъ неизгладимые слѣды на собственныхъ бокахъ изслѣдователя. Во-вторыхъ, существуютъ распорядки, при которыхъ, не смотря на самыя похвальные усилія остаться на почвѣ объективности, эти усилія оказываются тщетными, и всякій наблюдатель, каковы бы ни были его намѣренія, силою вещей превращается въ наблюдателя, собирающаго нужные факты при помощи собственныхъ боковъ. Поэтому, принимая на себя роль изслѣдователя подобныхъ загадочныхъ существованій, необходимо сказать себѣ: чтожь дѣлать! если меня и ожидаютъ впереди нѣкоторые ушибы, то я обязываюсь оныя перенести!

Сказать это тѣмъ болѣе необходимо, что предметъ предстоящихъ изслѣдованій вполнѣ того заслуживаетъ.

Какимъ образомъ этотъ предметъ могъ сдѣлаться интереснымъ, — вопросъ довольно затруднительный для рѣшенія; но вѣдь и это ужъ само по себѣ очень интересно, что хоть и не можешь себѣ объяснить, почему предметъ интересенъ, а все-таки интересуешься имъ. Тутъ можно сказать себѣ только одно: чѣмъ загадочнѣе жизнь, тѣмъ болѣе она даетъ пищи для любознательности и тѣмъ больше подстрекаетъ къ раскрытію тайнъ этой загадочности. Съ этой точки зрѣнія, я совершенно раздѣляю мнѣніе «Мальчика безъ штановъ», который на всѣ обольщенія, представляемыя гороховицей съ свинимъ саломъ, отвѣчалъ: нѣтъ, у насъ дома занятнѣе. Ежели можно сказать вообще про Европу, что она, въ главныхъ чертахъ, повторяетъ зады (по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, она во истину ничего другого не дѣлаетъ), и во всякомъ случаѣ знаетъ, что ожидаетъ ее завтра (что было вчера, то повторится и завтра, съ малымъ развѣ измѣненіемъ въ подробностяхъ), то къ Берлину это замѣчаніе примѣнимо въ особенности. Въ Берлинѣ, самые камни вопіютъ: завтра должно быть то же самое, что было вчера! А мы — развѣ мы что-нибудь знаемъ? Какимъ образомъ разрѣшится вопросъ объ акклиматизаціи саранчи? Порвется-ли когда-нибудь сѣть сквернословія и тумачковъ, осыпавшая насъ отъ верхняго края до нижняго? Произойдетъ-ли когда-нибудь волшебство, при помощи котораго народная школа, народное здоровье, занятіе сельскимъ хозяйствомъ, то есть именно тѣ поприща, на которыхъ культурный человѣкъ можетъ принести наибольшую пользу, перестанутъ считаться синонимами распространенія превратныхъ идей? Кто разрѣшитъ эти вопросы? — разумѣется, никто... Но развѣ это не занятно?

Я знаю, что жить среди этихъ загадочностей все равно, что быть вверженнымъ въ львиный ровъ... Но за

то, какая радость, ежели львы не тронуть или только слегка помнуть ребра!

«Мальчикъ въ штанахъ» во многомъ былъ правъ. Гороховица съ свинимъ саломъ во истину слаще, нежели мякинный хлѣбъ, сдобренный одною водою; поля, приносящія постоянно самъ-пятнадцать, во истину выгоднѣе, нежели поля, предоставляющія въ перспективѣ награду на небесахъ; отсутствіе митирогнозій лучше, нежели присутствіе ея, а обычай не рвать яблоковъ съ деревьевъ, растущихъ при дорогѣ, похвальнѣе обычая опохмѣляться чужимъ плохо лежащимъ керосиномъ. Но онъ былъ неправъ, утверждая, что всѣ эти блага цивилизаціи настолько цѣнны, чтобъ за нихъ можно было «по контракту» закрѣпить душу. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію моему, «Мальчика безъ штановъ» правѣе. Онъ соглашается, что у пруссака чище и вальготнѣе, но утѣшается тѣмъ, что у него, «Мальчика безъ штановъ», по крайней мѣрѣ, никакого контракта на рукахъ нѣтъ. Положимъ, что его душа, точно такъ же, какъ и нѣмцева, не принадлежитъ ему въ собственность, но онъ не продалъ ея за грошъ, а отдалъ даромъ. Какъ хотите, а это очень и очень интересная разница!

Какъ бы то ни было, но первое чувство, которое долженъ испытать русскій, попавшій въ Берлинъ, все-таки будетъ чувствомъ искреннѣйшаго огорченія, близко граничащаго съ досадою. Прежде всего, онъ увидитъ себя вынужденнымъ сравнивать, и выводы, которые получатся путемъ этихъ сравненій, покажутся ему не особенно удовлетворительными. Но пусть онъ не останавливается передъ этими первыми выводами, пусть не обольщается даже зрѣлищемъ признанія правъ мысли на оцѣнку благодѣяній свободы, первый актъ котораго несомнѣнно начнется для него уже подъ Эйдткуненомъ. Пусть приметъ онъ на вѣру слова «Мальчика безъ штановъ»: у насъ

дома занятіе, и съ довѣріемъ возвратится въ домъ свой, чтобъ занять соотвѣтствующее мѣсто въ представленіи той загадочной драмы, о которой нельзя даже сказать, началась она или нѣтъ.

За Берлиномъ, по направленію къ Рейну, начинается рядъ лакейскихъ городовъ. Это — курорты, гдѣ, въ общей массѣ наѣзжаго люда, и русскіе, по распоряженію медицинскаго начальства, посвящаютъ себя нагуливанію животовъ.

Курортъ — миниатюрный, живописно расположенный городокъ, который зимою представляетъ рядъ на-глухо заколоченныхъ отелей и въѣзжихъ домовъ, а лѣтомъ превращается въ гудящій пчелиный улей. Оффиціальная привлекательность курортовъ заключается въ цѣлебной силѣ ихъ водяныхъ источниковъ и въ обновляющихъ свойствахъ воздуха окружающихъ горъ; неоффиціальная — въ томъ непрерывающемся праздникѣ, который неразлученъ съ наплывомъ массъ досужихъ и обладающихъ хорошими денежными средствами людей.

Я не могу представить себѣ зимнее существованіе этихъ городковъ. Ведутъ-ли населяющіе ихъ жители какую бы то ни было самостоятельную жизнь и имѣютъ-ли свойственныя всѣмъ земноводнымъ постоянныя занятія? пользуются-ли благами обществѣнности, т. е. держать-ли, какъ въ прочихъ мѣстахъ, ухо остро, являются-ли по начальству въ мундирахъ для принесенія поздравленій, фигурируютъ-ли въ процессахъ, въ качествѣ попустителей и укрывателей, и затѣмъ уже, въ свободное отъ явокъ время, женятся, рожаютъ дѣтей и умираютъ, или же представляютъ собой изнуренный лѣтнею бѣготнею сбродъ, который, сосчитавъ барыши, погружается въ спячку, съ тѣмъ, чтобъ проснуться въ началѣ апрѣля и начать приготовленіе къ новой лѣтней бѣготнѣ? Во-

образить себѣ обывателя курорта не суетящагося, не продающаго себя со всѣми потрохами, столь же трудно, какъ и вообразить коренного русскаго человѣка, который забылъ о существованіи ежевыхъ рукавицъ. Поэтому я могу только догадываться, что зимою нѣмецкій курортъ превращается въ сказочную долину, по которой разбросаны посѣщаемые привидѣніями дома, и въ которой не видно никакихъ признаковъ человѣческой дѣятельности, кромѣ прилежной вывозки нечистотъ, оставленныхъ щедрыми лѣтними посѣтителеми. Не только иностранецъ исчезаетъ, но и вся разношерстная толпа лакеевъ, фигурировавшая лѣтомъ въ качествѣ мѣстнаго колорита — и та уплываетъ неизвѣстно куда, вмѣстѣ съ послѣднимъ отбоемъ иностранной волны. Ибо и она, эта лакейская толпа, была совсѣмъ не мѣстная, а пришлая, привлеченная сюда со всѣхъ концовъ Германіи надеждой на иностранный тринкгельдъ. У насъ, въ Россіи, навѣрное, такой городъ переименовали бы въ запятный, и только лѣтомъ, въ видахъ пресѣченія и предупрежденія, переводили бы сюда становую квартиру, съ правомъ, на случай превратныхъ толкованій, выворачивать руки къ лопаткамъ и сажать въ «холодную».

За то, съ наступленіемъ весенняго тепла, курортъ начинаетъ закипать, и чѣмъ больше подвигается время въ глубь лѣта, тѣмъ гуще и гуще раздается пчелиное гудѣніе вокругъ курзала и безчисленныхъ табльдотовъ, простирающихъ свои объятія наѣзжему люду. Курзаль прибодряется и расцвѣчивается флагами и фонарями самыхъ причудливыхъ формъ и сочетаній; лужайки около него украшаются вычурными цвѣтниками, съ изображеніемъ официальныхъ гербовъ; армія лакеевъ стоитъ, притаивъ дыханіе, готовая, по первому знаку, ринуться впередъ; въ кургаузѣ, около источниковъ, появляются дородныя вассерфрау; всякій частный домъ превращается

въ privat-hôtel, напоминающій невзрачную провинціальную русскую гостиницу (къ счастью, лишенную клоповъ), съ дерюгой вмѣсто постельнаго бѣлья и съ какими-то нелѣпыми подушками, которыя расползаются при первомъ прикосновеніи головы; владѣльцы этихъ домовъ, зимой ютившіеся въ конурахъ, ради экономіи въ топливѣ, теперь переходятъ въ еще болѣе тѣсныя конуры, ради прибытка; сосѣднія деревни, не покладывая рукъ, доятъ коровъ, козъ, ослицъ и щупаютъ куръ; на всякомъ перекрѣсткѣ стоятъ динстманы, пактрэгеры и прочіи подневольный людъ, пришедшій съ спеціальною цѣлью за грошъ продать душу; и тутъ же рядомъ ржутъ лошади, ревуть ослы и безъ оглядки бѣжить жидъ, самъ еще не сознавая зачѣмъ, но чуя, что изъ каждаго кармана пахнетъ талеромъ или банковымъ билетомъ. Чувствуется, что въ воздухѣ есть что-то ненормальное, что жизнь какъ-будто сошла съ ума, и, разумѣется, по русскому обычаю, опасаясь, что вотъ-вотъ попадешь въ «исторію». Но чѣмъ больше живешь и вглядываешься, тѣмъ больше убѣждаешься, что, не смотря на всякія ненормальности, никакихъ «исторій» нѣтъ, что все кругомъ испоконъ вѣковъ намуштровано, и теперь само собой такъ укладывается, чтобъ никто никому не мѣшалъ. Пактрэгеры не спотыкаются, не задѣваютъ другъ друга, но степенно двигаются, гордые сознаниемъ, что именно *они*, а не динстманы, призваны замѣнять ломовыхъ лошадей; динстманы не перебиваютъ другъ у друга работу, не кричатъ въ запуски: я сбѣгаю! я, ваше сіятельство! меня вчера за Анюткой посылали, господинъ купецъ! но солидно стоятъ въ ожиданіи, кого изъ нихъ потребитель облюбуетъ, кому скажетъ: лобъ! У насъ (въ Москвѣ, на примѣръ), при такихъ обстоятельствахъ, по малой мѣрѣ, потребителю фалды бы оборвали, и послѣдствіемъ этого было бы путешествіе въ кутузку, а здѣсь и кутузки нѣтъ,

и фалды цѣлы. Но вѣдь съ другой стороны, если бы мы вздумали подражать нѣмецкимъ образцамъ, то есть начали бы солидничать и въ молчаніи ждать своей участи, то не вышло ли бы изъ этого другой, еще горшей бѣды? Молчишь — значитъ, есть что-нибудь на умѣ... А что же можетъ быть на умѣ у динстмана, кромѣ превратныхъ толкованій? Ну, и опять — маршь въ кутузку!

Благо странамъ, которыя, въ видѣ сдерживающаго начала, имѣютъ въ своемъ распорядкѣ кутузку, но еще болѣе благо тѣмъ, которыя, отбывъ время кутузки, и нынѣ носятъ ее въ сердцахъ благодарныхъ дѣтей своихъ. Достоинъ похвалы тотъ, который, видя кутузку очами тѣлесными, согласно съ симъ регулируетъ свое поведеніе; но стократъ блаженнѣе тотъ, который, видя кутузку лишь очами духовными, продолжаетъ вѣровать въ неизбежность ея руководящихъ свойствъ. Русская лошадь знаетъ кнутъ и потому боится его (иногда даже до того уже знаетъ, что и бояться перестаетъ: бей, насытая душа, коли люби!); нѣмецкая лошадь почти совсѣмъ не знаетъ кнута, но она знаетъ «исторію» кнута, и потому, при первомъ щелканьи бича, бѣжитъ впередъ, не выжидая болѣе дѣйствительныхъ понужденій. Такъ точно и во всемъ. Тѣмъ не менѣе, надобно, къ чести людей, сознаться, что кнутъ все-таки есть только мѣра печальной необходимости, къ которой рѣдко кто прибѣгаетъ, какъ къ развлеченію. Какъ легко жилось бы русскимъ извозчикамъ, если бы русскія лошади вдругъ остепенились и начали возить не только за страхъ, но и за совѣсть! И какъ просто было бы управлять людьми, если бы, подобно нѣмецкимъ пактрёгерамъ, всѣ поняли, что священнѣйшая обязанность человѣка въ томъ заключается, чтобъ, не свотыкаясь и не задѣвая другъ друга, носить тяжести, принадлежащія «знатнымъ иностранцамъ»! Но, можетъ быть, если бы эта утопія осу-

ществилась, то сами извозчики сбѣсились бы отъ жира и ничего недѣланія? И, сбѣсившись, начали бы... Помилуйте! а кутузка на что?

А, впрочемъ, довольно мечтать о томъ, кто болѣе заслужилъ похвалы и кто менѣе. Пускай нѣмецкіе извозчики щелкають бичами по воздуху, а наши пускай бьютъ лошадей кнутами и вдоль спины, и поперѣкъ, и по брюху. Пускай нѣмецкіе динстманы носятъ кутузку въ сердцѣ своемъ, а наши, имѣя въ оной жительство, пусть говорятъ: ахъ, чтобъ ей ни дна, ни покрывки! Конечно, отъ того или другого образа поведенія зависитъ то или другое направленіе внутренней политики, но вѣдь за внутренней политикой не угонишься! Иной ведетъ себя отлично, да сосѣдъ напакостилъ — анъ и его за одно ведутъ въ кутузку. И потомъ: ахъ, какъ жаль! какое печальное недоразумѣніе! Это кутузка-то... недоразумѣніе!

Правда, я со всѣхъ сторонъ слышу, что недоразумѣній больше ужъ не будетъ, и вполнѣ вѣрю, что, въ дополненіе къ прежнимъ эмансипаціямъ, возможна и эмансипація отъ недоразумѣній. Но, признаюсь, меня смущаетъ вопросъ: не будетъ-ли слишкомъ прѣсна наша жизнь безъ недоразумѣній, но съ кутузкой? Вѣдь мы привыкли! Театры у насъ плохіе, митинговъ нѣтъ, въ трактирахъ порція бифштекса стѣдитъ рубль серебромъ, такъ, по моему мнѣнію, лучше, *по недоразумѣнію*, вечеръ въ кутузкѣ провести, нежели въ Александринкѣ глазами хлопать. Но только, ради Христа, не больше одного вечера!

Средняго сословія людей въ курортахъ почти нѣтъ, ибо нельзя же считать таковыми ту незамѣтную горсть туземныхъ и иноземныхъ негоціантовъ, которые торгуютъ (и Богъ вѣсть, однимъ-ли тѣмъ, что у нихъ на полкахъ лежитъ?) въ баракахъ и колонадахъ вдоль променады, или тѣхъ антрепренѣровъ лакейскихъ послугъ, которые

тѣмъ только и отличаются (разумѣется, я не говорю о мошнѣ) отъ обыкновенныхъ лакеевъ и кнехтовъ, что имѣютъ право громче произносить: pst! pst! Можетъ быть, зимой, когда сосчитаны барыши, эти послѣдніе и сознаютъ себя добрыми буржуа, но лѣтомъ они, наравнѣ съ самымъ послѣднимъ кельнеромъ, продаютъ душу наѣзжему человѣку и не имѣютъ иного критериума для оцѣнки вещей и людей, кромѣ того, сколько то или другое событіе, тотъ или другой «гость» бросятъ имъ лишнихъ цѣнинговъ въ карманъ.

А наѣзжій человѣкъ такъ со всѣхъ сторонъ и напираетъ. Каждый день, безчисленные желѣзнодорожные поѣзды выбрасываютъ на улицы курорта массы «гостей», которые тутъ же, съ вытаращенными глазами, задыхаясь и спѣша, начинаютъ отыскивать себѣ конуру для ночлега. Это, такъ сказать, предвкушеніе ожидающихъ утѣхъ. Тутъ и человѣкъ, всю зиму инспекторировавшій, въ чайни, что лѣтомъ будетъ лакомиться ослиными сыворотками и «обмѣнивать вещества». Тутъ и безшабашный совѣтникъ, который согласенъ какую угодно мерзость глотать, лишь бы Богъ вѣку продлилъ и сотворилъ ему мирнымъ и непостыднымъ полученіе присвоенныхъ по штатамъ окладовъ и арендъ. Тутъ и юный бонапартистъ, которому только безмѣрное безразсудство до сихъ поръ мѣшало обдумать, въ чью пользу и за какую сумму ему придется продать отечество. Тутъ и пустоголовая, но хорошо выкормленная бонапартистка, которая, опираясь на руку инспектирующаго человѣка, мечтаетъ о томъ, какъ она завтра появится на променадѣ въ такомъ платьѣ, что все-все (mais tout!) будетъ видно. Тутъ и милая старушка, которая уже теперь не можетъ придти въ себя отъ умиленія при видѣ той массы панталонъ, которая все больше и больше увеличивается, по мѣрѣ приближенія къ центру городка. Тутъ

и замученный хожденіями по мытарствамъ литераторъ и ошалѣвшій отъ апелляцій и кассаций адвокатъ, и оглохшій отъ директорскаго звонка чиновникъ, которые надѣются хоть на два, на три мѣсяца стряхнуть съ себя массу замученности и одурѣнія, въ теченіи 9—10 мѣсяцевъ составляющую ихъ обычный *modus vivendi* (неблагодарные! они забываютъ, что именно эта масса и напоминала имъ, отъ времени до времени, что въ Езопѣ скрывается челоуѣкъ!). Тутъ и шпионъ. И все они переходятъ отъ гостинницы къ гостинницѣ, отъ одного вѣзжаго дома къ другому, отыскивая конуру... самую простую конуру! И рѣдко кому изъ нихъ удастся успокоиться въ искомой конурѣ раньше трехъ-четыреухъ часовъ изнурительнѣйшихъ поисковъ.

Ночью, гостинницы и вѣзжіе дома наполняются звуками инспектораціи «гостей» и громкими протестами бонапартистокъ: *et bien, auras-tu bientôt fini?* — на что слѣдуетъ неизбѣжный отвѣтъ: ахъ, матушка! к-ха, к-ха... хррр... Но вотъ, легкія, мало-по-малу, очищаются и къ полуночи все стихаетъ. Утромъ, въ шесть часовъ, опять инспекторація и опять протестъ... А, между тѣмъ, въ кургаузѣ и около него гудитъ пчелиный рой. Семь часовъ утра. Одни уже отпили свою порцію, другіе только-что заручились кружками и спѣшатъ къ источникамъ. Всякій народъ тутъ: чиновные и нечиновные, больные и здоровые, каналы и честные люди, бонапартисты и простые, застѣнчивые люди, которые никакъ не могутъ придти въ себя отъ изумленія, какое горькое волшебство привело ихъ въ соприкосновеніе со всеѣмъ этимъ людомъ, котораго они не искали и незнаніе котораго составляло одну изъ счастливѣйшихъ привилегій ихъ существованія. Тутъ и англичанка-пѣресса, которая въ Англіи оплодотворилась, а здѣсь заставляетъ возить себя въ ручной колясочкѣ, дабы не потревожить плода.

Тутъ и упраздненный принцъ крови, который, изнемогая въ конвульсіяхъ высокопоставленнаго одиночества, разыскиваетъ черезъ кельнеровъ, не пожелаетъ-ли кто-нибудь имѣть честь быть ему представленнымъ. Тутъ и рязанскій землевладѣлецъ, у котораго на лицѣ написано: наплюю я на эти воды, закачусь на цѣлую ночь въ Линденбахъ, дамъ Дорѣ двадцать-пять марокъ въ зубы: скидывай, бестыя, лишнюю одѣжду... служи! Тутъ и шпионъ. Въ воздухѣ стоитъ разноязычный говоръ, въ общей массѣ котораго не послѣднее мѣсто занимаетъ и русская рѣчь.

— Какими судьбами? вы!

— Да вотъ въ горлѣ все что-то сверлитъ...

— Съ кѣмъ это вы сейчасъ говорили?

— Мошенникъ! знаете-ли, какую онъ штуку удралъ...

Черезъ минуту, другая встрѣча.

— И вы здѣсь? давно?

— Дней съ пять. Съ легкими справиться не могу.

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили?

— Ужаснѣйшая, батюшка, каналья. Знаете-ли, какую онъ вещь съ родной сестрой сдѣлалъ...

Еще черезъ минуту.

— Докторъ! я ужь третій стаканъ выпилъ.

— Ходите, обмѣнивайте вещества!

— Докторъ! вчера я получилъ письмо изъ Россіи. У насъ вѣдь вы знаете чтò?.. Са-ран-ча!!

— Я бы особеннымъ повелѣніемъ запретилъ писать изъ Россіи письма къ больнымъ. Ходите, обмѣнивайте вещества!

— Докторъ! а *это*... можно?

Слѣдуетъ обмѣнъ мыслей шопотомъ.

— Гм... если ужь вы... Но вы знаете мое мнѣніе: это положительно не *surgemeass*...

— Докторъ! чуточку!

— Да, но я все-таки долженъ предупредить... Удивительный вы народъ, господа русскіе! всѣ вы прежде всего объ *этомъ* спрашиваете... Ну, что съ вами дѣлать, можно, можно... А теперь, ходите и обмѣнивайте вещества!

И бѣгутъ ошастливленные докторскимъ разрѣшеніемъ «знатные иностранцы» обмѣнивать вещества. Сначала обмѣниваютъ около курзала, надѣясь обмануть время и принохиваясь къ запаху жженого цикорія, который такъ и валить изъ всѣхъ кухонь. Но потомъ, видя, что время все-таки продолжаетъ идти черепашьимъ шагомъ (требуется, по малой мѣрѣ, часъ на обмѣнъ веществъ), уходятъ въ подгородніе ресторанчики за полчаса или за сорокъ минутъ ходьбы отъ кургауза.

Подождите еще нѣсколько минутъ, и вы увидите новый наплывъ публики: запоздавшихъ. Вотъ и вчерашняя бонапартистка, съ кружкой въ рукахъ, проталкивается сквозь толпу въ какомъ-то вязанномъ трикѣ, которое такъ плотно ее обливаешь, что, дѣйствительно, бонапартисты могутъ пожирать глазами... *все*. Рядомъ съ нею, бредетъ милая старушка, усиливаясь подпрыгивать, вся разрисованная, восхищенная, готовая въ огонь и въ воду... *tout pimpante!* И вдали, въ дверяхъ кургауза, слѣдитъ за старушкой оберъ-кельнеръ, завитой бѣлокурый дѣтина, съ перстнемъ, украшеннымъ крупной бюрюзою, на указательномъ пальцѣ, и на вопросъ, что можетъ стѣдить такой камень, самодовольно отвѣчаетъ: *das hat mir eine hochwohlgeborene russische Dame geschenkt.*

Я знаю многихъ русскихъ дамъ, которыя, навѣрное, обидятся наглостью оберъ-кельнера и воскликнуть: какъ онъ смѣетъ клеветать? Съ своей стороны, отнюдь не оправдывая нескромности табльдотнаго Рюи-Блаза и даже не имѣя ничего противъ того, чтобъ назвать ее клеветою, я позволяю себя, однакожь, одинъ вопросъ: почему

ни одинъ кельнеръ не назоветъ ни eine englische, ни eine deutsche, ни eine französische Dame, а непременно изъ всѣхъ національностей выберетъ русскую? Ужь на что, кажется, повадлива румынская національность, но и объ ней оберъ-кельнеры умалчиваютъ. Стало быть, есть въ русской дамѣ какое-то внутреннее благоволеніе (вѣроятно, вполне невинное), которое влечетъ къ ней сердца хаускнехтовъ и заставляетъ кельнеровъ мечтать: ужь если суждено мнѣ отъ кого-нибудь получить перстенецъ съ бирюзой, такъ не иначе, какъ отъ русской «дамы».

Очень можетъ быть, что дѣло происходило такъ. Пріѣхала на воды инспектурирующая старушка-вдова, и ни въ комъ, на чужбинѣ, не нашла участія, кромѣ оберъ-кельнера своей гостинницы. Этотъ человѣкъ сразу оказался «золотымъ» малымъ. Онъ допускалъ, въ пользу ея, отступленія отъ правилъ табльдота; онъ предоставлялъ ей лучшее мѣсто за столомъ, придвигалъ и отодвигалъ ея стулъ, собственноручно накладывалъ ей на тарелку лакомый кусокъ, наливалъ въ стаканъ вино, и послѣ обѣда, надѣвая ей на плечи мантилью, говорилъ: so! А вечеромъ, лично носилъ ей въ номеръ подносъ съ чаемъ, справлялся, спокойно-ли ей почивать и не нужно-ли промыслить другую подушку. Словомъ сказать, самоотвергался. Разумѣется, старушка была тронута. Вспомнила, что у нея въ саквояжѣ лежитъ перстенецъ съ бирюзой, который когда-то носилъ на указательномъ пальцѣ ея покойный мужъ, вынула, немножко всплакнула (надо же память покойнаго «друга» почитать!) и... отдала. Отдавши, уѣхала на другія воды, гдѣ опять встрѣтила точь въ точь такого же оберъ-кельнера, вспомнила, что у нея въ саквояжѣ лежитъ перстенецъ съ изумрудомъ (тоже покойный мужъ на указательномъ пальцѣ носилъ), опять всплакнула и опять... отдала. И, такимъ образомъ, объ-

ѣхавши многіе курорты, добралась до Швейцаріи, но тутъ запасъ перстеньковъ истощился и, въ соотвѣтствіе съ этимъ, истощилось и оберъ-кельнерское самоотверженіе. И вотъ, теперь она живетъ въ деревнѣ Проплѣванной и даритъ старостѣ Максимушгѣ, за самоотверженіе, желтенькую бумажку...

Et voilà comme on écrit l'histoire.

Около половины десятаго кургаузъ пустѣетъ; гудѣніе удаляется и расходуется по отелямъ. Это время перваго насыщенія, за которымъ наступаетъ время побочныхъ леченій. Позавтракавши, одни идутъ въ Gürgl-cabinet, другіе въ Inhaltenions Anstalt, третьи — берутъ ванны. Но тѣ, которые удивляютъ міръ силою инспекторации — тѣ обыкновенно продѣлываютъ всѣ отрасли леченія и продолжаютъ инспекторировать съ прежнею силою. Зато имъ рѣшительно нетолько нѣтъ времени объ чемъ-либо думать, но некогда и отдохнуть, такъ какъ всѣ эти леченія нужно продѣлать въ разныхъ мѣстахъ города, которыя, хотя и не весьма удалены другъ отъ друга, но все-таки достаточно, чтобъ больной человѣкъ почувствовалъ. И во всякомъ мѣстѣ нужно обождать, во всякомъ нужно выслушать признаніе соотечественника: съ васъ за сеансъ берутъ полторы марки, а съ меня только марку; а вотъ эта старуха-нѣмка платитъ всего восемьдесятъ пфенинговъ. И вся эта исторія повторяется изо дня въ день, не смотря ни на какую погоду. Подумайте! съ шести часовъ дня до часу пополудни, ничего, кромѣ бѣготни и какихъ-то безконечныхъ тринггельдовъ, которые, подобно древней дыбѣ, приводятъ истязуемаго субъекта въ «изумленіе». Какъ должно это дѣйствовать на человѣка, страдающаго, кромѣ болѣзни сердца, эмфиземы, воспаленія дыхательныхъ путей, астмы — еще мозолями!

Это же время (отъ десяти до часу) — самое горячее и для бонапартистки, ибо она примѣриваетъ костюмъ, въ

которомъ должна явиться къ обѣду. Процессъ этого примѣриванія она отбываетъ съ самою невозмутимою серьезностью. Надѣнетъ одно платье, встанетъ передъ зеркаломъ, оглядитъ себя сперва спереди, потомъ сзади, что-то подправитъ, въ одномъ мѣстѣ взбодритъ, въ другомъ пригнететъ, слизнетъ языкомъ соринку, приставшую къ губѣ, пошевелитъ бровями, возьметъ маленькое зеркальце и нѣсколько разъ кивнетъ передъ нимъ головой то вправо, то влѣво, положить зеркальце, опять его возьметъ и опять слизнетъ съ губъ соринку... И все время мечется у ней передъ глазами молодой бонапартистъ, который молить: ахъ, эта ножка! ужели вы будете такъ безсердечны, что не дадите ее поцѣловать! Но мольба эта не волнуетъ ее, не вливаетъ ей въ кровь отраву... Какъ истинная кокотка по духу, она даже *этимъ* не волнуется, а думаетъ только: какъ нынче молодые люди умѣютъ мило говорить!.. и начинаетъ примѣривать другое платье. Новое стояніе передъ зеркаломъ, удаленіе и приближеніе къ нему; есть что-то неладное назади, именно тамъ, гдѣ все должно быть ладно. Что такое? *quel est ce mystère?* Ну, вотъ, теперь хорошо... *tout ce qu'il faut!* И опять бонапартистъ передъ глазами, который успѣлъ ужъ поцѣловать ножку, и теперь вопрошаетъ грядущее... Третье платье и новое повертыванье передъ зеркаломъ. Это платье, повидимому, ужъ совсѣмъ хорошо, но вотъ тутъ... нужно, чтобъ было *два* ноги, а гдѣ онѣ, «двѣ ноги»? «За что же, однако, меня въ институтѣ учитель прозвалъ *tête de linotte!* совсѣмъ ужъ я не такая...» И олять бонапартистъ передъ глазами, но ужъ не тотъ, не прежній. Тотъ былъ съ усиками, а этотъ съ бородой... ахъ, какой онъ большой! Опять платье, четвертое и послѣднее. Пора. Послѣднее платье надѣвается наскоро, потому что часы показываютъ безъ десяти минутъ часъ, и, сверхъ того, въ изгибахъ *tête de linotte* мелькаетъ

стихъ Богдановича: *во вѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша...* Это единственное «знаніе», которое она вынесла изъ шестилѣтней мучительной институтской практики.

Въ это же время бодрствуетъ въ своей конурѣ и шпионъ. Онъ приводитъ въ порядокъ собранные матерьялы, проводитъ ихъ сквозь горнило своего пониманія, и, чувствуя, что отъ этого «пониманія» воняетъ, сдобриваетъ его клеветою. И—о, чудо! — клевета оказывается правдоподобнѣе и даже граматнѣе, потому что образцомъ для нея послужила полемика «благонамѣренныхъ» русскихъ газетъ...

Бьетъ часъ, и весь этотъ людской сбродъ, измученный отчасти бѣготней, отчасти легкомысліемъ, отчасти праздностью, сосредоточивается за табльдотами. На нѣкоторое время, городъ кажется пустымъ.

Послѣобѣденное время — самое тяжкое. До обѣда, всѣ какъ-нибудь отлечились, отштукатурились и обрядились; послѣ обѣда — даже этихъ ресурсовъ нѣтъ. Возвращаться «домой» нѣзачѣмъ, да и нѣкуда: никакого «дома» нѣтъ, а есть конура. Даже у самаго богатаго человѣка, и у того, сравнительно съ «домомъ», конура. Надо гдѣ-нибудь прошляться, чтобъ погубить остальные шесть-семь часовъ. Гдѣ прошляться? Я сказалъ выше, что окрестности курорта почти всегда живописны, но число экскурсій вовсе не такъ велико, чтобъ не быть исчерпаннымъ въ самое короткое время. Пять-шесть прогулокъ — вотъ и весь репертуаръ. Правда, что въ «своемъ мѣстѣ» вы каждый день гуляете по одному и тому же саду, любуетесь одними и тѣми же полями, и вамъ это не надоѣдаетъ. Но, во-первыхъ, «свое мѣсто» избавляетъ васъ отъ культурно-кокотскихъ отравъ, которыя одоѣваютъ васъ здѣсь на каждомъ шагу; а, во-вторыхъ, въ томъ-то и чарующая сила «своего мѣста», что тамъ васъ

интересуетъ судьба каждаго дерева, каждаго куста, каждой былинки. И каждая былинка, въ свою очередь, какъ бы хранить память объ васъ. На что вы ни взглянете, къ чему ни прикоснетесь, — на всемъ легла цѣлая повѣсть злключеній и отрадъ (вѣдь и у обдѣленныхъ могутъ быть отрады!), и вы не оторветесь отъ этой повѣсти, не дочитавъ ея до конца, потому что каждое ея слово, каждый штрихъ или терзаетъ ваше сердце, или растворяетъ его блаженствомъ... Тогда какъ за-границу вы уже по преданію являетесь съ требованіемъ чего-то грандіознаго и совѣмъ-совѣмъ новаго (мнѣ, за мои деньги, подавай!) и вмѣсто того, встрѣчаете путь, усыянный кокотками, которыя различаются другъ отъ друга только тѣмъ, что однѣ изъ нихъ взвѣзжаютъ на горы въ коляскахъ, а другія, завидуя и въ привскочку, взбираются пѣшкомъ.

Часовъ до четырехъ, дѣло, однакожь, кой-какъ идетъ. На променадѣ играетъ порядочная музыка; въ ресторанѣ курзала и на столикахъ около него толпится публика и «потребляетъ». Кокотка по ремеслу отсутствуетъ (управленіе водъ очень строго изгоняетъ все, что не *surgemeass*, хотя, во времена владычества рулетки и отступало отъ этого правила), но кокотка по духу — царить. Но вотъ музыканты, одинъ за другимъ, разбрелись, послѣобѣденный кофе выпить, мороженное съѣдено; дальнѣйшее пребываніе подъ навѣсомъ платановъ становится нестерпимымъ. Необходимо гулять. Въ сущности, еще очень рано; день едва достигъ того часа, когда дома приканчиваются дѣла, и многимъ, по привычкѣ, кажется, что сейчасъ скажутъ, что супъ на столѣ. Напрасное обольщеніе! — надобно гулять! — Вы до усталости ходили утромъ, но то было утромъ, а теперь вечеръ. Обмѣнивайте вещества! Передъ вами *Altes-schloss*,

потомъ Eberstein-schloss, потомъ Rothenfels *). Выб-
райте любое! А завтра будетъ Rothenfels, Eberstein-
schloss, Altes-schloss... а то не хотите-ли въ Фавориту,
десять разъ въ Фавориту, двадцать разъ въ Фавориту!

Бонапартисты и бонапартистки плаваютъ въ этой су-
матохѣ, какъ рыба въ водѣ. Они всходятъ и взѣзжаютъ
на горы, жеманятся, провоцируютъ, мелькаютъ и вообще
восполняютъ свое провиденціальное назначеніе, то есть
выставляютъ на показъ: первые — покрой свои жакетокъ
и сьютковъ, вторыя — данныя имъ природой атуры.
Нельзя себѣ представить ничего болѣе жалкаго, какъ
человѣческое существо, съ головы до ногъ погруженное
въ показываніе атуровъ. А современная культурная жен-
щина почти сплошь занята однимъ этимъ. И нетолько
молодая tête de linotte, но и старушка. Ничто ее не
интересуетъ, ни книга (за исключеніемъ порнографиче-
ской литературы), ни картина (за исключеніемъ порно-
графическихъ фотографій), ни пейзажъ (за исключеніемъ
порнографическихъ cabinets particuliers). Ничто, кромѣ
заботы о томъ, чтобъ нарядъ какъ можно меньше скры-
валъ ея округлости. Она даже насыщается не ради того,
чтобъ поддерживать жизнь или удовлетворять своей
gourmandise, а потому, что, какъ ей сказывали, при помощи
хорошаго и обильнаго питанія, нагуливаются хорошіе и
обильные атуры. Имѣть высокую грудь и выдающуюся
поясницу — вотъ конечная цѣль ея самолюбія. И, какъ
дополненіе къ этому, обладать немногосложнымъ, но въ
высшей степени точнымъ порнографическимъ жаргономъ.
Не все ли равно этимъ двуногимъ, гдѣ выполнять свое
провиденціальное назначеніе, на вершинѣ-ли Schöne Aus-
sicht или въ Линденбахѣ? Какое ей дѣло до того, что
съ вершины Schöne Aussicht видны Siebengebirge и сталь-

---

*) Прогулки въ окрестностяхъ Бадень-Бадена.

ная полоса Рейна, что тамъ благоухаетъ сосна, а Линденбахъ провонялъ кухоннымъ чадомъ. Линденбахъ, пожалуй, привлекательнѣе, потому что тамъ есть просторный ресторанъ, въ которомъ можно прислониться.

Этотъ бонапартистско-кокотскій элементъ, вмѣстѣ съ особью людей, которые не могутъ представить оправдательныхъ документовъ для объясненія средствъ своего существованія, составляетъ истинную отраву всякаго курорта. Рулетка исчезла, но рулеточные обычаи, рулеточный запахъ еще остались. Всякій курортъ есть мѣсто неожиданныхъ встрѣчъ. Нѣкогда вы знали человѣка, ходившаго чуть не безъ штановъ, потомъ потеряли его изъ вида, и вдругъ встрѣчаете его здѣсь и нѣкоторое время думаете, что передъ вами мелькнуло сонное видѣнiе. У этого человѣка все курортное лакейство находится въ рабствѣ; онъ живетъ не въ конурѣ, а занимаетъ апартаментъ; спитъ не на дерюгѣ, а на тончайшемъ бѣльѣ; обѣдаетъ не за табльдотомъ, а особо жретъ что-то мудреное; и въ довершенiе всего, жена его гуляетъ на музыкѣ подъ руку съ сановникомъ. Ясно, что онъ что-то укралъ, но здѣсь, въ курортѣ, въ первый разъ вамъ приходитъ на мысль вопросъ: что такое воръ? У себя, на берегахъ Ворсклы или Вороны, или совсѣмъ не пришелъ бы на мысль этотъ вопросъ, или вы совершенно точно отвѣтили бы на него, но среди этой кажущейся жизни, исполненной кажущихся поступковъ, кажущихся разговоровъ и даже кажущагося леченiя — всѣ самые ясные вопросы принимаютъ какой-то кажущiйся характеръ. Да ужъ не слишкомъ-ли прямолинейно смотрѣлъ я на вещи тамъ, на берегахъ Хопра? думается вамъ, и самое большое, что вы дѣлаете — и то для того, чтобъ не совсѣмъ погрязнуть въ тинѣ уступокъ — это откладываете слишкомъ щекотливыя опредѣленiя до возвращенiя въ «свое мѣсто». Тамъ можно будетъ и

опять въ Юханцевѣ видѣть Юханцева, а здѣсь, на водахъ...

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили?

— Помилуйте, скотина!

Сегодня «скотина», завтра «скотина», а послѣ завтра и самъ чортъ не разберетъ: полно «скотина-ли»?

Между тѣмъ, бьетъ семь часовъ и волна людская опять растетъ около курзала. Оркестръ гремитъ; бонапартистки, перемѣнивши туалетъ, скользятъ между столами; около одной, очень красивой и роскошно-одѣтой, собралось цѣлое стадо habitués, и далеко, подъ сводомъ платановъ, несется беззавѣтный хохотъ этой привилегированной группы, которая, по всей линіи променада, прижилась какъ у себя дома. Всѣ прочія бонапартистки отчасти завидуютъ ей, отчасти млѣютъ передъ ней въ благоговѣннѣ. Это бѣлокурая испанка отъ колѣна Монтихова, которую сама «вдова» благословила лѣтомъ разѣзжать по курзаламъ, а зимой блистать въ Парижѣ и наблюдать за мосьё Гамбетта. Она даетъ тонъ курорту на ней одной можно воочию убѣдиться, до какого совершенства можетъ быть доведена выкормка женщины, поставившей себѣ цѣлью останавливать на своихъ атурахъ вождѣлѣющіе взоры мужчинъ, и въ какой мѣрѣ платье должно служить, такъ сказать, осуществленіемъ этой воскормки. Да, платье именно должно быть таково. Оно не обязывается ни подчеркивать, ни комментировать, ни увлекаться въ область парадоксовъ, а именно только осуществлять.

Статуя должна быть проста и ясна, какъ сама правда, и, какъ правда же, должна предстоять передъ всѣми въ безразличіи своей наготы, никому не обѣщая воздаянія и всѣмъ говоря: вотъ я какая! Что же касается до того, какіе «въ случаѣ чего» надлежитъ имѣть относительно этой статуи-правды, то роль путеvodителей въ

этомъ разѣ предоставляется перехватамъ, бантамъ, цвѣтамъ и другимъ архитектурнымъ украшеніямъ. Гдѣ бантъ — тамъ остановка, гдѣ перехватъ — тамъ гляди. Единственное темное пятно въ современномъ женскомъ туалетѣ — это юшка, которую, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могутъ упразднить «законодатели модъ». Она одна оставляетъ въ статуѣ нѣкоторыя неясности, одна служить оградительницей интересовъ современной семьи. Впрочемъ, эти неясности отчасти уже устраняются при помощи ноги. Нога (а не ножка, какъ выражались любезники сороковыхъ годовъ) должна быть видна во всей своей скульптурной образности; нога и часть икры... Вотъ вамъ на первый разъ, а остальное, конечно, тоже придется, но нужно же имѣть сколько нибудь терпѣнія!

Толпа гудитъ, сама не сознавая, къ чему она стремится, чего желаетъ. Ничего, кромѣ праздныхъ мыслей, праздныхъ словъ и праздныхъ поступковъ. Это самое полное, самое беззавѣтное осуществленіе идеала равенства... передъ праздною. Если кто «дома» сознавалъ за собою что-нибудь оригинальное, тотъ забываетъ объ этомъ, ступшевывается передъ общимъ уровнемъ ликующей толпы. И это происходитъ не по принужденію, а незамѣтно, само собой. Вдругъ какъ-то исчезаетъ всякая гадливость.

Это обезличеніе людей въ смыслѣ нравственномъ и умственномъ и, напротивъ, слишкомъ яркое выдѣленіе ихъ съ точки зрѣнія покроя жилетовъ и количества съѣдаемыхъ «шаторіановъ», это отсутствіе всякихъ поводовъ для заявленія о своей самостоятельности — вотъ въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается самая неприглядная сторона заграничныхъ шатаній. Ежели обязательно-суетливая праздность производитъ скуку, то продолжительное отсутствіе проявленій самостоятельности можетъ имѣть послѣдствіемъ полнѣйшую умственную и нравственную

анемію. И я убѣжденъ, что многіе, воротаясь домой, не безъ удивленія вспоминаютъ о мѣсяцахъ, проведенныхъ въ чуждой средѣ, подѣ игомъ понятій и привычекъ, о существованіи которыхъ они только тутъ въ первый разъ узнали.

По крайней мѣрѣ, я испытывалъ нѣчто подобное на себѣ. Представьте себѣ, вновь встрѣтился съ Удавомъ и Дыбой — и обрадовался. И они мнѣ обрадовались и въ одинъ голосъ воскликнули: вотъ какъ! ну, и слава Богу

Они ходили всегда вмѣстѣ, во-первыхъ, потому, что были равны въ чинахъ и могли понимать другъ друга, и, во-вторыхъ, потому, что оба чувствовали себя изолированными среди курортной толкотни. Хотя и кромѣ ихъ въ курортѣ была цѣлая масса безшабашныхъ совѣтниковъ, но Дыба и Удавъ добыли свои чины еще по старому положенію и притомъ имѣли довольно странные гербы. Поэтому, прочіе безшабашные совѣтники, добывшіе свои чины повадливостью и тщательно расчесанными на затылкахъ проборами, перекидывались съ ними двумя-тремя учтивостями и устремлялись дальше, какъ бы задыхаясь въ атмосферѣ старческихъ грѣховъ, которую распространяли кругомъ себя вышедшіе изъ употребленія сановники. Не было явнаго пренебреженія, но не было и предусмотрительности. Однакожь, старики въ первое время все-таки тянулись за такъ называемой, избранной публикой, то есть обѣдали не въ часъ и не за табльдотомъ, а въ шесть и *à la carte*, одѣлись въ коротенькія клѣтчатыя визитки, которыя совершенно открывали ихъ убогія оконечности, подсаживались къ молодымъ бонапартистамъ и жаловались, что докторъ не позволяетъ пить шампанское, выслушивали гривуазные анекдоты, и сами пытались рассказать что-то неуклюжее, засматривались на бонапартистокъ и при этомъ слюнявили передъ своихъ рубашекъ и проч. Но всѣ эти

усилія ни къ чему не привели. Избранная публика даже однимъ ухомъ не слухала ихъ, но совершенно ясно показывала, что совсѣмъ ничего не слышитъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, всегда оказывалось, что, думая обратиться къ публикѣ, старики исключительно разговаривали другъ съ другомъ. Не разъ случалось и такъ, что «знатные иностранцы», пораженные настойчивостью, съ которою старики усиливались прорваться въ ряды «милыхъ негодяевъ», взглядывали на нихъ съ недоумѣніемъ, какъ бы вопрошая: откуда эти выходцы? — на что прочие безшабашные совѣтники, разумѣется, поспѣшали объяснить, что это загнившіе продукты дореформенной русской культуры, не имѣющіе никакого понятія объ «увѣнчаніи зданія». Къ несчастію, старики провѣдали объ этомъ и огорчились. А въ довершеніе, приключилось и еще одно обстоятельство. Въ курортъ прибылъ какой-то вновь опредѣленный принцъ, и нѣкоторый русскій сановникъ, приводившій въ это время въ порядокъ свои легкія, счелъ долгомъ почтить высокооставленнаго гостя обѣдомъ. Всѣ «знатные иностранцы» получили приглашенія, но Удавъ и Дыба были забыты. Это тѣмъ болѣе ихъ поразило, что они невольно вспомнили дѣлежку Уфимской губерніи, при которой тоже были забыты. Поступить-ли въ дѣлежку «полезные лѣсочки» Вятской губерніи — это еще бабушка на двое сказала, а Уфимская-то губернія — ау! Словомъ сказать, старики заскучали, и круто переѣмили свой образъ жизни. Отъ обѣдовъ *à la carte* въ курзалѣ перешли къ табльдоту въ кургаузѣ, перестали говорить о шампанскомъ и обратились къ мѣстному кислому вину, приговаривая: вотъ такъ винцо! бросили погоню за молодыми безшабашными совѣтниками и начали заигрывать съ коллежскими и надворными совѣтниками. По вечерамъ, посѣщали другъ друга въ конурахъ, причемъ Дыба читалъ вслухъ

«Ключъ къ тайнствамъ природы» Эккартсгаузена и рассказывалъ анекдоты изъ жизни графа Михаила Николаевича, сопровождая эти рассказы приличнымъ экспектированиемъ.

И такъ, мы встрѣтились и взаимно другъ другу обрадовались.

— Вотъ вы какъ! удивился Дыба: — а мы было думали, что вы прямо въ Швейцарію стопы направите?

— Да, было-таки предположеніе, подтвердилъ и Удавъ, но безъ угрозы, а скорѣе съ шутливою снисходительностью.

— Но почему же ваши превосходительства думали, что я непременно поѣду въ Швейцарію, а не въ Испанію, напримѣръ?

— Зачѣмъ въ Испанію? чтò тамъ дѣлать! Тамъ, батюшка, нынче Изабелла въ ходъ пошла! Ну, да ужь чтò! Кто старое помянетъ...

И Удавъ съ улыбкой протянулъ мнѣ руку, въ знакъ забвенія, но вслѣдъ за этимъ словно обезпокоился и спросилъ:

— Не одобряете?

— Не одобряю! воскликнулъ я твердо.

— И нельзя одобрить. Хотя съ одной стороны, конечно... однако, тѣмъ не менѣе... Лучше не ѣздить.

Это было ужасно доброжелательно. Но такъ какъ будущее сокрыто отъ смертныхъ, и могло представить надобность въ поѣздкѣ въ Швейцарію независимо отъ всякихъ превратныхъ толкованій, то я все-таки поспѣшилъ оградить себя.

— Ваши превосходительства! сказалъ я: — вы напрасно считаете Швейцарію мѣстороженіемъ исключительно превратныхъ толкованій. Есть, напримѣръ, въ Люцернѣ «Раненый Левъ» — это, я вамъ доложу, такая штука, что хоть бы и намъ съ вами!

Я изложилъ, какъ умѣлъ, смыслъ и содержаніе памятника, и, разумѣется, привелъ безшабашныхъ совѣтниковъ въ восхищеніе.

— Такъ вотъ они, швейцарцы, каковы! воскликнулъ Дыба, который о швейцарцахъ зналъ только то, что случайно слыхалъ отъ графа Михаила Николаевича, а именно: что нѣкогда они измѣнили законному австрійскому правительству, и съ тѣхъ поръ опера «Вильгельмъ Тель» дается въ Петербургѣ подъ именемъ «Карла Смѣлаго».

— А впрочемъ, Богъ съ ней, съ Швейцаріей... Изъ Россіи, ваши превосходительства, не имѣете-ли извѣстій? перемѣнилъ я разговоръ.

— Какже! почитываемъ кое-что; и въ своихъ, и въ иностранныхъ газетахъ; ну и письма...

— Чай, хорошо теперь тамъ?

— Объ «увѣнчаніи зданія» поговариваютъ... будто бы безъ этого никакъ невозможно...

— Ну, и слава Богу!

— Бога благодарить всегда время, какъ-то загадочно отвѣтилъ Удавъ, и затѣмъ, наклонившись ко мнѣ, шопоткомъ прибавилъ: — а только врядъ-ли...

— Не надѣетесь?

— Вѣрно говорю: не будетъ толку!

— Ахъ, ваше превосходительство!

— Людей нѣтъ-съ! И зданіе можно бы выстроить, и полы въ немъ настлатъ, и крышу вывести, да за малымъ дѣло стало: людей нѣтъ-съ! настаивалъ Удавъ.

— И мыслей нѣтъ! добавилъ Дыба.

— Насъ, стариковъ, фофанами называютъ, а между тѣмъ...

Удавъ видимо хотѣлъ сдержаться, но вспомнилъ, какъ еще недавно русскій сановникъ (русскій-съ!) исключилъ его изъ числа «знатныхъ иностранцевъ», и не сдержался.

— Мы, по крайней мѣрѣ, могли объяснить, кто мы, откуда вышли, и какую школу прошли. Ну, фофаны, такъ фофаны... съ тѣмъ и возьмите! А нынѣшніе... вонъ онъ! вонъ онъ! смотрите на него! вдругъ воскликнулъ Удавъ, указывая на какого-то едва прикрытаго петавлерчикомъ безшабашнаго совѣтника «изъ молодыхъ»: — смотрите, вонъ онъ бѣдрами пошевеливаетъ!

— Это на него «увѣнчаніе зданія» такъ дѣйствуетъ! ехидно хихикнулъ Дыба.

— Спросите у него, откуда онъ взялся? съ какимъ багажомъ людей уловлять явился? что въ жизни видѣлъ? что совершилъ? — такъ онъ нетолько на эти вопросы не отвѣтитъ, а даже не сдумѣетъ сказать, гдѣ вчерашнюю ночь ночевалъ. Свалился съ неба — и шабашъ!

— Въ старину, «непомнящіе родства» бывали, а нынче, сказываютъ, таковыхъ ужъ нѣтъ! вновь съехидничаль Дыба.

— Приведутъ, бывало, его, «непомнящаго»-то, въ присутствіе: «откуда родомъ?» — Не помню. «Отецъ съ матерью есть?» — Не помню. «Гдѣ проживаніе имѣлъ?» — Не помню. «Гдѣ вчерашнюю ночь ночевалъ?» — Въ стогу. Ну, выслушаютъ, запишутъ — и въ острогъ!

— А нынче изловятъ въ стогу, да подъ образа-сь!

— И мыслей нынче нѣтъ — это его превосходительство вѣрно замѣтилъ: нѣтъ нынче мыслей-сь! все больше и больше горячился Удавъ. — Въ наше время *настоящія* мысли бывали, такія мысли, которыя и обстановку имѣли, и излагаемы быть могли. А нынче — экспромты пошли-сь. Ни обстановки, ни изложенія — одна серѣдка. Откуда что взялось? держи! лови!

Произнося эту филиппику, Удавъ былъ такъ хорошъ, что я положительно залюбовался имъ. Невольно думалось: вотъ онъ, настоящій-то русскій трибунъ! Но, съ

другой стороны, думалось и такъ: а ну, какъ кто-нибудь насъ подслушаетъ?

— Да вы, можетъ быть, полагаете, что это ихнее «увѣнчаніе зданія» — диковинка-съ? продолжалъ гремятъ Удавъ.

— По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я ни о чемъ подобномъ не слыхивалъ.

— А я вамъ докладываю: всегда эти «увѣнчанія» были, и всегда они будутъ-съ. Еще когда уставъ о кантонистахъ былъ сочинень, такъ ужъ тогда покойный графъ Алексѣй Андреичъ мнѣ говорилъ: Удавъ! поздравь меня! ибо симъ уставомъ увѣнчивается зданіе, которое я, въ теченіи многихъ лѣтъ, на песцѣ созидалъ!

— Сколько однихъ прогонныхъ и подъемныхъ денегъ на эти «увѣнчанія» было потрачено! свидѣтельствовалъ, въ свою очередь, Дыба: — и что же-съ! только-что, бывало, успѣютъ одно зданіе увѣнчать, — смотришь, анъ другое зданіе на песцѣ безъ крышики стоитъ — опять вѣнчать надо! И опять прогонныя и подъемныя деньги требуютъ!

— Такъ вотъ оно съ которыхъ поръ канитель-то эта пошла! Возьмемъ хоть бы вопросъ объ учрежденіи Губернскихъ Правленій...

Къ счастью, Удавъ поперхнулся и принялся экспекторировать, а Дыба постояль-постояль и тоже послѣдовалъ его примѣру. Что же касается до меня, то я смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ, что въ душѣ моей поднимается какая-то смута. Несомнѣнно, что до сихъ поръ идея «увѣнчанія зданія» ни въ комъ не встрѣчала такого страстнаго сторонника, какъ во мнѣ. Я нетолько восхищался ею, нетолько не жалѣлъ въ пользу ея похвалъ и трубныхъ звуковъ, но, по временамъ, возвышался даже до иллюзій. И вотъ теперь, какимъ-то двумъ жалкимъ старикамъ выпало на долю посѣять въ моемъ

сердцѣ плевелы двоегласія! Хорошо-то оно хорошо, ду- малось мнѣ, а что ежели и въ самомъ дѣлѣ, вся штука разрѣшится уставомъ о кантонистахъ? Что, ежели вста- нетъ изъ гроба графъ Алексѣй Андреичъ, отыщется въ архивѣ извѣденный мышами «уставъ» и, дополнивъ оный краткими правилами на счетъ могущаго быть свѣтопре- ставленія, воскликнетъ: шабашъ!

— Ахъ, ваше превосходительство! рискнулъ я замѣ- тить: — да не сердиты-ли вы на что-нибудь?

.....

Что было дальше — я не помню. Кажется, я хотѣлъ еще что-то спросить, но, къ счастью, не спросилъ, а оглянулся кругомъ. Вижу: съ одной стороны высится Мальбергъ, съ другой — Бедерлей, а я... стою въ дырѣ и разсуждаю съ безшабашными совѣтниками объ увѣн- чаніи зданія, о томъ, что людей нѣтъ, мыслей нѣтъ, а есть только уставъ о кантонистахъ, да и тотъ еще надо въ архивѣ отыскивать... И такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, такъ совѣстно, что я круто оборвалъ разговоръ, воскликнувъ:

— Какія вы, однакожъ, глупости говорите, ваши пре- восходительства!

Къ удивленію, старики нетолько не обидѣлись, но на другой же день, встрѣтивъ меня на той же площадкѣ, опять возобновили разговоръ объ «увѣнчаніи зданія». На третій день тоже, на четвертый — тоже... Наконецъ, судьба-таки растащила насъ: ихъ увлекла домой, меня... въ Швейцарію!

.....

Но иногда мнѣ думается: что, если бы русскаго «мѣншаго брата» перенести на часокъ въ нѣмецкій курортъ и показать, какъ гуляютъ русскіе культурные господа?.. Что бы онъ сказалъ?

III.

Я ѣхалъ въ Швейцарію не безъ страха. Думалось, что какъ только переѣду швейцарскую границу, такъ сейчасъ же, со всѣхъ сторонъ, и вопьются въ меня превратныя толкованія. За свою личную «совратимость», я, конечно, не боялся — слава Богу, не маленькій! — но опасался, какъ бы начальство, по доведеніи о семъ до свѣдѣнія, не огорчилось. «Не выдержитъ!» «погибнетъ!».. доносились до меня попечительные голоса съ береговъ Невы. И потомъ, вдругъ строго: — «гм... такъ вы и въ Швейцаріи изволили побывать?» — Виновать-съ. — «Съ акушерками повидаться ѣздили?» — Виновать-съ. — «О формахъ правленія изволили разсужденіе имѣть?» — Вино...

Однако, все обошлось благополучно. Я нетолько не «соблазнился, но даже не имѣлъ повода для соблазна. Превратныхъ идей — ни одной. Напротивъ, русскихъ, коренныхъ русскихъ идей — столько, что не продохнёшь. Наступаютъ, берутъ въ полонъ, рвутъ на части сердце, прожигаютъ мозгъ — точь въ точь какъ въ Россіи. Даже прелестныя швейцарскія озера и величественныя хребты горъ — и тѣ застилаются ими, словно челеною. Риги-Кульмъ, Пилать, Низенъ, Фаульгорнъ —

все кажется окутаннымъ туманомъ. Одна только мысль отчетливо свѣтится: какъ-то теперь тамъ насчетъ «увѣнчанія зданія», поговариваютъ?.. неужто пошабашили?

Ахъ, право, не до превратныхъ идей въ такое время, когда русскія идеи, шагъ за шагомъ, безъ отдыха, такъ и колотятъ въ загорбокъ!

Помнится, когда намъ въ первый разъ отворили двери за-границу, то мнѣ думалось; напрасно насъ, русскихъ, за-границу стали пускать — навѣрное, мы заразимся. И точно, примѣры зараженія случались въ то время нерѣдко. Приѣдемъ мы, бывало, за-границу, и точно голодные накинемся. Формы правленія — прекраснѣйшія, климатъ — хоть въ одной рубашкѣ ходи, табльдоты и рестораны — и того лучше. Нигдѣ не кричатъ карауль, нигдѣ не грозятъ свести въ участокъ, не заѣзжаютъ, не напоминаютъ о Кузькѣ и его родственникахъ. Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ ни Валдайскія горы, ни Палкинъ трактиръ не пойдутъ на умъ, а того меньше Крутогорскій губернаторъ Петръ Толстолобовъ.

Ахъ, и сквернословили же мы въ это веселое время! Смѣшныя анекдоты такъ и лились рѣкой изъ устъ культурныхъ сыновъ Россіи. «La Russie... ха-ха!» «le peuple russe... ха-ха!» «les boyards russes... ха-ха!» «Да вы знаете ли, что нашъ рубль полтинникъ стоить... ха-ха!» «Да вы знаете ли, что у насъ цѣлую губернію на дняхъ чиновники растащили... ха-ха!» Словомъ сказать, сыны Россіи не только не сдерживали себя, но шли другъ другу на перебой, какъ бы опасаясь, чтобъ кто-нибудь не успѣлъ напаскудить прежде. И ежели репертуаръ «разказовъ изъ русскаго быта» оказывался довольно скуднымъ, то совѣмъ не отъ недостатка желанія сквернословить, а скорѣе отъ неумѣнія пользоваться матеріаломъ и отъ недостатка изобрѣтательности.

Само собой разумѣется, что западные люди, выслуши-

вая эти рассказы, выводили изъ нихъ не особенно лестныя для Россіи заключенія. Страна эта, говорили они, бѣдная, населенная лапотниками и мякинниками. Когда-то она торговала съ Византіей шкурами, воскомъ и медомъ, но нынѣ, когда шкуры спущены, а воскъ и медъ за недоимки пошли, торговать стало нечѣмъ. Поэтому, нѣтъ у нея ни баланса, ни монетной единицы, а остались только желтенькія бумажки, да и тѣ имѣютъ свойство только вызывать веселость мѣстныхъ культурныхъ людей.

Но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и многое въ теченіи этого времени измѣнилось. Увлеченіе заграничными табльдотами остыло; анекдоты опостылѣли, хотя запасъ матеріаловъ для нихъ ничуть не истощился. А главное, недобровольная замѣна рублей полтинниками оказалась далеко не столь смѣшною, какъ это сгоряча представлялось. Поэтому, нынѣ мы уже не гарцуемъ, выгнувъ шеи, по курзаламъ, какъ заколдованные принцы, у которыхъ, не смотря на анекдоты, руки все-таки полны козырей, но бродимъ понуро, какъ люди понимающіе, что у нихъ въ игрѣ остались только двойки. Даже формы правленія не веселятъ насъ, потому что и на этотъ счетъ крѣпко нà-крѣпко намъ сказано: дѣлу — время, а потѣхѣ — часть.

На первый взглядъ, все это примѣты на столько роковыя (должно быть, шкуры-то еще больше на убыль пошли!), что западный человѣкъ сразу рѣшилъ: теперь самое время объявить цѣну рублю — двугривенный. И были бы мы теперь при двугривенномъ, если бы рядомъ съ этимъ рѣшеніемъ, совсѣмъ неожиданно не выдвинулся довольно замысловатый вопросъ: «Странное дѣло! люди безъ шкуръ, — а живутъ? Что положено, — уплачиваютъ, кого нужно, — содержать, даже воровства и тѣ предвидятъ и слѣдующія на сей предметъ суммы взно-

сять безъ задержанія... Какимъ образомъ это сходить имъ съ рукъ? въ силу чего? Но что еще замысловатѣе: если люди безъ шкуръ ухитряются жить, то какую же степень живучести предъявятъ они, если случайно опять обростутъ?

Вопросы эти представляются западному человѣку въ видѣ загадки, для объясненія которой онъ ждетъ поступковъ. И, въ ожиданіи ихъ, то прибавитъ копейку къ нашему рублю, то двѣ копейки убавитъ, но сразу объявитъ рублю цѣну двугривенный—сомнѣвается...

Мы въ этомъ отношеніи поставлены несомнѣнно выгодноѣ. Мы рождаемся съ загадкой въ сердцахъ и потомъ всю жизнь лелѣемъ ее на собственныхъ бокахъ. А кромѣ того, мы отлично знаемъ, что никакихъ поступковъ не будетъ. Но на этомъ наши преимущества и кончаются, ибо дальнѣйшія наши отношенія къ загадкѣ заключаются совсѣмъ не въ разьясненіи ея, а только въ извѣстныхъ приспособленіяхъ. Или, говоря другими словами, мы стараемся такъ приспособиться, чтобъ жить безъ шкуръ, но какъ бы съ оными.

Приспособленіе это несомнѣнно облегчило бы нашу жизнь, если бы оно могло навсегда устранить мельканіе «загадки». Но этого-то именно оно и не достигаетъ. Времена уже на столько созрѣли (полтинники-то вѣдь тоже не сладость!), что «загадка» съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бѣльшую и бѣльшую рельефность, все выпуклѣе и выпуклѣе выступаетъ наружу... и, разумѣется, вводитъ людей въ искушеніе. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что на то человѣку данъ умъ, чтобъ устраняться отъ искушеній, но вѣдь это легче сказать, нежели выполнить. Самая обыкновенная жизненная обстановка — и та на каждомъ шагу ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ искушеніями. Ужь на что, кажется, проще: дани платить—анъ и тутъ на встрѣчу вопросъ летитъ: а от-

куда ты ихъ возьмешь? Словомъ сказать, до того дѣло дошло, что даже если повиноваться вздумаешь, такъ и тутъ на искушеніе наскочишь: по сущей ли совѣсти повинуешься, или такъ, ради соблюденія одной формальности? «Проникни!» «разсмотри!» «обсуди!»—такъ и ползутъ со всѣхъ сторонъ шдпоты. Шдпоты да шдпоты—и вдругъ... бунтъ! Куда «проникнуть» собрался? по какому случаю «разсмотрѣть!» чѣмъ задумалъ «обсудить!» Кто это говорить? Кто зачинщикъ? Тяпкинь-Ляпкинь зачинщикъ? Подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

Выходитъ изъ рядовъ Тяпкинь-Ляпкинь и отдувается. Разумѣется, ищутъ, гдѣ у него шкура, и не находятъ. На нѣтъ и суда нѣтъ — ступай съ глазъ долой... бунтовщикъ! Тяпкинь-Ляпкинь смотритъ веселѣе: слава Богу, отдѣлался! Мы то же наматываемъ себѣ на усъ: значить, «проникать», «разсматривать», «обсуждать» не велѣно. А все-таки, какимъ же образомъ дани платить?—вотъ, братъ, такъ штука!

Должно же, однако, чѣмъ-нибудь разрѣшиться это недоумѣніе. Въ сущности, впрочемъ, оно и разрѣшается, но только разрѣшеніе-то выходитъ бесплодное. А именно: разрѣшается всеобщимъ недомогательствомъ и какою-то безформенною, лишенною характерныхъ признаковъ тоскою.

Безмѣрно и какъ-то тягуче тоскуетъ современный русскій человѣкъ; до того тоскуетъ, что, кажется, это одно и обуславливаетъ его живучесть. Благодаря тоскѣ, онъ кое-какъ еще барахтается, бьется и сознаетъ себя человѣкомъ. Не будь ея, онъ, навѣрное, допустилъ бы болоту засосать себя. Тоскуетъ онъ и дома, но не стыдится и въ люди свою тоску нести. Въ надеждѣ, разумѣется, что прикосновеніе новаго жизненнаго строя хоть сколько-нибудь облегчитъ измученное сердце. Какъ бы не такъ! Эти «новые жизненные строи» не только не освѣжаютъ

и не облегчаютъ, а, напротивъ, еще больше замучиваютъ. Памяти-то вѣдь никакими «новыми строями» не отшибешь...

По крайней мѣрѣ, нѣчто подобное случилось недавно со мною. И дѣла живучи, я не зналъ, куда уйдти отъ тоски, но какъ только пропалъ изъ глазъ Вержболовскій ручей, такъ я окончательно почувствовалъ себя отданнымъ въ жертву унынію. Дѣла, мнѣ все-таки казалось — разумѣется, это былъ обманъ чувствъ, не больше, — что я что-нибудь могу: наблюсти, закричать караулъ, ухватить похитителя за руку; а тутъ даже эта эфемерная надежда исчезла. Тоска, одна тоска — и ничего больше. Думалъ, что хоть швейцарскія «превратныя толкованія» на время заслонять тоску — ничуть не бывало! Превратныхъ толкованій нѣтъ и въ поминѣ (не нарочно же ихъ розыскивать!), а тоска сосеть да сосеть. И объ чемъ тоска? — *risum teneatis, amici!* — тоска объ дѣлѣ, вовсе до меня не относящемся.

Позволю себѣ небольшое отступленіе.

Было время, когда въ литературѣ довольно ходко пропагандировалось, что Россіи предстоитъ возвѣстити міру «новое слово». Мысль эта, сама по себѣ похвальная, не имѣла, однакожь, успѣха, благодаря тому, что никто изъ провозвѣстниковъ «новаго слова» не далъ себѣ труда объяснить, хотя приблизительно, въ чемъ состоитъ его содержаніе. Трубные звуки какіе-то, потомъ много-точія, потомъ опять трубные звуки — развѣ это объясненіе? Признаюсь откровенно, въ числѣ скептиковъ былъ и я. Возвѣстители «новаго слова» представлялись мнѣ въ родѣ чревовѣщателей, которые урчанія собственной утробы принимаютъ за прорицанія пиіи. Чѣмъ-то подозрительнымъ отъ нихъ отдавало: не то кудесничествомъ, не то проспектусомъ о вновь изобрѣтенной мази для

рощенія волосъ. Даже не тайною (хотя и тайна въ дѣлѣ пропаганды покуда не годится), а секретомъ.

Теперь, однакожь, я начинаю догадываться, въ чемъ заключалась причина неуспѣха этихъ людей. А именно: не въ отсутствіи «новаго слова», но въ томъ, что возвѣстители брали слишкомъ высокую ноту. Они искали *неизвѣстнаго* «новаго слова» и, не обладая достаточной изобрѣтательностью, чтобъ выдумать его, ни достаточнымъ проворствомъ, чтобъ осуществить «невидимыхъ вещей обличеніе», думали замѣнить это трубными звуками, многоточіями и крикомъ. Тогда какъ имъ слѣдовало только осмотрѣться кругомъ себя, чтобы просто съ полу находку поднять, и притомъ не одну, а цѣлую уйму таковыхъ. Именно только осмотрѣться, безъ чрезовѣщательствъ, безъ трубныхъ звуковъ, безъ натуги. Вери полной горстью изъ кошницы — и сѣй!

Да, я убѣжденъ, что даже на улицѣ, на каждомъ шагу можно услышать слова, которыя для западнаго человѣка покажутся не только новыми, но и совершенно неожиданными. Правда, я не скажу, чтобъ эти слова были отмѣнные, но, по моему мнѣнію, качество словъ — дѣло наживное. Сегодня нехорошее слово сказали, завтра — и того хуже скажемъ, а послѣ завтра — возьмемъ да и вымолвимъ. И вдругъ, объявится просіяніе, «его же тьма не объять»... Только спрашивается: долго-ли оно продержится, просіяніе-то это? А ну-те, признавайтесь! кто изъ васъ иллюминацію эту устроилъ? кто зачинщики? Тяпкинъ-Ляпкинъ зачинщикъ? Подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

Возьмемъ для примѣра хоть эту фразу: «тоска объ неотносящемся дѣлѣ» — развѣ что-нибудь подобное извѣстно западному человѣку? По западнымъ понятіямъ, «неотносящимся» дѣломъ называется или то, къ которому человѣкъ недостаточно приготовленъ, или то, для

успѣшнаго веденія котораго онъ не имѣеть соотвѣтствующихъ способностей, или, наконецъ, то, изъ котораго онъ, вслѣдствіе своей нравственной испорченности, можетъ сдѣлать источникъ злоупотребленій. Такъ, на-примѣръ, берейторъ не можетъ творить судъ и расправу; идиоту не предоставляется уловлять человѣческія сердца; вору не вручается ключъ отъ кассы; расточителю не дозволяется быть распорядителемъ общественнаго или частнаго достоянія. Ибо, повторяю, все это, по западнымъ понятіямъ, дѣла «неотносящіяся». Напротивъ того, негодовать по поводу подобныхъ дѣлъ, ежели они по временамъ прорываются въ жизнь, требовать ихъ разъясненія и преслѣдованія — это не только считается «относящимся» дѣломъ, но и для всякаго честнаго человека обязательнымъ.

Я, разумѣется, далекъ отъ того, чтобы утверждать, что русская жизнь имѣеть исключительно дѣло съ берейторами, идиотами и расточителями, но для меня вполне несомнѣнно, что всякое негодующее и настойчивое слово, посланное на встрѣчу расхищенію и идиотству, неизбежно и какъ-то само собою зачисляется въ категорію «неотносящихся» дѣлъ. Такой-то украль... да не у васъ вѣдь, — какое вамъ дѣло? Такой-то идиотски сгубилъ цѣлую массу людей... да не васъ вѣдь сгубилъ — какое вамъ дѣло? Такой-то позорнымъ образомъ расхитилъ и расточилъ ввѣренное его охранѣ имущество... да вѣдь не ваше, — какое вамъ дѣло? Вотъ отвѣты, какіе даетъ обыденная жизненная практика на негодующіе и настойчивые запросы. Она снисходительно отнесется къ вору, ходатайствующему по *своему* дѣлу, и назоветъ безпокойнымъ, безалабернымъ (а, можетъ быть, даже распространителемъ «превратныхъ толкованій») человека, которому дорого дѣло *общее*, дѣло его страны.

Да, нельзя даже на минуту усомниться, что подобныя

отношенія къ интересамъ, мало-мальски выходящимъ изъ тѣсной сферы личныхъ требованій, дѣйствительно, представляютъ для западнаго человѣка «новое слово». Но вопросъ: нужно-ли ему это слово?

Затѣмъ, самая «тоска» — развѣ это не «новое слово» для западнаго человѣка? Западный человѣкъ можетъ негодовать, ожесточаться, настаивать, но «тосковать» онъ положительно не умѣетъ. Ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ не сдѣлаютъ изъ тоски постоянного занятія и тѣмъ менѣе не будутъ хвалиться, что вотъ, дескать, мы страдаемъ «благородной» тоской. Ибо даже наиблагороднѣйшая тоска — и та представляетъ собой нѣчто несознанное, безвыходное, свойственное лишь безсильнымъ и недоумѣвающимъ людямъ. Человѣкъ ничего другого не видитъ передъ собой, кромѣ «неотносящихся дѣлъ», а между тѣмъ, понятіе о «неотносящихся дѣлахъ» уже настолько выяснилось, что даже въ субъектѣ, наиболѣе недоумѣвающимъ, пробуждается сознаніе всей жестокости и безчеловѣчности обязательнаго стоянія съ разинутымъ ртомъ передъ глухой стѣной. Очевидно, тутъ кроется мучительнѣйшее двоегласіе, которое потому только не считается позорнымъ, что оно все-таки составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ самодовольнымъ стояніемъ съ разинутымъ ртомъ. Но, чтобъ сознать себя во истину человѣкомъ, во всякомъ случаѣ, нужно выйти изъ этого двоегласія, нужно признать правъ одного голоса и несостоятельность другого. Однимъ словомъ, нужно начать борьбу. А гдѣ же взять силъ для борьбы? Увы! геройство еще не выработалось, а на добровольныя уступки жизнь отзывается съ такою обидною скаредностью, что цѣлыя десятилѣтія кажутся какъ бы застывшими въ преднамѣренной неподвижности. Остается одинъ выходъ: благороднымъ образомъ тосковать. Несомнѣнно, что ничего подобнаго не встрѣтишь ни у подошвы Пи-

лата, ни на берегахъ Сены, ни на берегахъ Шпрее. Я, конечно, не хочу этимъ сказать, чтобъ западный человекъ былъ свободенъ отъ заботъ, недоумѣній и даже опасностей, — всего этого у него даже болѣе, чѣмъ достаточно, — но онъ свободенъ отъ обязательнаго стоянія съ опущенными руками и разинутымъ ртомъ, и это въ значительной мѣрѣ облегчаетъ для него борьбу съ недоумѣніями. Такъ что въ этомъ смыслѣ наша «благородная тоска», воистину, представляетъ для него «новое слово». Но спрашивается: нужно-ли оно ему?

Еще примѣръ (тоже намѣченный уже выше). Всякое вѣяніе, сколько-нибудь выходящее изъ предѣловъ обыденности, всегда представляется у насъ чѣмъ-то злымъ, требующимъ не регулированія, но подавленія, и притомъ всегда же сопрягается съ представленіемъ о «зачинщикѣ». Обыкновенно такимъ зачинщикомъ является Тяпкинъ-Лякинъ. Этого Тяпкина-Ляпкина мнутъ и трутъ. Сотрутъ въ порошокъ, думаютъ: ну, теперь слава Богу! Смотрятъ, а онъ опять вынырнулъ. И опять начинаютъ мять и тереть. И такъ до сего дня. Коли хотите, этотъ вѣчный Тяпкинъ-Лякинъ, этотъ козелъ отпущенія, въ лицѣ котораго мы стараемся устранить «созрѣвшія времена» — вѣдь и это, пожалуй, тоже «новое слово» для западнаго человека; но опять-таки спрашивается: нужно-ли оно ему?

Откровенно говоря, я думаю, что слова эти даже не представляютъ для западнаго человека интереса новизны. Несомнѣнно, что и онъ въ свое время прошелъ сквозь всѣ эти «слова», но только *позабылъ* ихъ. И «неотносящіеся дѣла» у него были, и «тоска» была, и Тяпкинъ-Лякинъ, въ качествѣ козла отпущенія, былъ, и многое другое, чѣмъ мы мнимъ его удивить. Все было, но все позабылось, сдѣлалось ненужнымъ...

Для насъ-то нужно-ли?

Впрочемъ, я и самъ догадываюсь, что это вопросъ праздный. Важность совсѣмъ не въ томъ, нужно или не нужно то или другое явленіе, а въ томъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, и ненужное становится неизбежнымъ. Поди, достучись въ этой массѣ дверей, которыя сплошь на-глухо заперты, — вѣдь только того и добьешься, что лобъ себѣ разобьешь. Это даже ужъ не загадка, какое-то колдовство, которое я назвалъ бы историческимъ, еслибъ не боялся, чтобъ этотъ эпитетъ не послужилъ прикрытіемъ для всякаго рода малодушій. Куда ни обернитесь, на всѣхъ лицахъ вы видите страстное желаніе проникнуть за предѣлы загадочной области, и въ то же время на тѣхъ же лицахъ читаете какое-то фаталистическое осужденіе: нѣтъ, не проникнуть туда никогда. Ужели это не колдовство? Ибо, въ сущности, чтò означаетъ это выраженіе «проникнуть», которое переполняетъ тоской всѣ сердца? Означаетъ-ли оно взломъ, насиліе, бунтъ? — Нѣтъ, оно означаетъ стремленіе освѣтить и осмыслить жизнь. Ужели нужно еще доказывать, что такого рода стремленіе не только вполне естественно, но и не заключаетъ въ себѣ никакихъ угрозъ? Доказывать! да развѣ кому-нибудь доказательства нужны? Такъ лучше уже прямо, безъ разсужденій, принять на вѣру, что всѣ эти стремленія, надежды и порывы суть «неотносящіяся дѣла», которыя злоухищренно и преднамѣренно выдумалъ зачинщикъ Тяпкинь-Ляпкинь. Пускай онъ за нихъ и отвѣтитъ, а вы, не желающіе подтверждать себя участи Тяпкина-Ляпкина, вы должны позабыть объ «неотносящихся дѣлахъ» и только, въ видѣ неизрѣченной льготы, можете слегка объ нихъ тосковать. Эта тоска да будетъ вамъ во спасеніе. Пускай она освѣжаетъ вашу память и не даетъ вамъ заоченѣть.

Слушать разглагольствія Удава и Дыбы и не чувствовать при этомъ глубочайшей тоски можно только

подъ условіемъ несомнѣннаго нравственнаго разложенія. Ничему подобному западный человѣкъ не подвергается, потому что онъ во всякое время имѣеть возможность повернуться къ сквернословію спиной и уйти. Но мы не можемъ такъ поступить. Мы обязаны выслушивать сквернословіе и считаться съ нимъ. И не потому одному, что легкомысленное отношеніе къ нему можетъ смутить безпечальность нашего житія, но и потому, что нѣкуда намъ отъ него скрыться. Въ формѣ-ли авторитета, или въ формѣ простой обыденности, такъ или иначе, но оно заставитъ насъ выслушать себя. Слушай и чувствуй, какъ замираетъ весь организмъ подъ игомъ подавляющей тоски.

И замѣйте, что основаніе этого сквернословія совсѣмъ не фантастическое, а прямо выхваченное изъ жизни. Ни Дыба, ни Удавъ ничего не выдумали, а только возвели въ перль созданія и издали въ свѣтъ. Вы тоскуете объ «увѣнчаніи зданія», а Удавъ на это въ упоръ напоминаетъ объ уставѣ о кантонистахъ. У васъ въ глазахъ мерещутся «гарантіи», а Дыба подлавливаетъ ваши мечтанія и переводитъ ихъ на свой подъячески-опредѣленный языкъ: учрежденіе управы благочинія. Какимъ образомъ произошли эти превращенія? — это тайна; но вы чувствуете, что въ основѣ тайны лежитъ жизненная практика. Ужели же можно представить себѣ, чтобъ вы, партикулярный тоскующій человѣкъ, побѣдили этихъ сквернословящихъ мудрецовъ, устами которыхъ говорить сама жизнь?

Поэтому, ежели я позволилъ себѣ сказать безшабашнымъ мудрецамъ, что они говорятъ «глуности», то постушилъ въ этомъ случаѣ, какъ западный человѣкъ, въ надеждѣ, что Мальбергъ и Бедерлей возьмутъ меня подъ свою защиту. Я *заразился*. Конечно, я заразился на самое короткое время и теперь готовъ принести въ томъ

раскаяніе, но ужасно подумать, какъ я былъ опрометчивъ и даже несправедливъ. Напротивъ того, *они* высказали въ этомъ случаѣ милосердіе поистинѣ неизрѣченное, ибо не только предоставили мнѣ, по прежнему, пользоваться правами состоянія, но даже, по приѣздѣ въ Петербургъ, никому о моемъ грубіянствѣ на завясающее распоряженіе не сообщили. И я никогда не забуду этого одолженія. Буду себѣ потихоньку тосковать; но чтобы прерывать сквернословіе особъ, за которыми право на таковое признано самими регламентами... никогда!

Никогда, никогда и никогда, потому что, независимо отъ всякихъ другихъ соображеній, сквернословіе это представляетъ такую неистощимую сокровищницу готовыхъ «новыхъ словъ», которая навсегда избавляетъ отъ выдумокъ, а прямо позволяетъ черпать и приговаривать: на, гнилой западь, ѣшь! Только согласится ли онъ ѣсть?

И такъ, тоска, и ни малѣйшаго превратнаго толкованія. Тѣмъ не менѣе, мысль, что представленіе о Швейцаріи какъ-то обязательно отождествляется съ представленіемъ о превратныхъ толкованіяхъ, положительно управляетъ путешествіе по этой странѣ. Ыдешь въ вагонѣ и во всякомъ сосѣдѣ видишь сосудъ злоныхъ хательства; приѣдешь въ гостинницу и все думаешь: да гдѣ же онѣ, превратныя идеи, застряли? какъ бы ихъ обойти? какъ бы не встрѣтиться съ «кіевскимъ дядей», который, пожалуй, не задумается и налгать? Отлянешься кругомъ—вся природа словно изнемогаетъ подъ наливомъ внутренняго ликованія. Все блещетъ: и небо, и горы и озѣра. Даже гроза — и та летитъ на встрѣчу вся блистающая, вся пылающая цѣлымъ пожаромъ сверканій. И что же! все это пропускаешь мимо глазъ и ушей, ко всему прислушиваешься и присматриваешься вяло, почти безучастно... И почему?.. потому только, что впечатлитель-

ность уже заранѣе загажена предположеніемъ о какихъ-то «превратныхъ толкованіяхъ»... *Risum teneatis, amici!*

Дѣло было такъ. Сидѣлъ я лунными сумерками подъ сѣнью гигантскихъ интерлакенскихъ орѣшниковъ, и по секрету велъ разговоръ съ Юнгфрау. Вотъ, Юнгфрау, говорилъ я, кабы ты была въ Уфимской губерніи, и тебя бы причислили къ лику башкирскихъ земель. И отдали бы тебя задешево какому-нибудь безшабашному совѣтнику (какъ въ старинной русской пѣснѣ поется: «отдалъ меня сударь батюшка за немилаго; за немилаго, за старого, за гадѣнка»), который смотрѣлъ бы на тебя и ропталь. Вотъ-моль другимъ лѣса да нѣймы достались, а мнѣ, въ награду за любезно-вѣрное житіе, дылду отвалили — чортъ ли я съ ней подѣлаю! И стояла бы ты въ своей незапятнанной бѣлой одеждѣ, дѣвственная, неоскверняемая взорами «знатныхъ иностранцевъ», довлѣющая сама себѣ... Но, разумѣется, стояла бы до тѣхъ поръ, пока, съ размноженіемъ новоявленныхъ башкирскихъ принушениковъ, опытъ не указалъ бы, что наступилъ часъ открыть на твоей вершинѣ харчевню съ арфистками. Тогда... ахъ, что бы мы тогда надъ тобою, Юнгфрау, сдѣлали!

Такъ вопрошалъ я Юнгфрау, а луна между тѣмъ все ярче и ярче освѣщала бѣлый ликъ Дѣвственницы, и въ соотвѣтствіе съ этимъ пуще и пуще разгоралось мое воображеніе. Незамѣтно для себя самого, я сталъ прорицать, и надо сказать правду, нехорошо прорицаль. Мнилось мнѣ, будто бы старый безшабашный совѣтникъ (или по выраженію пѣсни, «гадѣнокъ»), скучая скромными доходами, получаемыми съ харчевни, ходатайствуетъ о перенесеніи Юнгфрау въ Кунавино, намекая при этомъ и о потребныхъ на сей предметъ прогонныхъ и подъемныхъ деньгахъ... Шлѣтся будто бы этотъ про-

эктъ въ Петербургъ, и, разумѣется, прежде всего разсматривается съ точки зрѣнія пользы россійской промышленности, имѣющей, «какъ извѣстно», главный сбытъ на нижегородской ярмаркѣ... Образуется, конечно, коммисія; безшабашный совѣтникъ доказываетъ, что онъ патріотъ... Являются евреи... Съ одной стороны, «тормозятъ» дѣло, съ другой — «подмазываютъ»... Въ городѣ ходятъ слухи, что въ дѣлѣ принимаетъ участіе баронесса Мухомоева, которая будто бы ѣздила въ Берлинъ и ужь переговорила съ Мендельсономъ... Остается, стало быть, «въ послѣдній разъ» подмазать и двинуть... Но только что я было занялся окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса, подлежить ли ходатайство сіе удовлетворенію, или не подлежить, какъ вдругъ мечтанія мои оборвались. Съ сосѣдней скамьи до меня совершенно отчетливо донеслись родные звуки.

— Послужилъ — и будетъ! говорилъ неизвѣстный голосъ: — и замѣть, я ни о чемъ никогда не просилъ, ничего не ждалъ... кромѣ спасиба! Простого русскаго спасиба... кажется, немного! И вотъ... Но нѣтъ, довольно, довольно, довольно!

Послѣдовало минутное молчаніе; затѣмъ, другой голосъ патетически продекламовалъ:

— «Простого русскаго спасиба!.. c'est bien dit... tu es un noble coeur, Théodor!

— Конечно, я знаю, что мой часъ еще придетъ, продолжалъ первый голосъ: — но ужь тогда... Мы всѣ здѣсь путники... nous ne sommes que des pauvres voyageurs égarés dans ce pauvre bas monde... Но!

На этой угрожающей нотѣ голосъ пресѣкъся. Мимо меня, по направленію къ Невѣ, пронесся густой вздохъ... и все смолкло.

Можно себѣ представить, какъ встрепенулось при этихъ звукахъ мое русское сердце! Я жадно началъ

вглядываться сквозь лунныя сумерки, и послѣ нѣкоторыхъ усилій успѣлъ рассмотреть двухъ «знатныхъ иностранцевъ», которыхъ лица показались мнѣ нѣсколько знакомыми. Дѣйствительно, собравши мои воспоминанія, я, наконецъ, доискался. То были два графа: графъ Твэрдоонтò и графъ Мамелфинъ. Первый изъ нихъ, въ свое время, былъ знаменитъ, и, подобно прочимъ подвижникамъ русской земли, мечталъ объ увѣнчаніи зданія; но, получивъ лишь скудное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, ни до чего не могъ додуматься, что было бы равносильно даже управѣ благочинія. Что-то необычайно-смутное мелькало въ его головѣ, чего ни онъ самъ, ни его подчиненные не были въ состояніи ни изловить, ни изложить. Какой-то вселенскій смерчъ, который надлежало навсегда и повсемѣстно водворить, и которому предстояло все знать, все слышать, все видѣть, и въ особенности наблюдать, чтобы не было превратныхъ идей и недоимокъ. Когда онъ излагалъ свои мысли, — излагалъ беспорядочно, съ употребленіемъ неподлежащихъ выраженій, — то никто ничего не понималъ, еò всякій догадывался, что если дать этому безвыходному кадету волю, то онъ непременно учинить что-нибудь до того неизгладимое, чего, впоследствии, ни подь какимъ видомъ не отскоблить. И можетъ быть, именно въ силу этой неотскоблимости онъ и держался. Былъ такой моментъ, когда казалось, что русское общество одержимо сверхъестественнымъ недугомъ, отъ котораго можетъ избавить его только смерчъ. Тотъ смерчъ, о которомъ не упоминается ни въ какихъ регламентахъ, и передъ которымъ всякій партикулярный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ злонаравенъ, непременно спасуетъ. Но Твэрдоонтò былъ кадетъ, и не спасовалъ. Настоящаго смерча, положимъ, у него не вышло, но былъ ужасъ, было трясеніе великое. Всѣ въ страхѣ спрашивали себя: *кто осла двія*

Быстра содѣлалъ? узы ему кто развязалъ? — и не находили отвѣта. А графъ Твѣрдоонтѣ, между тѣмъ, гарцовалъ и все твердилъ одно и тоже слово: смерчъ, смерчъ, смерчъ! Къ счастью, на пути его встрѣтились препятствія. Во-первыхъ, кадетская полуграматность и сопряженное съ нею неумѣніе дать форму смутности обуревающихъ чувствъ, и во-вторыхъ — что важнѣе всего — неумѣніе держаться на высотѣ, не наполнивъ вселенной болтовней и хвастовствомъ. Не успѣлъ еще Удавъ придти на помощь мятущемуся кадету, чтобы формулировать ученіе о вселенскомъ смерчѣ, какъ кадетъ ужъ шарахнулся. Шарахнулся, какъ мальчишка, котораго за лганье и непотребныя пашни, исключили изъ «заведенія».

Что же касается до графа Мамелфина, то онъ былъ замѣчательнъ лишь тѣмъ, что происходилъ по прямой линіи отъ боярыни Мамелфы Тимофеевны. Какимъ образомъ произошелъ на свѣтъ первый графъ Мамелфинъ — преданія молчали; въ документахъ же объяснялось просто: «по сей причинѣ». Этотъ же девизъ значился и въ гербѣ графовъ Мамелфиныхъ. Но самъ по себѣ, графъ, о которомъ идетъ рѣчь, ничего самостоятельнаго не представлялъ, а былъ извѣстенъ только въ качествѣ приспѣшника и стремяннаго при графѣ Твѣрдоонтѣ.

Эта встрѣча произвела на меня двойственное впечатлѣніе. Прежде всего, меня объялъ священный ужасъ. Вспомнились стихи:

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ...

И въ то же время какъ-то само собою сказалось: а ну, какъ укусить? Хотя у насъ на этотъ счетъ довольно простыя примѣты: коли кусается человѣкъ — значитъ, во власти находится, коли не кусается — значитъ, наплевать, и хотя я доподлинно зналъ, что въ эту минуту графу Пустомыслову даже нѣчемъ укусить; но кто же

можетъ поручиться, совѣмъ-ли погасла эта сѣпка, или же въ ней осталось еще на столько горючаго матерьяла, чтобъ и опять, при случаѣ, разыграть роль Везувія? Развѣ не бывало примѣровъ, что и въ оставленныхъ храмахъ вновь раздавались урчанія авгуровъ, что и низверженные кумиры вновь взбирались на старые пьедесталы и начинали вращать алмазными очами? Но главную роль, повторяю, все-таки игралъ священный ужасъ, который заставляетъ невольно трепетать при мысли: вотъ храмъ, въ которомъ еще недавно курились ѳиміамы и раздавалось пѣніе и въ которомъ теперь живетъ домовой!

Но съ другой стороны, меня такъ и подмывало устроить какую-нибудь проказу. Рабъ вѣдь я, а потому что же мудренаго, что меня привлекаютъ только удовольствія вѣроломства. Потрясти когда-то злоправнаго, а нынѣ безсильнаго идола за носъ: что — молъ небось еще живъ? Узнать, чѣмъ онъ теперь пробавляется и достаточно-ли однихъ воспоминаній о смерчѣ, чтобъ поддерживать жизнь въ этомъ идольскомъ организмѣ? Толкнуть его, какъ бы невзначай, посмотрѣть ему за панибрата въ глаза, похлопать по плечу... Однимъ словомъ, предѣлать все, что истинно-русское подневольное вѣроломство повелѣваетъ. И въ концѣ концовъ, допытаться, дѣйствительно-ли это «оставленный храмъ», а не...

И вдругъ, меня осѣнила мысль: скажусь репортеромъ отъ газеты «И шило брѣть», и явлюсь побесѣдовать. Нынче вѣдь на счетъ этого строго: явился репортеръ — хочешь не хочешь, а распоясывайся! Даже если Подхалимовъ или «нашъ парижскій корреспондентъ» зайдетъ, — и тутъ держи ухо востро! Ежели спросить: гдѣ воспитаніе получилъ? — отвѣчай скромно: воспитаніе получилъ недостаточное, но будучи одаренъ отъ природы свѣтлымъ умомъ и т. д. Ежели спросить: что означаетъ

слово «смерть»? — отвѣчай: слово сіе русское, въ переводѣ на еврейскій языкъ означающее: Виезда... Но, можетъ быть, ты не знаешь, что такое Виезда? — Виезда, братецъ, это купель Силоамская. А купель Силоамская что? — Ахъ, братецъ мой, какой же ты...

Обыкновенный партикулярный человекъ ни за что подобныхъ вопросовъ не предложитъ, — не сочтетъ себя въ правѣ, — а Подхалимовъ предложитъ. Подхалимовы — это особенная порода такая объявилась, у которой на знамени написано: ври и будь свободенъ отъ мѣры! Всюду проникнетъ Подхалимовъ; придетъ къ Гамбеттѣ — Гамбетту проэкзамеуетъ; потомъ съѣздитъ къ Гладстону — и его обнюхаетъ. А то, и не ѣздивши скажетъ: былъ. Чѣмъ больше къ человеку Подхалимовыхъ шляется, тѣмъ несомнѣннѣе для темнаго люда, что тотъ человекъ славенъ. А ежели къ кому совсѣмъ Подхалимовъ не заѣзжаетъ, то это означаетъ, что человекъ тотъ изображаетъ собой даже не «храмъ оставленный», а упраздненную ретираду. И въ эту ретираду самъ «нашъ парижскій корреспондентъ» не зайдетъ, а, зажавъ носъ, пробѣжитъ мимо.

Гм... а что ежели и въ самомъ дѣлѣ прикинута Подхалимовымъ?

Сказано — сдѣлано. Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, я сейчасъ же отправился въ гостиницу, и предварилъ графа о своихъ намѣреніяхъ слѣдующимъ письмомъ:

«Сіятельнѣйшій графъ!

Я — Подхалимовъ, и завтра, въ десятомъ часу утра, буду у Вашего сіятельства. Нѣтъ сомнѣнія, что Вы заранее угадываете значеніе и цѣль этого визита. Вы — одна изъ недавнихъ звѣздъ современнаго горизонта; я — скромный репортеръ газеты «И шило брѣетъ». Но въ

самой скромности я представляю собой силу. Русская публика имѣетъ право знать, какъ предполагаете Вы поступить съ нею въ томъ случаѣ, ежели фортуна вновь улыбнется Вамъ. Фортуна слѣпа, сіятельнѣйшій графъ! и Вамъ больше, нежели кому-нибудь, должно быть это извѣстно. Не желая застать Васъ врасплохъ, я даю Вашему сіятельству эту ночь на размышленіе.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Jvan de Podkhalimoff».

На другой день, въ назначенный часъ я уже стоялъ въ швейцарской аристократическаго отеля Jungfraublick (chambres à partir de 4 fr., déj. 2, dîn. 5, serv. 1, boug. 1, omnib. 1 fr. 50 c.) и требовалъ графа Твэрдоонтò къ отвѣту. Я пришелъ въ черномъ сьютѣ, въ сиреневаго цвѣта перчаткахъ и въ лакированныхъ полусапожкахъ; волосы мои были напомажены, лицо — вымыто. На губахъ играла улыбка, говорившая, что я обрадованъ и польщенъ, но въ глазахъ, на всякій случай, свѣтилась гражданская скорбь. Общее выраженіе лица внушало довѣріе. Съ своей стороны, графъ не заставилъ меня ждать и вышелъ ко мнѣ, одѣтый въ легкую жакетку и въ бѣлый однобортный жилетъ съ свѣтлыми пуговицами, застегнутыми сверху донизу à la militaire. Это былъ мущина среднихъ лѣтъ (между 45 и 50), высокаго роста, бравый и ни мало не отяжелѣвшій. Выраженіе его лица я затрудняюсь опредѣлить, но знаю, что оно напомнило мнѣ свѣже написанный маслянными красками портретъ, по которому неосторожный прохожій слегка задѣлъ рукавомъ. Нѣчто смутное и въ то же время... какъ бы благородное. Но подлинно-ли благородное — на этотъ вопросъ, по нынѣшнему времени, трудно отвѣтить. Ибо бываетъ благородство, такъ сказать, самою природой на лицѣ человека написанное, и бываетъ такое, которое «наводится» на лицо тща-

ными омовеніями, употребленіемъ соотвѣтствующихъ духовъ и мыль, долгими сеансами передъ зеркаломъ и проч. Какъ бы то ни было, но онъ былъ видимо взволнованъ, хотя подавая мнѣ руку, ни однимъ мускуломъ не обнаружилъ, что это стоитъ ему усилій. Кажется, это называется на ихнемъ языкѣ «выдержкой». Съ своей стороны, я сжалъ эту руку съ почительностью, къ которой, однакожъ, на всякій случай, примѣшалъ тонкій отгѣнокъ наглости. И тогда между нами произошелъ слѣдующій colloquium.

ГРАФЪ И РЕПОРТЕРЪ.

(ДРАМАТИЧЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ ВЪ ОДНОМЪ ЯВЛЕНІИ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Твэрдоонтѣ, странствующій администраторъ.

Подхалимовъ, репортеръ русской газеты «И шило брѣть».

Сцена представляетъ салонъ въ хорошей гостинницѣ; изъ оконъ видъ на Юнгфрау.

Подхалимовъ (*въ наломъ восторгъ*). Ваше сіятельство! сіятельнѣйшій графъ!

Графъ. Радъ, очень радъ. Очень радъ съ вами познакомиться, мсьё — (*Дѣлаетъ видимое усиліе, чтобъ произнести частицу «де»*)... де Подхалимовъ. Я всегда къ услугамъ прессы. Вѣдь пресса — это нынче шестая держава, а въ томъ числѣ и русская... «Печатать дозволяется» — такъ, кажется? (*Кмичетъ*) André! Vous apporterez un carafon de Gorki pour monsieur... *) (*къ Подхалимову*). Потребляете?

*) Водка горькая, двойная померанцовая, завода Штритера, продается за-границей во всѣхъ débits de vins подъ именемъ Gorki.

Подхалимовъ. Бросиль-съ. Конечно, путешествуя, напримеръ, по Волгѣ... ваше сіятельство, сами изволите знать... трудно, чтобъ воздержаться совсѣмъ.

Графъ (*съ чувствомъ*). Я понимаю васъ.

Подхалимовъ. А здѣсь это не въ обычаѣ, да притомъ и тепло-съ...

Графъ (*съ возрастающимъ чувствомъ*). Я понимаю васъ... *de Podkhalimoff!* (*Подаетъ Подхалимову руку, которую послѣдній принимаетъ, слегка отдѣлившись отъ стула*).

Минутное молчаніе, впродолженія котораго влетаетъ въ комнату муха и садится графу на носъ. Графъ хочетъ ее изловить, но убѣждается, что это гораздо труднѣе, нежели уловлять людей. Наконецъ, Подхалимовъ успѣваетъ переманить муху на свой носъ.

Графъ. Благодарю васъ. Ахъ эти мухи! Вы, конечно, знаете стихъ Пушкина:

Краснаго лѣта отравя, муха несносная, чѣ ты...

Charmant! Кстати: вы были на этомъ праздникѣ... въ Москвѣ?

Подхалимовъ (*смущенно, какъ бы предвидя опасность*). Былъ ваше сіятельство.

Графъ (*внезапно вообразивъ себѣ, что онъ вновь призванъ къ дѣламъ. Строго*). И вмѣстѣ съ прочими... а? (*Машетъ указательнымъ перстомъ передъ носомъ Подхалимова*).

Подхалимовъ (*уклончиво*). Ваше сіятельство? вѣдь нынче дозволено-съ!

Графъ (*спохватившись*). Да... нынче... я и забылъ! А, впрочемъ, я и всегда... Pouschkine! quel géant! (*Декламируетъ*):

Краснаго лѣта отравя, муха несносная, чѣ ты...

Кстати о Пушкинѣ. Я недавно съ однимъ его род-

ственникомъ познакомился... Представьте себѣ! изо всего Пушкина знаетъ только стихъ: *«Мнѣ вручила талисманъ...»* Это... родственникъ!! А впрочемъ, довольно объ этомъ; приступимъ къ нашему дѣлу. Прошу предлагать вопросы.

Подхалимовъ (*нѣкоторое время собирается съ мыслями*). Графъ! кто ваши родители?

Графъ (*изумленно, но покоряясь своей участи*). Я происхожу отъ боковой линіи. Это нѣсколько странно, но... Словомъ сказать, я — графъ Твэрдоонтò. Скажите, однакожь, развѣ прессѣ необходимо знать эти подробности?

Подхалимовъ. Пресса все должна знать, ваше сіятельство. (*Вынимаетъ записную книжку и пишетъ: «найденъ въ корзинѣ на крыльцѣ, сравнить: Моїse sauvé des eaux»*). Будемъ продолжать. Гдѣ ваше сіятельство изволили продолжать воспитаніе?

Графъ. Я долженъ сознаться, что воспитаніе я получилъ недостаточное... въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ... Но... (*хочетъ сказать нѣчто въ свою похвалу*).

Подхалимовъ. Понимаю. Но, впоследствии, вы конечно, постарались восполнить недостатокъ солиднаго образованія чтеніемъ извѣстныхъ авторовъ?

Графъ. Да, я читалъ довольно много. Всего Польде-Кока, всего Феваля, и наконецъ, «Напа»... Изъ серьезныхъ писателей — Цитовича.

Подхалимовъ. Прекрасно-съ. (*Записываетъ: «воспитаніе получилъ недостаточное, но, будучи одаренъ свѣтлымъ умомъ, уже въ чинѣ поручика рѣшился обогатить оный разнообразнымъ чтеніемъ»*). Не имѣете-ли какихъ наружныхъ пороковъ?

Графъ (*выпрямляясь и опустивъ руки по швамъ*). Безъ отгмѣтинъ-съ.

Подхалимовъ (*осматриваетъ его*). Дѣйствительно!

Но будемъ продолжать нашъ вопросъ. Графъ! какъ вы думаете, обильно-ли наше отечество?

Графъ (*на минуту задумывается, какъ бы соображая*). Чтò вамъ сказать на это? Есть данныя, которыя заставляютъ думать, что да, есть и другія данныя, которыя прямо говорятъ: нѣтъ.

Подхалимовъ. Однакоже, графъ!

Графъ. Признаюсь вамъ, я никогда не придавалъ этому вопросу особенной важности. Мнѣ всегда казалось, что для нашего отечества нужно не столько изобиліе, сколько расторопные исправники.

Подхалимовъ. Такъ что, напримѣръ, ежели извѣстную мѣстность постигъ неурожай, то, по мнѣнію вашего сіятельства, достаточно послать въ ту мѣстность двоихъ исправниковъ вмѣсто одного, и вредныя послѣдствія неурожая устранятся сами собой?

Графъ. Не вполне такъ, но въ значительной мѣрѣ— да. Бываютъ, конечно, примѣры, когда даже экзекуція оказывается недостаточною; но въ большинствѣ случаевъ — я твердо въ этомъ убѣжденъ — довольно одного хорошо выполненнаго окрика, и дѣло въ шляпѣ. Вотъ почему, когда я былъ при дѣлахъ, то всегда повторялъ господамъ исправникамъ: отъ васъ зависитъ — *все*, вамъ дано—*все*, и потому вы должны будете отвѣтить—*за все*!

Подхалимовъ (*умиленный*). Ахъ, ваше сіятельство!

Графъ (*одушевляясь*). Скажу вамъ откровенно: вся наша бѣда въ томъ именно и заключается, что мы слишкомъ охотно возбуждаемъ вопросы о неизобиліи. Напоминая голодному объ ѣдѣ, мы тѣмъ самымъ, такъ сказать, искусственно вызываемъ въ немъ мысль о необходимости таковой. И притомъ, непременно въ изобиліи. Тогда какъ, еслибъ мы этого не дѣлали, то, навѣрное, изъ десяти случаевъ въ девяти, самые неизобильные люди сочли бы себя достаточно изобильными, чтобъ, въ

виду соответствующих напоминаний, своевременно выполнить лежащая на них повинности.

Подхалимовъ (*удивляясь премудрости*). Это, ваше сиятельство, въ своемъ родѣ... идея!

Графъ (*хвастаясь*). Въ моей служебной практикѣ былъ замѣчательный въ этомъ родѣ случай. Когда повсюду заговорили о неизобилии и о необходимости замѣнить оное изобиліемъ, — грѣшный человѣкъ, соблазнился, и я! Думаю: надобно что-нибудь сдѣлать и мнѣ. Сажусь, пишу, предписываю: чтобъ вездѣ было изобиліе! И чтожь! отъ одного этого неосторожнаго слова, неизобиліе, до тѣхъ поръ тлѣвшее подъ пепломъ и даже казавшееся изобиліемъ, — вдругъ такъ и поползло изъ всѣхъ щелей! И такой вдругъ сдѣлался голодъ, такой голодъ...

Подхалимовъ. Но, конечно, ваше сиятельство...

Графъ (*шряя брелоками*). Черезъ мѣсяць, спокойствіе было водворено.

Подхалимовъ. Ахъ!! (*Хочетъ бѣжать*).

Графъ. Успокойтесь, de Podkhalimoff, потому что теперь все это ужь сдѣлалось достояніемъ исторіи. Но тогда я вынужденъ былъ такъ поступить. Почему вынужденъ? — а потому просто (*смѣшиваетъ настоящее съ прошедшимъ*), что для меня главное — чтобы въ предѣлахъ моего вѣдомства царствовало спокойствіе. И чтобъ никто ничего не говорилъ. Когда всѣ спокойны — и я спокоенъ; когда я спокоенъ — и всѣ спокойны. А ежели при этомъ всѣ довольствуются тѣмъ «изобиліемъ», какое кому предназначено — я своимъ, вы — своимъ — то лучше и не надо. Такова моя система. Не дальше, какъ сегодня, призвавъ моего секретаря (*вдругъ вспоминаетъ, что онъ не больше, какъ «достояніе исторіи»*)... тьфу! Продолжайте, прошу васъ.

Подхалимовъ (*записываетъ: «объ изобилии Россіи думаетъ, что изобильна, но не весьма; недостатокъ сей*

полагаетъ устранить, удвоивъ комплектъ исправниковъ»).
Графъ! какого вы мнѣнія о русскомъ народѣ?

Графъ (*постепенно утрачиваетъ стыдъ*). Различнаго. Русскій народъ добръ, гостепріимень и... легковѣренъ. Таковы его хорошія стороны, но и только. Подлинно добродѣтельнымъ онъ едва ли можетъ сдѣлаться, ибо черзчуръ пристрастенъ къ спиртнымъ напиткамъ.

Подхалимовъ. Но вы забываете, ваше сіятельство, что акцизъ съ спиртныхъ напитковъ представляетъ собою добрую часть нашего бюджета, и слѣдовательно...

Графъ. Не только не забываю, но всечасно о томъ помышляю. И даже, однажды, бывъ спрошенъ по этому предмету, отвѣчалъ такъ: — еслибъ русскій мужикъ и добровольно отказался отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, то и тогда надлежало бы кроткими мѣрами вновь побудить его возвратиться къ онимъ.

Подхалимовъ. Но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ согласовать ваше требованіе, чтобъ русскій мужикъ былъ добродѣтеленъ, съ такимъ, можно сказать, бюджетнымъ осужденіемъ его на обязательное пьянство?

Графъ (*разводитъ руками*). Вотъ это именно и есть... наша ахиллесова пята!

Подхалимовъ. Но такъ какъ на этой пятѣ покоются всѣ наши упованія, то выходитъ, что во всѣхъ, исходящихъ отсюда распоряженіяхъ должна главнымъ образомъ господствовать ахиллесова пята? Или, говоря иными словами, русскій бюрократъ...

Графъ. Не доканчивайте. C'est terrible, mais... c'est vrai!

Подхалимовъ (*Записываетъ: «о свойствахъ русскаго народа мнѣнія хорошаго, но не вполне; полагаетъ, что навсегда осужденъ пить водку»*).

Графъ (*вновь смѣшивая прошедшее съ настоящимъ*).

Много у насъ этихъ ахиллесовыхъ пятъ, mon cher monsieur de Podkhalimoff? и ежели ближе всмотрѣться въ наше положеніе... ah, mais vraiment ce n'est pas dutout si trou-la-la qu'on se plait a le dire! Сегодня, напримѣръ, призываю я своего дѣлопроизводителя (*снова внезапно вспоминаешь, что онъ уже не при дѣлахъ*)... тѣфу!

Подхалимовъ (*почтительно, но безъ наглости*). Ваше сіятельство! простите меня, но, мнѣ кажется, что вы... огорчены?!

Графъ (*Съ достоинствомъ осматриваетъ Подхалимова съ ногъ до головы*). Чѣмъ... сударь?

Подхалимовъ (*Заискивающе*). А хоть бы тѣмъ, ваше сіятельство, что вы находитесь въ невозможности излить на Россію всю ту массу добра, которую вы предназначили для нея въ вашемъ добромъ русскомъ сердцѣ!?

Графъ (*восчувствовавъ*). Вы правы... мой другъ! (*Подаетъ ему руку*). Au fond, je suis bon. И я люблю Россію... La Russie! Swiataia Rouss! parlez moi da sa (*Хлопаетъ себя по ляжкѣ*). Сколько безпокойныхъ ночей я провелъ, думая, чтò бы такое придумать... И представьте себѣ — всегда и вездѣ одинъ отвѣтъ: ахиллеса пята! Не далѣе, какъ часъ тому назадъ, я говорилъ моему другу графу Мамелфину: да сдѣлаемъ же хоть что-нибудь для Россіи... И хоть убей! Смотрите! вонъ онъ о сю пору ходитъ подъ орѣхами... Но врядъ ли что-нибудь выдумаетъ!

Подхалимовъ (*смотритъ въ окно*). Ничего не выдумаетъ, ваше сіятельство. Но во всякомъ случаѣ уже и то пріятно, что ваши сіятельства изволите любить Россію, и стало быть, находите ее заслуживающею снисхожденія... Не правда ли, графъ?

Графъ. Ежели вы хотите, чтобъ я откровенно вы-

разилъ мое мнѣніе, то скажу вамъ: да, Россія виновата. Она во многихъ отношеніяхъ ведетъ себя не деликатно, и, въ особенности, не цѣнитъ... заслугъ! Но я не злопамятенъ, мой другъ! и, разумѣется, если когда-нибудь потребуютъ, чтобъ я опредѣлилъ степень ея виновности, то я отвѣчу: да, виновна, но въ высшей степени заслуживаетъ снисхожденія. Подхалимовъ! вы, конечно, имѣете понятіе объ идеѣ, которою я руководился, когда былъ при дѣлахъ. Сознаюсь, это была идея нѣсколько суровая. Я хотѣлъ все видѣть, все слышать, все знать. Разумѣется, это было необходимо мнѣ для того, чтобъ имѣть возможность вырвать съ корнемъ плевела, а добрымъ колосьямъ предоставить дозрѣть, дабы употребить ихъ въ пищу впослѣдствіи. Повторяю: это была идея грандіозная, благодѣтельная, но... черезчуръ суровая. Въ настоящее время, я понялъ это, и значительно-таки смягчилъ свою систему. И знаете ли, почему?

Подхалимовъ. Почему, ваше сіятельство?

Графъ. А потому, мой другъ, что, думая вырвать плевела, я почти всегда вырывалъ добрые колосья..! То есть, разумѣется, не всегда... однако!

Подхалимовъ (*содрогаясь при мысли, что и онъ могъ быть вырваннымъ*). Ахъ, ваше сіятельство!

Графъ (*восторженно*). И въ довершеніе всего, представьте себѣ: желая все знать, — я ничего не зналъ, желая все видѣть и слышать, — я ничего не видалъ и не слышалъ. Одно время я просто боялся, что сойду съ ума!

Подхалимовъ. Значитъ, только напрасно изволили беспокоиться... А впрочемъ, я полагаю, что и особенно тревожиться тѣмъ, что вырвано больше добрыхъ колосьевъ, чѣмъ плевель, нѣтъ причинъ. Вѣдь все равно, еслибъ добрые колосья и созрѣли — все-таки, ваше сіятельство въ той или другой формѣ, скушали бы ихъ!

Графъ. Непремѣнно! Только это соображеніе и утѣшаетъ меня. Потому что, я порядочно-таки въ свое время напроказилъ.

Подхалимовъ. Но нынѣ... Какъ бы ваше сіятельство поступили, еслибъ отечество вновь обратилось къ вамъ и къ графу Мамелфину съ кличемъ «шестуйте, сыны!»?

Графъ. Я думаю, что мы предпочли бы сидѣть смирно и получать присвоенное содержаніе. Ахъ, вѣрите мнѣ, что въ наше время это самая плодотворная внутренняя политика!

Подхалимовъ. Но Ахиллесовы пятаы, ваше сіятельство! надо же какое-нибудь на счетъ ихъ распоряженіе сдѣлать?

Графъ. Я думаю, что онѣ заживутъ сами собой. Но, впрочемъ, разумѣется, ежели бы...

Подхалимовъ. То-то вотъ и есть, что «впрочемъ»... Трудно, ваше сіятельство! трудно, стѣя на извѣстной высотѣ, воздержаться, чтобъ не сдѣлать хоть маленькаго распоряженьица! Положимъ, что Ахиллесовы пятаы и сами собой заживутъ, но вѣдь это когда-то будетъ! А между тѣмъ, вашимъ сіятельствамъ хочется, чтобъ поскорѣе...

Графъ. А чтò вы думаете... вѣдь это очень—очень вѣрное замѣчаніе! Вы глубоко изучили человѣческую душу, Подхалимовъ! Но еслибъ даже было и такъ... чтòжь, я готовъ! (*Неожиданно вынимаетъ изъ кармана трубу и трубитъ*):

Разсыптесь, молодцы!

За горы, за кусты!

Поддва въ рррядъ!

Подхалимовъ. (*наскоро записываетъ: «отечество любитъ и даже находитъ заслуживающимъ снисхожденія; но, впрочемъ, готовъ поступить и во всей строю-*

сти законовъ». Встаётъ). Ваше сіятельство! не смѣю больше утруждать васъ! Хотя вопросы такъ и тѣсняются въ головѣ, но вижу, что ваше сіятельство уже изволите испытывать потребность въ иныхъ развлеченіяхъ... (Становится въ позитуру). Ваше сіятельство! Позвольте вамъ доложить! Никогда не проводилъ я времени такъ пріятно и не выносилъ такихъ для себя поученій, какъ въ теченіи сегодняшняго нашего собесѣдованія! И мнѣ кажется, еслибъ я могъ слѣдовать только влеченію моего сердца... (Хочетъ сдѣлать что-то нехорошее, но только въ безсиліи машетъ руками). Ваше сіятельство! позвольте, во всякомъ случаѣ, надѣяться, что эта бесѣда не будетъ послѣднею?

Графъ (пристально смотритъ на Подхалимова). Подхалимовъ! говорите откровенно! вы хотите водки?

Подхалимовъ (послѣ мновеннаго колебанія). Па-азвольте, ваше сіятельство!

Приносятъ графинъ водки и рюмку. Подхалимовъ наливаетъ. Зававъсь медленно опускается.

Слѣдя за современнымъ жизненнымъ процессомъ, и чаще всего поражаюсь постепеннымъ оскудѣніемъ нашего бюрократическаго творчества. И именно за послѣднее время какъ-то особенно обострилось это явленіе. «Прежде, бывало, всѣ распоряженія съ «понеже» начинались». Понеже, напимѣръ, изъ практики другихъ странъ явствуетъ, что свобода книгопечатанія, въ разсужденіи смягченія нравовъ, а такжеде приумноженія полезныхъ промысловъ и художествъ, зѣло великія пользы приносить, и хотя генераль-маёръ Отчаянный таковой отрицаетъ, но безъ разсудка. Того ради признано за благо: цензурное вѣдомство упразднить на вѣчныя времена, на мѣсто же онаго учредить особый благопечительный о наукахъ и искусствахъ комитетъ, возложивъ

на таковой наблюдёніе, дабы въ Россійской имперіи быстрымъ разумомъ Невтонамъ безъ помѣхи процвѣтати было можно». Не длинно, но чрезвычайно хорошо. Или по протеченіи времени, наоборотъ: «Понеже изъ опыта, а также изъ полицейскихъ рапортовъ усматривается, что чрезмѣрное быстрыхъ разумомъ Невтоновъ размноженіе приводитъ не къ смягченію правовъ, но токмо къ обремененію должностныхъ мѣстъ и лицъ излишнею перепискою, въ чемъ и наблюденія генераль-маёра Отчаяннаго согласно утверждаютъ. И того рода *Приказали*: Попечительный о размноженіи Невтоновъ комитетъ упразднить, а на мѣсто онаго возстановить цензурное вѣдомство въ прежнихъ предѣлахъ, предписавъ таковому наблюсти, дабы впредь Невтонамъ проявлять себя неповадно было». Опять не длинно и хорошо. Видно, что выдумщикъ не только самъ сознаетъ мотивы своей выдумки, но желаетъ, чтобъ эти мотивы были признаны и тѣми, до кого выдумка относится. Было ваше времячко, господа, пожуировали; теперь «времячко» прошло. Почему прошло?—потому что, «изъ опыта и полицейскихъ рапортовъ усматривается»... Право, хорошо. Напротивъ того, нынѣ пишутъ не длинно, но не хорошо. Отъ того ли, что потухло у бюрократіи воображеніе, или отъ того, что развелось слишкомъ много кафе-шантановъ и нѣтъ времени думать о дѣлѣ; какъ бы то ни было, но въ бюрократическую практику, мало по малу, начинаютъ проникать прискорбныя фельдъегерскія преданія. Ни «понеже», ни «поелику»—ничего уже нѣтъ; осталось одно безнадежное слово: пошелъ!

Но что всего замѣчательнѣе, это оскуденіе творчества замѣчается именно только въ сферѣ бюрократіи—и нигдѣ больше.

Начать хоть съ законовъ. Во всей обширной сферѣ законодательства вы не только не встрѣтитесь съ оскудѣ-

ніемъ, но, напротивъ, скорѣе найдете излишество творчества. Прочтите указы губернаторамъ, губернскимъ правленіямъ, палатамъ государственныхъ имуществъ, врачбнымъ управамъ—чего только тутъ не предусмотрѣно? Затѣмъ проштудируйте осьмой, двѣнадцатый, тринадцатый и четырнадцатый томы,—какое богатство прозорливости, попечительности и даже фантазіи! И вездѣ въ выноскѣ либо «понеже», либо «поелику». Человѣку предстоитъ только родиться, а тамъ ужъ и пошла писать. Такъ было, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, а теперь... я не знаю даже, не упразднены ли всѣ эти законы совсѣмъ? Знаю, напримѣръ, что палаты государственныхъ имуществъ, врачбныя управы, строительныя комиссіи и проч., упразднены, но между кѣмъ распредѣлены всѣ «поелику» и «понеже», которыя были на нихъ возложены, — не знаю. Вѣроятно, если внимательнѣе поискать, то въ какой-нибудь щелкѣ они и найдутся, но, съ другой стороны, сколько есть людей, которые, за упраздненіемъ, мечутся въ тоскѣ, не зная, въ какую щель обратиться съ своей докукой?

Или возьмите сферу русскаго адвокатства. Тутъ, что ни шагъ, то богатство фантазіи, что ни слово, то вымысль. И, къ чести сословія нужно сказать, вымысль—всегда мотивированный. Ни одинъ самый плохонькій адвокатъ не начнетъ защитительную рѣчь ни съ «тѣмъ не менѣе», ни съ «а да бы» (а графъ Твэрдоонтѣ такъ именно и начнетъ), но непременно какой-нибудь фортель да выкинетъ. Особенно ежели по соглашенію. Соглашеніе—святое дѣло; оно подстрекаетъ адвоката, поддерживаетъ въ немъ бодрость, обязываетъ быть изобрѣтательнымъ. Ежели съумѣешь убѣдить судей, — вотъ деньги: ѣшь, пей и веселись! ежели не съумѣешь,—вотъ пиши. Въ сей крайности, поневолѣ будешь выдумывать. А затѣмъ, выдумывая да выдумывая, получишь при-

вычку быть изобрѣтательнымъ и въ дѣлахъ по назначенію поручаемыхъ. Тогда какъ чиновнику — какая корысть? Будетъ ли онъ мозгами шевелить или не будетъ — все одно двадцатаго числа на равнѣ съ другими жалованье получить. А иногда даже и заorno мозгами шевелить: пусть лучше не я, а какая-нибудь бестія шевелить! Конечно, можно за эти провинности мѣста лишиться, или награды къ празднику не получить, но и тутъ лазѣчка есть: тѣтенька попросить. А въ адвокатскомъ сословіи, даже самыя лучшія тѣтеньки — и тѣ не помогутъ. Отдувайся, какъ знаешь, самъ...

Объ литературѣ и говорить нечего: извѣстно, что голь на выдумки хитра. Литература живетъ выдумкой, и чѣмъ больше въ ней встрѣчается «понеже» и «поелику», тѣмъ осязательнѣе ея вліяніе на міръ. Говорятъ, будто современная русская литература тоже, подобно бюрократіи, предпочитаетъ краткословность винословности, но это едва ли такъ. Дѣйствительно, литература наша находится какъ бы въ переходномъ положеніи, именно по случаю постепеннаго упраздненія того округленнаго пу-стословія, которое многими принималось за винословность, но, въ сущности, эта послѣдняя совсѣмъ не изгубла, а только приподносится не въ формѣ эмульсіи, а въ видѣ пилюли — глотай! Но если бы даже литература и впрямь захудала, то это явленіе случайное и временное. Для литературы нѣтъ разчета «худать», потому что и въ ней принципъ соглашенія съ читателями играетъ главную роль. Хочешь-не-хочешь, а шевели мозгами, уловляй сердца, убѣждай!

Однимъ словомъ, вездѣ, куда ни обратитесь, вездѣ вы увидите проникновеніе возбуждающаго начала, которое устраняетъ преждевременное одряхлѣніе. Въ одной только бюрократической профессіи это начало отсутствуетъ. Правда, что всѣ эти «понеже» и «поелику»,

которыми такъ богаты наши бюрократическія преданія, такими же чиновниками изобрѣтены и прописаны, какъ и тѣ, которые нынѣ ограничиваются фельдъегерскимъ окрикомъ: пошелъ!—но не нужно забывать, что первые изобрѣтатели «понеже» были люди свѣжіе, не замученные, которымъ въ охотку было изобрѣтать. То было время насажденія наукъ и художествъ, фабрикъ и заводовъ, армій и флотовъ. И дѣло было новое, и люди новые — отъ этого и «понеже» выходило само собой, независимо отъ надежды на увеличеніе окладовъ. А нынче все это примелькалось, прислушалось, пріѣлось. Иной и радъ бы «понеже» вернуть — анъ у него съ души прѣтъ. Вотъ онъ и тянетъ канитель, дѣла не дѣлаетъ, отъ дѣла не бѣгаетъ. А прикрикнуть на него, заставить какую ни на есть выдумку по начальству представить — онъ присядетъ на минуту, начертитъ: «пошелъ!» и готовъ.

Вѣроятно, въ этихъ видахъ, начали нынѣ прибѣгать къ комиссіямъ. Все, дескать, на народѣ постыднѣе будетъ. Но тутъ опять другая бѣда: съ представленіемъ о комиссіи неизбежно сопрягается представленіе о пререканіяхъ. Одному нравится арбузь, другому—свиной хрящикъ. А такъ какъ въ чиновничьемъ мірѣ разногласій не полагается то, дабы дать время арбузу войти въ соглашеніе съ свинымъ хрящикомъ, начинаютъ отлынивать и предаваться боковымъ движеніямъ. Собираютъ справки, раздають командировки, дѣлаются извлеченія изъ архивныхъ дѣлъ, а «понеже» тѣмъ временемъ спитъ да спитъ непробуднымъ сномъ. Да врядъ-ли когда-нибудь и проснется, потому что для того, чтобъ осуществилось это пробужденіе, необходимо, чтобъ оно кого-нибудь интересовало. А кого же оно можетъ интересовать? Тѣ два члена, которые на первыхъ порахъ погорячились и упорно остались одинъ при арбузѣ, другой—при свиномъ хрящикѣ, давно ужъ махнули на все

рукой. «Нѣчего сказать—находка! разсудили они: — собрали какую-то комиссію, нагнали со всѣхъ сторонъ народу, заставили о свѣтопреставленіи толковать, да еще и мнѣній не выражай: предосудительно, вишь?» И кончается обыкновенно затѣя тѣмъ, что «комиссія» гложетъ да гложетъ, пока не выищется дѣлопроизводитель попредпріимчивѣе, который на всѣ «труды» и «мнѣнія» наложитъ крестъ, а внизу напишетъ: пошелъ! И готово.

Сознаюсь откровенно: я никакъ не могу понять, почему пререканія считаются въ настоящее время предосудительными. Пререканія, въ качествѣ элемента, содѣйствующаго правильному ходу административной машины, издавна были у насъ въ употребленіи, и я даже теперь знаю старыхъ служаекъ, которые не могутъ вспоминать объ нихъ иначе, какъ съ умиленіемъ. Еще недавно Удавъ объяснялъ мнѣ:

— Въ пререканіяхъ власть почерпала не слабость, а силу-съ; обыватели же надежды мерцаніе въ нихъ видѣли. Графъ Михайль Николаевичъ — ужь на что суровъ былъ! — но и тотъ, будучи на одрѣ смерти и себравъ сподвижниковъ, говорилъ: отстаивайте пререканія, друзья! ибо въ нихъ—нашъ пантеонъ!

А Дыба съ своей стороны удостовѣрялъ:

— Что положеніе пререкателей было не безопасно — это такъ; что большинство ихъ кончало служебную карьеру, разсѣянное по лицу земли—и это вѣрно. Но бывали, однакожь, случаи, когда и скромный голосъ совѣтника губернскаго правленія достигалъ до ступеней-съ...

И затѣмъ, застыдившись и крикнувъ (дѣло, очевидно, касалось его личности), присовокуплялъ:

— Я самъ одинъ примѣръ такой знаю. Простой совѣтникъ, а на цѣлую губернію сенаторскій гнѣвъ навлекъ-съ. Позвольте васъ спросить: если бы этого не было, могла-ли бы истина возсіять-съ..

Какъ хотите, а я положительно стою на сторонѣ Удава и Дыбы. Конечно, я понимаю, что собственно «пантеона» тутъ нѣтъ, но ежели ужъ ничего другого не выработалось, то пусть остаются хоть пререканія. Если нѣтъ подлинной надежды, то пусть будетъ хоть мерцаніе надежды. Если нѣтъ подлинныхъ перспективъ, то пусть остается въ перспективѣ «сенаторскій гнѣвъ». Не приходится намъ быть прихотливыми, и до тѣхъ поръ, покуда въ основаніи нашей жизни лежитъ пословица: выше лба уши не растутъ, то ладно будетъ, если хоть кой-какіе обрывочки «перспективъ» на нашу долю выпадутъ. Если что выпадетъ — лови! а не выпадетъ — жди и воспитывай въ себѣ «надежды мерцаніе». Все-таки хоть что-нибудь, а не голое «ничего». Что же касается до власти, то и въ этомъ отношеніи я согласенъ съ Удавомъ: не слабость она почерпала въ пререканіяхъ, а силу. Прежде всего, общее правило: ежели надоѣлъ пререкатель, то ничего не стоитъ его расточить — развѣ это не сила? А затѣмъ и другая сила: обыватель, зная что у него есть за спиной пререкатель, смотритъ веселѣе, думаетъ: пока у насъ Иванъ Ивановичъ въ совѣтникахъ сидитъ, опасаться мнѣ нѣчего. Такъ что ежели Иванъ Ивановичъ сидитъ долго (бывали въ старину, по упущенію, и такіе случаи), то обыватель начинаетъ даже гордиться и впадаетъ въ самонадѣянный тонъ. «Совсѣмъ ужъ у насъ не такая форма правленія, какъ внутренніе враги пишутъ! нѣтъ! у насъ чуть немного, Иванъ Ивановичъ какъ разъ сократить!»

Право, это было очень удобно. И прежде всего удобно для самой бюрократіи, потому что смягчало ея отвѣтственность и ограждало ея репутацію отъ нареканій. А главное, заставляло ее мотивировать свои дѣйствія, и въ «по-неже» и «поелику» искать прибіжища отъ внезапностей. Мысль степенялась, да и самъ бюрократъ смотрѣлъ

осанистѣе, умнѣе. А обыватель утѣшался тѣмъ, что онъ хоть что-нибудь да понимаетъ...

Но опытные служаки идутъ еще дальше. Удавъ, на примѣръ, охотно бралъ на себя даже защиту ябедниковъ и ябедничества, и опять-таки ссылался на авторитетъ графа Михаила Николаевича.

— Вы, сударь, не шутите съ ябедниками, говорилъ онъ мнѣ: — въ древнія времена, ябедникъ представлялъ собою сосудъ, въ которомъ общественная скорбь находила единственное и всегда готовое убѣжище! И безъ торгу, сударь; бери двугривенный и пиши! За двугривенный человекъ рисковалъ, что его и въ бараний рогъ согнуть, и въ табакъ сотрутъ, и туда зашвырнуть, куда воронъ костей не заносилъ! Гдѣ нынче такихъ героевъ сыщешь! И сколько, спрошу я васъ, было нужно скорбей, сколько призрѣнія къ жизненнымъ благамъ въ сердцѣ накопить, чтобы, несмотря ни на какія перспективы, въ столь опасномъ ремеслѣ упражненіе имѣть? всю жизнь видѣть передъ собой «раба лукаваго», всѣ интересы сосредоточить на немъ одномъ, и объ немъ одномъ неуставаючи вопіять и къ царю земному, и къ Царю Небесному — сколь крѣпка должна быть въ человекѣ вѣра, чтобы эту пытку вынести! А сколько ихъ погибло... всячески погибло-съ! и подъ бременемъ презрѣнія отъ своихъ, и подъ начальственнымъ давленіемъ! Полки можно было бы изъ этихъ ревнителей поруганной общественной совѣсти сформировать!

— Но какую же пользу они могли приносить, коль скоро съ ними такъ легко можно было по всей строгости поступить? возражалъ я.

— А ту пользу, что сегодня, на примѣръ, десять «ябедниковъ» загублено, а завтра, на ихъ мѣстѣ, новыхъ двадцать явилось! А, кромѣ того, смотришь, одного какого-нибудь и проглядѣли. Сидѣлъ онъ гдѣ-нибудь ти-

химъ манеромъ въ кабачеѣ, пописываль да пописываль — глядь, анъ въ губернію сенаторскій гнѣвъ ѣдетъ! Откуда? какъ? кто навлекъ?.. Ябедникъ-съ!

Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но приходится согласиться, что устами Удава говоритъ сама истина. Да, хорошо въ тѣ времена жилось. Ежели тебѣ тошно или Сквозникъ-Дмухановскій одолѣль, — бѣги къ Ивану Иванычу. Иванъ Иванычъ не помогъ (не съумѣлъ «застойтъ»), — недалеко и въ кабакъ сходить. Тамъ ужъ съ утра ябедникъ Ризположенскій, съ перомъ за ухомъ ждетъ. Настрочилъ, запечаталъ, послалъ... Не успѣлъ оглянуться, — вдругъ, динь-динь, колокольчикъ звенить. Кто пріѣхалъ? Иванъ Александровъ Хлестаковъ пріѣхалъ! Ну, слава Богу!

Я не утверждаю, конечно, чтобъ все это вмѣстѣ взятое представляло настоящія гарантіи; я говорю только, что было мерцаніе надеждъ. Были пререканія (даже два чиновника специально для пререканій: прокуроръ и жандармскій штабъ-офицеръ; имъ же представлялось отирать слезы), были ябедники. Теперь пререканія признаны предосудительными, а ябедники, съ распространеніемъ хорошихъ манеръ, извелись сами собой. Вмѣстѣ съ ними, извелось и исчезло достопочтенное «по-неже», которое такъ или иначе, но все-таки остепеняло разнузданную бюрократическую мысль и налагало на нее извѣстныя обязанности. Все прочее осталось. То есть остался графъ Твэрдоонтъ съ теоріей повсемѣстнаго смерча и съ ея краткословной формулой: пошелъ!

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что теорія смерча оказалась, однакожь, несостоятельною, и вслѣдствіе этого графъ Твэрдоонтъ нынѣ уже находится не у дѣль. Стало быть, правда возсіяла-таки...

А сколько онъ народу погубилъ, покуда его теорія оказалась несостоятельною? И кто же поручится, что

онъ не воспрянетъ и опять? что у него ужъ не созрѣла въ головѣ теорія кукиша съ масломъ, и что онъ съ свойственною ему ретивостью, не поспѣшитъ положить и эту новинку на алтарь отечества, при первомъ кличѣ: шествуйте, сыны!

По настоящему, мнѣ слѣдовало бы, сейчасъ же послѣ свиданія съ графомъ Твэрдоонтò, уѣхать изъ Интерлакена; но меня словно колдовство пришилило къ этому мѣсту. Въ красотѣ природы есть нѣчто волшебнò-дѣйствующее, проливающее успокоеніе даже на самыя застарѣлыя увѣчья. Есть очертанія, звуки, запахи, до того ласкающіе, что человѣкъ покоряется имъ совсѣмъ машинально, независимо отъ сознанія. Онъ не анализируетъ ни ощущеній своихъ, ни явленій, породившихъ эти ощущенія, а просто живетъ какъ очарованный, чувствуя, какъ въ его организмъ льется отрада.

Нѣчто подобное испыталъ и я. Всякая дребедень лѣзла мнѣ въ голову, и теорія смерча, и теорія кукиша съ масломъ, и еще какая-то совсѣмъ новая теорія умиротворенія, но не безъ участія строгости и скорости. Но и за всѣмъ тѣмъ чувствовалось хорошо. Эти тающія при лунномъ свѣтѣ очертанія горныхъ вершинъ, съ бѣгущими мимо нихъ облаками, этотъ опьяняющій запахъ скошенной травы, несущійся съ громаднаго луга передъ Nöheweg, эти звуки іудля, разносимые странствующими музыкантами по отелямъ — все это нѣжило, сладко волновало и покоряло. И я, какъ въ полуснѣ, бродилъ подъ орѣшниками, предаваясь пестрымъ мечтамъ, и не думая объ отѣздѣ.

Само собой, разумѣется, что, въ этихъ мечтаніяхъ, не малое мѣсто занимала и литература. Русскія газеты получаются и въ Интерлакенѣ, а тутъ, какъ разъ кстати, и въ иностранныхъ, и русскихъ журналахъ появились

слухи о предстоящихъ для нашей печати льготахъ. Натурально, я взволновался; но что всего страннѣе, мнѣ показалось, что вмѣстѣ со мною взволновался и весь Интерлакенъ. Думалось, что на меня всѣ смотрятъ съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ, словно у всѣхъ — даже у кельнеровъ — одна мысль въ головѣ: освободятъ его, или окончательно ушекутъ?

Что касается до меня лично, то я не только не ставилъ себѣ никакихъ вопросовъ, но просто на-просто, заранѣе предвкушалъ. Мнѣ нравился молодой задоръ русскихъ газетъ, которыя въ одинъ голосъ предвѣщали конецъ административному произволу и громко призывали на печать кары суда. Всѣ глаза какъ-то разомъ раскрылись, и жизнь безъ суда вдругъ оказалась нестерпимѣйшею изъ обидъ, когда-либо ниспосланныхъ разгнѣваннымъ небомъ для усмиренія бунтующей человѣческой плоти. Одно только смущало: ни въ одной газетѣ не упоминалось ни о томъ, какого рода прецедуръ будетъ сопровождать преданіе суду, ни о томъ, будетъ ли это судъ, свойственный всѣмъ русскимъ гражданамъ, или какой-нибудь экстраординарный, свойственный одной литературѣ, ни о томъ, наконецъ, какого рода скорпіонами будетъ этотъ судъ вооруженъ. Я зналъ, что русская печать вообще скромна, и потому о многомъ умалчиваетъ, но тутъ мнѣ показалось, что скромность какъ будто и не совсѣмъ уместна. Разумѣется, намъ, какъ литераторамъ, оно понятно, что по суду и скорпіона пріятно проглотить, — особливо ежели онъ запущенъ на точномъ основаніи, — но вѣдь надо же, чтобъ и публика поняла, почему судебный скорпіонъ считается болѣе подходящимъ, нежели скорпіонъ административный. Поэтому, восторгъ восторгомъ, а все-таки не худо было хоть сторонкой заявить: отъ суда-моль мы не прочь,

но только нельзя ли постараться, чтобъ оный вмѣстить было можно.

Виновать: было и еще одно смущающее обстоятельство. Радуюсь предстоящему пришествію судебныхъ скорпіоновъ, газеты, къ сожалѣнію, не воздержались отъ издѣвокъ надъ скорпіонами административными. Вотъ молъ, сколько вы ни старались, а въ результатѣ все-таки получили шишъ! Если вы изыскивали средства, то и литература изыскивала средства. Выдумаете вы, бывало, какую-нибудь выдумку и воображаете себѣ: ну, теперь будетъ крѣпко! а литература возьметъ да другую выдумку выдумаетъ, и оважеться, что вы палите изъ пушекъ по воробьямъ. А потому уходите-ка лучше вы съ глазъ долой, безсильные, постылые, неумѣлые! и очистите мѣсто другимъ, кои это дѣло въ аккуратѣ поведутъ!

Признаюсь откровенно: это даже и я, литераторъ, не понялъ. Положимъ, что административные скорпіоны были безсильны, и что литература находила возможность ускользать отъ нихъ... Но въ чемъ же тутъ неудобство? и для чего, вмѣсто мнимыхъ скорпіоновъ, понадобились скорпіоны подлинные?..

Я почти тридцать пять лѣтъ литераторствую, не пользуясь покровительствомъ законовъ, но и за всѣмъ тѣмъ, не рошшу. Бывали, правда, огорченія, и даже довольно сильныя — иногда казалось, что кожу съ живого сдираютъ, — но когда приходила бѣда, то я припоминалъ соотвѣтствующія случаю пословицы и... утѣшался ими. Бывало, призовутъ, побранятъ — я скажу себѣ: брань на ворота не виснетъ. Или, бывало, мѣстами оциплотъ, а временемъ и совсѣмъ изувѣчатъ — я скажу себѣ: до свадьбы заживетъ Въ моихъ глазахъ, произволь имѣетъ ту выгодную сторону, что онъ для всѣхъ явно несомнителенъ. Онъ не можетъ ни оскорбить, ни под-

линно огорчить, а можетъ только физически измучить. Никому не придется въ голову справляться, правильно или неправильно поступилъ произволь, потому что всякому ясно, что на то онъ и произволь, чтобъ поступать безъ правилъ, какъ ему въ данную минуту заблагоразсудится. Такъ что ежели у произвола и была жестокая сторона, къ которой очень трудно было привыкнуть, то она заключалась единственно въ томъ, что ни одинъ литераторъ не могъ сказать утвердительно, что онъ такое: подлинно ли литераторъ или только сонное мечтаніе. Дунуль — и нѣтъ его.

Тѣмъ не менѣе, для меня не лишено важности то обстоятельство, что въ теченіи почти тридцати-пяти-лѣтней литературной дѣятельности, я ни разу не сидѣлъ въ кутузкѣ. Говорять, будто въ древности такіе случаи бывали, но въ позднѣйшія времена было многое, даже, можно сказать, все было, а кутузки не было. Какъ хотите, а нельзя не быть за это признательнымъ. Но не придется-ли познакомиться съ кутузкой теперь, когда литературу ожидаетъ покровительство судовъ?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Я боюсь кутузки по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, тамъ должно быть сыро, непріятно, темно и тѣсно; во-вторыхъ — кутузка, несомнѣнно, должна воспитывать цѣлую тучу клоповъ. Право, я положительно не знаю такого тяжкаго литературнаго преступленія, за которое совершившій его могъ бы быть отданнымъ въ жертву сырости и клопамъ. Представьте себѣ: дряхлаго и больного литератора ведутъ въ кутузку... ужели найдется каменное сердце, которое не обольется кровью при этомъ зрѣлищѣ?

Тѣмъ не менѣе, покуда я жилъ въ Интерлакенѣ и находился подъ живымъ впечатлѣніемъ газетныхъ восторговъ, то я ничего другого не жалалъ, кромѣ на-

слажденія быть отданнымъ подь судъ. Но для того, чтобъ это было дѣйствительное наслажденіе, а не перифраза исконнаго русскаго озорства, представлялось бы, по мнѣнію моему, не бесполезнымъ обставить это дѣло нѣкоторыми иллюзіями, которыя прямо засвидѣтельствовали бы, что отнынѣ воистину никакихъ препонъ къ размноженію быстрыхъ разумомъ Невтоновъ полагаемо не будетъ. А именно:

1) Чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъ-естественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ.

2) Чтобы суды были тоже не сверхъестественные, а обыкновенные, такіе же, какъ для татей.

3) Чтобы кутузки ни подь какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось. За что?

Ежели эти мечтанія осуществляются, да еще ежели денежными штрафами не слишкомъ донимать будутъ (подумайте! гдѣ же бѣдному литератору денегъ достать, да и на что?.. на штрафы); то будетъ совсѣмъ хорошо.

Я помню, эта тріада такъ ясно сложилась въ моей головѣ, что, встрѣтивъ въ тотъ же вечеръ подь орѣшниками графа Твэрдоонтò, я не выдержалъ и сообщилъ ему мой проэктъ.

Съ перваго абцуга, онъ даже одобрилъ.

Вы логичны, Подхалимовъ! сказалъ онъ мнѣ: — и, въ сущности, быть можетъ, даже правы. Я удивляюсь полету вашей фантазіи, и нахожу вашъ вымыселъ въ высшей степени благороднымъ... но!

Но потомъ, вдругъ засверкалъ глазами и забормоталъ:

— Но пресса... вы понимаете?.. вы говорите, что это сила... прекрасно!.. но сила... и притомъ... Откуда, спрашиваю васъ, зло?.. Но положимъ, однакожь... допустимъ, что это сила... пусть будетъ по вашему... Но это сила... О! го-го-го!

Онъ не выдержаль, и вынувъ изъ кармана трубу, протрубилъ:

Трубить въ рога!
Разить врага!
Давно пора!

И зачѣмъ только я этотъ разговоръ завелъ?!

Но вопросъ объ оскудѣнїи бюрократическаго творчества продолжалъ терзать меня. Я видѣлъ пагубныя послѣдствїя этого повѣтрїя на графѣ Твэрдоонтѣ и не могъ не трепетать за будущее Россїи. Этотъ человѣкъ дошелъ, наконецъ, то такой простраціи, что даже слово «пошелъ!» не могъ порядкомъ выговорить, а какъ-то съ присвистомъ, и быстро выкрикивалъ: и — шёлъ! Именно такъ долженъ былъ выкрикивать, мчась на перекладной, фельдъегерь, когда встрѣчнымъ вихремъ парусило на немъ пѣлы бараньяго полшубка и волны снѣжной пыли залепляли нетрезвыя уста. Но замѣчательно, что тотъ же самый Твэрдоонтѣ, какъ только рѣчь касалась предметовъ его компетентности, говорилъ не только складно, но и резонно. Такъ, на примѣръ, однажды, при мнѣ зашелъ у него съ Мамелфинымъ разговоръ о томъ, что есть истинная кобыла и каковы должны быть у нея статьи? — и я рѣшительно залюбовался имъ. Совсѣмъ другой человѣкъ стоялъ передо мной. Умень, образованъ, начитанъ и... доброжелателенъ. И онъ зналъ кобылу, и кобыла знала его. Общїя положенїя, выводы, цитаты — такъ и сыпались...

Какъ бы то ни было, но я рѣшился отъ самого графа Твэрдоонтѣ добиться разъясненїя этой тайны.

— Графъ! сказалъ я, встрѣтившись съ нимъ:—будьте такъ добры разрѣшить мое недоумѣнїе: отчего наше бюрократическое творчество до такой степени захудало?

— Я васъ не понимаю, отвѣтилъ онъ холодно, оглядывая меня съ ногъ до головы.

— Позвольте пояснить примѣромъ. Отчего, напри- мѣръ, какъ только дѣло коснется вопросовъ внутренней политики, или благоустройства, или, наконецъ, эконо- міи, — вы ничего не имѣете сказать, кромѣ: «п—шѣль!»

Онъ вновь пытливо взглянулъ на меня, какъ бы по- дозрѣвая, не разставляю-ли я ему ловушку. Но въ го- лосѣ моемъ не слышалось и тѣни озорства; одна ду- шевная теплота — и ничего больше. Онъ понялъ это.

— Вы правы, мой другъ! сказалъ онъ съ чувствомъ: — я дѣйствительно съ трудомъ могу найти для своей мысли приличное выраженіе; но вспомните, какое я получилъ воспитаніе! Вѣдь я... я даже латинской грамматики не знаю!

— Ахъ, ваше сіятельство, это ужасно!

— Вотъ Мамелфинъ — тотъ счастливѣе меня! Онъ Евтропія въ своемъ «заведеніи» переводилъ!

— Но если васъ не учили латинской грамматикѣ, то въ чемъ же состояло ваше воспитаніе?

— Насъ заставляли танцовать, фектовать, дѣлать гим- настику. Въ низшихъ классахъ учили повиноваться, въ высшихъ — повелѣвать. Сверхъ того: немного исторіи, немного географіи, чуть-чуть ариеметики и, наконецъ, краткія понятія о божествѣ. Вотъ и все. Виноватъ: за- ставляли еще вытверживать басни Лафонтена къ имя- нинамъ родителей...

— Ваше сіятельство! не помните-ли какой-нибудь ба- сенки? вдругъ разохотился я.

— Помню и даже съ удовольствіемъ прочитаю.

И онъ, не выжидая дальнѣйшихъ просьбъ, началъ:

Maitre corbeau, sur un arbre perché

Tenait en son bec un fromage...

Онъ декламировалъ такъ мило и такъ дѣтски-отчет-

ливо, что даже посторонніе прохожіе останавливались и любовались.

— Прекрасно! похвалиль я. — Но понимаете-ли вы, графъ, смыслъ этой басни?

Онъ на минуту задумался.

— До сихъ поръ, сказалъ онъ: — я не думалъ объ этомъ; но теперь... понимаю! Знаете-ли вы, Подхалимовъ, что въ этой баснѣ разсказана вся моя жизнь?

— Это весьма возможно, графъ!

— Именно такъ. Было время, когда и я во рту... держалъ сыр! Это было время, когда одни меня боялись, другіе — мнѣ льстили. Теперь... никто меня не боится... и никто не льститъ! Какъ хотите, а это грустно, Подхалимовъ!

— Богъ милостивъ, ваше сіятельство!

Онъ не отвѣчалъ, и нѣкоторое время, понуривъ голову, шелъ рядомъ со мной по аллеѣ.

— Моя жизнь — трагедія! началъ онъ опять: — никто не видѣлъ столько лесты, какъ я, но никто не испыталъ и столько вѣроломства! Ужасно! ужасно! ужасно!

— Ваше сіятельство! позвольте вамъ доложить! Это всегда такъ бываетъ. Коль скоро человѣкъ взбирается на высоту не зная латинской грамматики, то, естественно, что это наводитъ на всѣхъ страхъ. А гдѣ страхъ, тамъ, конечно, и лесть. За то потомъ, когда обнаруживается, что безъ латинской грамматики никакъ невозможно, и когда, вслѣдствіе этого, человѣкъ оказывается несостоятельнымъ и падаетъ, тогда, само собой разумѣется, страхъ и лесть исчезаютъ, а вмѣсто нихъ появляется озорство и вѣроломство. По крайней мѣрѣ, такъ идетъ эта процедура у насъ.

— Понимаю я это, мой другъ! Но вѣдь я человѣкъ, Подхалимовъ! Номо сомо, какъ говоритъ Мамелфинъ... то-бишь какъ дальше?

— Homo sum et nihil humani a me alienum puto, подсказаль я: — то есть: человекъ есмь и ни одинъ человекскій порокъ не чуждъ мнѣ...

— Вотъ видите-ли! Развѣ легко мнѣ примириться съ моимъ настоящимъ положеніемъ?

— Знаю, что не легко, графъ, но, по моему мнѣнію, слишкомъ огорчаться все-таки не слѣдуетъ. Фортуна слѣпа, ваше сіятельство, а Богъ не безъ милости. Только ужъ тогда нужно покрѣпче сыр-то во рту держать.

— Натурально!

— Но ежели, ваше сіятельство, это случится... Позвольте надѣяться, сіятельнѣйшій графъ!

— Натурально! И даже... непременно! Вы будете, такъ сказать... Но только съ однимъ условіемъ... скажите, вы не будете льстить мнѣ, Подхалимовъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство!

— И вы будете всегда говорить мнѣ правду? одну только правду?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Touchez là!

Онъ протянулъ мнѣ руку и затѣмъ вдругъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и... обнялъ меня! Это было до того несогласно съ обычаями Интерлакена, что Юнгфрау мгновенно закутала свою вершину въ облако, а сидѣвшая по близости англичанка вскрикнула: shocking! — и убѣжала.

— Но довольно объ этомъ! сказалъ графъ взволнованнымъ голосомъ:—возвратимся къ началу нашей бесѣды. Вы, кажется, удивлялись, что наше бюрократическое творчество оскудѣваетъ... то есть, въ какомъ же это смыслѣ? въ смыслѣ распоряженій, или въ другомъ какомъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не въ смыслѣ распоряженій. Распоряженій и нынче очень довольно, но мотивировки у распоряженій нѣтъ. Трудно понять-съ.

— Гм... да; но какъ же, по вашему мнѣнію, помочь этому?

— Конечно, необходимо прежде всего обратить вниманіе на воспитаніе...

— Да, но вѣдь это длинная исторія! Покуда вы воспитаніемъ занимаетесь, а между тѣмъ время не терпитъ!

— Точно такъ, ваше сіятельство. И я, въ сущности, только для очистки совѣсти о воспитаніи упомянулъ. Гдѣ ужъ намъ... и безъ воспитанія сойдемъ! Но есть, ваше сіятельство, другой фортель. Было время, когда всѣ распоряженія начинались словомъ «понеже»...

— «Понеже»... это, кажется «поелику»?

— Bravo, графъ! Именно оно самое и есть. Такъ вотъ, извольте видѣть...

И я изложилъ ему въ краткихъ словахъ, но ясно, всю теорію «понеже». Показалъ, какъ иногда полезно бываетъ заставлятъ умъ обращаться къ началамъ вещей, не торопясь формулированіемъ изолированныхъ выводовъ; какъ это обращеніе, съ одной стороны, укрѣпляетъ мыслящую способность, а, съ другой стороны, возбуждаетъ въ обывателѣ довѣріе, давая ему возможность понять, въ силу какихъ соображеній и на какой приблизительно срокъ онъ обязывается быть твердымъ въ бѣдствіяхъ. И я долженъ отдать полную справедливость графу: онъ понялъ не только оболочку моей мысли, но и самую мысль.

— Какъ же, по вашему, я поступать долженъ? спросилъ онъ меня.

— Очень просто, графъ. Каждый разъ, какъ вы соберетесь какое-нибудь распоряженіе учинить, напомниме себѣ, что надо начать съ «понеже» — и начните-съ!

— Поясните, прошу васъ, примѣромъ.

— Примѣромъ-съ? ну, что бы наримѣръ? Ну, наримѣръ, въ настоящую минуту вы идете завтракать. Слѣ-

довательно, вотъ такъ и извольте говорить: понеже наступило время, когда я имѣю обыкновеніе завтракать, завтракъ же можно получить только въ ресторанѣ—того ради поѣду въ ресторанъ (или въ отель), и закажу, что мнѣ понравится.

— Но ежели я не голоденъ?

— Ахъ, ваше сіятельство! Тогда извольте говорить такъ: понеже я не голоденъ, то хотя и наступило время, когда я имѣю обыкновеніе завтракать, но понеже...

— Вотъ видите! два раза понеже!

— Это отъ поспѣшности, графъ. А результатъ все одинъ-съ: того ради въ отель не пойду, а останусь гулять въ аллеѣ...

— По-ни-ма-ю!

— И увидите, ваше сіятельство, какъ вдругъ все для васъ сдѣлается ясно. Гдѣ была тьма, тамъ свѣтъ будетъ, гдѣ была внезапность, тамъ сама собой винословность скажется. А ужъ любить-то, любить-то какъ васъ всѣ за это будутъ!

— Вы говорите: будутъ любить?.. за что?

— Ахъ, ваше сіятельство! да вѣдь, благодаря вамъ, всѣ свѣтъ увидятъ! Вѣдь и въ кутузкѣ посидѣть ничего, если при этомъ сказано: понеже ты заслужилъ быть вверженнымъ въ кутузку, то и ступай въ оную!

— По-ни-ма-ю!.. Однако, вы напомнили мнѣ, что и въ самомъ дѣлѣ наступило время, когда я обыкновенно завтракаю... да! какъ бинъ это вы учили меня говорить? Понеже наступило время...

— Того ради... такъ точно-съ! Съ Богомъ, ваше сіятельство!

— Прощайте, Подхалимовъ... до свиданія!

Онъ сдѣлалъ мнѣ ручкой и, насвистывая: поне-е-же! пошелъ перевалочкой по направленію къ курзалу. Я тоже хотѣлъ отправиться во свояси, но вдругъ вспомнилъ

нѣчто чрезвычайно нужное, и поспѣшилъ догнать его.

— Ваше сіятельство! спросилъ я: — знаете-ли вы что такое рубль?

Онъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая: это еще что за выдумка?

— Я знаю, продолжалъ я: — вы думаете: рубль — это денежный знакъ...

— Но... sapristi! надѣюсь...

— Въ томъ-то и дѣло, что это не совсѣмъ такъ. Чтобъ сдѣлаться денежнымъ знакомъ, рубль долженъ еще заслужить. Если онъ заслужилъ, — его называютъ монетною единицей, если же не заслужилъ, — желтенькою бумажкой.

— Гм... но еслибъ это было даже и такъ, для чего мнѣ это нужно знать?

— Ахъ, ваше сіятельство! вамъ обо всемъ необходимо необременительныя свѣдѣнія имѣть! Богъ милостивъ! вдругъ, паче чаянія, неровенъ часъ...

— Да; но даже и въ такомъ случаѣ... Рубль такъ рубль, бумажка такъ бумажка...

— А вы попробуйте-ка къ этому дѣлу «понеже» приспособить — анъ выйдетъ вотъ что: «Понеже за желтенькую бумажку, рублемъ именуемую, даютъ только полтинникъ, — того ради и дабы не вводитъ обывателей понапрасну въ заблуденіе, Приказали: низшимъ мѣстамъ и лицамъ предписать (и предписано), а къ равнымъ отнестись (и отнесенось), дабы впредь, до особаго распоряженія, оныя желтенькія бумажки рублями не именовать, но почитать яко сущіе полтинники».

— Ну-съ, дальше-съ.

— А дальше опять: «Понеже желтенькія бумажки, хотя и по сущей справедливости, изъ рублей въ полтинники переименованы, но дабы предотвратить происходящій отъ сего для казны и частныхъ лицъ ущербъ,—

того ради Постановили: употребить всяческое тщаніе, дабы оныя полтинники вновь до стоимости рубля довести»... А потомъ и еще «понеже», и еще, и еще; до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное выйдеть.

— Позвольте! а ежели ничего не выйдеть?

— Ну, тогда ужь какъ Богу угодно...

— По-ни-ма-ю!

Однимъ утромъ, не успѣвъ я еще порядкомъ одѣться, какъ въ дверь ко мнѣ постучалась номерная прислужница («La fille», какъ ихъ здѣсь называютъ) и принесла карточку, на которой я прочиталъ: Théodore de Twerdontò. Онъ ожидалъ меня въ читальномъ салонѣ, куда, разумѣется, я сейчасъ же и поспѣшилъ.

— Подхалимовъ! сказалъ онъ мнѣ: — вы литераторъ! вы это можете... Напишите изъ моей жизни трагедію!

— Съ удовольствіемъ, графъ, отвѣтилъ я.

— Такую трагедію, чтобъ всѣ сердца... ну, буквально, чтобъ всѣ сердца истерзались отъ жалости и негодованія... Подлецы, льстецы, предатели — чтобъ все тутъ было! Однимъ словомъ, чтобъ зритель сказалъ себѣ: понеже онъ былъ окруженъ льстецами, подлецами и предателями, того ради онъ ничего полезнаго и не могъ совершить!

— Понимаю, ваше сіятельство! Только все-таки позвольте подумать: надо эту мину умѣючи подвести.

— Я рассчитываю на васъ, Подхалимовъ! Надо же, наконецъ! надо, чтобъ знали! Человѣкъ жилъ, наполнилъ вселенную громомъ — и вдругъ... нигдѣ его нѣтъ! Вы понимаете... нигдѣ! Утонулъ и даже круга на водѣ... пузырярей по себѣ не оставилъ! Вотъ это-то именно я и желалъ бы, чтобъ вы изобразили! Пузырей не оставилъ... поймите это!

Онъ быстро повернулся и пошелъ къ выходу, очевидно, желая скрыть отъ меня охватившее его волненіе. Но я вспомнилъ, что для полнаго успѣха предстоящей работы мнѣ необходимо одно очень важное разъясненіе, и остановилъ его.

— Ваше сіятельство! позвольте одинъ нескромный вопросъ, сказалъ я. — Когда человѣкъ сознаетъ себя, такъ сказать, вмѣстилищемъ государственности... какого рода чувство испытываетъ онъ?

Онъ остановился противъ меня и глубоко взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— C'est un sentiment... ineffable!!

Первый актъ былъ черезъ часъ конченъ мною. Содержаніе его составляло воспитаніе графа Твэрдоонтѣ. Молодой графъ требуетъ, чтобъ его обучали латинской грамматикѣ, но родители его находятъ, что это не комильфѣ, и, вмѣсто латинской грамматики, заставляютъ его проходить науку о томъ, что есть истинная кобыла? Происходитъ борьба, въ которой юноша изнемогаетъ. Дѣйствіе оканчивается тѣмъ, что молодой графъ получилъ аттестатъ объ отличномъ окончаніи курса наукъ (по выбору родителей) и, держа оный въ рукахъ, восклицаетъ: «Вотъ и желанный аттестатъ полученъ! но спросите меня по совѣсти, что я знаю, и я долженъ буду отвѣтить: я знаю, что я ничего не знаю!

Графъ прочиталъ мою работу и остался ею доволенъ, такъ что я сейчасъ же приступилъ къ сочиненію второго акта. Но тутъ случилось происшествіе, которое разомъ прекратило мои затѣи. На другой день утромъ, я, по обыкновенію, прохаживался съ графомъ подъ орѣшниками, какъ вдругъ... смотрю и глазамъ не вѣрю! Прямо на встрѣчу мнѣ идетъ, и даже не идетъ, а летитъ обнять меня... дѣйствительный Подхалимовъ!!

Вся эта сцена продолжалась только одно мгновение. Въ это мгновение Подхалимовъ успѣлъ назвать меня по фамиліи, успѣлъ расцѣловать меня, обругать своего редактора, рассказать анекдотъ про Гамбетту, сообщить, что Викторъ Гюго — скупердяй, а Луи Бланъ — старая баба, что онъ у всѣхъ былъ, медъ-пиво пилъ...

Графъ смотрѣлъ на эту сцену и понималъ только одно: что я не Подхалимовъ. Казалось, онъ собирался проглотить меня...

И онъ непременно проглотилъ бы, еслибъ я не распорядился заблаговременно провалиться сквозь землю...

. . . . .
Само собой разумѣется, что черезъ полчаса я уже оставилъ Интерлакенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Швейцарію.

Но для чего мнѣ понадобилось быть въ оной?

IV.

Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юнѣшствѣ, то есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось нѣчто лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе.

Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею, конечно, и молодая читающая публика) подѣлилась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ копошились Булгарины, Бранты, Кукольники и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подростящее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только-что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно, примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно австритетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризироваіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружкѣ, который инстинк-

тивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сень-Симона, Кабё, Фурьё, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человечество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное — все шло оттуда.

Въ Россіи, — впрочемъ, не столько въ Россіи, сколько специально въ Петербургѣ, — мы существовали лишь фактически, или, какъ въ то время говорилось, имѣли «образъ жизни». Ходили на службу въ соотвѣтствующія канцеляріи, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованій и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собой область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ пословицъ», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно, какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій началъ издавать таксы на мясо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ только въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрогивалъ насъ за живое, заставлялъ и радоваться, и страдать. Въ Россіи все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятаю печатью сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранее предположено не розыскивать; во Франціи — все какъ будто только-что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше полустолѣтія сряду, все

начиналось и опять, и опять начиналось, и не заявляло ни малѣйшаго желанія кончиться...

Навѣрное, девяносто девять сотыхъ изъ насъ никогда не бывали ни во Франціи, ни въ Парижѣ. Слѣдовательно, насъ не могли восхищать ни бульвары, ни кокетки (въ то время ихъ называли еще лоретками), ни публичные балы, ни съѣстное раздолье. Все это пришло уже потомъ, когда Бонапартъ, съ шайкой бандитовъ, сначала растопталъ, а потомъ насквозь просмердилъ Францію; когда люди страннымъ образомъ обезличились, измельчали и потускнѣли и когда всякій интересъ, кромѣ чревнаго, былъ объявленъ угрожающимъ. Но ежели наши сердца не изнывали тоской по шатобрианамъ или *barbue sauce Mognau*, зато мы не могли безъ сладостнаго трепета помыслить о «великихъ принципахъ 1789 года» и обо всемъ, что оттуда проистекало. А такъ какъ мѣстожителемъ этихъ «принциповъ» предполагался городъ Парижъ, то естественно, что симпатіи, ощущаемыя къ принципамъ, переносились и на него.

Но въ особенности эти симпатіи обострились около 1848 года. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія» Луи Блана. Теперь, когда уровень требованій значительно понизился, мы говоримъ: «Намъ хоть бы Гизо—и то слава Богу!», но тогда и Луи-Филиппъ, и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ, — все это были какъ бы личные враги (право, даже болѣе опасные, нежели Л. В. Дуббельтъ), успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ — радовалъ. Процессъ министра Теста, агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо по этому поводу, палата, составленная изъ депутатовъ, нагло называвшихъ себя *conservateurs endurcis*, наконецъ, февральскіе банкеты, — все это и теперь такъ

живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило вчера.

Я помню, это случилось на масляной 1848 года. Я былъ утромъ въ итальянской оперѣ, какъ вдругъ, словно электрическая искра, всю публику пронизала вѣсть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство внезапно овладѣло всѣми. Именно всѣми, потому что хотя тутъ было множество людей самыхъ противоположныхъ воззрѣній, но, навѣрно, не было такихъ, которые отнеслись бы къ событію съ тѣмъ жвачнымъ равнодушіемъ, которое впоследствии (и даже, благодаря принятымъ мѣропріятіямъ, очень скоро) сдѣлалось какъ бы нормальной окраской русской интеллигенціи. Старики грозили очами, бряцали холоднымъ оружіемъ, цыркали и крутили усы; молодежь едва сдерживала безкорыстные восторги. Помнится, къ концу спектакля, пало уже и министерство Тьера (тогда подобнаго рода извѣстія доходили до публики какъ-то неправильно и по секрету). Затѣмъ, въ теченіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней, пало регентство, оказалось несостоятельнымъ эфемерное министерство Одилона Баррò (этому человѣку всю жизнь хотѣлось кому-нибудь послужить, и, наконецъ, удалось-таки послужить Бонапарту), и въ заключеніе, бѣжалъ самъ Луи-Филиппъ. Провозглашена была республика, съ временнымъ правительствомъ во главѣ; полились рѣчи, какъ изъ рога изобилія... Но даже ламартиновское словесное распутство — и то не претило среди этой массы крушеній и нарожденій. Громадность событія скрадывала фальшь отдѣльныхъ подробностей и на все набрасывала покровъ волшебства. Франція казалась страной чудесъ.

Можно-ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захва-

тить все дальше и дальше? И точно, мы не только плѣнялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги отъ глазъ бодрствующаго начальства. И вотъ, вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи, произошло соотвѣтствующее движеніе и у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы. Затѣмъ, въ мартѣ я написалъ повѣсть, а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія. Все это, конечно, сдѣлалось не такъ быстро, какъ во Франціи, но зато основательно и прочно, потому что я вновь возвратился въ Петербургъ лишь черезъ семь съ половиной лѣтъ, когда не только французская республика сдѣлалась достояніемъ исторіи, но и у насъ мундирные фраки уже были замѣнены мундирными полукафтанами.

Словомъ сказать, мыслительный процессъ шелъ совсѣмъ обратнымъ путемъ, нежели теперь. Мысль искала пищи въ сферахъ отдаленныхъ, оставаясь совершенно равнодушною къ роднымъ сферамъ. Судьбы министра Бароша интересовали не въ примѣръ больше, нежели судьбы министра Клейнмихеля; судьбы парижскаго префекта Мопà — больше, нежели судьбы московскаго обер-полицеймейстера Цынскаго, имя котораго намъ было извѣстно только изъ ходившаго по рукамъ куплета о брантъ-майорѣ Тарновскомъ *). Человѣкъ того времени

*) Вотъ этотъ куплетъ:

Брантъ-майоръ Тарновскій
Тѣмъ себя прославилъ,
Что красы Санковской
Цынскому представилъ.

Этими немногими строками, повидимому, исчерпывались всѣ «отличныя заслуги» и Тарновскаго, и Цынскаго: одинъ представилъ (можетъ быть, при рапортѣ), другой — получилъ. Весь же остальной «кондуитъ» представляетъ гарниръ изъ севернословія, зуботычинъ и нагаекъ, настолько общезвѣстный, что даже куплета не стоило сочинять.

настолько прижился въ атмосферѣ, насыщенной девизомъ «не твое дѣло», что подлинно ему ни до чего *своего* не было дѣла. Такъ что избирательная борьба между Кавеньякомъ и Бонапартомъ, несомнѣнно, больше занимала русскіе мыслящіе умы, нежели, напримѣръ, замѣна дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Перовскаго генераломъ отъ инфантеріи Бибиковымъ 1-мъ.

Въ такомъ положеніи насъ застала севастопольская кампанія.

Это было время глубокой тревоги. Въ первый разъ, изъ кромѣшной тьмы, выдвинулось на свѣтъ Божій «свое», и вспугнуло не только инстинкты, но и умы. До тѣхъ поръ, это «свое» пряталось за цѣлою сѣтью всевозможныхъ формальностей, которыя преднамѣренно были комбинированы съ такимъ расчетомъ, чтобъ спрятать заправскую дѣйствительность. Теперь вся эта масса формальностей какъ-то разомъ оказалась прогнившею и истлѣла у всѣхъ на глазахъ. Изъ-за прорѣхъ и отребьевъ тлѣнія выступило наружу «свое», воиющее, истекающее кровью. Вся Россія, изъ края въ край, полна была стонами. Стылали русскіе солдатики и подъ Севастополемъ, и подъ Инкерманомъ, и подъ Альмою; стонали елабужскіе и курмышскіе ополченцы, мѣся босыми ногами грязь столбовыхъ дорогъ; стонали русскія деревни, провожая сыновей, мужей и братьевъ на смерть за «ключи».

Оставаться равнодушнымъ къ этимъ стонамъ, не почувствовать, что стонеть «свое», родное, кровное—было немислимо. Но лучезарный ликъ Франціи все-таки мало пострадалъ при этомъ. Казалось (да и въ дѣйствительности такъ было), что причина всѣхъ бѣдствій заключается единственно въ Бонапартѣ, этомъ постыднѣйшемъ изъ бандитовъ, когда либо удручавшихъ міръ позоромъ своего тяготѣнія. Онъ одинъ былъ виноватъ; онъ, безчестный, ненавистный и втайнѣ презираемый, но упитан-

ный и самодовольный; онъ и шайка бандитовъ, помогшая ему зарѣзать Францію. У ногъ его лежало пораженное испугомъ людское стадо, а массы «лучшихъ людей» изнывали въ ссылкахъ и въ изгнаніи. Но именно къ нимъ, къ этимъ лучшимъ людямъ и стремились все наши помыслы. И ежели мы не смѣшивали Францію съ Луи-Филиппомъ и его министрами, то тѣмъ меньше были склонны смѣшивать ее съ Бонапартомъ и его шайкой. Франція являлась передъ нами растоптанною, но не запятанною, и продолжала свѣтить въ лицѣ ея изгнанниковъ.

Тѣмъ не менѣе, повторяю, сознаніе «своего» уже теплилось. И ежели бы обстоятельства сложились благопріятнѣе, то, несомнѣнно, оно прошло бы и черезъ дальнѣйшія стадіи развитія. Но тогдашнія времена были тѣ суровыя, жестокія времена, когда все, напоминающее о сознательности, представлялось не только нежелательнымъ, но даже болѣе опаснымъ, нежели бѣдственныя перипетіи войны. По крайней мѣрѣ, такого мнѣнія держался тотъ безымянный сбродъ, который въ то время носилъ названіе русскаго «общества». Благодаря своекрыстному и пустомысленному настроенію этого сброда, незамѣтно потонули первые, робкіе проблески сознательнаго отношенія русской мысли къ русской дѣйствительности. Рядомъ съ величайшей драмой, все содержаніе которой исчерпывалось словомъ «смерть», шла псорнѣйшая комедія пустословія и пустохвальства, которая не только застилала событія, но положительно придавала имъ нестерпимый колоритъ. Люди, завѣдомо презрѣнные, лицемѣры, глушцы, воры, грабители-пропойцы, проявляли такую нахальную живучесть, и такъ укрѣпились въ своихъ позиціяхъ, что, казалось, вокругъ происходитъ нѣчто сказочное. Не скорбь слышалась, а какое-то откровенно-подлое ликованіе, прикрываемое ру-

брикой патриотизма. Никогда пьяный угаръ не охватывалъ такъ всецѣло провинцію, никогда жажда расхищенія не встрѣчала такого явнаго и безнаказаннаго удовлетворенія. Кости стараго Политковскаго стучали въ гробъ; младенецъ Юханцевъ задумывался надъ вопросомъ: ужели я когда-нибудь превзойду? Среди этой нравственной неурядицы, гдѣ позабыто было всякое чувство стыда и боязни, гдѣ грабитель во всеуслышаніе именовалъ себя патриотомъ, человѣку, сколько-нибудь брезгливому, ничего другого не оставалось, какъ жаться къ сторонѣ и направлять всѣ усилія къ тому, чтобъ заглушить въ себѣ даже робкіе порывы самосознательности. Лучше было совсѣмъ не знать «своего», нежели на каждомъ шагу встрѣчаться лицомъ къ лицу съ постыднѣйшими его проявленіями.

Съ окончаніемъ войны, пьяный угаръ прошелъ, и наступило веселое похмѣлье конца пятидесятихъ годовъ. Въ это время, Парижъ уже пересталъ быть свѣточемъ міра и сдѣлался сокровищницей женскихъ обнаженностей и свѣстныхъ приманокъ. Нѣчего было ждать оттуда, кромѣ моднаго покроя штановъ, а слѣдовательно, не объ чемъ было и вопрошать. Приходилось искать нищи около себя... И вотъ тогда-то именно и было положено основаніе той «благородной тоскѣ», о которой я столько разъ упоминалъ въ предъидущихъ очеркахъ.

Въ 1870 году, Франція опять напомнила о себѣ, но и тутъ между ею и людьми, симпатизирующими ей, стоялъ тотъ же позорный бандитъ. Дилемма была такова: если восторжествуетъ Франція, то, вмѣстѣ съ нею, восторжествуетъ и бандитъ; ежели восторжествуетъ Пруссія, то, Боже милостивый, какимъ истязаніямъ подвергнетъ она ненавистную «страну начинаній», которая, въ теченіи полу столѣтій, неуставаючи была тревогу? Наконецъ, однакожь, бандитъ палъ. Цѣлыхъ осьмнадцать лѣтъ ру-

гался онъ надъ труномъ имъ же убитой Франціи, и теперь предоставилъ Пруссіи довершить дѣло поруганія. Но этого мало: какъ бы мстя за свою осмнадцати-лѣтнюю безнаказанность, бандитъ оставилъ по себѣ конкретный слѣдъ, въ видѣ организованной шайки, которая и теперь изъявляетъ готовность во всякое время съ легкимъ сердцемъ рвать на куски свое отечество.

Лично я посѣтилъ въ первый разъ Парижъ осенью 1875 года. Престоль былъ уже упраздненъ, но не подалеку отъ него сидѣлъ Мак-Магонъ и все что-то собирался состряпать. Многіе въ то время не безъ основанія называли Францію Макмагонойей, то есть страной капраловъ, стоящихъ на стражѣ престоль-отечества въ ожиданіи Бурбона. Съ первыхъ же шаговъ, и именно въ Аврикурѣ (по Страсбургской дорогѣ), я слышалъ капральскіе окрики. Ни медленности, ни проволочекъ со стороны пассажировъ не допускалось, ни полъ, ни возрастъ, ни недуги—ничто не принималось въ оправданіе. Капраль дѣйствовалъ съ полнымъ неразумѣніемъ и держалъ себя тупо-неумолимо. Это былъ капраль наполеоновскаго пошиба (à roigne), немислимый ни въ какой другой странѣ. Русскій капраль непременно началъ бы калягать, объяснять, что онъ тутъ не при чемъ, а во всемъ виновато начальство. Нѣмецкій капраль—принялъ бы талеръ и уронилъ бы благодарную слезу. Одинъ французскій капраль-бонапартистъ въ состояніи таращить глаза, какъ идолъ, и ничего другого не выказывать, кромѣ наклонности къ жестокому обращенію.

На человѣка, которому съ пеленокъ твердили о пресловутой *urbanité française*, эти капральскіе окрики дѣйствуютъ ужасно непріятно. Съ досады, приходитъ на мысль нѣчто не совсѣмъ великодушное. Вотъ, думается, если бы эти капралы съ такою же неуклонностью поступали въ 1870 году съ Пруссіей,—можетъ быть... Но

кто же можетъ сказать, что бы тогда вышло! Вѣроятно же всего сидѣлъ бы Бонапартъ и увѣнчивалъ бы да увѣнчивалъ зданіе... А теперь въ это зданіе затесался Мак-Магонъ, и дѣлаетъ оттуда пруссаку книксенъ, а на безоружныхъ пассажировъ покрикиваетъ: *les voyageurs — dehors!*

Но Парижъ все-таки пришелся мнѣ по душѣ. Чистый городъ, свѣтлый, свободно двигающійся, и, главное, врагъ той немотивированной, граничащей съ головной болью мизантропій, которая такъ упорно преслѣдуетъ заѣзжаго человѣка въ Берлинѣ. Самый угрюмый, самый больной человѣкъ — и тотъ непременно отыщетъ доброе расположеніе духа, и какое-то сердечное благоволеніе, какъ только очутится на улицахъ Парижа, а въ особенности на его истинно-сказочныхъ бульварахъ. Представьте себѣ иностранца, выброшеннаго сегодняшнимъ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ, человѣка одинокаго, не имѣющаго здѣсь ни связей, ни знакомствъ — право, кажется, и онъ не найдетъ возможности соскучиться въ своемъ одиночествѣ. Солнце веселое, воздухъ веселый, магазины, рестораны, сады, даже улицы и площади — все веселое. Я никогда не могъ себѣ представить, чтобъ можно было ощущать веселое чувство при видѣ площади; но очутившись на *Place de la Concorde*, по истинѣ, убѣдился, что ничего невозможнаго нѣтъ на свѣтѣ. И тутъ же рядомъ, налево — веселый Тюльерійскій садъ, съ веселыми группами дѣтей; направо — веселая масса зелени, въ которой, какъ въ мягкомъ ложѣ изъ мха, нѣжится кварталъ Елисейскихъ полей. Затѣмъ пройдите черезъ Тюльерійскій садъ, встаньте спиной къ развалинамъ дворца и глядите впередъ по направленію къ *Arc de l'Étoile*. Клянусь, глазъ не оторвете отъ этого зрѣлища. Какая масса пространства, воздуха, свѣта! И какъ все въ этой массѣ гармонически комбинировано, чтобъ громадность

не переходила въ пустыню, чтобъ она не подавляла чело­вѣка, а только пробуждала и поддерживала въ немъ веселую бодрость духа!

Веселое солнце льетъ веселые лучи на макадамъ улицъ, и еще веселѣе смотрится и играетъ въ витринахъ рес­торановъ и магазиновъ. Въ Парижѣ, кромѣ Елисей­скихъ полей, а въ прочихъ кварталахъ, кромѣ немно­гихъ казенныхъ домовъ и отелей очень богатыхъ людей, почти нѣтъ дома, котораго нижній этажъ не былъ бы предназна­ченъ для ресторановъ и магазиновъ. Пред­ставьте себѣ, какую массу всякаго рода товара должны ежедневно выбрасывать изъ себя мастерскія, фабрики и заводы, чтобъ наполнить это безчисленное множество помѣщений, изъ которыхъ многія, по громадности, не уступаютъ дворцамъ! И какую еще бѣльшую массу увѣ­ренности нужно имѣть въ томъ, что этотъ товаръ не залежится, а дойдетъ до потребителя!

И онъ дойдетъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣн­ія. Товаръ этотъ такъ весело расположенъ въ витринахъ и такъ весело освѣщенъ, что и купить его любо. Прогулка по улицамъ Парижа, въ смыслѣ разнообразія, не усту­паетъ прогулкѣ по любой выставкѣ. Каждая магазинная витрина представляетъ изящное сочетаніе красокъ и линій, удовлетворяющее самымъ прихотливымъ требова­ніямъ вкуса. На каждомъ шагу встрѣчается масса ве­щей, потребности въ которыхъ вы до тѣхъ поръ не по­дозрѣвали, но которыя вы непременно купите, потому что эти вещи такъ весело смотрять, что даже впослед­ствіи, гдѣ-нибудь въ Крапивнѣ, будутъ пробуждать въ васъ веселость, и помогутъ нести урядническое иго. Изъ мельхіоровыхъ ложекъ парижскій магазинщикъ ухит­ряется сдѣлать цѣлое серебряное солнце, которое чуть не за полъ версты манитъ къ себѣ прохожаго. Изъ муж­скихъ шляпъ-цилиндровъ устраиваетъ такой милый пей-

зажъ, что человѣку, даже имѣющему на головѣ совѣтъ новый цилиндръ, непремѣнно придетъ на мысль: а не купить ли другой? Все кругомъ изящно, легко и, главное, весело. Прежде, чѣмъ глазъ пресытится всѣми этими уличными изяществами, какая возможность скукѣ проникнуть въ сердце даже одинокаго человѣка? А въ запасѣ еще музеи, галереи, сады, окрестности, которые тоже необходимо осмотрѣть, потому что, кромѣ того, что все это въ высшей степени изящно, интересно и весело, но въ то же время и общедоступно, то-есть, не обусловливается ни протекціей, ни изнурительнымъ доставаніемъ билетовъ черезъ знакомыхъ чиновниковъ, ихъ родственницъ, содержанокъ и проч.

А потомъ — звуки. Нигдѣ вы не услышите такихъ веселыхъ, такъ сказать, натуральныхъ звуковъ, какъ тѣ, которые съ утра до вечера раздаются по улицамъ Парижа. *Les cris de Paris* — это цѣлая поэма, слагающая хвалу неистощимой производительности этой благословенной страны, поэма, на каждый предметъ, на каждую подробность этой производительности отвѣчающая особымъ характернымъ звукомъ. И все это звуки коренные, свѣжіе, родившіеся на мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ глубинѣ Бретани или Оверни (быть можетъ, поэтому-то они такъ и правятся дѣтямъ), и оттуда перенесенные на улицы всемірной столицы. Такъ что, вмѣстѣ съ образикомъ мѣстной производительности, вы видите и представителя ея, да сверхъ того, слышите и образикъ мѣстныхъ музыкальныхъ мелодій. Эти звуки перекрестной волной несутся со всѣхъ сторонъ, образуя, вмѣстѣ съ дразнящими криками «гаврошей» *), гармоническое цѣлое, до такой степени веселое, что оно несомнѣнно должно бла-

---

*) *Gavroches* — существа, которыя въ недавніе годы были извѣстны подъ именемъ *gamins de Paris*.

готоворнымъ образомъ дѣйствовать и на нравы обывателей. Даже полиціантъ, съ утра до вечера выслушивающій эти крики, ни мало не волнуется ими, и не видитъ въ нихъ оскорбленія свойственнаго полицейскимъ чиномъ чувства изящнаго. По крайней мѣрѣ, я не знаю ни одного случая, чтобы *gardien de la paix*, доведенный до неистовства назойливостью крикуновъ, далъ въ зубы какому-нибудь *marchand de coco*, или назвалъ курицыной дочерью *marchande de quatre saisons*.

Но этого мало: вы видите людей, которые поютъ «Марсельезу», — и имъ это сходитъ съ рукъ. На первыхъ порахъ, это меня ужасно смутило. Думаю: самъ-то я, разумѣется, не пѣлъ, — но какъ бы не пострадать за присутствованіе! И что-жъ оказалось! — что тутъ дѣло идетъ, совершенно наоборотъ русской пословицѣ, гласящей: «что русскому здорово, то нѣмцу — смерть». Французу пѣть «Марсельезу» здорово, а намъ — смерть. Все это очень обязательно объяснилъ мнѣ одинъ изъ *gardiens de la paix*, къ которому я обратился съ вопросомъ по этому предмету. «Поживете, говорить, у насъ, можетъ быть, и вы привыкнете». И точно: пожилъ, и сталъ пробовать; сначала першило въ горлѣ, а потомъ привыкъ. И даже многихъ тайныхъ совѣтниковъ видѣлъ, которые губами подражали трубнымъ звукамъ, напѣвая:

Contrrrrrre nous della tyrrrrrrranie..

И—ничего; сошло съ рукъ и мнѣ, и имъ. Недальше, какъ надняхъ, встрѣчаю уже здѣсь, на Невскомъ, одного изъ парижскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и разумѣется, прежде всего интересуюсь:

— А что, ваше превосходительство, не призывали къ отвѣту... за «Марсельезу»-то... помните?

— Представьте себѣ... прошло!

— Представьте! и мнѣ — тоже!

Разумѣтся, мы обнялись, и затѣмъ — ни гу-гу!

А вечеромъ весь Парижъ горитъ огнями, и бульвары и главныя улицы, которыя гудятъ, какъ пчелиный рой. Время отъ 8 до 12 часовъ — самое веселое. Это — время, когда отработавшійся людъ всей массой выѣзжаетъ на улицы, наполняетъ театры, рестораны, débits de vin и т. п. Происходитъ во всей формѣ уличный раутъ, веселый, красивый, живой. Разумѣтся, тутъ скучать нѣкогда. Театровъ масса, и во всякомъ нужно побывать. Французы сами жалуются на упадокъ драматической литературы, и эти жалобы, въ существѣ, безусловно справедливы, но для иностранца не столько важно то, что представляется на сценѣ, какъ то, какъ представляется, и въ особенности, какъ относится къ представляемому публика. Въ этомъ отношеніи онъ не встрѣтитъ въ цѣломъ мірѣ ничего подобнаго. Въ особенности не встрѣтитъ такой публики. Это именно та чуткая, нервная публика, которая удесятеритъ силы актера и безъ которой было бы немислимо для актера каждодневное повтореніе, двѣсти разъ сряду, одной и той же роли, какъ это сплошь бываетъ на парижскихъ театрахъ.

Помню, я пріѣхалъ въ Парижъ сейчасъ послѣ тяжелой болѣзни и все еще больной... и вдругъ чудодѣйственно воспрянулъ. Ходилъ съ утра до вечера по бульварамъ и улицамъ, одолѣвалъ довольно крутые подъѣмы — и не зналъ усталости. Мало того: иду однажды по бульвару и встрѣчаю русскаго доктора Г., о которомъ мнѣ было извѣстно, что онъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки (и, дѣйствительно, мѣсяца три спустя, онъ умеръ въ Ниццѣ). Разумѣтся, удивляюсь.

— Что вы это дѣлаете?

— Да вотъ, хожу!

— Помилуйте! вамъ бы дома сидѣть, да «средствице» принимать...

— Нельзя, батюшка, тянеть на улицу...

И точно: «тянеть на улицу» — и шабашъ. Ибо парижская улица дѣйствительнѣе всякаго «средствица». Озлобленному она проливаетъ миръ въ сердце, недугующему — подаетъ изцѣленіе. И я навѣрное знаю, что не Лурдская Богоматерь это дѣлаетъ, а именно веселая парижская улица.

Въ Парижѣ всѣ живутъ на улицѣ. Не говоря уже объ иностранцахъ и провинціалахъ, которые массами, съ каждымъ изъ безчисленныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, приливаютъ сюда и буквально покидаютъ улицу только для ночлега, даже коренной парижанинъ — и тотъ, съ перваго взгляда, кажется исключительно преданъ фланерству. Между тѣмъ, на дѣлѣ, нигдѣ не найдется болѣе ретиваго, спораго (или, какъ у насъ говорится, дошлаго) работника, какъ парижанинъ. Нѣмецъ работаетъ усердно, но точно во снѣ веревки вьетъ; у парижанина работа горитъ въ рукахъ. Нѣчто подобное представляетъ русскій работникъ въ страдную пору, но вѣдь это ужъ мученикъ. Парижанинъ работаетъ много, но съ добрымъ духомъ и никогда не имѣетъ усталаго вида. Достаточно присмотрѣться къ прислугѣ любого отеля, чтобъ убѣдиться, какую массу работы можетъ сдѣлать человекъ, не утрачивая бодрости и не валя, какъ говорится, черезъ пень колоду. Я останавливался въ небольшомъ отелѣ, въ пяти этажахъ котораго считалось 25 комнатъ, и на весь отель прислуживалъ только одинъ гарсонъ. Часамъ къ восьми утра онъ успѣвалъ уже вычистить для всѣхъ квартирантовъ сапоги, ботинки, мужское и дамское платье, а съ восьми часовъ начиналъ летать по этажамъ, разнося кофе и завтракъ. Затѣмъ, убиралъ комнаты, а нѣкоторымъ жильцамъ сервировалъ и обѣдъ. Сколько разъ въ день, онъ, подобно мухѣ, взлеталъ изъ rez de chaussée, гдѣ помѣщались контора

и кухня, на пятый этажъ — это даже опредѣлить невозможно. Только, бывало, и слышишь раздающіеся сверху: Emile! и отвѣчающее внизу: voilà! voilà! И за всёмъ тѣмъ, этотъ молодой человѣкъ находилъ возможность еще выполнять комиссіи жильцовъ, что онъ дѣлалъ, *чуля*. И никогда я не видалъ его унылымъ или замученнымъ, а ужъ объ трезвости нѣчего и говорить: такую работу не совершенно трезвый человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не выполнить.

Однимъ словомъ, ежели и нельзя сказать, что парижанинъ своею ретивостью практически доказалъ, что вопросъ о travail attrayant не праздная мечта, то, во всякомъ случаѣ, мысль о трудѣ уже не застаётъ его врасплохъ. За то каждый моментъ, который ему удастся урвать у работы, онъ уже взецѣло считаетъ *своимъ*, и отдаетъ его безпечности, фланированію и веселью. Три предмета проходятъ черезъ всю жизнь парижскаго ouvrier: работа, веселье и, отъ времени до времени... революція. Все это онъ умѣетъ дѣлать чрезвычайно ловко, скоро, горячо, но отнюдь не безтолково. Оттого-то, быть можетъ, и кажется пріѣзжему иностранцу (это еще покойный Погодинъ замѣтилъ), что въ Парижѣ вотъ-вотъ сейчасъ что-то начнется.

Но, наглядѣвшись вдоволь на уличную жизнь, непротитительно было бы не заглянуть и въ ту мастерскую, въ которой вершатся политическія и административныя судьбы Франціи. Я выполнилъ это, впрочемъ, уже весной 1876 года. Палаты въ то время еще засѣдали въ Версалѣ, и на очереди стоялъ вопросъ объ амнистіи.

Дорога отъ Парижа до Версаля промелькнула очень весело. Во-первыхъ, на всемъ пути — прелестнѣйшія, зеленыя окрестности; во-вторыхъ, я попалъ въ вагонъ, наполненный gauchiers и centre-gauchiers (членами лѣвой и лѣваго центра). Всѣ говорили безъ умолку. Со-

глашались почти единодушно, что, въ принципѣ, амнистія — мѣра не только справедливая, но и полезная; что послѣ пяти лѣтъ несомнѣннаго внутренняго мира, было бы согласно съ здравой политикой закончить процессъ умиротворенія полнымъ забвеніемъ прошлыхъ междоусобій. Но, наговорившись на эту тѣму досыта, собесѣдники какъ бы по командѣ, подносили къ носу указательные персты, произносили: *mais!* — и глубокомысленно умолкали.

Признаюсь, загадочность этого «*mais!*» чрезвычайно неприятно поразила меня. Я было думалъ, что если ужъ выработалось: «понеже амнистія есть мѣра полезная» и т. д. — то, навѣрное, дальше будетъ: «того ради, объявивъ оную, представить министру внутреннихъ дѣлъ, безъ потери времени», и т. д. И вдругъ, вмѣсто того... *mais!* Повторяю: сгоряча я чуть было не разсердился, но потомъ вспомнилъ: ба! да вѣдь французское «*mais*» — это то самое, что порусски значить: выше лба уши не растутъ! Вспомнилъ и сдѣлалось мнѣ такъ весело, такъ весело, что я не воздержался и сообщилъ о своемъ открытіи сосѣду (оказалось, что это былъ Лабулѣ, авторъ известнаго памфлета «*Paris en Amérique*», а нынѣ сенаторъ и стыдливый клерикаль). Онъ, въ свою очередь, подтвердилъ мою догадку, и, поздравивъ меня съ тѣмъ, что Россія обладаетъ столь цѣлесообразными пословицами, присовокупилъ, что пофранцузски такого рода изрѣченія составляютъ особаго рода кодексъ, именуемый «*la sagesse des nations*». Черезъ минуту всѣ пассажиры уже знали, что въ средѣ ихъ сидитъ *un journaliste russe*, у котораго уши выше лба не растутъ. И всѣ наперебывъ поздравляли меня, что я такъ отлично постигъ *la sagesse des nations*.

Какъ малый не промахъ, я сейчасъ же разсчиталъ, какъ это будетъ отлично, если я поговорю съ Лабулѣ по

душѣ. Ужь и теперь въ немъ заблужденій только чуть-чуть осталось, а ежели хорошенько пугнуть его, призвавъ на помощь *sagesse des nations*, такъ и совсѣмъ, пожалуй, на путь истинный удастся обратить. Сначала его, а потомъ и до Гамбетты доберемся—эка важность! А Мак-Магонъ и безъ того готовъ...

И вотъ, какъ только пріѣхали мы въ Версаль, такъ я сейчасъ же Лабулѣ подъ ручку — и айда въ *Hôtel des Reservoirs* *).

— Господинъ сенаторъ! *Monsieur le sèateur un verre de champagne...* по-русски: чѣмъ Богъ послалъ! прошу!

— Съ удовольствіемъ! согласился онъ, и на лицѣ его выразилась живѣйшая радость при мысли, что ему предстоитъ позавтракать на чужой счетъ.

Въ французѣ-буржуа мнѣ сразу бросились въ глаза двѣ очень характерныя черты. Во-первыхъ, въявь, онъ охотно любитъ покощунствовать, но, по секрету, почти всегда богомоленъ, и ежели можно такъ сдѣлать, чтобъ никто не видалъ, то, передъ всякимъ принятіемъ пищи, непременно перекрестится и пошевелитъ губами. Вѣроятно, онъ разсуждалъ такъ: «Вѣрить я, разумѣется, не могу — это, братъ, дудки! Вольтеръ не велѣлъ! — но, на всякій случай, отчего не покреститься и не пошептать?.. вѣдь отъ этого ни руки, ни голова не отвалятся!» Во-вторыхъ, французѣ-буржуа не прочь повеселиться, и даже кутнуть, но такъ, чтобъ это какъ можно дешевле ему обошлось. Примѣрно, возьметъ въ карманъ гривенникъ и старается уконтентовать себя на рубль. Во всякомъ ресторанѣ можно увидѣть француза, который, спросивъ на завтракъ порцію салата, сначала съѣстъ политую соусомъ траву, потомъ начнетъ

---

*) Само собой разумѣется, что вся послѣдующая сцена есть чистый вымыселъ.

вытирать салатникъ хлѣбомъ и съѣсть хлѣбъ, а, наконецъ, подниметь посудину и посмотреть на обратную сторону дна, нѣтъ ли и тамъ чего. Такимъ образомъ, и сердце у него играетъ, и для кармана обремененія нѣтъ! Точь въ точь по этой программѣ поступалъ и Лабулѣ. Сначала повернулся къ окошку и притворился, что смотреть на улицу, хотя я очень хорошо примѣтилъ, что онъ, потихоньку, всей пятерней перекрестилъ себѣ пупокъ. Затѣмъ, когда принесли *gigot de pré salé*, то онъ памятуя, что всѣ расходы по питанію приняты мной на себя, почти моментально проглотилъ свой кусокъ, совершивъ при этомъ цѣлый рядъ поступковъ, которые привели меня въ изумленіе. Во-первыхъ, началъ ножомъ ловить соусъ, во-вторыхъ, сталъ вытирать тарелку хлѣбомъ, быстро посылая куски въ ротъ, и, наконецъ, до того развирѣпѣлъ, что на самую тарелку началъ бросать любострастные взоры... Когда же я, испугавшись, сказалъ ему:

— Зачѣмъ вы это дѣлаете, господинъ сенаторъ? Вѣдь если вы голодны, то я могу и другую порцію приказать подать...

То, къ удивленію моему, онъ отвѣчалъ слѣдующее:

— О нѣтъ, я достаточно сытъ! Это я не отъ жадности такъ поступаю, а чтобъ соблюсти принципъ. Ибо такимъ только образомъ достигается «накопленіе богатствъ».

Чудакъ!

Когда бутылка шампанскаго была осушена, языкъ у Лабулѣ развязался, и онъ пустился въ откровенности, которыя еще разъ доказали мнѣ, какая странная смѣсь здравыхъ понятій съ самыми превратными царствуетъ въ умахъ иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

Вы, русскіе, счастливы (здравѣ), сказалъ онъ мнѣ: — вы чувствуете у себя подъ ногами нѣчто прочное (и

это здравѣ), и это прочное, на вашемъ живописномъ языкѣ (опять-таки здравѣ!) вы называете «каторгой» (и неожиданно, и совершенно превратно!...)

— Позвольте, дорогой сенаторъ! прервалъ я его: — вѣроятно, кто-нибудь изъ русскихъ «веселыхъ людей» ради шутки, увѣрилъ васъ, что каторга есть удѣлъ всѣхъ русскихъ на землѣ. Но это не правильно. Каторгою по-русски называется такой образъ жизни, который присвоивается исключительно людямъ, не выполняющимъ начальственныхъ предписаній? Напримѣръ, если не приказано на улицѣ курить, а я курю — каторга! если не приказано въ прудѣ публичнаго сада рыбу ловить, а я ловлю — каторга!

— Однако!

— Тяжеленько, но за то прочно. Всѣмъ же остальнымъ русскимъ обывателямъ, которые не фордыбачутъ, а неуклонно исполняютъ начальственныя предписанія, предоставлено — жить припѣваючи.

— Mais le «pripévaïoutchi» — c'est justement ce qui j'ai voulu dire! La «katorga» et le pripévaïoutchi...»

— Совершенно два различныхъ понятія, любезный господинъ де-Лабулѣ. Значеніе слова «каторга», я сейчасъ имѣлъ честь объяснить вамъ; что же касается до слова «припѣваючи», это то самое, объ чемъ вы французы, въ романсахъ поете: aimons, dansons et... chantons!

— Благодарю васъ. Но, во всякомъ случаѣ, моя мысль, въ существѣ, вѣрна: вы, русскіе, уже тѣмъ однимъ счастливы, что видите передъ собой прочное положеніе вещей. Каторга такъ каторга, припѣваючи такъ припѣваючи. А вотъ бѣда, какъ ни каторги, ни припѣваючи — личево въ волнахъ не видно.

— Лабулѣ! да неужто у васъ до того дошло?

— Пхе!

— Прошу васъ, объясните вашу мысль!

— Очень просто. Ни одинъ французъ, ложась на ночь спать, не можетъ сказать себѣ съ увѣренностью, что завтра утромъ онъ не будетъ въ числѣ прочихъ разстрѣлянь!

— Что-жь! по моему, это спасительный страхъ — и ничего больше!

— Oh! pardon!..

— Послушайте, мой другъ! Вы, французы, народъ легкомысленный. Надо же вашему начальству хоть какое-нибудь средство имѣть, чтобъ нейтрализовать это легкомысліе!

— Въ существѣ, я, разумѣется, съ вами согласенъ, но...

— Безъ «но», Лабулё! и будемъ говорить по душѣ. Вы жалуетесь, что васъ каждочасно могутъ въ числѣ прочихъ разстрѣлять. Прекрасно. Но допустимъ даже, что ваши опасенія сбудутся, все-таки вы должны согласиться, что это разстрѣляніе произойдетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Мак-Магона. А нуте, скажите-ка по совѣсти: ужели Мак-Магонъ рѣшится на такую крайнюю мѣру, если вы сами не заслужите ее вашимъ неблагонадежнымъ поведеніемъ?

Лабулё, вмѣсто отвѣта, поникъ головой.

— Вы не отвѣчаете? очень радъ! Будемте продолжать. Я разсуждаю такъ: Мак-Магонъ — безспорно добрый человекъ, но вѣдь онъ не ангелъ! Каждый божій день, чуть не каждый часъ, во всѣхъ газетахъ ему даютъ косвеннымъ образомъ понять, что онъ дуракъ!!! — развѣ это естественно? нѣтъ, какъ, хотите, а когда-нибудь онъ разсердится, и тогда...

— И прекрасно сдѣлаетъ!

— Очень радъ, что вы пришли къ такому здравому заключенію. Но слушайте, что будетъ дальше. У насъ,

въ Россіи, если вы лично ничего не сдѣлали, то вамъ говорятъ: живи припѣваючи! у васъ же, во Франціи, за то же самое, вы неожиданно, въ числѣ прочихъ, попадаете на каторгу! Понимаете ли вы теперь, какъ глубоко различны понятія, выражаемыя этими двумя словами и въ какой степени наше отечество ушло впередъ... Ахт, Лабулè, Лабулè!

Я высказаль это довольно строго, но чтобъ не смутить моего собесѣдника окончательно, сейчасъ же смягчилъ свой приговоръ, сказавъ:

— А не выпить ли намъ еще бутылочку? на мой счетъ... а?

— Съ удовольствіемъ! поспѣшилиъ согласиться онъ, и взявъ со стола опорожненную бутылку, посмотрѣлъ черезъ нее на свѣтъ и сказалъ: пусто!

— Принесли другую бутылку. Лабулè налилъ стаканъ и сейчасъ же выпилъ.

— Скажите, Лабулè, вѣдь вы клерикаль? началъ я.

— То есть, какъ вамъ сказать...

Онъ что-то пробормоталь, потомъ покраснѣлъ и началъ смотрѣть въ окошко. Ужасно эти буржуа не любить, когда ихъ въ упоръ называютъ клерикалами.

— Впрочемъ, я думаю, что вы больше по части служителей алтаря прохаживаетесь? ихъ преимущественно протежируете? продолжалъ я допросъ.

— То есть, какъ вамъ сказать! Конечно, служители алтаря... Алтаря! *mais j'espère que c'est assez crâne?*

— А Бога... любите?

Лабулè вновь поникъ головой.

— И Бога надобно любить, Лабулè! служителей алтаря надо любить ради управы благочинія, а Бога — для него самого!

Но онъ угрюмо молчалъ.

— Богъ — Онъ Царь небесный! такъ-то, Лабулè!

Но онъ и на это не отвѣчалъ. Однако, я видѣлъ, что въ душѣ онъ уже раскаявается, а потому, дабы не отягощать его дальнѣйшимъ испытаніемъ на эту тѣму хлопнулъ его по колѣну, и воскликнулъ:

— А вотъ я и еще одну проруху за вами замѣтилъ. Давича, какъ мы въ вагонѣ ѣхали, всѣ вы, французы, объ конституціи поминали... А по моему, это пустое дѣло.

— Saperlotte!

— Знаю я, что вамъ, французамъ, трудно безъ конституціи обойтись! Ужъ коли Богъ послалъ крестъ, такъ надо его съ терпѣніемъ нести... ну, и несите, Богъ съ вами! А все-таки язычекъ-то попридержатъ нехудо!

— Да, но согласитесь, что трудно избѣжать въ разговорѣ слова «конституція», если рѣчь идетъ именно о томъ, чтó оно выражаетъ? А у насъ съ семьсотъ восемьдесятъ девятого года...

— Знаю и это. Но у насъ, мы говоримъ такъ: иллюзіи— и конченъ балъ. Скажите, Лабулè, которое изъ этихъ двухъ словъ, по вашему мнѣнію, выражаетъ болѣе широкое понятіе?

Это открытіе такъ поразило Лабулè, что онъ даже схватился за бока отъ восторга.

— Иллюзіи... ха-ха! захлебывался онъ: — и притомъ въ особенности ежели... *illusions perdues*... ха-ха!

— Вотъ то-то и есть. Вы объ насъ, русскихъ, думаете: сѣверные медвѣди! а у насъ, между тѣмъ, терминологія...

— Но знаете ли вы, что это изумительно! то есть, изумительно вѣрно и хорошо!

— А я объ чемъ же говорю! Я говорю: нужда заставить и калачи ѣсть...

— Это еще чтó такое?

— Очень просто. При обыкновенныхъ условіяхъ жизни,

когда человѣкъ всё въ доволень, онъ удовлетворяется и мякиннымъ хлѣбомъ; но когда его пристигнетъ нужда, то онъ становится избобрѣтательнымъ и въ награду за эту избобрѣтательность получаетъ возможность ѣсть калачи.

— Продолжайте, прошу васъ. Я весь вниманіе.

— И такъ продолжаю. Очень часто мы, русскіе, позволяемъ себѣ говорить... ну, самыя, такъ сказать, непозволительныя вещи! Такія вещи, что ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ стерпѣть невозможно. Ну, разумѣется, подлавливаютъ насъ, подстерегаютъ — и никакъ ни изловить, ни подстеречь не могутъ! А отъ чего? — оттого, господинъ сенаторъ, что нужда заставила насъ калачи ѣсть!

— Изумительно!

— А вы, французы, — зудите, Заладите одно, да и твердите на всѣхъ перекресткахъ. Развѣ это пріятно? Возьмемъ хоть бы Мак-Магона, — развѣ ему пріятно, что вы ему черезъ часъ по ложкѣ конституціей въ носъ тычите? Ангель — и тотъ сбѣсится!

— Что правда, то правда!

— Такъ вотъ что, Лабулѣ. Обѣщайте вы мнѣ, что впредь объ конституціи — ни гу-гу! Пускай Гамбетта Подхалимову на счетъ конституцій открывается, а мы съ вами — шабашъ!

— Прекрасно... чудесно! я совершенно... Русскій! вы... очаровали меня!

— Нѣтъ, Лабулѣ, вы не виляйте, а говорите прямо: обѣщаете или нѣтъ?

— Отлично! очаровательно! *Vive Henri cinq!*.. c'est ça! Но вѣдь онъ... смоковница-то... сказывала мнѣ намѣднись m-me Круазеттъ...

Повидимому, Лабулѣ намѣревался излиться передо мной въ жалобахъ по поводу Шамбора, въ смыслѣ смоковницы,

но шампанское уже сдѣлало свое дѣло: собесѣдникъ мой окончательно размякъ. Онъ опять взялъ опорожненную бутылку и посмотрѣлъ на свѣтъ, но уже не смогъ сказать: пусто! а какъ снопомъ грохнулся въ кресло и моментально заснулъ. Увидѣвши это, я пошевелилъ мозгами, и въ умѣ моемъ столь же моментально созрѣла идея: уйду-ка я за добра-ума изъ отеля и ежели меня оставятъ, то скажу, что по счету сполна заплатитъ Лабулѣ.

Такъ я и поступилъ.

Я шелъ въ палату депутатовъ и вдвойнѣ радовался. Во-первыхъ, мнѣ удалось поймать въ сѣти благонамѣренности такую крупную рыбину, какъ сенаторъ французской республики. Во-вторыхъ, я успѣлъ въ этомъ, не затративъ ни одного сантима, а, напротивъ, самъ довольно плотно позавтракавъ на счетъ новообращеннаго. Воображаю, какъ онъ вытарищитъ глаза, когда проснется, и увидитъ передъ собой addition! Вотъ-то, я думаю, выругается! Пожалуй, еще процессъ, подлецъ, затѣть! Ну, нѣтъ, не посмѣетъ! Пьянъ былъ... сенаторъ! сенатору, братъ, пьянымъ быть не полагается. А впрочемъ, ежели и затѣть процессъ, такъ вѣдь у меня и на этотъ случай «sagesse des nations» въ запасѣ есть. Скажу: я не я, и лошадь не моя, и я не извозчикъ — поди, уличай! Кто больше вышилъ? кто больше съѣлъ? Ты! ты, сенаторъ, и вышилъ, и съѣлъ! — стало быть, ты и плати! Словомъ сказать, очень мнѣ было весело. Когда я проникъ въ трибуну иностранныхъ журналистовъ, Клемансѣ *) уже разглагольствовалъ. Суконнымъ языкомъ онъ произнесъ суконную рѣчь, которая продолжалась не меньше трехъ часовъ, и каждый періодъ которой вызывалъ въ

*) Клемансѣ — вокакъ крайней лѣвой. Какъ ораторъ, онъ считается соперникомъ Гамбетты. Его рѣчь въ пользу амнистіи собственнo и составляла интересъ засѣданія, потому что самый вопросъ уже заранѣе былъ предрѣшенъ противъ амнистіи.

слушатель только одну мысль: никого, братецъ, ты разглагольствіями своими не удивишь! такъ что если уже утромъ, ѣдучи въ Версаль, я сомнѣвался въ успѣшномъ исходѣ дѣла, то теперь, слушая Клемансѡ, чувствовалъ, что и сомнѣнія не можетъ быть. Онъ стоялъ на трибунѣ, прямой, самодовольный, обложенный грудой книгъ и фоліантовъ; сначала бралъ одну книгу, потомъ другую, и, какъ чадолюбивая насѣдка, выклевывалъ одну цитату за другой, думая насытить ими голодное стадо звѣрей. Сзади его сидѣлъ президентъ палаты Гриви (нынѣшній президентъ республики), и, грозно взглядывая на бонапартистовъ, съ заученно-деревяннымъ жестомъ протягивалъ руку къ колокольчику всякій разъ, какъ Кассаньяки отецъ и сынъ начинали подвывать. Лицомъ къ оратору сидѣли: напротивъ — министры Бюффе, Деказъ и прочіе сподвижники Мак-Магона, и своими деревянными фізіономіями какъ бы говорили: хотъ коль на головѣ теши! За ними и по обѣ стороны — депутаты. Изъ нихъ выдѣлялись: направо — Кассаньякъ-отецъ, которому недоставало только бубноваго туза на спину, чтобъ быть въ полной парадной формѣ; налѣво — Гамбетта, который, какъ капельмейстеръ оркестромъ, ловко держировалъ «лѣвою» и «республиканскимъ союзомъ».

Повторяю: Клемансѡ говорилъ ординарно, безколоритно, вяло. Скудоумна была уже сама по себѣ мысль говорить три часа о дѣлѣ, которое въ такомъ только случаѣ имѣло шансы на выигрышъ, еслибъ явилась ораторская сила, которая сразу сорвала бы палату, и въ общемъ взрывѣ энтузіазма потопила бы колебанія робкихъ людей. Но такой ораторской силы въ настоящее время въ палатѣ нѣтъ, да ежели бы она и была, то врядъ ли бы ей удалось прошибить толстомясыхъ буржуа, которыхъ нагналъ въ палату со всѣхъ концовъ Франціи пресловутый sci-

tin d'arrondissement, выдвинувшій впередъ исключительно мѣстный элементъ.

Я думаю на счетъ этого такъ: истинные ораторы (точно также какъ и истинные баснописцы), такіе, которые зажигаютъ сердца человѣковъ, могутъ появляться только въ такихъ странахъ, гдѣ долго существовалъ извѣстнаго рода гнѣтъ, какъ напримѣръ, рабство, диктатура, канцелярская тайна, ссылка въ мѣста не столь отдаленныя (а отчего же, впрочемъ, и не въ отдаленныя?) и проч. Подъ давленіемъ этого гнѣта, въ сердцахъ накапливается раздраженіе, горечь и страстное стремленіе прорвать плотину паскудства, опутывающаго жизнь. Въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, побѣда остается на сторонѣ гнета, и тогда ораторы или сгораютъ сами собой, или кончаютъ карьеру въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ. Но бываетъ и такъ, что гнетъ вдругъ самъ собою ослабнетъ, и плотину съ громомъ и трескомъ разнесетъ. Вотъ тогда-то вылѣзаютъ изо-всѣхъ щелей ораторы. Во Франціи это случилось во время «великой французской революціи». Много до того времени накопилось: и барщина, и общая экономическая неурядица, и всякія расхищенія. И все не было да не было ораторовъ, какъ вдругъ — Мирабо! А за нимъ, какъ изъ рога изобилія посыпались: Дантонъ, Сень-Жюсть, Камилль Демуленъ, Вернье... какую массу гнѣта нужно было накопить, чтобъ разомъ предъявить міру столько страстности, горечи, раздраженія, сколько было вылито устами этихъ людей!

Но люди благополучные, невымученные, рѣдко чувствуютъ потребность зажигать человѣческія сердца, и въ дѣлѣ ораторства предпочитаютъ разводить канитель. Адвокатъ, который ничего не получилъ впередъ, всегда защищаетъ порученное ему дѣло съ бѣльшимъ азартомъ, нежели адвокатъ, который половину денегъ взялъ впередъ, а насчетъ остальной половины обезпечилъ себя

хорошею неустойкой. Въ словахъ перваго слышится и горечь опасенія и желаніе прельстить и разжалобить кліента: вотъ я какъ въ твою пользу распинаюсь, смотѣ и же и ты не надуѣ! Всѣ эти чувства сообщаютъ его рѣчи живой и взволнованный характеръ, который не можетъ не дѣйствовать и на чувствительнаго судью. Напротивъ того, въ словахъ адвоката благополучнаго слышится только одно: я свои деньги получилъ. Тоже самое явленіе повторяется и здѣсь, въ палатѣ депутатовъ. Люди всходятъ на трибуну и говорятъ. Но не потому говорить, что слово, какъ долго сдержанный потокъ, само собой рвется наружу, а потому, что, принадлежа къ извѣстной политической партіи, невозможно, хоть отъ времени до времени, не дѣлать чести знамени. Тотъ внутренній очагъ, изъ котораго надлежало бы вылетать словесному пламени, ежели не совсѣмъ потухъ, то слишкомъ вяло поддерживается и изнутри, и извнѣ.

Oratores fiunt — очень справедливъ этотъ латинскій афоризмъ. То есть, Демосѳены, Мирабо, Демулены, Дантоны — *nascuntur*; а Цицероны, Тьеры, Клемансѣ, Гамбетты и нѣкоторые русскіе *langues bien pendues* — эти *fiunt*. Современный французскій политическій ораторъ отяжелѣлъ и ожирѣлъ; современные слушатели его — тоже отяжелѣли и ожирѣли. Первый потерялъ способность зажигать; второй утратилъ способность быть зажигаемымъ. Въ области матеріальныхъ интересовъ, какъ на примѣръ: пошлинъ, налоговъ, проведенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п., эти люди еще могутъ почувствовать себя затронутыми за живое и даже испустить вопль сердечной боли; но въ области идей, они, очевидно, только отбываютъ повинность въ пользу того или другаго политическаго знамени, подъ сѣнь котораго ихъ поставила или судьба, или личный расчетъ.

Говорятъ, будто такъ именно и нужно. Пора, дескать,

надзвѣздныя-то сферы оставить, а обратиться къ землѣ и такъ устроиться, чтобы дѣлу жилось хорошо. Но мнѣ кажется, что этой послѣдней, конечной цѣли мы именно только тогда достигнемъ, когда въ надзвѣздныхъ сферахъ будетъ учрежденъ достаточно прочный порядокъ. Конечно, это, какъ говорится, шиворотъ на выворотъ, но что же дѣлать, коли такъ ужъ издавна повелось, что изъ хаоса природы прежде выдѣлилось начальство, а потомъ ужъ, ради обстановки, и прочіе обыватели. По моему, нельзя не имѣть этого въ виду, ибо, если не устроиться какъ слѣдуетъ въ надзвѣздныхъ сферахъ, то непременно придетъ генераль-маіоръ Отчаянный (по французски Мак-Магонъ), крикнетъ: а кто вамъ, такіе сякіе, разрѣшилъ не въ свое дѣло носъ совать... брысь всѣ! И полетѣли прахомъ всѣ наши благоначинанія и труды!

Сверхъ того, для насъ, иностранцевъ, Франція, какъ я уже объяснилъ это выше, имѣла еще особенное значеніе — значеніе свѣточа, лившаго свѣтъ согам hominibus. Поэтому, какъ-то обидно дѣлается при мысли, что этотъ свѣточъ погибъ. Да и зрѣлище неизящное выходитъ: все былъ свѣточъ, а теперь, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ горѣлъ, сидятъ ожирѣвшіе мѣнялы и курлыкаютъ. Точь въ точь какъ у насъ журналистъ Менадръ, который въ «старѣйшей Пѣнкоснимательницѣ» все надсѣдался-курлыкалъ: наше время не время широкихъ задачъ! курлыкалъ да курлыкалъ, а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолобовъ, крикнулъ: ты что тутъ революцію распространяешь... брысь! — и слопалъ Менандра!

Но какъ ни мало привлекательна была рѣчь Клемансо и вообще вся обстановка палатскаго засѣданія, все-таки, выходя изъ палаты, я не могъ воздержаться, чтобы не воскликнуть: вотъ кабы у насъ такъ! Что дѣлать! такіе

ужь у насъ, русскихъ, глаза завистливые, что не можемъ мы въ чужомъ глазу сучка видѣть, чтобъ себѣ того же не пожелать. Даже тайный совѣтникъ Куроцаповъ, встрѣтившись со мной на бульварѣ, и насмотрѣвшись на здѣшніе порядки, — и тотъ воскликнулъ: «вотъ такъ правительство! Смотрите-ка какими щетками грязь съ улицъ счищаютъ». И дѣйствительно, отъ чего бы у насъ своихъ Клемансо, своихъ Кассаньяковъ и Гамбеттъ не завести? Вѣдь и во Франціи Клемансо удовлетворенія не получалъ, и у насъ бы не получилъ; стало быть... А что касается до гвалта и криковъ, которые зачастую развлекаютъ вниманіе посѣтителей палаты, то вѣдь это одна форма: пошумятъ, поругаются въ честь знамени — а потомъ и опять какъ съ гуся вода. И у насъ драки зачастую случаются, такъ въ чемъ же, спрашивается, опасность? Такъ вотъ нѣтъ же, скорѣе миллионъ щетокъ для очищенія улицъ отъ грязи заведутъ, а ужь Гамбеттъ не дадутъ рта разинуть — шалишь! Отъ того-то и весело въ Парижѣ, что все тамъ есть и все можно видѣть, обо всѣмъ говорить и даже поврать. Даже у русскихъ тамъ сердце играетъ. А у насъ дѣла ничего нѣтъ, стало быть, и глядѣть не на что, и языкъ нѣ изъ-за чего шевелить. Правда, иногда и у насъ случается слышать, будто въ такомъ-то мѣстѣ, еще съ временъ царя Гороха, засѣдаетъ такая-то комиссія — ну, и пуцай ее засѣдаетъ! А я пойду въ портерную или въ питейный, налакаюсь до сыта, ворочусь домой и лягу спать! Вотъ тебѣ и комиссія!

Развѣ можно сказать про такую жизнь, что это жизнь? развѣ можно сравнить такое существованіе съ французскимъ, хотя и послѣднее мало-по-малу начинаетъ пріобрѣтать мѣняльнѣе характеръ? Французъ все-таки хоть надъ Гамбеттой посмѣяться можетъ, назвать его *le gros Léon*, а у насъ и Гамбетты-то нѣтъ. А надъ прочими,

право, и смѣяться даже не хочется, потому что... Ну, да ужь Христось съ вами! плодитесь, множитесь и населяйте землю!

Я возвратился изъ Версаля въ Парижъ съ тѣмъ же поѣздомъ, который уносилъ и депутатовъ. И опять всѣ французы жужжали, что, въ сущности, Клемансѣ правъ, но чтѣ же дѣлать, если уши выше лба не растутъ. И всѣмъ было весело, до такой степени весело, что многие даже осмѣлились и начали вслухъ утверждать, что Мак-Магонъ совсѣмъ не такъ простъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Въ то время, было принято называть Мак-Магона «честною шпагой» (кажется, Тьеръ первый окрестилъ его этимъ прозвищемъ), но многіе къ этому присовокупляли, что «честная шпага» есть прозвище инскапательное, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть очень-очень простодушнаго человѣка. Сверхъ того, по поводу того же Мак-Магона и его свойствъ, въ летучей французской литературѣ того времени шель довольно оживленный споръ: какъ слѣдуетъ понимать простоту (опять-таки подъ псевдонимомъ «честной шпаги»), то-есть видѣть-ли въ ней гарантію, въ родѣ, напимѣръ, конституціи, или, напротивъ, ожидать отъ нея всякихъ угрозъ?

Разумѣется, до моего мнѣнія, никому во Франціи нѣтъ дѣла; но ежели бы, паче чаянія, меня спросили, то я сказалъ бы слѣдующее. Съ одной стороны, простота заключаетъ въ себѣ очень серьезную угрозу, но съ другой стороны, она же можетъ представлять и извѣстныя гарантіи. А за всѣмъ тѣмъ, не представлялось бы для казны ущерба, еслибъ и совсѣмъ ея не было.

Опасность, представляемая простотою, заключается въ томъ, что она имѣетъ всѣ свойства воды, а потому отъ нея можно ожидать всякихъ видовъ, кромѣ тѣхъ, которые свидѣтельствуютъ о сознательности. Какъ въ водѣ

случайно отражается и лучезарное небо, и небо угрожающее, такъ и въ глусти случайно отражается и благоволеніе, и ехидство. А такъ какъ рѣчь идетъ о глусти властной, которую, въ большинствѣ случаевъ, окружають всевозможныя своекорыстія и алчности, то ехидство встрѣчается несомнѣнно чаще, чѣмъ благоволеніе.

Въ примѣръ того, какъ опасна глупость, могу представить дѣйствительнаго статскаго совѣтника Губошлепова. Покуда былъ у него правителемъ канцеляріи Пантелей Душегубцевъ, то онъ, безъ всякой нужды, ввѣренный ему градъ спалилъ, а самъ, стоя на вышинѣ и любясь пожаромъ, говорилъ: пускай за мое злочестіе пострадаютъ! И тотъ же Губошлеповъ, когда, по обстоятельствамъ, вынужденъ былъ взять въ правители канцеляріи Іону Добромыслова, то опять свой градъ, иждивеніемъ гражданъ, даже краше прежняго выстроилъ. Но такъ какъ и то, и другое дѣйствіе онъ допустилъ не отъ разума, а отъ глусти, то обыватели, сколько мнѣ извѣстно, и поднесъ новаго пожара ждуть.

Что касается гарантіи, которую можетъ представлять простота, то она состоитъ въ томъ, что простодушный человѣкъ не только самъ не сознаетъ чувства отвѣтственности, но и всѣ доподлинно знаютъ, что ничему подобному нѣ откуда и заползти въ него. Поэтому, безсовѣстные люди, стоящіе вокругъ простодушія, пользуются имъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Самый наглый злодѣй, дѣйствуя въ союзѣ съ глупостью, понимаетъ, что послѣдняя отнюдь не представляетъ надежной защиты. Глухихъ людей рѣдко ненавидятъ, а иногда даже жалѣютъ, видя въ нихъ лишь жалкое орудіе постороннихъ козней. Злодѣй понимаетъ это и сдерживается; а партикулярные люди благодарятъ Бога и говорятъ: покуда у насъ Мак-Магонъ, мы у него какъ у Христа за пазухой.

Но въ настоящемъ случаѣ, вопросъ усложнялся тѣмъ, дѣйствительно-ли Мак-Магонъ только простъ, или же онъ, сверхъ того, и тупоумень. Ибо, если простудушный человѣкъ еще можетъ представлять гарантію, то со стороны тупца, ничего, кромѣ угрозъ, ожидать нельзя. Идея общаго блага равно чужда и глупому человѣку, и тупоумцу, но послѣдній уже дошелъ до пониманія личнаго блага, и слѣдовательно, получилъ опредѣленную цѣль для существованія. Въ основу этого личнаго блага легли самые низменные инстинкты, но не надо забывать, что именно они-то и давятъ на человѣка наиболѣе настоятельнымъ образомъ. До такой степени давятъ, что тупецъ начинаетъ смѣшивать свое личное благо съ общимъ и подчинять послѣднее первому. И вотъ, когда онъ такимъ образомъ доведетъ свое міросозерпаніе до наглости, тогда-то именно и наступаетъ дѣйствительная опасность. Ибо тупецъ, въ дѣлѣ защиты инстинговъ, обладаетъ громадной силой инициативы и никогда ни передъ чѣмъ не отступаетъ. Если ему покажется, что необходимо, въ видахъ его личнаго самосохраненія, разстрѣлять вселенную, — онъ разстрѣляетъ; ежели потребуются вавилонскую башню построить, — онъ построить. На сколько несложны цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ, настолько же несложны и средства для ихъ достиженія. Все въ немъ потухло: и воображеніе, и способность комбинировать, и продолжать будущее, все, кромѣ немолчно вопіющихъ инстинговъ.

Что же такое, однакожь, Мак-Магонъ? Разстрѣляютъ-ли онъ или не разстрѣляютъ? Вотъ вопросъ, который виталь надъ Парижемъ въ маѣ 1876 года.

Но, повидимому, Мак-Магонъ дѣйствительно былъ только «честная шпага» и ничего больше. Рассказываютъ за достовѣрное, что все уже было какъ слѣдуетъ под-

строено, что приготовлены были надежныя войска, чтобы раскассировать палату, и подряжены парадныя кареты, въ которыхъ Шамборъ имѣлъ вѣхаться въ добрый городъ Парижъ...

Я понимаю, какъ эти слухи должны были волновать французовъ, которые хоть сколько-нибудь помнили и понимали прошлое Франціи. Чортъ знаетъ что такое? Сдѣлать одну великую, двѣ среднихъ и одну малую революцію, и за всѣмъ тѣмъ не быть обезпеченнымъ отъ обязанности кричать (или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, *pousser des cris d'allégresse*): *vive Henri Cinq!* — какъ хотите, а это хоть кого заставить биться лбомъ объ стѣну. И дѣйствительно, французы даже другъ другу боялись сообщить объ этихъ слухахъ, которые до такой степени представлялись осуществимыми, что, казалось, одного громко произнесеннаго слова достаточно было, чтобы произвести взрывъ.

Но, въ рѣшительную минуту, Шамборъ отступилъ. Онъ понялъ, что Мак-Магонъ не представляетъ достаточнаго прикрытія для заправскаго разстрѣлянія «добраго города Парижа». И Мак-Магонъ съ своей стороны тоже не настаивалъ. Но сверхъ того, и того и другого, быть можетъ, смутило то обстоятельство, что палата, съ раскассированія которой предстояло начать «реставрацію», не дала къ тому рѣшительнаго повода.

Будь палата нѣсколько болѣе нервная, проникнись она сильнѣе человѣческими идеалами, Шамборъ, навѣрное, поступилъ бы съ нею по всей строгости законовъ. Но такъ какъ большинство ея составляли индѣйскіе пѣтухи, которые не знали удержу только въ смыслѣ уступокъ, то самъ выморочный бурбонъ вынужденъ былъ сказать себѣ: за что же я буду разстрѣливать сихъ невинныхъ пернатыхъ?

Положимъ, что Клемансѣ виноватъ; положимъ, что,

кромя Клемансò, наберется и еще человекъ десять, двадцать зачинщиковъ, которые сдобривали его суконную рѣчь криками: «bravo! très bien!» — но что же изъ этого? Во-первыхъ, и Клемансò, и его укрывателей сама палата охотно во всякое время выдастъ для разстрѣлянія; во-вторыхъ, допустимъ даже, что вы разстрѣляете Клемансò, но съ какой стороны вы подступитесь къ индюкамъ, у которыхъ на всѣ подвохи уже заранее готовъ отвѣтъ: *la république sans républicains*; а въ третьихъ, вѣдь и самый Клемансò — развѣ онъ буянилъ, или грубилъ, или угрожалъ? Нѣтъ, онъ скромно ходатайствовалъ: коли любишь — прикажи, а не любишь — откажи! Такимъ кроткимъ манеромъ, и передъ самимъ Шамборомъ ходатайствовать не возбраняется.

Однимъ словомъ, ежели въ древности Римъ спасли гуси, то въ 1876 году Францію спасли — индюки.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ я и оставилъ Парижъ. Я разставался съ нимъ неохотно, но, въ то же время, въ умѣ уже невольно и какъ-то сама собой слагалась мысль: ахъ, эти индюки!

Я возвратился въ Парижъ осенью прошлаго года. Я ѣхалъ туда съ гордымъ чувствомъ: республика укрѣпилась, говорилъ я себѣ, стало быть законное правительство восторжествовало. Но при самомъ въѣздѣ меня возмутило одно обстоятельство. Парижъ... вонялъ!! Еще дѣломъ въ Эмсѣ, когда мнѣ случалось замѣтить, что около кургауза пахнетъ не совсѣмъ благополучно, мнѣ говорили: — это еще что! вотъ въ Мариенбадѣ или въ Парижѣ, ну, тамъ дѣйствительно...

Въ Мариенбадѣ — страждущее человечество; въ Парижѣ — человечество благополучное. Два противоположныхъ явленія, а результатъ одинъ — вонь! Какая богатая антитеза и сколько блестящихъ страницъ напи-

саль бы по поводу ея Викторъ Гюго! Я же скажу кратко: пути, которыми ведетъ насъ предопредѣленіе, неисповѣдимы.

Дѣйствительно, пріѣхавши въ концѣ августа прямо въ Парижъ, я подумалъ, что ошибкой очутился въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду. Тамъ тоже живутъ благополучные люди, а извѣстно, что никто не выдѣляетъ такую массу естественныхъ зловоній, какъ благополучный человѣкъ.

Что ему! ши ему даютъ такія, что не продуетъ; каши горшокъ принесутъ — и тамъ въ середкѣ просверлена дыра, налитая масломъ; стало быть, и тутъ не продуетъ. И такъ, до трехъ разъ въ день, не говоря объ чаяхъ и сбитняхъ, отъ которыхъ сытости нѣтъ, но потъ все-таки прошибаетъ. Брюхо у него, какъ барабанъ, глаза круглые, изумленные — надо же лишнюю тяжесть куда-нибудь сбить. Вотъ онъ около лавки и исправляется. А въ лавкѣ и товаръ подходящій: мясо, живность, рыба. Придетъ покупатель: — что у васъ въ лавкѣ словно экстренно пахнетъ? — а ему въ отвѣтъ: такой ужъ товаръ-съ; безъ того нельзя-съ.

Я знаю Москву чуть не съ пеленокъ; всегда тамъ воняло. Когда я еще на школьной скамьѣ сидѣлъ, Москва была до того благополучна, что даже на главныхъ улицахъ вонь стояла коромысломъ. На Тверской, напримѣръ, существовало множество крохотныхъ калачныхъ, изъ которыхъ съ утра до ночи валилъ хлѣбный паръ; множество полживныхъ («полживо» — кто нынче помнитъ объ этомъ прекрасномъ, легкомъ напитокѣ?), изъ которыхъ сидѣльцы съ чистымъ сердцемъ выплескивали на тротуаръ всякого рода остатки. По улицѣ свободно ходили разнощики съ горячими блинами, грешневиками, гороховиками, съ подовыми пирогами «съ лучкомъ съ перцомъ, съ собачьимъ сердцемъ», съ патокой съ имбиремъ, которую «варилъ дядя Симіонъ, тетушка Арина ку-

шала — хвалила», съ моченой грушей, квасомъ, сбитнемъ и проч. Воняло и отъ продуктовъ, и отъ продавцевъ, и отъ покупателей. Воняло отъ гостинницъ Шевалдышева, Шбра, а пониже отъ гостинницъ: «Парижъ» и «Римъ». Въ этихъ приютахъ останавливались, по большей части, иногородные купцы, приѣзжавшіе въ Москву по дѣламъ, съ своей квашенной капустой, съ соленой рыбой, огурцами и прочей соленой и копченой снѣдью, ничего не требуя отъ гостинницы, кромѣ самовара, и ни за что не платя, кромѣ какъ за «тепло». И такъ какъ въ то время о ватерклозетахъ и въ помышленіи ни у кого не было, то, понятно, что весь этотъ упитанный капустою людъ оставлялъ свой слѣдъ понемногу вездѣ. Точно тоже самое, въ бѣльшей или мѣньшей мѣрѣ, представлялось и на Никитской, и на Арбатѣ, и на Кузнецкомъ мосту. А къ Охотному ряду, къ Ильинкѣ, и къ купеческимъ усадьбамъ даже приступу не было: благодать видимо почивала на нихъ.

Но тогда этимъ какъ-то не отягощались и даже носовъ не затыкали. Казалось совершенно естественнымъ, что тамъ, гдѣ живутъ люди, и пахнуть должно человѣчествомъ. Въ самыхъ зажиточныхъ помѣщичьихъ домахъ не существовало ни вентиляторовъ, ни форточекъ, въ крайнихъ же случаяхъ, «курили «смолкой». Я живо помню: бывало, подъѣзжаешь къ Москвѣ изъ деревни, то верстъ за шесть ужъ чувствуешь, что приближаешься къ муравейнику, въ которомъ кипать благополучные люди. «Москва близко! Москвой пахнет!» говорили купчера и лакеи, и набожно снимали картузы, привѣтствуя золотыя московскія маковки, И что ближе, то пуще и гуще. И не было тогда ни дифтеритовъ, ни тифовъ, ни болѣзней сердца, а былъ одинъ врагъ тѣлесъ человѣческихъ: кондрашка. Поэтому, говорили кратко: вчера Сидоръ Кондратьичъ съ вечера покушали, легли почивать,

а сегодня утромъ смотримъ, а они приказали долго-
жить.

Вообще я думаю, что и болѣзни, и самая смертность получаютъ развитіе по мѣрѣ усовершенствованія врачебной науки. Или, говоря другими словами, врачебная наука популяризируетъ болѣзни, дѣлаетъ ихъ общедоступными. Покуда врачебная наука была въ младенчествѣ, болѣзни посѣщали человѣка случайно. Иногда онъ «бился» животомъ, иногда — кашлемъ, зубами, головой; иногда — кровь «просилась». Выпить человѣкъ квасу съ солью, или, напротивъ, съѣсть фунта два моченой груши — «пройдетъ» животъ; поставить къ затылку горчишникъ — «пройдетъ» голова; накапать на синюю сахарную бумагу сала и приложить къ груди, или обвернуть на ночь шею заношеннымъ шерстянымъ чулкомъ — пройдетъ кашель; «кинетъ» кровь — перестанетъ кровь «проситься». Въ болѣе важныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, при водянкѣ, желтухѣ и проч., ѣли таракановъ, мокрицъ, и даже тѣхъ паразитовъ, которые населяютъ, по преимуществу, головы меньшей брата. Но того, чтобъ, какъ только родится человѣкъ, такъ сейчасъ же хлопотать о припискѣ его къ какому-нибудь органическому поврежденію—этого не было. Случались, правда, и тогда моровыя повѣтрія, но и на это опять-таки была воля Божія. Прегрѣшить помпадуръ, въ развратъ впадетъ — сейчасъ на губернію налетитъ или черная немочь, или огневица, или оспа. Тогда, архіерей приказываетъ заложить въ колымагу четверку вороныхъ и ѣдетъ, съ двумя иподіаканами на запяткахъ, къ помпадuru печаловаться за сиротъ, и молить его путь прегрѣшеній оставить. Обыкновенно, помпадуръ уступалъ, то есть Дуньку толстомясую сылалъ въ дальнюю вотчину, или Варьку пучеглазую выдавалъ замужъ за правителя канцеляріи, и тогда черная немочь прекращалась.

Но ежели помпадуръ не уступалъ, то болѣзнь продолжала неисторствовать, и наконецъ, достигала такихъ размѣровъ, что всполошенное начальство само смѣняло помпадуръ. Тогда, опять становилось тихо. Но, повторяю, не было ни такого разнообразія болѣзней, ни такой неизбежности ихъ, ни такой точности въ росписаніи людей по роду поврежденій. Все это ввела уже усовершенствованная врачебная наука и поставила этотъ вопросъ на такомъ незыблемомъ основаніи, что укрыться отъ «приписки» стало совсѣмъ нѣкуда. Такъ что, взирая, напримѣръ, на младенца, не о томъ нужно помышлять, поврежденъ онъ или не поврежденъ (это ужъ внѣ сомнѣнія), а о томъ, что именно въ немъ повреждено, и къ какому нарочитому доктору слѣдуетъ обратиться, чтобы дать младенцу возможность влачить постыдное существованіе.

Ибо и въ смыслѣ врачебной практики совершился прогрессъ. Болѣе подробное изученіе болѣзней, удручающихъ родъ человѣческой, породило бѣольшую дробность въ ихъ опредѣленіи, и въ тоже время дало мѣсто и множеству отдѣльныхъ специальностей. Въ прежнее время, «лекаръ» лечилъ *всѣхъ* и *отъ всего*. Лечилъ и старыхъ, и малыхъ, и дворянъ, и меньшую братію, и мужескъ и женскъ полъ. Лечилъ и отъ головы, и отъ живота, и отъ зубовъ, и кровь «бросалъ». Нынче, первый палецъ правой руки приписанъ къ собственному медику, живущему въ Разъѣзжей, а первый палецъ лѣвой руки — къ медику, живущему на Васильевскомъ Острову. Одно ухо лечитъ одинъ врачъ; другое — другой. Приѣхали вы съ пальцемъ правой руки къ медику пальца лѣвой руки, онъ вамъ скажетъ: — конечно, я могу вамъ средствами прописать, а все-таки будетъ вѣрнѣе, если вы съѣздите на Васильевскій Островъ къ Карлу Иванычу. И чтожь! за всѣмъ тѣмъ, безъ смерти не обойдешься. Ибо при

такомъ множествѣ болѣзней и при такомъ разнообразіи специальностей одно только и остается прибѣжище: умереть.

Но этого мало: изумительные успѣхи врачебной науки внесли существенныя измѣненія и въ нашъ домашній обиходъ, въ наши, такъ сказать, основы. Ограничусь только однимъ примѣромъ: прежде, бывало, вознамѣрится человѣкъ адюльтеръ совершить, сейчасъ становится передъ дамой сердца на колѣни, и въ этомъ положеніи ожидаетъ дальнѣйшихъ инструкцій. И никакихъ произвольныхъ скандаловъ при этомъ не возникало, даже если мужъ дамы сердца находился въ соедѣнной комнатѣ. Нынче медицинская наука открыла, что человѣкъ, становясь на колѣни, можетъ сдѣлать неловкое движеніе и повредить себѣ сѣдалищный нервъ. Именно такъ на дняхъ и случилось. Только что всталъ молодой человѣкъ на колѣни для ходатайства, какъ вдругъ не взвидѣлъ свѣта и заоралъ. Разумѣется, сбѣжался весь домъ, и прежде всѣхъ прибѣжалъ мужъ. Оказалось, что молодой человѣкъ повредилъ себѣ сѣдалищный нервъ! И вотъ, изъ-за подобнаго вздора, возникаетъ цѣлый процессъ. Оскорбленный мужъ доказываетъ, что сѣдалищный нервъ былъ поврежденъ «по»; невинная жена утверждаетъ, — что «до». Разумѣется, на судѣ будутъ вызваны эксперты, которые, въ свою очередь, станутъ приводить доводы pro и contra; потомъ тоже самое будутъ развивать въ своихъ рѣчахъ адвокаты Балалайкины и Подсѣдалищниковы; потомъ вступятся въ это дѣло газеты. А въ концѣ концовъ, окажутся три разбитыхъ существованія... Обращаюсь ко всѣмъ jeunes premiers сороковыхъ годовъ: кто изъ нихъ подозрѣвалъ, что у него есть какой-то сѣдалищный нервъ, который можетъ надѣлать переполоха въ столь обыкновенномъ дѣлѣ, какъ «чуждыхъ удовольствій любопытство»?

Нѣтъ, тысячу разъ былъ правъ графъ Твѣрдоонтò (см. предыдущую главу), утверждая, что покуда онъ не во- рошилъ вопроса о неизобиліи, до тѣхъ поръ, хотя и не было прямого избытія, но было «приспособленіе» къ избытію. А какъ только онъ тронулъ этотъ вопросъ, такъ тотчасъ же отовсюду и напозло неизобиліе. Точно тоже самое повторяется и въ дѣлѣ тѣлесныхъ озлобленій. Только чуть-чуть поворошите эту матерію, а потомъ ужъ и не разстанетесь съ ней.

Извиняюсь передъ читателями за это отступленіе, но оно было необходимо, чтобъ объяснить, въ какой мѣрѣ отцы наши были болѣе благополучны, нежели мы. А если были благополучны, то, стало быть, отъ нихъ пахло. И отъ нихъ, и отъ ихъ жилищъ.

Далеко ли то время, когда въ Московскомъ трактирѣ въ корридоръ нельзя было выйти, чтобъ не воскликнуть, что это, братцы, у васъ какъ будто того... чрезвычайное что-нибудь! Давно ли мнѣ, при созерцаніи рукъ мѣстныхъ половыхъ, думалось: ахъ, эти руки! какихъ тайнъ они были укрывателями! А между тѣмъ, гдѣ, въ другомъ мѣстѣ, такъ сладко пилося и ѣлось, какъ въ Московскомъ трактирѣ? Гдѣ больше говорилось умныхъ и свободныхъ рѣчей? Гдѣ больше лгалось? И точно: вынешь, бывало, листовки (рюмка, двѣ рюмки, три рюмки, скороговоркой выговаривали половые), закусишь янтарнѣйшимъ балыкомъ—и не воняетъ! И руки у половыхъ внезапно сдѣлаются чистыя, и скатерти... ахъ, какія бывали тамъ скатерти! Не поймешь, что тутъ совершалось, яичницу ли ѣли, дитѣ ли сидѣло... даже половые—и тѣ, бывало, стыдились! И тоже самое происходило и въ Новотроицкомъ, въ «Саратовѣ», въ Охотномъ ряду у Воронина. И всѣ они были переполнены народомъ, вездѣ пили и ѣли!

Да и не въ одной Москвѣ, а и вездѣ въ Россіи, вездѣ,

гдѣ жилъ человѣкъ, — вездѣ пахло. Потому что вездѣ было изобиліе, и всякій понималъ, что изобилія стыдиться нечего. Еще очень недавно, въ Пензѣ, хозяйственные купцы не очищали ретирадъ, а содержали для этой цѣли на дворахъ свиней. А въ Петербургѣ этихъ свиней ѣли подъ рубрикой «хлѣбной тамбовской ветчины». И говорили: у насъ въ Россіи, трихинъ въ ветчинѣ не можетъ быть, потому что наша свинья хлѣбная.

А нынче, пройдитеесь-ка по Тверской — аромать! У Шевалдышева—ватерклозеты, въ «Парижѣ» — ватерклозеты... Да и тѣ посѣщаются мало, потому что помѣщикъ нынѣ наѣзжаетъ легкій, неблагополучный. Только въ Охотномъ ряду (однако, и тамъ на половину противъ прежняго) пахнетъ, да еще на Ильинкѣ толстомясые купцы бьются—урчатъ животами... Гамбетты!

Да что тутъ! На дняхъ получаю письмо изъ Пензы— и тутъ разочарованіе! «Спѣшу подѣлиться съ вами радостной вѣсточкой, сообщаетъ мѣстный публицистъ:—и мы, пензяки, начали очищать нечистоты не съ помощью свиней, а на законномъ основаніи. Первый, какъ и слѣдовало ожидать, подалъ примѣръ нашъ уважаемый» и т. д. Ну, разумѣется, порадоваться-то я порадовался, но потомъ сообразилъ: какое же, однако, будетъ распоряженіе на счетъ «тамбовской хлѣбной ветчины»? Вѣдь этакъ, чего добраго, она съ рынка совсѣмъ исчезнуть должна!

Теперь сопоставьте-ка эти наблюденія съ извѣстіями о саранчѣ, колорадскомъ жучкѣ, гессенской мухѣ и пр., и скажите по совѣсти: куда мы идемъ, ужь не того ли хотимъ добиться, чтобъ и на крестьянскихъ дворахъ ни чѣмъ не пахло?

Конечно, это своего рода идеаль. Но придется ли дожидаться его осуществленія—это еще вопросъ. По моему, на крестьянскомъ дворѣ должно обязательно нах-

нуть, и ежели мы изгонимъ изъ него запахъ благополучія, то будетъ пахнуть недоимками и урядниками.

И такъ, прежнее московское благополучіе перешло нынѣ въ Парижъ. Конечно, оно выразилось не въ тѣхъ простодушно-ясныхъ формахъ, въ какихъ проявлялось на полномъ, какъ чаша, дворѣ пензенскаго гражданина, но все-таки достаточно опредѣленно, чтобъ удовлетворить самымъ прихотливымъ требованіямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи восторжествовало «законное правительство», съ тѣхъ поръ, какъ буржуа, отдѣлавшись отъ Мак-Магонскихъ угрозъ, уже не думаетъ о томъ, придется ли ему предать любезное отечество, или не придется, Парижу остается только упитываться и тучнѣть. Такова характеристическая черта его существованія за послѣднее время. А, слѣдую его примѣру, упитывается и тучнѣетъ и остальная Франція. Никогда палата депутатовъ не видала въ стѣнахъ своихъ такихъ сытыхъ и жирныхъ сыновъ отечества, какъ тѣ, которые засѣдаютъ въ ней послѣ неудавшихся попытки Мак-Магона и его сподвижниковъ.

Республика, повидимому, отыскала для себя твердую почву, республика сытая, солидная, безъ республиканцевъ. Однимъ словомъ, осуществленіе идеала, излюбленнаго «маленькимъ буржуа», которому недавно воздвигнуть памятникъ въ С. Жерменѣ. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ все, чтобъ примирить пугливаго буржуа съ словомъ «республика». Онъ до срока и безъ усилій уплатилъ пруссакамъ контрибуцію, затѣмъ разгромилъ коммуну и, въ заключеніе, уничтожилъ національную гвардію. Но, главное, онъ указалъ новый исходъ для французскаго шовинизма, выяснивъ, что кромѣ военной славы, есть еще слава экономическаго и финансоваго превосходства, которыми можно хвастаться столь же резонно,

какъ и военными побѣдами, и притомъ съ меньшею опасностью.

О шовинизмъ идейной инициативы, онъ, разумѣется, благоразумно умолчалъ, да, признаться, послѣ восемнадцатилѣтняго срамнаго пребыванія подъ бандитской пятой, было какъ-то не къ лицу и напоминать объ идеяхъ. Во всякомъ случаѣ, установившейся такимъ образомъ республикѣ безъ республиканцевъ удивительно повезло. Во-первыхъ, скромностью своею она снискала уваженіе всей Европы; во-вторыхъ, почти сразу свела на нѣтъ внутреннія политическія партіи. Изъ нихъ крайнія лѣвыя были поражены въ самое сердце, одновременно съ разгромомъ коммуны; династическія же партіи оказались безпредметными. Шамборъ бесплоденъ; Орлеаны плодовиты и многочисленны, но лишены предпримчивости и, хотя достаточно безсовѣстны, но не въ томъ смыслѣ, какой потребенъ для уловленія вселенной; и въ довершеніе благополучія, во цвѣтѣ лѣтъ погибъ Монтинъ отпрыскъ. Такимъ образомъ, монархическія партіи, то есть тѣ, которыя, вслѣдствіе сочувствій вліятельныхъ сферъ, имѣли возможность дѣйствительно вредить республикѣ, поставлены въ необходимость бездѣйствовать. Коли хотите, онѣ и теперь еще продолжаютъ протестовать, но дѣлаютъ это вяло, очевидно, только ради формы. Поздравляютъ Шамбора со днями ангела и рожденія, служатъ парадныя панихиды въ дни казней Людовика XVI и Маріи Антуанеты и проч. Но чуть коснется дѣло чего нибудь болѣе существеннаго, въ родѣ, напимѣръ, субсидій отощавшему Шамбору, въ результатѣ какъ-то всегда оказывается пустое мѣсто. Что же касается до бонапартистовъ, то, со смертію Лулу, въ средѣ этихъ людей началась такая суматоха, которая несомнѣнно кончится тѣмъ, что шайка эта, утративъ послѣдніе признаки политической партіи, просто-на-просто увеличитъ

собою ряды обыкновенныхъ хищниковъ, нагазуемыхъ общими судами.

Однимъ словомъ, никто, кромѣ выжившихъ изъ ума Гаварди и Бодри д'Ассона (первый—сенаторъ, второй—депутатъ; оба — рьяные легитимисты), серьезно на нынѣшнюю французскую республику не претендуетъ. Даже Бисмаркъ — и тотъ относится къ ней безъ озлобленія, хотя и не безъ любопытства. Повидимому, онъ совсѣмъ не того ожидалъ. Онъ разчитывалъ, что пойдутъ въ ходъ воспоминанія 1789 и 1848 годовъ, что на сцену выдвинется четвертое сословіе въ сопровожденіи цѣлой свиты «проклятыхъ» вопросовъ, что борьба партій обострится и все это вмѣстѣ взятое дастъ ему поводъ потихоньку да полегоньку разнести по кирпичу очагъ европейскихъ безпокойствъ. И вдругъ, вмѣсто «проклятыхъ» вопросовъ, самая благонадежная кашлунья мудрость! Не прошло и десяти лѣтъ, а ужъ Франція заняла «надлежащее» мѣсто въ «совѣтахъ» европейскихъ державъ, и вмѣстѣ съ прочими демонстрируетъ, въ водахъ Егейскаго моря, въ пользу Греціи! А газеты ея съ гордостью возвѣщаютъ, что городъ Парижъ удостоился посѣщенія графа Твэрдоонтò и другихъ достославныхъ кадетовъ. Разумѣется, Бисмаркъ долженъ сознаться, что это совсѣмъ не входило въ его расчеты.

Вообще французъ-буржуа какъ нельзя больше доволенъ, что онъ занялъ «надлежащее» мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ и не нарадуется на своихъ дипломатовъ. Въ Берлинѣ у него—Сень-Валье, въ Римѣ—Ноайль, еще гдѣ-то — Даркуръ... совсѣмъ какъ при Людовикѣ XIV! И все они вѣрой и правдой служатъ ему, буржуа, торгующему овошеннымъ товаромъ гдѣ-то въ *grie de Sèze*, и твердо вѣрующему, что французское благополучіе гораздо успѣшнѣе покорить міръ, нежели французское оружіе. Какимъ же образомъ графу Твэрдоонтò,

вмѣстѣ съ прочими кадетами, не почтить Парижа своимъ посѣщеніемъ? Какъ не пройтись ему гоголемъ по boulevard des Italiens? какъ не сообщить мосье Гамбеттѣ о своихъ видахъ и предположеніяхъ насчетъ харчевенно-рестораннаго союза, который, по его мнѣнію, долженъ еще болѣе скрѣпить сердечныя узы, соединяющія Россію съ Франціей? Вѣдь это значило бы обидѣть Сент-Валье и Даркура, съ которыми вмѣстѣ онъ, Твердоонтѣ, предназначенъ судьбою пѣть въ концертѣ европейскихъ державъ...

Но ежели доволенъ буржуа, то мосье Жюль Гриви положительно долженъ быть внѣ себя отъ восторга. Подумайте! онъ уже имѣетъ въ услуженіи «гарсоновъ» въ родѣ Даркура и Ноайля — отъ чего-жь не мечтать о «гарсонахъ» изъ породы Монморанси, Роганъ и Кондѣ. Придетъ время — и самъ Мак-Магонъ не откажется еще и еще послужить. «Что, братъ, задумался, скажетъ ему Гриви: — переходи-ка въ республиканцы!» И перейдетъ. Гриви терпѣливъ и понимаетъ, что всѣ эти переходы только вопросъ времени. А покуда, онъ угсцаетъ графа Твэрдоонтѣ охотой въ бывшихъ императорскихъ и королевскихъ резиденціяхъ, и прикапливаетъ сокровище изъ остаточковъ отъ президентскаго содержанія. Такъ что, если что-нибудь и омрачаетъ его скромное благополучіе, такъ это мысль, что отторженіе Эльзаса и Лотарингіи мѣшаетъ достойнымъ образомъ чествовать въ стѣнахъ Парижа Бисмарка и Мольтке.

Словомъ сказать, всѣ въ восторгѣ отъ современной французской республики, начиная съ графа Твэрдоонтѣ и кончая княземъ Бисмаркомъ, который, какъ говорятъ, спитъ и видитъ хоть на часокъ побывать въ Парижѣ и посмотреть на «La femme à para». Одно только вредитъ ей: это названіе «республика», а впрочемъ, и это дѣло скоро уладятъ календари. Да вѣдь и есть такая

форма государственнаго общежитія, есть. Чтò дѣлать! даже въ учебникахъ для среднихъ учебныхъ заведеній изданныхъ, объ этой формѣ правленія упоминается (такъ прямо и пишутъ: форма *правленія*); даже въ стѣнахъ новороссійскаго университета, тайному совѣтнику Панютину, въ Одессѣ сущу, провозглашалось: четыре суть формы правленія: деспотическая, монархическая неограниченная, монархическая ограниченная и... республиканская! И тайный совѣтникъ Панютинъ огорчался, но не возражалъ...

Повторяю: всѣ довольны французской республикой, никто не протестуетъ противъ нея, но доволенъ ли ею французскій рабочій, — объ этомъ я ничего сказать не могу. Не знаю. Вообще говоря, въ предлагаемомъ этюдѣ о французахъ, я исключительно разумѣю французскую буржуазію, которая въ настоящее время представляетъ собой управляющее сословіе. Съ жизнью французскаго народа, въ тѣсномъ значеніи этого слова, съ его вѣрованіями и надеждами я совсѣмъ незнакомъ, и даже городского рабочаго знаю лишь поверхностно. Я допускаю, конечно, что «народъ» представляетъ собой матерьяль, гораздо болѣе заслуживающій изученія, нежели угрожающій лопнуть отъ пресыщенія буржуа, но дальше общихъ и довольно туманныхъ догадокъ въ этомъ смыслѣ идти не могу.

Во французскихъ газетахъ довольно часто случается встрѣчаться съ очень дробными и любопытными рубриками, на которыя, въ политическомъ смыслѣ, подраздѣляются въ современной Франціи «сыны народа». Существуютъ рабочіе-бонапартисты, рабочіе-легитимисты, рабочіе-оппортунисты, рабочіе-соціалисты, рабочіе-клерикалы, рабочіе-свободные мыслители и даже рабочіе, не признающіе ничего, кромѣ спиртныхъ напитковъ (замѣчательно, впрочемъ, что никто никогда не слыхивалъ о

рабочемъ-орлеанистѣ). Нерѣдко, въ Парижѣ органи-зуются сборища, на которыхъ трактуются близкіе для рабочихъ вопросы, и на которыхъ, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, присутствуютъ полицейскіе комиссары, вспомошествоваемые соотвѣтствующимъ количествомъ *gardiens de la paix* и мушаровъ. И, одновременно съ этими сборищами, въ процессіяхъ, предпринимаемыхъ по поводу всевозможныхъ богомолій и дней ангеловъ (Шамбора, Наполеона, Евгеніи), тоже фигурируютъ болѣе или менѣе компактыя группы сыновъ народа, распѣвающихъ приличныя случаю кантаты.

И такъ, съ одной стороны, социальна-демократическая пропаганда, а съ другой — поздравленія съ ангеломъ. Съ одной стороны Марсельеза и красное знамя, съ другой — *Vive Henri IV* и знамя съ бѣлыми лиліями. И все это идетъ рядомъ и выливается изъ одного и того же до краевъ переполненнаго источника. Что *благородный* бонапартистъ уживается рядомъ съ *благороднымъ* социалистомъ, — въ этомъ еще нѣтъ чуда, ибо и тотъ, и другой живутъ достаточно просторно, чтобъ не мозолить другъ другу глаза. Но вѣдь рабочій людъ живетъ скученно, тѣсня другъ друга и слѣдуя другъ за другомъ, такъ сказать, по пятамъ. Какимъ же образомъ въ этой скученной средѣ выдѣляются столь несовмѣстимыя разновидности и сколько въ нихъ, въ этихъ разновидностяхъ есть искренняго, и сколько театральнаго, подкупнаго?

Признаюсь, эти вопросы не мало интересовали меня. Неразъ порывался я проникнуть въ Бельвиль или, по малой мѣрѣ, въ какой-нибудь *débit de vins* на одной изъ городскихъ окраинъ, чтобъ собрать хотя нѣкоторыя типическія черты, характеризующія эти противоположныя теченія. Но, по размысленіи, вынужденъ былъ оставить эту затѣю навсегда.

Для путешественника (и въ особенности русскаго) подобнаго рода предпріятія почти недоступны. Во-первыхъ, интимная жизнь рабочаго люда, въ Парижѣ, какъ и вездѣ, сосредоточивается въ такихъ захолустьяхъ, куда иностранцу нѣтъ ни желанія, ни даже возможности проникнуть. Парижскій рабочій охотно оказываетъ иностранцу услуги, и, видя въ немъ денежнаго человѣка и вѣрнаго заказчика, смотритъ на приливъ чужеземнаго элемента, какъ на залогъ предстоящаго торговаго и промышленнаго оживленія, которое можетъ не безъ выгоды отразиться и на немъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ иностранецъ для него безличное существо, ноль. Помочь онъ ему не можетъ, ужь потому одному, что голосъ его не имѣетъ *здѣсь* ни малѣйшаго авторитета. Кровно заинтересоваться его нуждою тоже не имѣетъ повода, потому что эта нужда есть результатъ безчисленнаго множества мѣстныхъ и историческихъ условій, въ оцѣнѣ которыхъ принимаютъ участіе не только умъ и чувство, но и интимные инстинкты, связывающіе человѣка съ его родиной. Вѣдь у этого самаго иностранца на родинѣ остались массы рабочаго люда, которыя тоже могутъ дать лицу самой широкой любознательности, а онъ вотъ пріѣхалъ въ Парижъ. Очевидно, онъ явился сюда совсѣмъ не ради рабочаго вопроса, а для того, чтобъ жуировать, заказывать, покупать, любоваться произведеніями искусствъ. Но онъ, пресытившись всѣмъ этимъ, задумалъ проникнуть въ рабочую среду. Очень возможно, что это только назойливый празднолюбецъ, въ родѣ Герольштейнскаго принца, но кто же поручится, что онъ и... не шпионъ? Да, и шпионъ, и ни кѣмъ другимъ подосланный, а именно Бисмаркомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пруссаки побывали въ Парижѣ, убѣжденіе о вездѣсущи прусскаго шпиона до того утвердилось въ умахъ французской меньшей братіи, что никакими доказательствами его не сокрушишь.

Во-вторыхъ, для русскаго путешественника есть еще и особенная причина, которая заставляетъ его воздерживаться отъ проникновенія въ рабочую среду. Нельзя дотронуться до рабочаго человѣка безъ того, чтобъ изъ этого не вышло превратнаго толкованія. А у насъ на этотъ счетъ такъ заведено: если есть превратное толкованіе, то, стало быть, есть и соотвѣтствующее оному мѣропріятіе. Разумѣется, было бы преувеличенно утверждать, чтобъ логика событій всегда дѣйствовала въ этихъ случаяхъ съ строгою неумолимостью, но если даже примѣнить сюда, въ качествѣ ободряющаго обстоятельства, пресловутое «какъ посмотрѣть», то все-таки выйдетъ порядочный рискъ. Я охотно допускаю, что, напримѣръ, въ настоящую минуту, не найдется ничего предосудительнаго въ томъ, что зрѣлыхъ лѣтъ мужчина интересуется рабочимъ вопросомъ... на Западѣ; но вѣдь причина этого благополучнаго отношенія заключается не въ самой непредосудительности факта, а въ томъ, что общее правило «какъ посмотрѣть» случайно приняло менѣе суровый характеръ. Еще вчера тоже самое правило стояло гораздо солиднѣе, а завтра, быть можетъ, запросъ на благополучіе и совѣмъ прекратится. На сцену выступить запросъ на вывороченныя къ лопаткамъ руки, на шивороты и другія процессуальныя подробности русской просвѣтительной дѣятельности, воспоминаніе о которыхъ не оставляетъ русскаго человѣка и за-границей. Съ какими глазами предстанетъ тогда, по возвращеніи въ домъ свой, «зрѣлыхъ лѣтъ» человѣкъ, который, понадѣявшись на поднявшійся курсъ «благополучія», побывалъ на сходахъ рабочихъ въ циркѣ Фернандо, да, пожалуй, еще съѣздилъ, съ этою цѣлью, въ Марсель на рабочій конгрессъ?

Нѣтъ, лучше уже держаться около буржуа. Вѣдь онъ еще во времена откуповъ считался бюджетнымъ стол-

помъ, а теперь, съ размноженіемъ Колунаевыхъ и Разуваевыхъ, пожалуй, на немъ одномъ только и покоятся всё надежды и упованія.

И такъ, говоря объ унаслѣдованіи современнымъ Парижемъ благополучія дореформенной Москвы, я разумѣю, по преимуществу, парижскаго буржуа, котораго, благодаря необыкновенно счастливому стеченію обстоятельствъ, начинаетъ ужь распирать отъ сытости.

Со времени франко-прусской войны, матерьяльное благосостояніе Франціи не только не умалилось, но съ какою-то невиданной выпуклостью выступило наружу, на зависть всёмъ. Денегъ — не клюютъ куры; заводская и фабричная производительность едва успѣваетъ удовлетворять требованіямъ заказчиковъ, балансъ — прелестнѣйшій; бюджетъ — прихотливый и не знающій дефицита, желѣзнодорожная сѣть проникаетъ въ самые отдаленные уголки; забастовки рабочихъ, хотя и нерѣдки, но непродолжительны и всегда кончаются къ обоюдному удовольствію. Буржуа до такой степени сытъ, что чувствуетъ потребность подѣлиться и съ меньшимъ братомъ. Поэтому, когда рабочіе начинаютъ предъявлять требованія, то онъ, конечно для формы покобенится, но именно только для формы, въ концѣ же концовъ, благодушно скажетъ: нате! рвите мои внутренности... ненасытны! И вотъ, въ результатѣ обоюдное удовольствіе.

Въ довершеніе всего, въ Парижѣ отовсюду стекается такая масса всякаго рода провизіи, что, кажется, еслибъ у буржуа, вмѣсто одной, было двѣ утробы, то и тутъ онъ всего бы не умѣстилъ.

Окрестности Парижа доставляютъ тончайшіе овощи и фрукты; Нормандія и Турень — фрукты, молочные сыры и живность; Бретань — всякаго рода мясо и самыхъ молочныхъ кормилицъ; Перигё — пироги съ начинкой; Гасконь — душистые трюфли, душистое вино

и лгуновъ; Бургонь — вино и живность; Шампань — шампанское; Лионъ — колбасу; Провансъ — оливковое масло; Ницца — фрукты въ сахарѣ; Пиренеи — красныхъ куропатоковъ; Ланды — перенелокъ и ортолановъ; Океанъ и Средиземное море — всевозможные сорта рыбъ, раковъ и устриць... Когда буржуа начинаетъ перечислять всѣ эти богатства, то захлебывается слюнями и глаза у него получаютъ какой-то неблагонадежный блескъ: такъ и кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ перерветь собесѣднику горло. Даже о потерѣ Страсбурганнѣшній буржуа жалѣеть не столько по причинѣ его знаменитой колокольни, сколько съ точки зрѣнія страсбургскаго пирога, котораго не замѣнилъ даже пресловутый перигорскій пирогъ. Въ одномъ только пунктѣ буржуа чувствуетъ себя уязвленнымъ: нѣтъ у него русскаго рябчика, о которомъ гостившая въ Россіи баронесса Каулла («la fille Kaulla», какъ называли ее французскія газеты) рассказывала чудеса (еще бы! самъ Юханцевъ кормилъ ее ими). Но и тутъ у него есть лучъ надежды: Гамбетта, какъ слышно, ужъ шепчется о чемъ-то съ графомъ Твэрдоонтò. Въ началѣ осени они вмѣстѣ завтракали въ *café anglais*, и на завтракѣ инкогнито присутствовалъ принцъ Уэльскій (платилъ Твэрдоонтò). А въ сосѣднемъ *cabinet*, въ это же самое время, Каулла завтракала съ генераломъ Сиссэ. И хотя на другой день въ газетахъ было объявлено, что эти завтраки не имѣли политическаго характера; но буржуа только хитро подмигиваетъ, читая эти толкованія и, потирая руки, говорить: «Вотъ увидите, что черезъ годъ у насъ будутъ рябчики! будутъ!» И затѣмъ, въ тайнѣ сердца своего, присовокупляетъ: «И, можетъ быть, благодаря усердію республиканской дипломатіи, возвратятся подъ сѣнь трехцвѣтнаго знамени и страсбургскіе пироги!

Но, повторяю: сытость настолько благотворна дѣй-

стзуетъ на человѣческое сердце, что этому общему правилу не можетъ не подчиниться и буржуа. Не будучи въ состояніи заглотать все, что плыветъ къ нему со всѣхъ концовъ любезнаго отечества, онъ добродушно удѣляетъ меньшей братіи, за удешевленную цѣну, то, что не можетъ пожрать самъ. Эти остатки, въ видѣ объѣдковъ пироговъ, котлетъ, жаренаго мяса, живности, и даже въ видѣ застывшихъ подливокъ, продаются въ особенномъ отдѣленіи Halles centrales и извѣстны подъ именемъ bijoux. Они-то собственно и составляютъ главное основаніе страшни въ тѣхъ маленькихъ ресторанахъ, въ которыхъ пугается недостаточное населеніе столицы міра. Приправленные пряностями, облитые разогрѣтыми подливками и поданные въ видѣ дымящихся рагу и паштетовъ, они, съ одной стороны, ласкаютъ обоняніе, съ другой — производятъ изжогу. Но бѣднякъ охотно забываетъ второе, чтобъ всецѣло предаться благодарнымъ впечатлѣніямъ о первомъ. Впрочемъ, и первое, и второе уже настолько вошли въ его жизненный обиходъ, что не составляютъ для него неожиданности, а слѣдовательно, не вызываютъ ни особенной радости, ни особеннаго огорченія.

Извѣстно ли рабочему человѣку родоприсхождение этихъ рагу? Знаетъ ли онъ, что вотъ этотъ самый обрывокъ сосиски, который какъ-то совсѣмъ неожиданно вынырнулъ изъ подъ груди загадочныхъ мясныхъ фигурокъ, былъ вчера ночью обгрызенъ въ Maison d'Or генераломъ-майоромъ Отчаяннымъ въ сообществѣ съ la fille Kaulla: знаетъ ли онъ, что въ это самое время, Юханцевъ, по сочувствію, стоналъ въ Красноярскѣ, а члены взаимнаго поземельнаго кредита восклицали: «Такая вотъ она та пропашть, которая поглотила наши денежки!» Знаетъ-ли онъ, что вотъ этой самой рыбьей костью (на ней осталось чуть-чуть мяса) русскій концессионеръ Губошле-

новъ ковырялъ у себя въ зубахъ, тщетно ожидая въ кафѣ Ришъ ту же самую Кауллу и мысленно ропща: сколько тыщъ ужъ эта шельма изъ меня вымотала, а все только одни разговоры разговариваетъ! Знаетъ ли онъ, что вотъ этотъ волосъ, который прилипъ у него на языкѣ, принадлежитъ дѣвицѣ Круазеттѣ и составляетъ часть локона, подареннаго ею на память герцогу Омальскому? Знаетъ ли онъ, наконецъ, что этотъ песокъ, который сію минуту хруснулъ у него на зубахъ, составляетъ часть горсти земли, взятой рьянымъ бонапартистомъ съ могилы Лулу, и составлявшей предметъ пламенныхъ тостовъ на вчерашнемъ банкетѣ въ Hôtel Continental?

Я думаю, что онъ знаетъ все это, но, разумѣется дѣлаетъ видъ, что не знаетъ. Ибо, не притворись онъ незнающимъ, ему, просто по чувству приличія, пришло бы отказаться отъ рагу и отъ мясной пици вообще. Быть можетъ, ему предстояло бы даже познакомиться съ подспорьемъ въ видѣ мякины, потому что, какъ ни благодушень буржуа, но онъ поступается мясцомъ только въ формѣ объѣдковъ, за натуральное же мясо и цѣну деретъ натуральную. Между тѣмъ, мясо необходимо мѣньшему брату, даже еслибъ оно являлось въ еще болѣе неожиданныхъ очертаніяхъ, ибо оно поддерживаетъ необходимую для труда бодрость и силу. И вотъ онъ глотаетъ свои рагу, и—ritum teneatis, amici!— даже пускается въ ихъ расцѣнку... Лакомка!

Но ежели меньшій братъ знаетъ родословную объѣдковъ, то благодаренъ ли онъ за нихъ буржуа? На этотъ вопросъ я удовлетворительно отвѣтить не могу. Думаю, однакожь, что особеннаго повода для благодарности не имѣется, и ежели бѣднякъ въявь не выказываетъ своей враждебности по поводу объѣдковъ, то, по секрету, все-таки прикапливаетъ ее. Да, доглотать обглоданную Гу-

бошленовымъ рыбью кость — это-таки штука не послѣдняя! но до поры до времени приходится подчиняться даже этой горькой необходимости, ибо буржуа хитеръ. Онъ окружилъ Парижъ бастіонами, распустилъ національную гвардію и ввелъ такую дисциплину въ военномъ персоналѣ, составляющемъ мѣстный гарнизонъ, что только держись! И, совершивши все это, блаженствуетъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни пріятна сытость, но и она имѣетъ свои существенныя неудобства. Она отяжеляетъ человѣка, сообщаетъ его дѣйствіямъ сонливость, его мышленію — вялость. Черезчуръ сытый человѣкъ требуетъ отъ жизни только одного: чтобъ она какъ можно меньше затрудняла его, какъ можно меньше ставила на его пути преградъ и поводовъ для пытливости и борьбы. Самыя наслажденія, въ глазахъ сытаго человѣка, приобрѣтаютъ цѣнность лишь въ томъ случаѣ, когда они достигаются легко, приплываютъ къ нему, такъ сказать, сами собой. Мы, русскіе сытые люди, круглый годъ питающіеся блинами, пирогами и калачами, кое-что знаемъ о томъ духовномъ остоленіи, при которомъ единственную лучезарную точку въ жизни человѣка представляетъ сонъ, съ цѣлою свитой свистовъ, носовыхъ завертокъ, утробныхъ сновидѣній и кошмаровъ. Отъ того-то, быть можетъ, у насъ и нѣтъ тѣхъ формъ обезпеченности, которыя представляетъ общественно-политическій строй на западѣ. Но за то есть блины.

Французъ-буржуа, хотя и не дошелъ еще до столбняка, но уже настолько отяжелѣлъ, что всякое лишнее движеніе, въ смыслѣ борьбы, начинаетъ ему казаться не только обременительнымъ, но и неумѣстнымъ. Традиція, въ силу которой главная привлекательность жизни, по преимуществу, сосредоточивается на борьбѣ и отысканіи новыхъ горизонтовъ, съ каждымъ днемъ все

больше и больше теряетъ кредитъ. Буржуа ищетъ не волненій, а спокойствія, легкаго уразумѣнія и во всемъ благого поспѣшенія. Въ дѣлѣ религіи, онъ заявляетъ претензію, чтобъ Богъ, безъ всякихъ съ его стороны усилій *motu proprio*, посылалъ ангеловъ своихъ для охраны его. Въ дѣлѣ науки онъ цѣнитъ только прикладныя знанія, нагло игнорируя всю подготовительную теоретическую работу и предоставляя изслѣдователямъ истины отыскивать ее на собственный рискъ. Въ дѣлѣ публицистики онъ любитъ газетныя строчки, въ которыхъ коротенько излагается, съ кѣмъ завтракалъ наканунѣ Гамбетта, какія титулованныя особы удостоили своимъ посѣщеніемъ Парижъ, и приходитъ въ восторгъ, когда при этомъ ему докладываютъ, что самъ Бисмаркъ, въ интимномъ разговорѣ съ Подхалимовымъ, нашелъ Францію достойною участвовать въ концертѣ европейскихъ державъ. Въ дѣлѣ беллетристики онъ противникъ всякихъ психологическихъ усложненій и анализовъ, и требуетъ отъ автора, чтобъ онъ, безъ отвлеченныхъ околичностей, но съ возможно бѣльшимъ разнообразіемъ «особыхъ примѣтъ» объяснилъ ему, какимъ тѣломъ обладаетъ героиня романа, съ кѣмъ и когда, и при какихъ обстоятельствахъ она совершила первый, второй и послѣдующіе адюльтеры, въ какомъ была каждый разъ платьѣ, заставляла-ли себя умолять или сдавалась безъ разговоровъ, и ежели дѣло происходило въ *cabinet particulier*, то въ какомъ именно ресторанѣ, какіе прислуживали гарсоны и что именно было съѣдено и выпито. Даже въ своихъ любовныхъ предпріятіяхъ онъ не терпитъ запуганности и лишнихъ одеждъ, а настаиваетъ, чтобъ все совершалось чередомъ, безъ промедленія времени... сейчас!

Разумѣется, эта сонливая простота возрѣній не мо-

жетъ не отражаться и на цѣломъ жизненномъ строѣ современной Франціи.

Начать съ Бога, который положительно стѣсняетъ буржуа. Поны требуютъ, чтобъ буржуа ходилъ къ обѣднѣ, и тѣмъ, которые ходятъ, обѣщаютъ вѣчное блаженство, а тѣмъ, которые не ходятъ — вѣчныя адскія муки. Всякій буржуа — вольнодумецъ по преданію, но въ то же время онъ трусь и, какъ я уже замѣтилъ выше, любить перекрестить себѣ пупокъ такъ, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Однакожь, онъ дѣлаетъ послѣднюю уступку лишь потому, что она ничего не стѣдитъ, а, сверхъ того, неровенъ случай, можетъ и пригодиться. Но чтобъ пощадить себѣ публично угрожать ему или соблазнять наградами, — этого онъ ужь никакъ потерпѣть не можетъ. На этой почвѣ онъ издавна, съ неравнымъ успѣхомъ, но упорно борется съ попомъ, а съ легкой руки Вольтера эта борьба приняла очень яркій и даже торжествующій характеръ. До сихъ поръ, однакожь, это все-таки была только борьба, самое существованіе которой свидѣтельствовало о гадательности исхода. Нынѣ буржуа почувствовалъ себя настолько окрѣпшимъ, что ему кажется уже удивительнымъ, стѣдило-ли объ этомъ такъ долго и много хлопотать. Гораздо проще — уиразднить поповскаго Бога совѣѣмъ, а для домашняго обихода декретировать Бога лаицизированнаго (безъ знаковъ отличія). Сказано — сдѣлано. Сначала буржуа поручилъ это дѣло своему министру Фрейсинэ, а когда послѣдній оказался чрезчуръ податливымъ, то уволилъ его въ отставку и ту же задачу возложилъ на министра Ферри. И вотъ теперь, въ цѣлой Франціи, дѣйствуетъ Богъ лаицизированный. Сколько вѣковъ этотъ вопросъ волновалъ умы, сколько стрѣлъ было выпущено по этому поводу однимъ Вольтеромъ, а буржуа взялъ да въ одинъ мигъ рѣшилъ, что тутъ и разговаривать не объ чемъ.

Правда, что онъ еще не вычеркнулъ окончательно слова «Богъ» изъ своего лексикона, но, очевидно, что это только лазейка, оставленная на случай могущей возникнуть надобности, и что отнынѣ никакія напоминанія о предстоящихъ блаженствахъ и мукахъ уже не будутъ его тревожить.

Я слышалъ, однакожь, что вопросъ о конгрегаціяхъ, съ такою изумительною легкостью и даже не безъ комизма приведенный къ концу прошлою осенью, чуть-было не произвелъ разрыва между Гамбеттой и графомъ Твэрдоонтѣ. Графъ случился въ это время въ Парижѣ и былъ до глубины души скандализованъ. Онъ вспомнилъ, какъ во дни его юности, его вывели, *mit Skandal und Trompetten*, изъ заведенія Марцинкевича, и не могъ придти въ себя отъ сердечной боли, узнавъ, что тотъ же самый пріемъ допущенъ мосьё Кобе (*chef de sûreté*, онъ же и позитивистъ), относительно отцовъ «реколлетовъ» Ну, разумѣется, вступился. Выбралъ часъ завтрака и отправился къ Гамбеттѣ.

— Нельзя безъ Бога, Гамбетта! усовѣщевалъ онъ президента палаты депутатовъ: — вы сами скоро убѣдитесь, что нельзя! Скажу вамъ, со мной въ корпусѣ такой случай былъ. Обыкновенно, не приготовивъ урока, я обращался къ Богу, прося, чтобъ учитель не вызвалъ меня. И хотя это случалось довольно часто, но Богъ, по неизрѣченному ко мнѣ милосердію, а можетъ быть и во вниманіе къ заслугамъ моихъ родителей, никогда не оставлялъ моей молитвы безъ исполненія. И вдругъ, однажды я возгордился. Урока-то не приготовилъ, да и Богу помолиться пренебрегъ. И что же произошло? Прежде всего, учитель сейчасъ же меня вызвалъ и поставилъ мнѣ поль; вслѣдъ затѣмъ я былъ пойманъ въ куреніи, потомъ напился пьянъ и нагрубилъ дежурному

офицеру. А къ вечеру былъ уже высѣченъ. Что вы скажете объ этомъ?

Но Гамбетта уклонился отъ прямого отвѣта и только сочувственно произнесъ: ссс...

— Не думайте, впрочемъ, Гамбетта, продолжалъ Твэрдоонтò: — чтобъ я былъ суевѣренъ... ни мало! Но я говорю одно: когда мы затѣваемъ какое-нибудь мѣропріятіе, то прежде всего обязываемся понимать, противъ чего мы его направляемъ. Еслибъ вы имѣли дѣло только съ людьми цивилизованными — ну, тогда, я понимаю... Ни вы, ни я... О, разумѣется, для насъ... Но народъ, Гамбетта! вспомните, чтò такое народъ? И чтò у него останется, если онъ не будетъ чувствовать даже этой узды?

Но Гамбетта только качалъ головой и время отъ времени произносилъ: ссс... Какъ истинно коварный генуэзецъ, онъ не только не раздражилъ своего собесѣдника возраженіемъ, но даже охотно уступилъ ему, что безъ Бога — нельзя.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? радостно воскликнулъ Твэрдоонтò, протягивая руки.

Однако, Гамбетта и тутъ нашелся: не говоря ни слова, позвонилъ и приказалъ сервировать завтракъ. Подали какой-то необычайной красоты руанскую утицу и къ ней совершенно сѣдую бутылку Понтè-Канè. Разумѣется, Твэрдоонтò только языкомъ щелкнулъ.

И такимъ образомъ, разрывъ былъ устраненъ. Съѣли утицу, выпили Понтè-Канè, и о Богѣ — ни гугу! Вотъ какъ ловко дѣйствуетъ современная французская дипломатія.

Ту же самую несложность требованія простираетъ современный буржуа и къ родной литературѣ. Было время, когда во Франціи господствовала беллетристика идейная, героическая. Она зажигала сердца и волновала умы; не

было безвѣстнаго уголка въ Европѣ, куда бы она не проникла съ своимъ свѣточемъ, всюду распространяя пропаганду идеаловъ будущаго въ самой общедоступной формѣ. Люди сороковыхъ годовъ и доселѣ не могутъ безъ умиленія вспоминать о Жоржъ-Зандѣ и Викторѣ Гюго, который, впрочемъ, вступилъ на стезю новыхъ идеаловъ нѣсколько позднѣе. Сю, менѣе талантливый и теперь почти забытый, — и тотъ читался на расхватъ, благодаря тому, что онъ обращался къ тѣмъ инстинктамъ, которые представляютъ собой лучшее достояніе человѣческой природы. Даже въ Бальзака, не смотря на его социально-политическій индифферентизмъ, невольно просачивалась тенденціозность, потому что въ то тенденціозное время не только люди, но и камни вопіяли о героизмѣ и идеалахъ.

За эту же героическую литературой шла и русская беллетристика сороковыхъ годовъ. И не только беллетристика, но и критика, воспитательное значеніе которой было едва-ли даже въ этомъ смыслѣ не рѣшительнѣе.

Современному французскому буржуа ни героизмъ, ни идеалы уже не подъ силу. Онъ слишкомъ отяжелѣлъ, чтобъ не пугаться при одной мысли о личномъ самоотверженіи, и слишкомъ удовлетворенъ, чтобъ нуждаться въ расширеніи горизонтовъ. Онъ давно уже понялъ, что горизонты могутъ быть расширены лишь въ ущербъ ему, и потому, на почвѣ расширенія, охотно примирился бы даже съ Бонапартомъ, еслибъ этотъ выходъ былъ для него единственный. Но, во-первыхъ, ему навернулось нѣчто другое, болѣе подходящее и въ смыслѣ горизонтовъ столь же вождѣленное; а, во-вторыхъ, духъ авантюризма, въ соединеніи съ тупоуміемъ — свойства, въ высшей степени украшавшія бандита, державшаго, въ теченіи осмнадцати лѣтъ, въ своихъ рукахъ судьбы

Франціи, — испугали буржуа. Обуреваемый жаждою приключеній, бандитъ никогда не могъ опредѣлить, во что обойдется предполагаемое приключеніе и куда оно приведетъ. И, такимъ образомъ, дошелъ до прусскаго нашествія. Буржуа не можетъ безъ злости вспомнить, что пруссаки выпили все вино, хранившееся въ его погребахъ, выкурили всѣ его сигары, выкрали изъ его шкаповъ платье, посуду и серебро, и даже часы съ каминовъ. Онъ можетъ забыть гибель сыновъ Франціи, измѣническую сдачу Метца, панику худо вооруженныхъ и неодѣтыхъ войскъ, но забыть пропажу часовъ, за которые онъ заплатилъ столько-то сотенъ франковъ, *rubis sur ongle* — никогда! И вотъ это-то вѣчно присущее воспоминаніе о вышитомъ винѣ и исчезнувшихъ часахъ и уничтожило весь престижъ наполеоновской идеи. А тутъ же, кстати, вспомнилось, что не худо бы посчитать, во что обошлись Франціи приключенія бандита. Посчитали, и оказалась такая прорва, что буржуа даже позеленѣлъ отъ злости при мысли, что эту прорву наполнилъ онъ изъ собственнаго кармана и что всѣ эти деньги остались бы у него, еслибъ онъ въ 1852 году, съ испуга, не предалъ бандиту февральскую республику. Но зато теперь онъ республику ужъ не предастъ. Теперь у него *своя собственная* республика, республика, спроса и предложенія, республика накопленія богатствъ и блестящихъ торговыхъ балансовъ, республика, въ которой не будетъ ни «приключеній», ни... «горизонтовъ». Эта республика обезпечила ему все, во имя чего нѣкогда онъ направо и налево расточалъ іудины поцѣлуй и съ легкимъ сердцемъ предавалъ свое отечество въ руки перваго встрѣчнаго хищника. А именно, обезпечила сытость, покой и возможность собирать сокровища. И, сверхъ того, она же бдительно слѣдитъ за легкаго поведенія дѣвицами, не ради тор-

жества добродѣтели, а дабы его же, буржуа, оградить отъ тѣлесныхъ поврежденій.

И буржуа, дѣйствительно, такъ плотно засѣлъ въ своей сытости, и такъ прочно со всѣхъ сторонъ околпался, что отнынѣ уже никакія «приключенія» не достигнуть его.

Но эта безъидейная сытость не могла не повліять и на жизнь. Прониклась ею и современная французская литература, и для того, чтобъ скрыть свою изменность, не безъ наглости подняла знамя реализма. Слово это не безъизвѣстно и у насъ, и даже едва-ли не раньше, нежели во Франціи, по поводу его, у насъ было преломлено достаточно копій. Но размѣры нашего реализма нѣсколько иные, нежели у современной школы французскихъ реалистовъ. Мы включаемъ въ эту область *всего* человѣка, со *всѣмъ* разнообразіемъ его опредѣленій и дѣйствительности; французы же главнымъ образомъ интересуются торсомъ человѣка и изъ всего разнообразія его опредѣленій съ наибольшимъ раченіемъ останавливаются на его физической правоспособности и на любовныхъ подвигахъ. Съ этой точки зрѣнія Викторъ Гюго, напримѣръ, представляется въ глазахъ Зола чуть не гороховымъ шутомъ, да вѣроятно, той же участи подверглась бы и Жоржъ-Зандъ, еслибъ очередь дошла до нея. По крайней мѣрѣ, никто нынче объ ней не вспоминаетъ, хотя за ней числятся такія созданія, какъ «Орасъ» и «Луcreція Флоріани», въ которыхъ подавляющій реализмъ идетъ объ руку съ самою горячею и страстною идейностью.

Во главѣ современныхъ французскихъ реалистовъ стоитъ писатель несомнѣнно талантливый — Зола. Однакожь, и онъ не сразу удовлетворилъ буржуа (казался слишкомъ труднымъ), такъ что романы его, долгое время, пользовались гораздо бѣльшею извѣстностью за границей (осо-

бенно въ Россіи), нежели во Франціи. «Ассомуаръ» былъ первымъ произведеніемъ, обратившимъ на Зола серьезное вниманіе его соотечественниковъ, да и то едва-ли не потому, что въ немъ на первомъ планѣ фигурируютъ представители тѣхъ «новыхъ общественныхъ наслоеній», о близкомъ нашествіи которыхъ, почти въ то же самое время, нѣсколько рискованно возвѣщаль сфинксъ Гамбетта (Наполеонъ III любилъ, чтобъ его называли сфинксомъ; Гамбетта — тоже) въ одной изъ своихъ рѣчей. Любопытно было взглянуть на этого дикаря, вандала-гунна-готѣа, къ которому еще Байронъ взывалъ: *arise ye, Goths!* и котораго давно уже не безъ страха поджидаетъ буржуа, и даже совсѣмъ было дождался въ лицѣ парижской коммуны, еслибъ маленькій Тьеръ, споспѣшествуемый Мак-Магономъ и удалымъ капитаномъ Гарсенемъ *), не послѣшилъ на помощь и не утопилъ готѣа въ его собственной крови.

И точно, Зола настолько испугалъ буржуа, что въ самое короткое время «Ассомуаръ» разошелся во множествѣ изданій. Но все-таки это былъ успѣхъ испуга, дѣйствительнымъ же любимцемъ, художникомъ по сердцу буржуа, и всефранцузскою знаменитостью Зола сдѣлался лишь съ появленіемъ «Нанà». Представьте себѣ романъ, въ которомъ главнымъ лицомъ является сильнодѣйствующій женскій торсъ, не прикрытый даже фиговымъ листомъ, общедоступный, какъ проѣзжій шляхъ, и не пред-

*) Капитанъ Гарсенъ—тотъ самый, который, во время торжества версальскихъ войскъ надъ коммуной, расстрѣлялъ депутата Миллера за «вредное направленіе» его литературной дѣятельности (а мы-то жалуемся!). Въ виду войскъ и толпы, онъ велѣлъ поставить его на колѣна на ступеняхъ Пантеона (божсь ошибиться, но, кажется, что тамъ) и наклонить ему голову въ знакъ того, что онъ проситъ прощенья за причиненный его литературной дѣятельностью вредъ. И когда это было выполнено, приказалъ засрѣлить Миллера. Капитанъ Гарсенъ и по нынѣ состоитъ на службѣ.

ставляющій никакихъ опредѣленій, кромѣ подробнаго каталога «особыхъ примѣтъ», знаменующихъ полъ. Затѣмъ, поставьте, въ pendant къ этому сильнодѣйствующему торсу, соответствующее число мужскихъ торсовъ, которые тоже ничего другого, кромѣ особыхъ примѣтъ, знаменующихъ полъ не представляютъ. И потомъ, когда всѣ эти торсы надлежащимъ образомъ поставлены, когда, по манію автора, вокругъ нихъ создастся обстановка изъ бутафорскихъ вещей самаго послѣдняго фасона, особыя примѣты постепенно приходятъ въ движеніе, и передъ глазами читателя завязывается бестіальная драма... Спрашивается: какихъ еще болѣе возбуждающихъ усладъ можетъ требовать буржуа, въ которомъ сытость дошла до такихъ геркулесовыхъ столповъ, что едва не погубила даже половину бестіальности?

Все въ этомъ романѣ настолько ясно, что хоть протягивай руку и гладь. Только лезбійскія игры нѣсколько ступеваны, но вѣдь куда это вещь еще на охотника, не всякій ее вмѣститъ. Придетъ время, когда буржуа еще сытѣе сдѣлается, — тогда Зола и въ этой сферѣ себя мастеромъ явитъ. Но сколько мерзостей придется ему подсмотреть, чтобъ довести отдѣлку бутафорскихъ деталей до совершенства! И какую неутомимость, какой желѣзный организмъ нужно имѣть, чтобъ выдержать трудъ выслѣживанія, необходимый для созданія подобной экскрементально-человѣческой комедіи! Подумайте! сегодня — Нанà, завтра — представительница лезбійскихъ преданій, а послѣ завтра, пожалуй, и впрямь въ герои романа придется выбирать производительницъ и производителей экскрементовъ.

Но тогда, разумѣется, буржуа, еще при жизни поставить ему монументъ.

Оговариваюсь, впрочемъ, что въ расчеты мои совсѣмъ не входитъ критическая оцѣнка литературной дѣятель-

ности Зола. Въ общемъ, я признаю эту дѣятельность (кромѣ, впрочемъ, его критическихъ этюдовъ) весьма замѣчательною, и говорю исключительно о «Нанà», такъ какъ этотъ романъ даетъ мѣрило для опредѣленія вкусовъ и направленія современнаго буржуа.

Около Зола стоитъ цѣлая школа послѣдователей, изъ которыхъ одни рабски подражаютъ ему, другіе — выказываютъ поползновеніе идти еще дальше въ смыслѣ деталей. Но тутъ псевдо-реализмъ пріобрѣтаетъ характеръ скудоумія тѣмъ болѣе яркій, что даже нагота торсовъ не защищаетъ его. Скучно, назойливо, бездарно и ничего больше. Передъ читателемъ проходитъ безконечный рядъ подробностей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ предметомъ повѣствованія, ни съ его обстановкой, подробностей, ни для чего ненужныхъ, ничего не характеризующихъ и даже не любопытныхъ сами по себѣ. Вотъ, на примѣръ, передъ вами Альфредъ. Бѣдный Альфредъ! Возьмись за него писатель сильный въ родѣ Жоржъ-Занда, Бальзака, Флобера, — изъ него вышелъ бы отличный малый. А такъ называемый реалистъ, едва прикоснулся къ нему, какъ уже и погубилъ!

Судите сами.

Альфредъ встаетъ рано, и имѣетъ привычку потягиваться. Потягиваясь, онъ обдумываетъ свой вчерашній день, и находитъ, что провелъ его не совсѣмъ хорошо. Ночью, онъ ужиналъ съ Селиной, и замѣтилъ, что отъ нея пахнетъ тѣми же духами, какими обыкновенно прыскается Жюль! Когда онъ спросилъ объ этомъ, то она только разсмѣялась (*un petit rire*, или *un gros rire* — это безразлично). Надо, однакожъ, эту тайну раскрыть. Раскрыть такъ раскрыть, но для чего онъ будетъ раскрывать? вотъ въ чемъ вопросъ. Задавши себѣ этотъ вопросъ, Альфредъ рѣшаетъ, что затѣялъ глупость. Говоря по совѣсти, ни съ какой Селиной онъ вчера не

ужиналъ, а пришелъ вечеромъ въ десять часовъ домой, съѣлъ кусочекъ грюйеру и щелкнулъ языкомъ. Уличивши себя во лжи, Альфредъ рѣшается встать. Разумѣется, сначала умывается (страница, посвященная умывальнику и двѣ, посвященные мылу), потомъ начинаетъ одѣваться. Денныхъ рубашекъ у него всего три: одна у прачки, другую онъ надѣвалъ вчера, третья лежитъ чистая въ комодѣ. Надо быть осторожнымъ. Разсматривая вчерашнюю рубашку, онъ замѣчаетъ порядочное пятно на самой груди. Это, должно быть, Селина вчера за ужиномъ капнула виномъ! говоритъ онъ, и на этомъ первая глава кончается. Вторая глава начинается съ того, что Альфредъ припоминаетъ, что ни Селины, ни ужина, ни вина вчера не было. Стало быть, происхожденіе пятна на рубашкѣ должно быть иное. Ба! да вѣдь я вчера купаться ходилъ! восклицаетъ Альфредъ, и приходитъ къ заключенію, что покуда онъ былъ въ водѣ, а бѣлье лежало на берегу рѣки, могла пролетѣть птица небесная и на лету сдѣлать сюрпризъ. Но, придя къ этому выводу, онъ припоминаетъ, что ни вчера, да и вообще никогда не купался. Стало быть, и опять совралъ, и такъ какъ съ этимъ враньемъ надо покончить, то авторъ проводитъ черту и приступаетъ къ 3-й главѣ. Въ этой новой главѣ, Альфредъ все еще одѣвается. Разумѣется, описаніе одежды строго соотносится съ тѣми правами состоянія, которыми пользуется герой. Ежели онъ человѣкъ салоновъ, то всякая часть его одежды блеститъ, и покроемъ свидѣтельствуемъ, что въ постройкѣ ея участвовали первые мастера Парижа; если онъ un homme déclassé, то на каждой части его туалета оказывается пятно, что заставляетъ его нюхать и рубашку, и жилетъ, и штаны, дабы не поразить добрыхъ знакомыхъ запахомъ благополучія. Допустимъ, что нашъ Альфредъ принадлежитъ къ послѣднему разряду молодыхъ людей. Онъ нюхаетъ и от-

чищаетъ, но дѣло у него рѣшительно не спорится. Сначала, приходитъ portier, съ которымъ нужно сказать нѣсколько ненужныхъ словъ, потомъ вбѣгаетъ сосѣдка, которая проситъ одолжить коробочку спичекъ, и которой тоже нельзя не сказать нѣсколько любезностей. Затѣмъ да за сѣмъ, время летитъ, и наступаетъ минута кончить третью главу. Въ четвертой главѣ, Альфредъ идетъ завтракать въ кафѣ; тамъ его встрѣчаетъ гарсонъ (имя рекъ). Разговоръ. Гарсонъ предлагаетъ сперва одну газету, потомъ другую, третью — Альфредъ отказывается; потомъ Альфредъ начинаетъ спрашивать сперва одну газету, потомъ другую, третью — гарсонъ отвѣчаетъ, что кафѣ этихъ газетъ не получаетъ. Потомъ гарсонъ спрашиваетъ, почему Альфредъ такъ давно не былъ въ кафѣ, на что послѣдній отвѣчаетъ, что получилъ наслѣдство. Но такъ какъ онъ наслѣдства не получалъ, то спѣшитъ переменить разговоръ, и говоритъ, что ѣздилъ въ Москву. На этомъ 4-я глава кончается. Въ пятой главѣ, Альфредъ идетъ на бульваръ. Идетъ и думаетъ: а вѣдь у меня нѣтъ почтовой бумаги — найду и куплю. Но по дорогѣ ему попадается торговка съ фруктами. Сочныя груши, сочная торговка (описание торговкиной груди), а изъ-подъ грушъ выглядываетъ сочный гроздїй винограда. «Экъ тебя разнесло!» думаетъ Альфредъ, смотря не то на торговкину грудь, не то на виноградъ. Ибо и виноградъ своимъ видомъ способенъ пробуждать въ немъ возделѣніе. Альфредъ рѣшается начать съ груши и ѣсть ее, а тѣмъ временемъ ему садится на носъ муха. Пятой главѣ конецъ. Въ шестой главѣ онъ сгоняетъ муху, которая опять садится на то же мѣсто. Это повторяется до трехъ разъ; тогда онъ догадывается, что муху привлекаетъ сокъ груши, и онъ бросаетъ послѣднюю на мостовую. Муха улетаетъ. А между тѣмъ торговка, въ формѣ маленькихъ строчекъ, предлагаетъ ему

то грушу, то персикъ, то фигу, но онъ, на всякій ея вопросъ, отвѣчаетъ односложно: non! Наступаетъ седьмая глава. Альфредъ идетъ на бульваръ, забывши, что онъ хотѣлъ купить почтовой бумаги; вмѣсто того, онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ перчатокъ, и идетъ къ перчаточницѣ. У перчаточницы грудь колесомъ, а поясница — ума помраченье. Онъ вспоминаетъ, что точь въ точь такая же поясница у Селины, но тутъ же спохватывается, что еще утромъ было рѣшено, что онъ никакой Селины никогда не зналъ. «Гдѣ же бы, однако, я эту поясницу видѣлъ?» говоритъ самъ себѣ Альфредъ, и, начиная всматриваться въ перчаточницу, узнаетъ въ ней свою тетку. «Ma tante! quel bonheur!» Седьмая глава кончилась. Въ восьмой главѣ, Альфредъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ. «А помните, ma tante, какъ я разъ подсмотрѣлъ васъ купающуюся въ Марнѣ?» — Молчи, шалунъ! грозитъ ему ma tante и требуетъ, чтобъ онъ пришелъ къ ней обѣдать. Осьмая, девятая, десятая и прочія главы посвящены описанію тетенькиной квартиры, тетенькинова мужа и блюдь, подающихся за обѣдомъ. Тетенькинъ мужъ — арабъ, который служилъ когда-то Абделькадеру, но передался Франціи, полюбилъ Парижъ и женился на тетускѣ. У него одинъ недостатокъ: онъ кусается въ порывѣ страсти; но есть и достоинство: тетуска не имѣетъ отъ него дѣтей. Отъ того-то и поясница у нея въ томъ же видѣ, въ какомъ запомнилъ ее Альфредъ, когда она купалась въ Марнѣ. Еще глава — и Альфредъ идетъ въ театръ, а оттуда — ужинать въ кафѣ. Тамъ онъ совершаетъ адюльтеръ, но тутъ выходитъ нѣчто въ высшей степени непостижимое. Оказывается, что адюльтеръ совершилъ не онъ, а Жюль; а онъ, Альфредъ, ни у тетуски, ни въ театрѣ, ни въ кафѣ не былъ... гдѣ же онъ, однако, былъ? Интересъ возбужденъ въ высшей степени. Первой части конецъ.

Далѣе я разумѣется, не пойду, хотя романъ заключаетъ въ себѣ десять частей, и въ каждой: не меньше сорока главъ. Ни муха, ни торговка, ни перчаточница, ни Селина, въ слѣдующихъ томахъ уже не встрѣтятся. Они были нужны, потому что безъ нихъ невозможно производить строчки, а безъ строчекъ не было бы построчной платы. Реалистъ французскаго пошиба имѣеть то свойство, что онъ никогда не знаетъ, что онъ сейчасъ напишетъ, а знаетъ только, что сколько посидитъ, столько и напишетъ. И никто его обуздать не можетъ; ни обуздать, ни усовѣстить, потому что онъ на всё усо-вѣщиванія отвѣтитъ: я не идеологъ, а реалистъ; я описываю только то, что въ жизни бываетъ. Вижу заборъ — говорю: заборъ; вижу поясицу — говорю: поясица. И при этомъ непремѣнно облаетъ Виктора Гюго, назоветъ его старымъ шутомъ, и т. д.

Но для современнаго буржуа это мельканіе мысли совершенно по плечу. Ему любы литераторы, которые не затрудняютъ его загадками, а излагаютъ только его собственные обыденныя дѣла. Собственно говоря, онъ и читаетъ единственно для того, чтобъ не прослыть неучемъ, и вотъ, на его счастье, нашелся чародѣй, который облегчилъ ему и эту задачу. Этотъ чародѣй пишетъ строки коротенькія, а главы — на манеръ водевильныхъ куплетовъ. Купить буржуа книжку (и цѣна ей — грошъ), принесть ее домой — и самъ радъ, и въ семьѣ всѣ рады. Всѣ отъ рожденія сыты и всѣмъ лестно коротенькихъ строчекъ почитать. А иногда и смѣшные эпизоды встрѣчаются. Пилъ человѣкъ пиво, и залилъ новый жилетъ; или: казалось, что у перчаточницы грудь колесомъ, а, по изслѣдованію, вышло, доска доской. «Вотъ наши общественныя недуги!», восклицаетъ буржуа, и обращаясь къ женѣ, прибавляетъ: «а у тебя, мой другъ, безъ обману!»

Такова вторая стадія современного французскаго реализма; третью представляют произведения порнографіи. Разумѣется, я не буду распространяться здѣсь объ этой литературной профессіи; скажу только, что хотя она довольно рьяно преслѣдуется республиканскимъ правительствомъ, и хотя буржуа хвалить его за эту строгость, но потихоньку все-таки упивается порнографіей до пресыщенія. Особливо, ежели съ картинками.

Убѣдиться въ томъ, что современный властелинъ Франціи (буржуа) — порнографъ до мозга костей, чрезвычайно легко: стѣдуетъ только взглянуть на модные покрои женскихъ одеждъ. Въ этой области, каждый день приноситъ новую обнаженность, и ежели, на примѣръ, сегодня нѣтъ ничего неяснаго подъ мышками, то завтра, навѣрное, такая же ясность постигнетъ какую-нибудь другую разжигающую часть женскаго бюста. Театръ, который всегда былъ глашатаемъ модъ будущаго, можетъ въ этомъ случаѣ послужить отличнѣйшимъ указателемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ вивѣрь-буржуа къ современной женщинѣ, какъ носительницѣ особыхъ примѣтъ, знаменующихъ полъ. Дѣйствительно, въ парижскихъ бульварныхъ театрахъ покрой женскихъ костюмовъ до такой степени приблизился къ идеѣ скульптурности, что ни одинъ гусарскій вахмистръ, навѣрное, не мечталъ о рейтузахъ, равносильныхъ, по выразительности, тѣмъ, которые охватываютъ нижнюю часть туловища m-lle Myeris въ «*Pillules du diable*». И надо видѣть, какъ буржуа, весь въ мылѣ и тяжко сопя, ловить глазами каждое движеніе этихъ рейтузъ!

Сами французы жалуются, что старинная французская *causerie* постепенно исчезаетъ. И точно: салоновъ, въ которыхъ маркиза разыгрывала бы «провербы», а маркизь, въ умѣренныхъ размѣрахъ, предавался бы фрондерству и кощунству, въ настоящее время въ Па-

рижѣ нѣтъ и въ поминѣ. Ихъ замѣнили клубы (но не clubs, а cercles, такъ какъ по французски club означаетъ нѣчто равносильное тому, что у насъ разумѣется подъ названіемъ обществъ, составляемыхъ съ цѣлью ниспроверженія и т. д.), въ которыхъ господствуетъ игра, и cabinets particuliers, въ которыхъ господствуетъ обжорство и адюльтеръ. Да и мудрено требовать разговора отъ людей, у которыхъ нѣтъ никакихъ словъ въ запасѣ, а имѣются только произвольныя движенія, направляемыя съ цѣлью неспроверженія женскихъ туалетовъ. Представить ихъ себѣ разыгрывающими проверки — все равно, что ждать отъ бывшего крѣпостного владыки утонченныхъ манеръ относительно дѣвки Палашки, или отъ желѣзнодорожнаго хлыща, упомянутого мной во 2-й главѣ настоящихъ этюдовъ, — кроткаго обращенія съ дѣвицей Альфонсинкой. Все, что буржуа можетъ, — это, подобно послѣднему, «изуродовать» Альфонсинку, или, въ добрую минуту, дать ей по спинѣ «разà».

И, впрочемъ, не держусь мнѣнія, чтобъ слѣдовало жалѣть о пресловутыхъ французскихъ causeries. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, онѣ сдѣлали свое дѣло, ознаменовавъ начало умственнаго возрожденія, и давъ міру Вольтеровъ, Дидро, Гольбаховъ и проч. Но какъ только «возрожденіе» встрѣтилось съ 1789 годомъ, такъ тотчасъ же causeries утратили фрондерско-кошунственный характеръ и просто на просто превратились въ высшую школу поскудства. Впрочемъ, и доселѣ обрашники этихъ causeries, отъ времени до времени, появляются на сценѣ французскихъ комедій въ формѣ «proverbes», въ которыхъ дѣвица Круазеттъ показываетъ свои наливныя плечи и поражаетъ великолѣпіемъ туалетовъ. Но, несмотря на привлекательность этихъ приманокъ, современные «провербы» точно такъ же мало

удовлетворили бы козёра восемнадцатаго вѣка, какъ мало удовлетворяють онѣ и буржуа-вивёра нашихъ временъ. Первый нашель бы ихъ черезчуръ однообразными и не встрѣтилъ бы въ нихъ ни аттической соли, ни элемента возрожденія; второй говоритъ прямо: вѣдь все равно развязка будетъ въ cabinet particulier, такъ изъ-за чего же ты всю эту музыку завела?

Не объ этомъ надо жалѣть, а о томъ горѣнии мысли, которое, въ теченіи слишкомъ полустолѣтія, согрѣвало не только Францію, но, чрезъ ея посредство, и міръ. Но пришелъ бандитъ, и, не долго думая, взялъ да и погасилъ огонь мысли. Онъ ничего не страшился, ни современниковъ, ни потомковъ, и съ одинаковымъ неразумѣніемъ накладывалъ гасильникъ и на отдѣльныя человѣческія жизни, и на общее теченіе ея. Успѣхъ такого рода изверговъ — одна изъ ужаснѣйшихъ тайнъ исторіи; но разъ эта тайна прокралась въ міръ, все существующее, конкретное и отвлеченное, реальное и фантастическое — все покоряется гнету ея.

И вотъ, въ результатѣ — республика безъ республиканцевъ, съ сытыми буржуа во главѣ, въ тылу и во флангахъ; съ скульптурно обнаженными женщинами, съ порнографическою литературой, съ изобиліемъ провизіи и bijoux, и съ безчисленнымъ множествомъ cabinet particuliers, въ которыхъ денно и ноцно слагаются гимны адюльтеру. Конечно, все это было заведено еще при бандитѣ, но для чего понадобилось и держится доднѣсь? Держится упорно, несмотря на одну великую, двѣ среднихъ и одну малую революціи.

На это возражаютъ, что за республикой остается одно капитальное и неотъемлемое приобрѣтеніе: suffrage universel. Конечно, противъ этого ничего сказать нельзя даже у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Но, во-первыхъ suffrage universel существовалъ и во времена бандита,

и неизмѣнно отвѣчалъ «да», когда послѣдній этого желалъ. Во-вторыхъ, вѣдь и теперь продукты *suffrage universel*, засѣдающіе въ палатахъ, едва ли многимъ отличаются отъ продуктовъ *suffrage rѣstreint*, которыми щеголяли *chambres introuvables* временъ Карла X и Луи-Филиппа. Это тоже тайна исторіи, и, конечно, не изъ утѣшительныхъ.

И еще говорятъ, что въ послѣднее время въ Парижѣ уже начинается движеніе, имѣющее положить конецъ владычеству буржуазіи. Дѣйствительно, рабочіе кварталы, съ осуществленіемъ амнистіи, какъ будто оживились, но размѣры движенія еще такъ ничтожны, что ни цѣли его, ни темпераментъ, ни шансы на успѣхъ — ничто не выяснилось. Покуда имѣются въ виду только страшныя слова, которыя, впрочемъ, не производятъ особеннаго впечатлѣнія, потому, что за ними не слышится той жизненности и страстности, которыя однѣ могутъ дать начало дѣйствительному движенію.

P.-S. Въ ту самую минуту, когда я дописываю настоящія строки, со стѣнъ петропавловской крѣпости раздается пушечная пальба, возвѣщающая, что Галлы изгнаны. Но какъ, однакожь, это давно было!

25-го декабря, 1880 года.

V.

Въ предыдущей главѣ, я говорилъ, что въ Парижѣ и одинокому человѣку, безъ связей и знакомствъ, трудно пропасть со скуки. Но, разумѣется, въ подходящей компаніи еще веселѣе. Хорошо и одному пообѣдать у Биньона или у Маньѣ, но вдвоемъ, втроемъ проштудировать приличествующій обѣденный меню — куда лучше.

Въ особенности, слаще ѣтся и пьется, живѣе чувствуются всякія скульптурности — въ обществѣ соотечественниковъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Никто такъ благовременно не щелкнетъ языкомъ, никто такъ цѣлесообразно не посмотритъ на свѣтъ сквозь вино, такъ умно не вздохнетъ ноздрями, такъ сладостно не зажмуритъ глаза, такъ вкусно не захлебнется собственной слюною, какъ соотечественникъ. Обжоры и gourmets всѣхъ странъ и національностей продѣлываютъ всѣ эти движенія; но только соотечественникъ выполнить это такъ, что у земляка все нутро разыграетъ. Все тутъ скажется: и писанная исторія, и устные преданія, и педагогическія особенности, и институтъ урядниковъ, и внутренняя политика, и «не бѣлы снѣги»... Да, *не бѣлы снѣги*, и даже по преимуществу. Ыдите вы *sôle au vin*

blanc, а въ ушахъ раздается «колокольчикъ, даръ Валдая», а въ глазахъ стелется безконечная снѣговая степь. И въ довершеніе, среди захлебываній, вдыханій и шелканій, вдругъ вырвется слово... ахъ, какое слово! Клянусь, оригинальнѣе этой приправы представить себѣ ничего нельзя!

Съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, вынесенными изъ «*Pillules du diable*»? на чей груди излить тревогу чувствъ, взволнованныхъ чтеніемъ послѣдняго номера «*Avènement parisien*»? кому рассказать: вотъ, батюшка, я давеча въ *musée Cluny* инструментикъ, придуманный средневѣковыми рыцарями для охраненія супружеской вѣрности, видѣлъ — вотъ такъ штука! Разумѣется, все ему, все соотечественнику! Кто, кромѣ соотечественника, приметъ къ сердцу эти впечатлѣнія, тревоги и рассказы? Кто, какъ не онъ, ощутитъ именно *то*, что вы сами ощущаете? Кто сдѣлаетъ именно *такую* оцѣнку, какую вы сами дѣлаете?

А потомъ и еще: формы правленія, внѣшняя и внутренняя политики, начальство, военныя и морскія силы, религія, Богъ, — съ кѣмъ обо всемъ этомъ по душѣ поговорить? Кто, кромѣ соотечественника, пойметъ тѣ образныя уподобленія, тѣ внезапные переходы и умозаключенія, которыя могутъ быть объяснены только интимнымъ міросозерцаніемъ, свойственнымъ той или другой національности? Кто съ бѣльшею выпуклостью, такъ сказать, при помощи собственныхъ боковъ, пуститъ въ ходъ сравнительный методъ, который, въ дѣлѣ оцѣнки формъ общежитія, представляетъ самое вѣское и убѣдительное доказательство?

Словомъ сказать, въ обществѣ соотечественника, всякое ощущеніе пріобрѣтаетъ двойную и тройную цѣну, всякое удовольствіе возвышается до степени наслажденія.

Но ежели высказанныя сейчасъ замѣчанія вѣрны относительно скитальцевъ вообще, то относительно русскихъ скитальцевъ изъ породы культурныхъ людей они представляютъ сугубо-непреложную истину. Попробую объяснить здѣсь причины, обусловливающія это явленіе.

Во-первыхъ, въ цѣломъ мірѣ не найдется людей столь общительныхъ, какъ русскіе. Ошибочно утверждаютъ, будто бы на родинѣ намъ предоставлено молчать. Совсѣмъ напротивъ. Молчаніе считается у насъ равносильнымъ угрюмости, угрюмость же равносильною злоумышленію; стало быть, ни для кого нѣтъ расчета добиваться отъ насъ молчанія, и торжествовать по его поводу. Не молчать предоставляется намъ, а только говорить ну-стяки — вотъ въ чемъ состоитъ наша внутренняя политика. Что же касается до того, будто бы легкость, съ которою мы, по самому ничтожному поводу, призываемся къ отвѣту, заставляетъ насъ быть осторожными, то и это справедливо лишь отчасти. Несомнѣнно, что вся наша жизнь есть всеминутное предъявленіе чувствъ и помысленій на зависящее распоряженіе; несомнѣнно также, что въ оцѣнкѣ этихъ чувствъ и помысленій принимаютъ участіе даже урядники, что придаетъ оцѣнкѣ черезчуръ ужь общественный характеръ. Но перспектива всеминутнаго отвѣчанія отнюдь не вызываетъ въ насъ чувства отвѣтственности, а только погружаетъ въ массу отупѣнія и опалѣлости. Ибо отвѣтственность, низведенная до урядника, точно такъ же равняется безотвѣтственности, какъ необезпеченность, доведенная до лебеды, равняется обезпеченности.

Конечно, все это сообщаетъ нашему существованію довольно острый характеръ случайности, но ни мало не обуздываетъ нашей общительности. И это вполне объяснимо. Когда человѣкъ, заноса ногу, чтобъ сдѣлать шагъ впередъ, заранѣе знаетъ, что эта нога станетъ на

твердомъ мѣстѣ, а не попадетъ въ дыру и не увлечетъ туда своего обладателя, то для воображенія его не представляется никакой роли. Напротивъ, ежели человѣкъ не знаетъ, что именно означаетъ разстилающаяся передъ нимъ мурава, то воображеніе его естественнымъ образомъ раздражается. Съ одной стороны, его обуреваютъ страхъ быть поглощеннымъ бездною, съ другой—ласкаетъ надежда какъ-нибудь обойти ее. Развѣ возможно оставить эти чувства нераздѣленными? Но, кромѣ того, вѣчно живя подъ страхомъ провалиться сквозь землю, развѣ можно удержаться, чтобъ не пожаловаться! Да, наконецъ, вѣдь оно и смѣшно. И въ другихъ странахъ существуютъ чины, подобные урядникамъ, однако, никто объ нихъ не думаетъ, а у насъ, поди, какой переполохъ они произвели? какъ же не изложить всенародно, въ шутовомъ русскомъ тонѣ, ту массу пустяковъ, которую вызвала эта паника въ сердцахъ нашихъ?

Во-вторыхъ, вся жизнь русскаго «скитальца» есть сплошной досугъ, который могъ бы развиваться въ безграничную тоску, еслибъ не принималось мѣръ къ его наполненію. Праздность приводитъ за собою боязнь одиночества, потому что послѣднее возбуждаетъ работу мысли, которая, въ свою очередь, вызываетъ наружу очень горькія и, въ добавокъ, вполне безплодныя разоблаченія. Въ ряду этихъ разоблаченій особенно яркую роль играетъ сознание, что у него, скитальца, ни дома, ни на чужбинѣ, словомъ сказать, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни личнаго, ни общественнаго дѣла. Такія разоблаченія могутъ измучить, и хотя я не говорю, чтобъ на всѣхъ одинаково лежала печать подобныхъ нравственныхъ страданій, но думаю, что, въ скрытомъ видѣ, даже въ отъявленномъ шалонаѣ, отъ времени до времени, шевелится смутное ощущеніе неклеяности и безцѣльности жизни. Поэтому, чтобъ избавиться отъ гнетущаго ропота необ-

ходимо прежде всего уйти от одиночества, и устроить существованіе такимъ образомъ, чтобъ досугъ былъ какъ можно больше раздѣленъ. Дѣла это достигается довольно легко съ помощью игры въ винтъ, юридическихъ рефератовъ о силѣ земской давности, блудныхъ разговоровъ объ увѣнчаніи зданія и т. д.; но за-границей — труднѣе. Западный человѣкъ сознаетъ за собой и личное, и общественное дѣло, такъ что у него совсѣмъ нѣтъ времени для собесѣдовательнаго празднословія. Разумѣется, человѣкъ со средствами и тутъ можетъ вывернуться, т. е. нанять собесѣдника, который ни на минуту не дастъ ему опомниться. Однакожь, и это дѣло рискованное, во-первыхъ, потому, что наемникъ, навѣрное, будетъ лгать, во-вторыхъ, потому, что онъ, сверхъ того, можетъ и обокрасть. Поди потомъ судись съ нимъ въ *police suggestionnelle*.

Русскіе знаютъ это, и потому всегда находятся въ поискахъ за соотечественниками. Этимъ объясняется и легкость, съ которою русскіе сходятся между собою за-границей, и тѣ укеры, которые они впослѣдствіи адресуютъ самимъ себѣ по поводу своихъ заграничныхъ связей. «И мнѣ нѣчего дѣлать, и тебѣ нѣчего дѣлать» — вотъ первое основаніе для сближенія. Затѣмъ слѣдуютъ проэкты о томъ, какъ ловчѣе вмѣстѣ убивать бесполезное время, переходя отъ Биньона къ Вуазену, отъ Вуазена къ Вашетту и такъ далѣе безъ конца. И начнется у нихъ тутъ цѣлодневное метаніе изъ улицы въ улицу, съ бульвара на бульваръ, и потянется тотъ неясный замоскворѣцкій разговоръ, въ которомъ ни одно слово не произносится въ прямомъ смыслѣ, и ни одна мысль не можетъ быть усвоена безъ помощи образа...

Въ-третьихъ, никто такъ не любитъ посквернословить, — и именно въ ущербъ родному начальству — какъ русскій культурный человѣкъ. Западный человѣкъ

рѣшительно не понимаетъ этой потребности. Онъ можетъ сознавать, что въ его отечествѣ дѣла идутъ не удовлетворительно, но, въ то же время, понимаетъ, что эта неудовлетворительность устраняется не сквернословіемъ, а прямымъ возраженіемъ, на которое уполномочиваетъ его и законъ. Мы, русскіе, никакихъ уполномочій не имѣемъ, и потому замѣняемъ ихъ сквернословіемъ. Въ какой мѣрѣ наша критическая система полезнѣе западной — этого я разбирать не буду, но могу сказать одно: ничего изъ нашего сквернословія никогда не выходило. Мы сквернословны, но отходчивы. Иногда такое слово въ догонку пустимъ, которое цѣлый эскадронъ съ ногъ сшибетъ, и тутъ же, сряду, шутки шутить начнемъ. Начальство знаетъ это, и снисходитъ. Да и нельзя не снисзойти, такъ какъ въ противномъ случаѣ, всѣхъ бы насъ на каторгу пришлось сослать, и тогда нѣкому было бы объявлять предписанія, нѣкого было бы, за невосполненіе тѣхъ предписаній, усмирять. Во всякомъ случаѣ, и по части сквернословія, у русскаго человѣка собесѣдникомъ можетъ быть только такой же русскій же человѣкъ. Вотъ почему съ такою чуткостью русскіе слѣдятъ за всякимъ словомъ, сказаннымъ по русски на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ,

— Такъ вы русскій? да вы слышали-ли, у насъ-то чтò дѣлается? нѣтъ, вы послушайте...

Въ-четвертыхъ, никто такъ страстно не любитъ своей родины, какъ русскій человѣкъ. Послѣ того, чтò сейчасъ высказано мною по поводу сквернословія, можетъ показаться странною эта ссылка на любовь къ родинѣ, но, въ дѣйствительности, она не подлежитъ сомнѣнію. Разумѣется, я не говорю здѣсь о графѣ Твэрдоонтѣ, который едва-ли даже понимаетъ значеніе слова «родина», но средній русскій «скиталецъ» не только страстно любить Россію, а положительно носитъ ее съ собою вездѣ,

куда бы ни забросила его капризомъ судьба. Вездѣ онъ чувствуетъ себя въ какомъ-то необычномъ положеніи, вездѣ онъ недоумѣваетъ, куда жъ это ежовья-то рукавицы дѣвались? и вездѣ у него сердце болитъ. Болитъ не потому, чтобъ ежовья рукавицы оставили въ его умѣ неизгладимо-благодарныя воспоминанія, а потому, что вслѣдъ за вопросомъ о томъ, куда дѣвались эти рукавицы, въ его умѣ возникаетъ и другой вопросъ: да полно, нужны-ли онѣ? Ахъ, бѣдныя, бѣдныя!

И вдругъ какая-то колючая жалость такъ и хлынетъ во всѣ фибры существа. Именно бѣдныя! Вездѣ мальчигъ въ штанахъ, а у насъ безъ штановъ; вездѣ изобиліе, а у насъ — не бѣлы снѣги; вездѣ резонъ, а у насъ — фюитъ! Вездѣ люди настоящія слова говорятъ, а мы и поднѣсь на езоповскихъ притчахъ сидимъ; вездѣ люди заправскою жизнью живутъ, а у насъ приспособляются. А потомъ и то еще приходитъ на умъ: Россія страна земледѣльческая и ужъ какъ-то черезъ-чуръ континентальная. Растянулась она неуклюже, натуральныхъ границъ не имѣетъ; рѣкъ мало, да и тѣ текутъ въ какія-то сомнительныя моря. Ахъ бѣдныя, бѣдныя!

Всегда эта страна представляла собой грудъ, о которую разбивались удары исторіи. Вынесла она и удѣльную поножовщину, и татарщину, и московскіе идеалы государственности, и петербургское просвѣтительное озорство и закрѣпощеніе. Все выстрадала и, за всѣмъ тѣмъ, осталась загадочною, не выработавъ самостоятельныхъ формъ общежитія. А между тѣмъ, самый поверхностный взглядъ на карту удостовѣряетъ, что безъ этихъ формъ въ будущемъ предстоитъ только мучительное умираніе...

Въ качествѣ русскаго, я поступаю совершенно такъ, какъ и всѣ русскіе. То-есть, приѣзжая даже въ Парижъ, имѣю въ виду главное: какъ можно скорѣе сойтись съ

соотечественниками. И до сихъ поръ это мнѣ удавалось. Во-первыхъ, потому, что я посѣщаль Парижъ весною и осенью, когда туда наѣзжаетъ непроглядная масса русскихихъ, и, во-вторыхъ, потому, что я всегда устраивался найдешевѣйшимъ способомъ: или въ *maison meublée*, или въ такомъ отельчикѣ, противъ котораго у Бедекера звѣздочки нѣтъ. Приѣдешь и вступишь съ хозяйкою («хозяинъ» въ такого рода заведеніяхъ предпочитаетъ сибаритствовать (ежели онъ «Альфонсъ»), или живетъ подъ башмакомъ и ведетъ книги) въ переговоры:

— Есть у васъ русскіе?

— Oh! monsieur! mais la maison en est remplie! Il y a le prince et la princesse de Blingloff au premier, m-r de Blagouine, négociant, au troisième, m-r de Stroumsisloff, professeur, au quatrième. De manière que si vous vous installez dans l'appartement du deuxième, vous serez juste au centre.

Таковъ былъ прошлою осенью составъ русской колоніи въ одномъ изъ *maisons meublées*, въ окрестностяхъ *place de la Madeleine*. Впослѣдствіи оказалось, что *le prince de Blingloff*—петербургскій адвокатъ Боли-голова; *la princesse de Blingloff*—Марія Петровна отъ Пяти Угловъ; *m-r Blagouine*—краснохолмскій купецъ Блохинъ, торгующій яичнымъ товаромъ; *m-r Stroumsisloff*—старшій учитель латинскаго языка навозненской гимназіи Старосмысловъ, бѣжавшій въ Парижъ отъ лица пампадура Пафнутьева.

Конечно, я ни минуты не колебался и черезъ полчаса уже распоряжался въ предоставленныхъ мнѣ двухъ комнатахъ. Зато, можете себѣ представить, какъ взыграло мое сердце, когда, черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, выйдя на площадку лѣстницы, я услышалъ родные звуки:

Голосъ съ верху. Матрена Ивановна! ползешь, что-ли?

Голосъ со дна. Ахъ, ужь такъ-то я нынче взопрѣла! такъ взопрѣла, что, кажется, хоть выжми!

Голосъ Матрены Ивановны вдругъ осѣкся; она поровнялась со вторымъ этажемъ и замѣтила меня.

— Русскіе? обратилась она ко мнѣ.

— Русскій-съ.

— Ну, вотъ. А я-то распѣлась! Не взыщите ужь, здѣлайте милость! Все думается французъ кругомъ, не понимаетъ по нашему. Анъ русскій.

— Матрена Ивановна! Машина готова! раздалось опять сверху.

Чайку попить собрались! добродушно пояснила она мнѣ, взбираясь наверхъ.

«Чайку попить!» — такъ все нутро и загорѣлось во мнѣ! Съ калачикомъ! да потомъ щець бы горяченькихъ, да съ пирожкомъ подовенькимъ! Словомъ сказать, благодаря наплыву родныхъ воспоминаній, дня черезъ два я былъ уже знакомъ и съ третьимъ и съ четвертымъ этажами.

Не дождался ни рекомендаціи, ни случая, просто пошелъ и отрекомендовалъ самъ себя. Прежде всего направился къ Старосмыслову. Стучу въ дверь — нѣтъ отвѣта. А между тѣмъ, за дверью слышатся осторожные шаги, тихій шопоть. Стучусь еще.

— Захаръ Иванычъ! вы?

— Нѣтъ, не Захаръ Иванычъ.

Голосъ смолкъ; послышался шорохъ удаляющихся шаговъ; затѣмъ опять ходьба, шуршанье бумагами. Наконецъ, дверь отворилась и въ ней показался блѣдный и отошальный человѣкъ съ встревоженнымъ лицомъ. Въ боковыхъ дверяхъ, ведущихъ въ сосѣдную комнату, мелькнулъ конецъ удаляющагося черного платья.

Я назвалъ себя.

— А! ну, вотъ... вчера, что-ли, приѣхали? бормоталь онъ сконфуженно: — а я было... ну, очень радъ! очень радъ! Садитесь! садитесь! чтò, какъ у насъ... въ Россіи? Цвѣтетъ и благоухаетъ... а? Объ господинѣ Пафнутьевѣ не знаете-ли чего?

Онъ торопливо жаль мою руку и, казалось, съ большимъ трудомъ успокоивался.

— Слышать-то слыхаль, да что вамъ вдругъ Пафнутьевъ на умъ пришелъ?

— Пафнутьевъ-то! ахъ! да вы знаете-ли, что я чуть было одно время съ ума отъ него не сошелъ!.. Представьте себѣ: въ Пинегу-съ! Каково вамъ это покажется... Въ Пинегу-съ!

— Конечно, въ Пинегу... еще бы! Но здѣсь-то, въ Парижѣ, можно бы, кажется, и позабыть объ господинѣ Пафнутьевѣ.

— Здѣсь-то-съ? а вы знаете-ли, чтò такое... *здѣсь?* *Здѣсь!!* Стоитъ только шепнуть: вотъ, моль, русскій нигилистъ — сейчасъ это менетки на руки, арестантскій вагонъ, и маршъ на востокъ, въ deutsch Avricourt! Это... *здѣсь-съ!* А въ deutsch Avricourt'ѣ другія менетки, другой вагонъ, и маршъ... въ Вержболово! Вотъ оно... *здѣсь!* Только у нихъ это не экстрадиціей называется, а экспюльсированіемъ... Для собственныхъ, моль, потребностей единой и нераздѣльной французской республики!

— Послушайте, однакожь! Вы что-то такое странное говорите. Я полагаю, что Гамбетта...

— Гамбетта-съ! Да вѣдь это, батюшка, тоже въ своемъ родѣ Пафнутьевъ! Сдѣлайте милость! Назначь-ко его у насъ исправникомъ, онъ вамъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ... да!

— А я такъ, напротивъ, думаю, что онъ былъ бы отличнымъ исправникомъ. И совсѣмъ не въ смыслѣ по-

казыванія раковъ, а именно въ качествѣ умнаго и просвѣщеннаго исполнителя предначертаній. У него бы эти революціи... да-съ, господа! аттанде-съ! Онъ самъ былъ онымъ! Онъ и входы, и проходы, и выходы — все самолично проникъ! Не знаю, каковъ изъ него выйдетъ президентъ республики, но исправникъ... Вотъ нашъ соломенскій исправникъ Колпаковъ, тотъ, какъ исправникъ, никуда не годится, — помилуйте! весь уѣздъ распустилъ! — а какъ президентъ республики, вѣроятнѣе, былъ бы неощнимъ!

— Ну, что ужъ! Нѣтъ, вы только представьте себѣ.. въ Пинегу!! Есть такой городъ? а?

Онъ даже закружился отъ боли при этомъ воспоминаніи.

— Это все Екатерина II! крикнулъ онъ почти восторженно. — Она этихъ городовъ понастроила... для господъ Пафнутьевыхъ!

— Да, но, вѣроятно, она не имѣла въ виду, что ея мѣропріятія послужатъ на пользу только для господъ Пафнутьевыхъ...

— Не имѣла въ виду! развѣ это резонъ? У насъ, батюшка, все нужно имѣть въ виду! И все на самый худой конецъ! Нѣтъ, да вы, сдѣлайте милость, представьте себѣ... вѣдь подорожная была ужъ готова... въ Пинегу!! Вѣдь въ этой Пинегѣ, сказываютъ, даже сѣмга не живетъ!

— Сѣмга — это въ Мезени.

— Но какое разнузданное и отчасти и распутное воображеніе нужно имѣть, чтобъ выбрать... Пинегу!

— Дѣйствительно... Говорятъ, правда, будто бы и еще хуже бываетъ, но въ своемъ родѣ и Пинега... Знаете-ли что? вотъ мы теперь въ Парижѣ благодушествуемъ, а какъ вспомню я объ этихъ Пинегахъ, да Колахъ — такъ меня и начнетъ всего колотить! Помо-

луйте! какъ тутъ на Венеру Милосскую смотрѣть, когда передъ глазами мечется Верхоянскъ... понимаете... Верхоянскъ?! А впрочемъ, чтѣжь я! Говорю, а главнаго-то и не знаю: за чтѣжь это васъ?

— Вотъ-вотъ-вотъ. Былъ я, какъ вамъ извѣстно, старшимъ учителемъ латинскаго языка въ гимназіи — и вдругъ это наболѣло во мнѣ... Все страсти, да страсти видишь... Одинъ пропалъ, другой исчезъ... Начитался, знаете, Тацита, да и задалъ дѣтямъ, для перевода съ русскаго на латинскій, періодъ: «Время, нами переживаемое, столь бесполезно-жестоко, что потомки съ трудомъ повѣрятъ существованію такой человѣческой расы, которая могла оное переносить!»

— Ахъ! невольно вырвалось у меня.

— Да? Ну, и прекрасно... Дѣйствительно, я... ну, допустимъ! Согласитесь, однакожь, что можно было придумать и другое что-нибудь... Ну, пригрозить, обругать, что-ли... А то: Пинега!! Да еще съ прибаутками: морожку собирать, тюленей ловить... а? И это ад-ми-ни-стра-торы!! Да ежели вамъ интересно, такъ я ужъ лучше все попорядку расскажу!

Но въ эту минуту, дверь сосѣдней комнаты отворилась и оттуда появилась м-ше Старосмылова. Это была маленькая особа, очень живая и дѣлавшая надъ собою видимыя усилія, чтобъ показать, что она не раздѣляетъ уныній своего мужа. Наружность она имѣла не особенно выдающуюся, но симпатичную, свидѣтельствующую о подвижной и дѣятельной натурѣ. Словомъ сказать, при взглядѣ на Старосмылова и его подругу, какъ-то невольно приходило на умъ: вотъ человѣкъ, который жилъ, да поживалъ подъ сѣнію Кронебергова лексикона, начиненный Евтропиемъ и баснями Федра, какъ вдругъ въ его жизнь, въ видѣ маленькой женщины, втерлось какое-то неугомонное начало и принялось выбрасывать

за бортъ одну басню за другой. Тутъ-то вотъ и сочинился самъ собой періодъ отъ словъ: «время, которое мы переживаемъ», до словъ: «оное переносить», включительно. А изъ періода, въ видѣ естественнаго привѣса, явилась — Пинега!!

— Ѳедоръ Сергѣичъ, вѣроятно, вамъ на судьбу жалуется? обратилась она ко мнѣ послѣ взаимныхъ представлений: — и охота, право! Забыть надо, а онъ себя все пуще, да пуще раздражаетъ. Кончилось вѣдь?

— Кончилось-ли оно — это еще бабушка на двое сказала! да и не въ этомъ дѣло: фактъ-то, фактъ-то какой! Фраза... ну, положимъ, пустая! ну, вредная, что-ли! Но какимъ же образомъ изъ фразы вдругъ выскочила... Пинега?! оправдывался Старосмысловъ.

— Но вѣдь мы не въ Пинегѣ, а въ Парижѣ!

— Позвольте, Капитолина Егоровна, вступился я: — вашъ мужъ началъ рассказывать... Конечно, Пинега, сама по себѣ взятая, есть лишь административный терминъ, настолько вошедшій въ нашъ административный обиходъ, что немногіе администраторы въ состояніи понять всю жестокость его. Я лично зналъ на своемъ вѣку одного администратора, который въ полюсы не вѣрилъ и для котораго, поэтому, все города были равны. Вотъ онъ и говоритъ, бывало: ты ступай въ Пинегу, ты — въ Пустозерскъ, а ты — въ Верхоянскъ! Но Пинега, превратившаяся въ Парижъ — это что-то ужъ чрезвычайное! Ѳедоръ Сергѣичъ! объясните, сдѣлайте милость!

— Да-съ, такъ вотъ сидимъ мы однажды съ дѣточками въ классѣ и переводимъ: «время, нами переживаемое»... И вдругъ — инспекторъ-съ. Посидѣлъ, послушалъ. А я вотъ этой случайности-то и не предвидѣлъ-съ. Только прихожу послѣ урока домой, сѣлъ обѣдать — смотрю: пакетъ! Пожалуйте! Являюсь. «Вы въ Пинегѣ бывали?» — Не бывалъ-съ. «Такъ вотъ позна-

комьтесъ». Я было туда-сюда: за что? «Такъ вы не знаете? Это мнѣ нравится! Онъ... не знаетъ! Стыдитесь, сударь! не увеличивайте вашей вины нераскаянностью!»

Старосмысловъ остановился и смотрѣлъ на меня въ упоръ, тяжело дыша.

— Понимаете... точно сонъ! вымолвилъ онъ задвленнымъ голосомъ.

— Ахъ голубчикъ! ты видишь, какъ это волнуешь тебя! съ участіемъ вступилась Капитолина Егоровна: — лучше бы ужъ ты мнѣ предоставилъ рассказать!

— Нѣтъ, это только я могу рассказать... я! Кто самъ испыталъ это впечатлѣніе, только тотъ и можетъ его передать!

Послѣдовало нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Но какъ же вы вмѣсто Пинеги, въ Парижѣ очутились? продолжалъ настаивать я.

— И опять словно во снѣ. Ужъ совсѣмъ-было ѣхать въ Пинегу собрался, да вдругъ случайно... вотъ она напомнила, что лѣтъ пять тому назадъ, давалъ я уроки сыну одного власть имѣющаго лица. Ну, думаю: послѣднее средство... Посылаю телеграмму-съ... Смотрю, на другой день — тихо, на третій — опять тихо. А черезъ недѣлю вызываетъ меня ужъ мой собственный начальникъ: «Знаете-ли вы, говорить, правило: *Tolle me, tu, mi, mis, si declinare domus vis?*..» — Знаю, ваше превосходительство! «Такъ вотъ, говорить, намъ необходимо удостовѣриться, вездѣ-ли въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ это правило въ такой же силѣ соблюдается, какъ у насъ... Извольте получить паспортъ!

Старосмысловъ опять остановился, какъ бы вопрошая, какъ я объ этомъ полагаю. Но рассказъ этотъ до того спуталъ всѣ мои расчеты, что я долгое время ровно ничего не могъ полагать. И вдругъ у меня въ головѣ сверкнула мысль:

— А прогоны и порціонныя вамъ выдали?

Старосмысловъ недоумѣло взглянулъ на меня: очевидно, онъ никакъ этого вопроса не ожидалъ.

— Ну... что ужъ! какъ-то уныло отозвался онъ. Однако, я подмѣтилъ, что въ самой унылости его уже блеснула какъ бы надежда.

— Нѣтъ, вы этого не говорите! ободрить я его: — я согласенъ, что рассказъ вашъ походить на сновидѣніе, но, съ другой стороны, какое же русское сновидѣніе обходится безъ прогоновъ и порціоновъ?

— Такъ-то, такъ...

Старосмысловъ задумался, и вдругъ — хихикнулъ! Разумѣется, я воспользовался этимъ поворотомъ, чтобъ еще болѣе утвердить его на этомъ пути.

— Нѣтъ, Ѳедоръ Сергѣичъ! вы этого не оставляйте! вы подумайте объ этомъ! повторилъ я.

— А что ты думаешь, Капочка! отозвался онъ уже весело: — вѣдь это въ своемъ родѣ...

Капитолина Егоровна только потихоньку засмѣялась въ отвѣтъ. Она не рѣшилась прямо открыться, но мое предположеніе, очевидно, разогрѣло и ее.

— По моему мнѣнію, и откладывать нѣчего, настаивать я: — самое лучшее, сейчасъ же берите листъ бумаги и пишите: «Просить... а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты... *Первое*: былъ, дескать, я тогда-то командированъ съ ученою цѣлью, но распоряженія объ отпускѣ прогонныхъ денегъ, по упущенію, не сдѣлано. *Второе*: а, такъ какъ, молъ, для вящшаго успѣха возложеннаго на меня порученія»... Вотъ только порученіе-то какое-то странное на васъ возложили! *Tolle me, mi, mi, mi...* согласитесь, что это даже для сновидѣнія нѣсколько рискованно!.. Вотъ еслибъ вамъ поручили изучить и описать мундиры, присвоенные учителямъ латинскаго языка, или, напримѣръ, собственными глазами удост-

вѣрится, къ какому классу эти учителя причислены по должности и по пенсіи... и притомъ, въ цѣломъ мірѣ! А то подумайте: *Tolle me, tu, mi, mis* — на что похоже! И какъ это вы въ ту пору не догадались!

— Помилуйте! до догадокъ-ли мнѣ было! я, какъ опалѣлый, бѣгалъ, денегъ искалъ...

— Ну, такъ вы вотъ что сдѣлайте. Напишите все по пунктамъ, какъ я вамъ сказалъ, да и присокупите, что, кромѣ возложеннаго на васъ порученія, надѣетесь еще то-то и то-то выполнить. Это, дескать, ужь въ знакъ признательности. А въ заключеніе: «и дабы повелѣно было сіе мое прошеніе»...

— И вы полагаете, дадутъ?

— Не только полагаю, но совершенно утвердительно говорю: не могутъ не дать. Вотъ еслибъ вы, при врученіи паспорта, попросили — ну, тогда, можетъ быть, вамъ сказали бы: а въ такомъ случаѣ, не угодно-ли вамъ получить подорожную въ Пинегу? Но теперь... теперь, батюшка, ваше дѣло вѣрное! Человѣкъ вы легальный и командированы на законномъ основаніи; а коль скоро все произошло на законномъ основаніи, слѣдовательно, вы имѣете право воспользоваться и всѣми естественными послѣдствіями этой законности. Вы уже теперь даже не Старосмысловъ, а просто Х., безъ выдачи прогонныхъ денегъ которому дѣло въ архивъ сдать нельзя.

— А чтò вы думаете! вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!

— До такой степени «въ самомъ дѣлѣ», что, даже въ эту самую минуту, я убѣжденъ, самъ столоначальникъ, у котораго ваше дѣло въ производствѣ, тоскуетъ о томъ, какую бы формулу придумать, чтобъ вамъ прогоны всучить! А тутъ вы какъ разъ съ прошеніемъ: вотъ онъ я! Кавитолина Егоровна! да поддержите же вы меня!

— Что-жь, попробуй, мой другъ! томно отозвалась Капитолина Егоровна.

Такъ мы и сдѣлали. вмѣстѣ сочинили прошеніе, которое онъ зарукоприкладствовалъ и сейчасъ же отправилъ съ надписью *récommandé*. Признаюсь, я съ особенной любовью настаивалъ, чтобъ прошеніе было по пунктамъ и написано, и зарукоприкладствовано. Помилуйте! одно то чего стѣдить: сидятъ люди въ Парижѣ и по пунктамъ прошеніе сочиняютъ! Чрезвычайность этого положенія до такой степени взволновала меня, что я совсѣмъ забился и воскликнулъ:

— Ну, а теперь, возьмите малую толику подмазочки— и айда въ земскій судъ прошеніе подавать!

Разумѣется, всѣ, а въ томъ числѣ и я первый разсмѣялись моею разсѣянності. Но я былъ и тому ужъ радъ, что мнѣ удалось хоть минутку расцвѣтить улыбкой лицо этого испуганнаго человѣка.

Отъ Старосмысловскихъ я направился къ Блохинымъ и встрѣтилъ совсѣмъ другого сорта людей. Передо мной предсталъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати, красивый, крѣпко сложенный, съ румянымъ лицомъ и пушистою свѣтлою бородой. Словомъ сказать, во всѣхъ статьяхъ «добрый русскій мѣлодецъ». Подстать ему была и жена его, Зоя Филиппевна, женщина рослая, сложенная на манеръ Венеры Милосской, съ русскимъ круглымъ и смугло-румянымъ лицомъ, на которомъ алѣли пунцовыя губы и нѣсколько черезъ-чуръ пристально выглядывали изъ-подъ соболиныхъ бровей сѣрые выпученные глаза. Съ ними же была и старшая сестра Блохина, пожилая дѣвица, сырой комплекціи (въ формѣ среднихъ размѣровъ кулебяки), одержимая легкимъ удушьемъ, но замѣчательно добродушная, общительная и покладливая. Вообще, при взглядѣ на эту семью думалось: вотъ-вотъ они сейчасъ схватятся руками и начнутъ

пѣсни играть. Сперва запоютъ: *Какъ по морю да по хвалынскому, да выплывала лебедь бѣлая*; потомъ начнутъ: *Во поле березынька стоя-а-ала*; потомъ и еще запоютъ, и будутъ не переставаячи пѣть вплоть до заутренъ. И спляшутъ при этомъ: она пройдетъ сѣрой утицей, онъ — сизымъ селезнемъ. Но какъ и зачѣмъ они попали въ Парижъ? — это была загадка, которую они и сами врядь-ли могли объяснить. Во всякомъ случаѣ, они адски скучали въ разлукѣ съ Краснымъ Холмомъ.

— Главная причина, языка у насъ нѣтъ, сразу пожаловался мнѣ Блохинъ: — ни мы не понимаемъ, ни насъ не понимаютъ. Надо было еще въ Красномъ Холму это разсудить, а мы думали: Богъ милостивъ! Вотъ жена, хоть и на пальцахъ разговариваетъ, однако, видно, бабамъ Богъ особенное дарованіе насчетъ тряпья далъ — понимаютъ ее. Придетъ это въ магазинъ, сейчасъ гарсонъ встрѣчу: мадамъ! Понравится ей вещь — она ему палець покажетъ, а онъ ей въ отвѣтъ — два пальца. Потомъ она полпальца прибавитъ, а онъ четъ пальца отбавитъ: будьте, значить, знакомы! Смотришь — и снюхались. Ишь вороха натаскала!

Я оглядѣлся кругомъ и дѣйствительно изумился. Вся комната была буквально загромождена кортонками, тючками, платьями, мантильями и прочимъ женскимъ хламомъ. Только и было свободнаго мѣста, гдѣ мы сидѣли.

— Кабы не Капитолина Егоровна съ Ѳедоромъ Сергѣичемъ — и голодомъ, пожалуй насидѣлись бы! въ свою очередь пожаловалась Матрена Ивановна.

— Да и съ Ѳедоръ Сергѣичемъ не лады вышли. Мы-то знаете, въ Парижъ въ надеждѣ ѣхали. Наговорили намъ, въ Красномъ-то Холму: и дендò, и пердрò, и тюрбò... Аппетитъ-то, значить, и вышлифовался. А Ѳедору Сергѣичу въ хорошій-то трактиръ идти не по карману, —

онъ насъ по кухмистерскимъ и водить! Только ужъ и ѣда въ этихъ кухмистерскихъ... чистый адъ!

— А попробовали разъ сами собой въ трактиръ зайти, стали кушанье-то заказывать, а онъ, этотъ... гарсонъ, что-ли, только глаза таращить!

— Да еще что вышло! Подслушалъ этта нашъ разговоръ господинъ одинъ изъ русскихъ и заступился за насъ, заказалъ. А послѣ обѣда и подсѣлъ къ намъ: не можете-ли вы, говорить, мнѣ на короткое время займы дать? Ну, нѣчего дѣлать, вынулъ пятифранковикъ, одолжилъ.

— Да вы бы въ русскій ресторанъ сходили?

— Были-съ. Помилуйте — битокъ! Затѣмъ-ли мы изъ Краснаго Холма сюда ѣхали, чтобъ битки здѣшніе ѣсть?

— Ни въ театрѣ, ни на гулянье, ни на рѣдкости здѣшнія посмотрѣть! Сидимъ день-деньской дома, да въ окошки смотримъ! вступилась Зоя Филиппевна: — только вотъ къ обѣднѣ два раза сходили, такъ какъ будто... Вотъ тебѣ и Парижъ!

— Но отъ чего-жъ бы вамъ съ Старосмысловыми въ театрѣ не сходить?

— То-то что сердцами, значить, не сошлись, да и не то чтобъ сердцами, а капиталомъ они противъ насъ какъ будто отоцали. Чудной вѣдь онъ! Ото всѣхъ прячется, да высматриваетъ, какого-то, прости Господи, Пафнутьева поджидаетъ...

— Ахъ, Боже мой! вотъ чудакъ-то!

— И я тоже пыталъ говорить. Какъ, говорю, возможно, чтобъ господинъ Пафнутьевъ въ Парижѣ власть имѣлъ! И хошь бы что! «Бреслеты, говорить, на руки, и катай по всѣмъ по тремъ!» Оченно ужъ его тамъ испугали, въ отечествѣ-то! А человѣкъ-то какой преотличнѣйшій! И какъ свое дѣло знаетъ! Намѣднись идемъ мы вмѣстѣ, и спрашиваю я его: какъ Федоръ Сергѣичъ,

на твоёмъ языкѣ «люблю» сказать? — Ато, говорить. «Ну, говорю, ато и тебя, и Капитолину Егоровну твою, и я, и жена, и всѣ мы — ато!» Ну, усмѣхнулся: коли всѣ, говорить, такъ ужь не ато, а амапиус! И за что только такая на нихъ напасть!

— Ну, Богъ милостивъ!

— И я тоже говорю. Только сердитыя нынче времена настали, доложу вамъ! Давно ужь у Бога милости просимъ — анъ все ея нѣтъ!

— Вамъ-то, впрочемъ, грѣшно бы пожаловаться.

— Мы-то — славу Богу. Здоровы, при капиталѣ — на что лучше! А тоже и мы видимъ. Вотъ хоть бы на Ѳедора Сергѣича поглядѣть — чего только онъ не вытерпѣлъ! Нѣтъ, доложу вамъ, и прежде строгости были, а нынче противъ прежняго вдвое стало. А между прочимъ въ народѣ амбиція въ ходъ пошла, такъ оно будто и скучненько стало на строгости-то смотрѣть. Еще на моей памяти, придетъ, бывало, къ батюшкѣ покойнику становой-то: просто, мило, благородно! Посидить, закусить... Дѣловъ за нами нѣтъ, а по силѣ возможности... получи! А нынче онъ придетъ: въ кенѣ да въ погонахъ... ахъ, распостылый ты человѣкъ!

— Ну, это ужь ваше личное чувство говорить.

— Нѣтъ, и не во мнѣ одномъ, а во всѣхъ. Вѣрьте или нѣтъ, а какъ взглянешь на него, какъ онъ по улицѣ идетъ, да глазами вскидываетъ... ахъ ты, ахъ!

— Ахъ, Захаръ Иванычъ!

— Знаю, что не хорошо это... Не похвалятъ меня за эти слова... извѣстно! Только ужь и набалованы они доложу вамъ! Строгости-то строгостями, анъ смотришь, довольно и озорства. Все «духу» ищутъ; ты ему сегодня поперекъ что-нибудь сказалъ, а онъ въ тебѣ завтра «духъ» розыскалъ! Да не далече ходить, Ѳедоръ Сергѣевичъ-то! Что только они съ нимъ издѣлали!

— Ужь такъ намъ ихъ жалко! такъ жалко! подтвердила и Матрена Ивановна.

— Истинно вамъ говорю: глядишь — это глядишь, какое нынче вездѣ озорство пошло, такъ ѣнда тебя ножомъ по сердцу полыснетъ! Совсѣмъ жить невозможно стало. Главная причина: приспособиться никакъ невозможно. Ты думаешь: давай, буду жить такъ! — бацъ! живи вотъ какъ! Начнешь жить по новому — бацъ! живи опять по старому! Ужь на что я простой человекъ, а и то сколько разъ говорилъ себѣ: брошу Красный Холмъ, и уѣду жить въ Петербургъ!

— За чѣмъ же дѣло стало?

— Своё мѣста жалко — только и всего.

— Извѣстно, жалко: и домъ, и заведеніе, и все... подтверждала и Матрена Ивановна.

— А вамъ жалко? обратился я къ Зоѣ Филиппевнѣ.

— Мнѣ что! я мужняя жена! вонъ онъ, мужъ-то у меня какой!

— Ахъ, умница ты наша! похвалила Матрена Ивановна.

— Вы долго ли думаете въ Парижѣ пробыть?

— Да свое время отсидѣть все-таки нужно. Съ недѣлю ужъ гостимъ, еще недѣли съ двѣ — и шабашъ.

— Такъ знаете ли, что мы сдѣлаемъ. И вамъ скучно, и Старосмысловымъ скучно, и мнѣ скучно. Такъ вотъ мы соединимся вмѣстѣ, да и будемъ сообща скучать. И заведемъ мы здѣсь свой собственный Красный Холмъ, какъ лучше не надо!

— И прелотлично! разомъ воскликнули Блохины.

— Я буду васъ и по ресторанамъ, и по театрамъ водить. И все по такимъ театрамъ, гдѣ и безъ словъ понятно. А ежели Старосмыслову прогоны и порціоны разрѣшать, такъ и они, навѣрное, жаться не будутъ.

Я рассказалъ имъ, какую мы утромъ просьбу общими силами соорудили и какія надежды на нее возлагаемъ. И въ заключеніе прибавилъ:

— А въ Парижѣ надоѣсть, такъ мы въ Версаль, въ родѣ какъ въ Весъёгонскъ махнемъ, а захочется, такъ и въ Кашинь... то бишь, въ Фонтенблò — рукой подать!

И такъ осуществить Красный Холмъ въ Парижѣ, Версаль претворить въ Весъёгонскъ, Фонтенблò въ Кашинь — вотъ задача, которую предстояло намъ выполнить.

Съ перваго взгляда, можетъ показаться, что осуществленіе подобной программы потребуетъ сильнаго воображенія и очень серьезныхъ приспособленій. Но въ сущности, и въ особенности для насъ, русскихъ попытки этого рода рѣшительно не представляютъ никакой трудности. Не воображеніе тутъ нужно, а самое обыкновенное оцѣненіе мысли. Когда дѣятельность мысли доведена до минимума, и когда этотъ минимумъ, ни разу существенно не понижаясь, считаетъ за собой цѣлую исторію, теряющуюся въ мрачѣ времянь — вотъ тутъ-то именно и наступаетъ человѣка блаженное состояніе, при которомъ Парижъ самъ собою отождествляется съ чѣмъ угодно: съ Весъёгонскомъ, съ Пошехоньемъ, съ Богучаромъ и т. д. Мыслительная способность атрофируется, и вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ не только пылкость, но и самое простое любопытство. Старое, насиженное, обжитое — вотъ единственное, что удовлетворяетъ обезсиленный умъ. И это насиженное воспроизводится съ такою легкостью, что само собою, помимо всякаго содѣйствія со стороны воображенія, перемѣщается слѣдомъ за человѣкомъ, куда бы ни кинула его судьба.

Возстановить Красный Холмъ въ Парижѣ положительно ничего не стѣдуетъ. Нужно только разложиться съ вещами и затѣмъ, начать жить да поживать. Правда, что житьё въ отелѣ, сравнительно съ Краснымъ Холмомъ, покажется тѣсновато, но за то въ Парижѣ имѣются льготы, которыхъ не найдешь не только въ Красномъ Холму, но и въ Кашинѣ. И льготы именно въ краснохолмскомъ смыслѣ, то есть такія, которыхъ на мѣстѣ не сыщешь, но которыя краснохолмскимъ воображеніемъ не отвергаются. Таковы, на примѣръ: пулѣ, дендѣ, пердрѣ, тюрбѣ, славу о которыхъ на всю Россію искони протрубили предводители дворянства. Затѣмъ: магазины всевозможнаго женскаго тряпья, отъ которыхъ безъ ума всѣ предводительши, макадамъ на улицахъ, отличное уличное освѣщеніе, писсуары и т. д., о которыхъ съ благосклонностью отзываются всѣ уѣздные исправники, какъ о такихъ реформахъ, которыя не ведутъ къ потрясанію основъ. И въ довершеніе всего, есть для мужчинъ кокоетки, въ родѣ той, какую однажды выписалъ въ Кашинъ 1-й гильдіи купецъ Шомполовъ, и объ которой весь Кашинъ, въ свое время, говорилъ: ахъ, хороша стерва!

Въ Парижѣ отличная груша дюшесь стѣдуетъ десять су, а въ Красномъ Холму ее ни за какія деньги не купишь. Въ Парижѣ бутылка прекраснѣйшаго Понтѣ-Канѣ стоитъ шесть франковъ, а въ Красномъ Холму за Зызыкинскую отраву надо заплатить три рубля. И такъ далѣе, безъ конца. И все это не только не выходитъ изъ предѣловъ краснохолмскихъ идеаловъ, но и вполне подтверждаетъ оныя. Даже театры найдутся такіе, которыя по горло уконтентуютъ самаго требовательнаго краснохолмскаго обывателя.

Когда воображеніе потухло и мысль заскорбла, когда новое не искушаетъ, и нѣтъ мѣрила для сравненій —

какія же могутъ быть препятствія, чтобъ чувствовать себя вездѣ, гдѣ угодно, матерымъ краснохолмскимъ обывателемъ. Одною только не достаетъ (этого и за деньги не добудешь): становой квартиры изъ окна не видать — такъ это, по нынѣшнему времени, даже лучше. До этого-то и краснохолмцы ужъ додумались, что становые только свѣтъ застятъ.

— Какъ пошли они, въ позпрошломъ лѣтѣ, по домамъ шарить, такъ вѣрите-ли душа со стыда сгорѣла! говорилъ мнѣ Блохинъ, рассказывая, какъ петербургскія «событія» отразились въ районѣ Вышневолоцко-Весьёгонскихъ палестинъ.

И онъ говорилъ это съ неподдѣльнымъ негодованіемъ, несмотря на то, что его репутація, въ смыслѣ «столпа», стояла настолько незыблемо, что никакое «шаренье», или отыскиваніе «духа» не могло ему лично угрожать. Почему онъ, никогда не сгоравшій со стыда, вдругъ сгорѣлъ — этого онъ, конечно, и самъ какъ слѣдуетъ не объяснить. Но, вѣроятно, причина была очень простая: скверно смотрѣть стало. Всѣмъ стало скверно смотрѣть; надоѣло.

Какъ бы то ни было, но разъ рѣшившись воспроизводить исключительно краснохолмскіе идеалы, мы зажили отлично. Единственную не краснохолмскую роскошь, которую я лично себѣ дозволилъ — это газеты. Я покупалъ ихъ ежедневно и притомъ самыя страшныя: «L'Intransigeant», «Le Mot D'Ordre» «La Commune», «La Justice». Чтò дѣлать! идешь мимо кіоска, видишь: разложены, стало быть велѣно покупать — купишь. Сначала я боялся, думалъ, начитаюсь, приѣду въ Россію — чего добраго, революцію произведу. Однако, съ Божью помощью, въ короткое время такъ намѣтался, что все равно, что читалъ, что нѣтъ. За то, все остальное времяпровожденіе было во истину краснохолмское. Часовъ

до 12-ти утра мы исправлялись дома, то есть распивали чай и кофеи по своимъ угламъ. Послѣ 12-ти выходили на улицу и начинали, по выраженію Захара Ивановича, «путаться» и «воловодиться».

Брали подъ руки дамъ и по порядку обходили рестораны. Въ одномъ завтракали, въ другомъ просто ѣли, въ третьемъ спрашивали для себя пива, а дамамъ «граниту». Когда ѣли, то Захаръ Иванычъ неизмѣнно спрашивалъ у Старосмылова: а какъ это кушанье по латыни называется? — и Ѳедоръ Сергѣичъ всегда отвѣчалъ безошибочно.

— Никогда не скажетъ: не знаю! изумлялся Блохинъ: — и этакого человѣка... въ Пинегу!

Въ промежуткахъ между кушаньями, вспоминали о Красномъ Холмѣ, старались угадать: рыжики-то уродились ли нонѣ?

Часа въ три, компанія распадалась. Дамы предпринимали путешествіе по магазинамъ, а мужчины отправлялись смотрѣть «картинки». Во время процесса смотрѣнія, Захаръ Иванычъ взвизгивалъ: ахъ, шельма! и спрашивалъ у Ѳедора Сергѣича, какъ это называется по латыни. Но однажды, зашли мы въ пирожную, и съ Блохинымъ вдругъ сдѣлалось что-то необыкновенное.

— Она... она самая! шепнулъ онъ мнѣ, указывая на рослую и совершенно рыжую женщину, которая стояла у конторки. — Наина... кашинская!

И не успѣлъ я сообразить, въ чемъ дѣло, какъ у него ужъ и глаза кровью налились.

— Въ Кашинѣ... была? спросилъ онъ ее въ упоръ.

Конторщица взглянула на него съ недоумѣніемъ, но по лицу ея пробѣжала чуть замѣтная улыбка: ей, очевидно, польстило, что «добраго русскаго мѣлодца» такъ сразу прошибло.

— Въ Кашинѣ... была? настаивалъ Захаръ Ивановичъ.
Насилу мы его увели.

Часовъ около шести компанія вновь соединялась въ слѣдующемъ по порядку ресторанѣ и спрашивала объѣдъ. Ъли и пили мы всласть, хотя присутствіе Сторосмысловыхъ нѣсколько стѣсняло насъ. Дня съ четыре они шли наравнѣ съ нами, но на пятый Ѳедоръ Сергѣичъ объявилъ, что у него болитъ животъ, и спросилъ вмѣсто объѣда, полбифштекса на двоихъ. Очевидно, въ его душу начинало закрадываться сомнѣніе на счетъ прогоновъ, и надо сказать правду, никого такъ не огорчало это вынужденное воздержаніе, какъ Блохина.

— Вѣдь вотъ и добрый человекъ, а сколь жестокъ! жаловался онъ мнѣ: — не хочетъ понять, что намъ не деньги его нужны, а душа!

Послѣ объѣда, иногда мы отправлялись въ театръ или въ кафе-шантанъ, но такъ какъ Старосмысловы и тутъ стѣсняли насъ, то чаще всего мы возвращались домой, собирались у Блохиныхъ, и начинали играть пѣсни. Захаръ Ивановичъ затягивалъ: «Солнце на закатѣ», Зоя Филиппевна подхватывала: «Время на утратѣ», а хоръ поддавалъ: «Пошли дѣвки за заборъ»... Въ Парижѣ, въ виду Мадлены, въ теплую сентябрьскую ночь, при открытыхъ окнахъ — это производило удивительный эффектъ!

Иногда обычный репертуаръ дня видоизмѣнялся, и мы отправлялись смотрѣть Парижскія «рѣдкости». Ъздили въ *jardin des plantes* и въ *jardin d'acclimatation*, лазили на Вандомскую колонну, побывали въ *Musée Cluny* и, наконецъ, посѣтили Луврскій музей. Но тутъ случился новый казусъ: увидѣвши Венеру Милосскую, Захаръ Ивановичъ опять вклепался и сталъ увѣрять, что видѣлъ ее въ Кашинѣ. Насилу мы его увели.

— При тебѣ только мы и свѣтъ ўзрили? откры-

вался мнѣ Захаръ Ивановичъ: — кабы не ты, что бы мы, приѣхадчи въ Холмъ, про Парижъ рассказывать стали?

Насладившись вдоволь Парижемъ, нельзя было оставить безъ вниманія и окрестности. Разумѣется, прежде всего, отправились въ Версаль. Дорогой, я, конечно, не преминулъ рассказать, какую я, пять лѣтъ тому назадъ, выкинулъ тутъ штуку съ Лабулэ. Всѣ такъ и ахнули.

— То-то, чай, глаза вытаращилъ, какъ проснулся! похвалилъ меня Блохинъ.

И, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Только черезъ тебя мы свѣтъ ўзрили! ишь вѣдь ты... на всѣ руки!

Въ Версали, мы обошли дворецъ, затѣмъ вышли на террасу и бросили общій взглядъ на садъ. Потомъ прошли по средней аллеѣ, взяли фіакры и посѣтили «примѣчательности»: Parc au cerfs, Трианонъ и т. п. Разумѣется, я рассказалъ при этомъ, какъ отлично проводилъ тутъ время Людовикъ XV, и какъ потомъ Людовикъ XVI вынужденъ былъ проводить время нѣсколько иначе. Рассказъ этотъ, повидимому, произвелъ на Захара Ивановича впечатлѣніе, потому что онъ сосредоточился, снялъ шляпу и задумчиво произнесъ:

— Стало быть, въ эфтимъ самомъ мѣстѣ энти самые короли...

— Именно такъ, подтвердилъ я.

— Все короли да все Людовики... И что за причина такая? съ своей стороны затужила-было Матрена Ивановна, но Захаръ Ивановичъ не далъ ей продолжать.

— Шабашъ! сказалъ онъ: — царство небесное — и конченъ балъ!

Однакожь, черезъ нѣсколько минутъ, онъ вновь возвратился къ тому же сюжету.

— И какъ эти французы теперича безъ королей живутъ? Чудаки, право!

— А какъ живутъ! Извѣстно: день да ночь — сутки прочь! объяснила Матрена Ивановна.

— Не иначе, что такъ. У насъ робенокъ, и тотъ понимаетъ: нѣсть власть аще... а французъ этого не знаетъ! А можетъ и они слышать, какъ въ церквахъ про это читаютъ, да мимо ушей пропускаютъ! Чудаки! Ѳеодоръ Сергѣичъ! давно хотѣлъ я тебя спросить: какъ на твоёмъ языкѣ «король» прозывается?

— Rex.

— А императоръ?

— Imperator.

— А который, по твоему, больше: rex или imperator?

— Imperator — ужъ на что выше!

— Ну, такъ вотъ ты и мотай себѣ на усы... да!

Блохинъ выговорилъ эти слова медленно, и даже почти строго. Какимъ образомъ зародилась въ немъ эта фраза— это я объяснить не умѣю, но думаю, что сначала она явилась *такъ*, а потомъ вдругъ, во время самого процесса произнесения, созрѣлъ проэктъ: а попробую-ка я Старосмыслову предиду сказать! А можетъ быть, и цѣлый проэктъ примиренія Старосмылова съ Пафнутьевымъ вдругъ въ головѣ созрѣлъ. Какъ бы то ни было, но Ѳеодоръ Сергѣичъ, при этомъ напоминаніи, слегка дрогнулъ.

А Блохинъ между тѣмъ началъ постепенно входить во вкусъ и подпускать такъ называемые обиняки. «Мыста да вы ста», «сидимъ да шипимъ, шипимъ да посиживаемъ», «и куда мы только себя готовимъ!» и т. д. Выпустить обинякъ и посмотреть на Ѳедора Сергѣича. А въ заключеніе, окончательно разсердился и закричалъ на весь Трианонъ:

— Свиныи — и тѣ лучше, не чѣмъ эти французы,

жить! Ишь, вѣдь! Королей не имѣютъ, властей не признаютъ, страху не знаютъ... въ Бога-то вѣруютъ ли?

Насилу мы его увели.

На другой день, мы отправились въ Фонтенблò, но эта резиденція уже не вызвала ни той сосредоточенности, ни того благоговѣйнаго чувства, какихъ мы были свидѣтелями въ Версали. Благодаря красно-холмскому приволью, Захаръ Иванычъ настолько былъ уже преисполненъ туками, что едва успѣли мы осмотрѣть перо, которымъ Наполеонъ I подписалъ отреченіе отъ престола, какъ онъ уже захыхался. Ни знаменитаго Фонтенблоскаго лѣса, ни прочихъ достопримѣчательностей мы такъ и не осматривали, потому что Блохинъ на всѣ предложенія твердо отвѣчалъ: ну, ихъ къ ляду! И только дорогой, ѣдучи въ Парижъ, молвилъ:

— Пожилъ, повоевалъ — и шабашъ! Умный былъ человекъ, а вотъ... И какая этому причина?!

Во всякомъ случаѣ, впечатлѣнія этихъ двухъ дней не прошли для Блохина даромъ. Тѣни Людовиковъ какъ бы остепенили его; до сихъ поръ, онъ выказывалъ себя умѣреннымъ либераломъ, теперь же вдругъ сдѣлался легитимистомъ.

Воротившись изъ экскурсіи домой, онъ какъ-то прищипился и ни о чемъ больше не хотѣлъ говорить, кромѣ какъ объ короляхъ. Вздыхалъ, чесалъ поясницу, повторялъ: «ему же дань-дань!», «звѣзда бо отъ звѣзды», «сущія же власти» и т. д. И въ заключеніе, предложилъ вопросъ: мазаные ли были французскіе короли, или немазаные, и когда получилъ отвѣтъ, что мазаные, то сказалъ:

— Ну, стало быть, не такъ ихъ мазали, какъ прописано. Потому, еслибъ ихъ настояще мазали, такъ они бы и сейчасъ въ этой самой Версали сидѣли, и ничего бы ты съ ними не подѣлалъ... ау, братъ!

Покончивъ такимъ образомъ съ Людовиками, перешелъ къ Наполеону и не одобрилъ его.

— Зналъ вѣдь, что законный король въ живыхъ состоитъ, а между прочимъ и виду не подавалъ, что знаетъ... все одно что у насъ Пугачевъ!

И, наконецъ, до того довель необузданность чувствъ, что пожелалъ познакомиться и съ Гамбеттой.

— Одно бы мнѣ ему только слово сказать! только одно слово... и аминь!

Внимая Захару Иванычу, всѣ остальные какъ-то при-смирѣли. Вообще, я давно ужъ замѣтилъ, что какъ только заведется разговоръ о томъ, какъ и кто «мазанъ», такъ даже у самыхъ словоохотливыхъ людей вдругъ пропадаетъ словесность. Не знаю, понимаютъ ли краснохолмскіе первой гильдіи купцы, что въ это время съ ихъ слушателями происходитъ нѣчто не совсѣмъ ладное, но во всякомъ случаѣ они съ изумительнымъ инстинктомъ пользуются подобными минутами замѣшательства. Ужъ на что, кажется, добродушенъ Захаръ Иванычъ, а посмотрите, какъ онъ распѣлся, какъ только началъ на подходящій мотивъ! Сразу догадался, что онъ хоть до завтра калякай, а мы все-таки будемъ его слушать. И въ Красномъ Холму выслушаемъ, и въ Парижѣ выслушаемъ. Потому что, эти первой гильдіи купцы... кто же ихъ знаетъ, что у нихъ на умѣ! Сейчасъ онъ объ Старосмысловѣ печалуется: «что они съ нимъ издѣлали?», а вслѣдъ затѣмъ, вдругъ по поводу того же Старосмылова сбѣситъ и закричитъ: караулъ! сицилисть!

И дѣйствительно, началъ Блохинъ строго, а кончилъ еще того строже. Говорилъ-говорилъ, да вдругъ обратился въ упоръ къ Старосмыслову и пророческимъ тономъ при-совокупилъ:

— А ты, парень, все-таки на усъ себѣ наматывай!

Чуть было я не сказалъ: ахъ, свинья! Но такъ какъ

я только подумалъ это, а не сказалъ, то очень вѣроятно, что Захаръ Иванычъ и сейчасъ не знаетъ, что онъ свинья. И многіе, по той же причинѣ, не знаютъ.

Часа четыре сряду я провозился на кровати, не смыкаячи очей, все думалъ, какъ мнѣ поступить съ Старосмысловымъ: предоставить ли его самому себѣ, или же и съ своей стороны посодѣйствовать его возрожденію? Въ послѣднее время, съ Старосмысловымъ происходило нѣчто очень странное: онъ осунулся, похудѣлъ и до такой степени выцвѣлъ, какъ будто каждый день принималъ слабительное. Сверхъ того, я замѣтилъ, что и Капитолина Егоровна, по временамъ, появляется съ красными глазами, какъ бы отъ слезъ. Ясно, что между ними возникъ вопросъ, и именно вопросъ о раскаяніи. Повидимому, Федоръ Сергѣичъ готовъ сдаться: напротивъ того, Капитолина Егоровна — крѣпится. И по цѣлымъ часамъ ведутъ они между собой безконечно тяжкій разговоръ: какъ тутъ быть? и ни до чего не могутъ договориться...

Разумѣется, самая трудная сторона для разрѣшенія— это матеріальная. Какія перспективы можетъ имѣть учитель латинской грамматики? какую производительную силу представляетъ онъ собой? И притомъ, такой учитель латинской грамматики, которому не выдали даже прогонныхъ денегъ?! Вотъ, ежели выплютъ прогоны, тогда можно, пожалуй, и воспрянуть; но если не выплутъ... Но положимъ, что даже и выплутъ — развѣ можно безсрочно жить въ Парижѣ, исполняя порученія на тему *Tolle me, tu, mi, mis...* Когда же нибудь придется и опять въ Навозный съ отчетомъ ѣхать. И не одному Старосмыслову, и всѣмъ придется туда ѣхать, всѣмъ съ чистымъ сердцемъ предстать. Вотъ это-то мы и забываемъ. Гуляемъ да гуляемъ, думаемъ, что и конца

этому гуляню не будет и вдруг разсылный из участка: пожалуйте!

И охота была Старосмыслову «періоды» сочинять! Добро бы философію преподавалъ, или занималъ бы каедрю элоквенціи, а то—натко!—старшій учитель латинскаго языка! да что выдумалъ! Ужь это самое послѣднее дѣло, еслибъ и туда эта язва засѣла! Возлюбленнѣйшія чада народнаго просвѣщенія — и тѣ сбрендили! Сидѣлъ бы себѣ да въ Корнелиѣ Непотѣ копался — такъ нѣтъ, подавай ему Тацита! А хочешь Тацита — хоти и Пинегу... предатель!

И вѣдь отлично онъ зналъ, что за это у насъ не похвалятъ. Съ пеленокъ заставляли его лепетать: «сила солому ломить», разъ; «плетью обуха не перешибешь» — два; «уши выше лба не растутъ» — три; и все-таки полѣзь! И географіи-то когда учили, то приговаривали: Кола, Пинега, Мезень; Мезень, Мезень, Мезень!.. Нѣтъ-таки, позабылъ и это! А теперь удивляется... чему?

Ясно, что онъ Капочкѣ понравится хотѣлъ, думалъ, что за «періоды», она еще больше любить станетъ. А того не сообразилъ, милый человѣкъ, что бываютъ такия строгія времена, когда ни любить нельзя, ни любимымъ быть не полагается, а надо встать уставившись лбомъ и закоченѣть.

Удивительно, какъ еще Тацита Пафнутьевъ въ покоѣ оставилъ, какъ онъ и его въ Пинегу не сослалъ? Истинно, Юпитеръ спасъ!

Ахъ, надо же и Пафнутьева пожалѣть... ничего-то вѣдь онъ не знаетъ! Географіи — не знаетъ, исторіи — не знаетъ. Какъ есть оболтусъ. Еслибъ онъ зналъ про Тацита — ужели бы онъ его къ чортовой матери не услалъ? И Тацита, и Тразею Пета, и Ликурга, и Дракона, и Адама съ Еввой, и Ноя съ птицами и звѣрьми... всѣхъ! Покуда бы начальство за руку не остановило:

стой! а кто же, по твоему, будет плодиться и множиться?

И все-таки, надо какъ-нибудь подкрѣпить Старосмыслова въ его новомъ душевномъ настроеніи. Не такъ грубо, какъ взялся за это Захаръ Иванычъ, а какъ-нибудь стороной, чтобъ ему въ самый разъ было, да и Капитолину Егоровну не очень бы огорчило. Но какъ это сдѣлать? Ежели начать съ «чинъ-чина почитай», онъ-то, можетъ быть, и найдетъ въ своемъ сердцѣ готовность воспринять эту истину, да Капитолина Егоровна, чего добраго, заплачетъ. По какой причинѣ она заплачетъ,— объ этомъ двояко можно сказать. Можетъ быть, отъ того, что съ прежней либеральной позиціей жалко расстаться, а можетъ быть, и отъ того, что она и сама ужъ понимаетъ, что музыка ея не выгорѣла. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, несомнѣнно, что она заплачетъ отъ того, что на сердцѣ кошки скребутъ.

Но потому-то именно и надо это дѣло какъ-нибудь исподволь вести, чтобы оба, ничего, такъ сказать, не понимаячи, очутились въ самомъ лонѣ онаго. Ловчѣе всего это дѣлается, когда люди находятся въ состояніи подпитія. Выпьютъ по стакану, выпьютъ по другому — и вдругъ наплывъ чувствъ! Вскочутъ, начнутъ цѣловаться... ура! Капитолина Егоровна застыдится и скажетъ:

— Что-жь, ежели всё... попробуй, Одея!

А Захаръ Иванычъ поощрить:

— Валяй!

Вотъ онò, какія дѣла могутъ изъ «періода» на свѣтъ Божій выскочить!

Но тутъ мысли въ моей головѣ перемѣшались, и я заснулъ, не придумавши ничего существеннаго. Къ счастью, сама судьба бодрствовала за Старосмыслова, подготовивъ случай, по поводу котораго всей нашей ком-

паніи самымъ естественнымъ образомъ предстояло осуществить идею о подпитіи. На другой день — это было 17 (5) сентября, память Захаріи и Елисаветы — едва я проснулся, какъ ко мнѣ ввалился Захаръ Иванычъ и торжественно произнесъ:

— Богъ милости прислалъ. Прямо изъ церкви-съ. Прессимъ покорно сегодня пирога откушать.

— По какому случаю?

— По случаю дня ангела-съ. Хоть и въ иностранныхъ земляхъ находимся, а все же честь честью надо ангелу своему порадоваться. Въ русскомъ ресторанѣ-съ.

И вдругъ, словно лучъ меня освѣтилъ. Все, что я тщетно обдумывалъ ночью, и для чего не могъ подыскать подходящей формулы, все это предстало передо мною въ самой плѣнительной ясности!

«Русскій ресторанъ» помѣщается недалеко отъ итальянскаго бульвара, противъ Комической Оперы, и замѣчательнень, по преимуществу, тѣмъ, что выходитъ окнами на обширный и притомъ совершенно открытый писсуаръ. Изъ русскихъ кушаній тутъ можно получить: *tschy russe*, *koulibak* и *bitok au smétane*, все остальное совершенно тоже, что и въ любомъ французскомъ ресторанѣ средней руки. Посѣтитель этого заведенія не многочисленъ и стыдливъ. Заходитъ больше средній русскій челоуѣкъ, и не въ обычный парижскій обѣденный часъ, а такъ между двумя и тремя часами. Спроситъ порцію щей или битокъ, пообѣдаетъ, а знакомымъ говоритъ, что завтракаетъ. И знакомые тоже обѣдаютъ, но увѣряютъ, что завтракаютъ. И такимъ образомъ, политиканять и лгутъ совершенно такъ же, какъ въ Россіи, а зачѣмъ лгутъ, — сами не знаютъ. Изъ «особъ» сюда приходятъ (и тоже говорятъ, что завтракаютъ), тѣ немногіе сенаторы, которые получаютъ жалованье по штату и никакими иными «присвоенными» окладами не пользуются.

На Парижъ-то ему посмотре́тъ хочется, а жалованье небольшое и дѣтей куча, — вотъ онъ и плетется въ русскій ресторанъ «завтракать».

Да, есть такіе бѣдныя, что всю жизнь не только изъ штатнаго положенія не выходятъ, но и всѣ остальные усовершенствованія: и привислянское обрусеніе, и уфимскіе раздѣлы — все это у нихъ на глазахъ промелькнуло, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Да ихъ же еще по преимуществу, для парада, на крестные ходы посылаютъ!

Сидитъ онъ, этотъ въ штатъ осужденный, гдѣ-нибудь на Васильевскомъ островѣ, радъ бы десять такихъ жалованьевъ заглотать, и не даютъ. Вспомнить, какъ въ свое время Юханцевъ жилъ, сравнить свои заслуги съ его заслугами и заплачетъ. Обидно. А всего обиднѣе, что не только прибавки къ штатному содержанію, но даже дѣль ему на просмотръ не даютъ: гдѣ тебѣ старику! Вотъ ужъ крестный ходъ будетъ, такъ пройдешься! А между тѣмъ, онъ, ей-Богу, еще въ полномъ разумѣ... Хоть сейчасъ испытайте! Ваше превосходительство! да вы попробуйте!.. Ну, что тамъ пустое молотъ!

И чего-чего только онъ не дѣлалъ, чтобы изъ штата выйти! И тайныхъ совѣтниковъ въ нигилизмѣ обвинялъ, и во всевозможныя особыя присутствія впрашивался, и уходящихъ въ отставку начальниковъ походя костилъ, новоявленныхъ же прославлялъ... Однажды, въ тоскѣ смертной, даже руку начальнику поцѣловалъ, анъ тотъ только фыркнулъ! А онъ-то, цѣлуя, думалъ: Господи! кабы тысячку!

Говядина нынче дорогая, хлѣбъ пять копеекъ за фунтъ, а къ живности, къ рыбѣ и приступу нѣтъ... А на плечахъ-то чинъ лежитъ, и говоритъ этотъ чинъ: теперь тебѣ, вмѣсто фунта, всего по два фунта съѣдать надлежитъ!

И вдругъ онъ надумалъ въ Парижъ... сколько смѣху-то было! Даже эзекуторъ смѣялся: такъ вы, Иванъ Семенычъ, въ Парижъ? А онъ одну только думу думаетъ: съѣзжу въ Парижъ, ворочусь, скажутъ: образованный! Смотришь, анъ тысячка-другая и набѣжить!

И вотъ онъ бѣжить въ русскій ресторанъ, съѣсть *bitok au smétane* — и правъ на цѣлый день. И все думаетъ: ворочусь, буду на Петровской площади анекдоты изъ жизни Гамбетты рассказывать! И точно: воротился, рассказываетъ. Всѣ удивляются, говорятъ: совсѣмъ современнымъ человѣкомъ нашъ Иванъ Семенычъ приѣхалъ!

Но ждетъ онъ мѣсяць, ждетъ другой, — нѣтъ противъ штатнаго положенія облегченія, да и на поди! Господа! да обратите же, наконецъ, вниманіе! Анна-то Ивановна вѣдь ужъ девятымъ тяжела ходитъ!

Вотъ въ этотъ самый ресторанъ и привлекъ насъ Блохинъ. Вѣроятно, онъ руководился соображеніемъ, что имениннигеу безъ кулебяки быть нельзя, а въ другомъ мѣстѣ этого кулинарнаго продукта не отыщешь.

Я не буду останавливаться на обѣденномъ *ménu*: Захаръ Иванычъ изъ всѣхъ силъ выбился, чтобъ сообщить ему вполнѣ краснохолмскій характеръ. Ради вящаго сходства, онъ даже прихватилъ парочку тайныхъ совѣтниковъ, изъ русскихъ ресторанныхъ *habitués*, которые, должно быть, еще наканунѣ пронюхали, что русскій купчина будетъ справлять именины, и съ утра, выбритые и съ подвитыми висками, подстерегали насъ. Я, впрочемъ, потому позволяю себѣ эту догадку, что тайные совѣтники явились во фракахъ, и какъ только окончательно увѣрились, что ихъ пригласили, то вынули изъ боковыхъ кармановъ по звѣздѣ, и возложили ихъ на себя по установленію. За столомъ, тайные совѣтники помѣстились по обѣ стороны Зои Филипповны, причемъ,

когда кушанья начинали подавать съ одного тайнаго совѣтника, то другой завидовалъ и волновался при мысли, что пока дойдетъ до него черѣдъ, лучшіе куски будутъ уже разобраны. Сверхъ того, я замѣтилъ, что тайные совѣтники всякаго кушанья накладывали на тарелки противъ другихъ вдвое: одну порцію лично для себя, а другую — ради чина. Но такъ какъ они поступали такимъ образомъ не изъ жадности, а по принципу, то Захаръ Иванычъ не только не тяготился этимъ, но даже упрасивалъ взять еще по кусочку — на звѣзду.

Ѣли и пили мы цѣлыхъ полтора часа. И вотъ, когда тайные совѣтники впали, отъ усиленной ѣды, во младенчество, а прочіе гости дошли до точки, я улучилъ минуту, и, снявшись со стула, произнесъ спичъ:

— Захаръ Иванычъ! сказалъ я:— торжествуя вмѣстѣ съ вами день вашего ангела, я мысленно переносусь на нашу милую родину, и на обширномъ ея пространствѣ отыскиваю скромный, но дорогой сердцу городокъ, въ которомъ вы, такъ сказать, впервые увидѣли свѣтъ. Этотъ городъ былъ свидѣтелемъ вашихъ младенческихъ игръ; онъ любовался вами, когда вы, подъ руководствомъ маститаго вашего родителя, неопытнымъ юношей робко вступили на поприще личнаго производства, и потомъ съ любовью слѣдилъ, какъ въ сердцѣ вашемъ, всегда открытомъ для всего добраго, постепенно созрѣвали сѣмена благочестія и любви къ постройкѣ колоколенъ и церквей (при этихъ словахъ, Захаръ Иванычъ и Матрена Ивановна набожно перекрестились, а одинъ изъ тайныхъ совѣтниковъ потянулся къ амфитріону и подставилъ ему свою голую и до скользкости выбритую щеку). И вотъ теперь, когда родитель вашъ уже скончался («Царство небесное!» шепчетъ Матрена Ивановна), родной городъ можетъ засвидѣтельствовать, что ваше личное производство не только не умалилось, но распо-

рядительностью вашею доведено до размѣровъ, дотолѣ неслыханныхъ.

— Исполать вамъ, Захаръ Иванычъ! ибо надобно знать, что такое яйцо и какую роль оно играетъ въ жизни человѣческихъ обществъ, надобно собственнымъ опытомъ убѣдиться, какъ этотъ продуктъ хрупокъ и какимъ опасностямъ онъ подвергается при перемѣщеніяхъ, чтобъ вполнѣ оцѣнить вашу заслугу передъ отечествомъ. Еслибъ приказчики ваши не развѣзжали круглый годъ по деревнямъ нашимъ, то крестьянинъ, этотъ первый производитель яйца, — куда бы, спрашивается, онъ дѣвался съ нимъ? А съ другой стороны, еслибъ вы, цѣною неустанныхъ трудовъ, не перемѣстили яйца изъ деревни въ столицу, какимъ бы другимъ равносильнымъ продуктомъ могъ замѣнить его житель послѣдней? Такимъ образомъ, освобождая жителя деревни отъ продукта, который представляетъ для него цѣнность лишь поголику, поголику онъ служитъ подспорьемъ для исправной уплаты податей, вы снабжаете онымъ жителя столицы, который любитъ яйцо уже ради яйца, и цѣнитъ оное, потому что понимаетъ въ немъ толкъ. Но этого мало! Къ яичному производству вы постепенно присоединили производство курятное, а ежели подойдетъ хорошій случай, то не возбраняете себѣ и скромныя операціи коровьимъ масломъ. Я знаю, Захаръ Иванычъ, что всѣ эти операціи вы производите при содѣйствіи любезнѣйшей супруги вашей, Зои Филипповны, и почтеннѣйшей вашей сестрицы, Матрены Ивановны (Матрена Ивановна крестится, и говоритъ тайнымъ совѣтникамъ: кушайте, батюшки!), но это приноситъ лишь честь вашей коммерческой прозорливости и показываетъ, какъ глубоко вы поняли смыслъ старинной латинской пословицы: *Concordia res parvae crescunt*, а безъ конкордіи и *magnae res dilabuntur*. Поэтому, поздравляя васъ съ днемъ ангела,

мы поступимъ вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла (тайные совѣтники, заслышавъ этотъ достолюбезный оборотъ рѣчи, киваютъ головами), ежели въ этомъ поздравленіи соединимъ нашъ сердечный привѣтъ и вѣрнымъ сообщницамъ вашимъ на поприщѣ личнаго и курятнаго производства. Захаръ Иванычъ! Зоя Филиппевна! за васъ поднимаю бокаль мой! Плодитесь! Плодитесь смѣло и беззаботно, ибо въ размноженіи купеческихъ дѣтей заключается существеннѣйшее назначеніе краснохолмскаго 1-й гильдіи купца! Вы же, милая Матрена Ивановна, яко добрая сестра и будущая тетка, старайтесь, и не имѣя собственнаго плода, проводить время съ пользою!

Я на минуту остановился, и мы начали цѣловаться. Сознаюсь откровенно, самымъ вкуснымъ мнѣ показался поцѣлуй Зои Филиппевны, а самыми невкусными и даже противными — поцѣлуи тайныхъ совѣтниковъ, у которыхъ, отъ старости, и губы какъ-будто изныли, а вмѣсто нихъ остался тонкій рубецъ, тщательно подбритый снизу и сверху. Когда же обрядъ цѣлованья кончился, я продолжалъ:

— Но я не выполнилъ бы своей задачи, еслибъ, въ виду настоящаго умилительнаго торжества, не упомянулъ и о другой, вѣчно присущей сердцамъ нашимъ имянинницѣ, о нашей дорогой, далекой родинѣ. Я не буду говорить здѣсь о благодѣяніяхъ, которыя она щедрою рукою изливаетъ на насъ: мы всѣ, здѣсь присутствующіе, слишкомъ явственно испытываемъ на себѣ выраженіе этихъ благодѣяній. Однихъ изъ насъ она произвела въ тайные совѣтники; другимъ въ перспективѣ показываетъ званіе коммерціи совѣтника, а въ ожиданіи таковаго представляетъ пользоваться правами 1-й гильдіи купца; передъ третьими раскрываетъ тайны латинской грамматики; наконецъ, дамъ надѣляетъ скромностью

и свойственными женскому полу украшеніями. Но не забудемъ, что ежели, съ одной стороны, отечество простираетъ надъ нами благодѣющую руку свою, то, съ другой стороны, оно дѣлаетъ это не безошлинно, но подъ условіемъ, чтобъ мы повиновались начальству и любили оно. Ибо, въ сущности, что такое отечество, Захаръ Иванычъ (Захаръ Иванычъ оттопыриваетъ губы)? Отечество, Захаръ Иванычъ, это есть извѣстная территорія, въ которой мы, по снабженіи себя надлежащими паспортами, имѣемъ мѣстожителство. Вотъ что такое отечество. Но я не могу скрыть отъ васъ, Захаръ Иванычъ, что территорія, о которой я говорю, нерѣдко измѣняетъ свои очертанія, отчасти вслѣдствіе военныхъ удачъ или неудачъ, отчасти же вслѣдствіе дипломатическихъ договоровъ и конвенцій. Такъ да 1871 года, Страсбургъ былъ французскимъ отечествомъ, нынѣ же, вслѣдствіе парижскаго договора, онъ сдѣлался нѣмецкимъ отечествомъ. Подобно сему, Измаиль долгое время состоялъ нашимъ отечествомъ, потомъ пересталъ быть онымъ, а нынѣ опять сдѣлался таковымъ. Кто знаетъ, быть можетъ, современемъ мы увидимъ Мервскихъ исправниковъ, подобно тому, какъ уже видимъ исправниковъ Карскихъ, Батумскихъ и иныхъ? Благодаря этимъ измѣняемостиамъ, любовь къ отечеству пріобрѣтаетъ нѣсколько абстрактный характеръ, вслѣдствіе чего многіе, при упоминеніи объ отечествѣ, только оттопыриваютъ губы. И вотъ, для того, чтобъ мы не оттопыривали губъ, но понимали этотъ предметъ во всей его ясности, намъ предлагается начальство. Начальство, Захаръ Иванычъ, есть нѣчто уже совершенно опредѣленное, имѣющее границы явственныя и непререкаемыя: отъ коллежскаго регистратора до дѣйствительнаго тайнаго совѣтника включительно. И въ этихъ границахъ мы всѣмъ должны повиноваться и всѣхъ любить. Конечно, горьконько бываетъ повино-

заться коллежскимъ регистраторамъ, но горечь эта несомнѣнно и съ избыткомъ уравнивается сладостью повиновенія тайнымъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ...

Я опять прерываю на минуту рѣчь, но на этотъ разъ не по собственному движенію, а потому, что тайные совѣтники, возгордившись похвалой, обходятъ присутствующихъ и всѣмъ по очереди подставляютъ свои сколькія щеки для наложенія поцѣлуя. Наконецъ, движеніе прекращается, и я продолжаю:

— Но практика, Захаръ Иванычъ, представляетъ намъ, повременамъ, примѣры поразительнѣйшихъ заблужденій. Большинство людей охотно и горячо любитъ отечество даже въ томъ случаѣ, когда не можетъ съ точностью опредѣлить его границъ: любить и съ Измаиломъ, и безъ Измаила, и съ Батумомъ, и безъ онаго. Напротивъ того, очень немногіе возвышаются до страсти къ начальству. Очень возможно, что это происходитъ отъ того, что отечество никогда не обременяетъ насъ предписаніями, тогда какъ начальство не можетъ шагу ступить безъ таковыхъ; но возможно также, что тутъ есть и другая причина, а именно: отечество называетъ насъ просто дѣтьми, начальство же къ этому нерѣдко присовокупляетъ: «курицыными». Я думаю, однакожь, что это только недоразумѣніе, и, одобряя любовь къ отечеству съ Измаиломъ, и безъ онаго, никакъ не могу одобрить тѣхъ, которые въ сердцѣ своемъ разсматриваютъ отечество отдѣльно отъ начальства. Начальство, Захаръ Иванычъ, это продуктъ отечества, отечество же, въ свою очередь, продуктъ начальства. Одно немыслимо безъ другого, другое немыслимо безъ одного — вотъ я какъ это дѣло понимаю. Однимъ словомъ, начальство и отечество — это... вотъ (я вкладываю пальцы одной руки промежду пальцевъ другой руки и дѣлаю видъ, что ни-

какъ не могу растащить)! И ежели я сейчасъ сказалъ, что отечество производитъ однихъ изъ насъ въ тайные совѣтники, а другимъ общаетъ въ перспективѣ званіе коммерціи совѣтниковъ, то сказалъ это въ переносномъ смыслѣ, имѣя въ виду, что отечество всѣ эти операціи производитъ не само собой (что было-бы превышеніемъ власти), но при посредствѣ естественнаго своего органа, то-есть начальства.

Захаръ Иванычъ, въ виду вторичнаго упоминенія о перспективѣ коммерціи совѣтника, не выдерживаетъ и кричитъ: шампанскаго! Остальные подхватываютъ и троекратно провозглашаютъ: ура!

— Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что шероховатости и недоразумѣнія, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ, суть не что иное, какъ горькій плодъ слабого человѣческаго естества. Вся штука въ томъ, Захаръ Иванычъ, что человѣкъ слабъ, и такъ какъ эта слабость произвольная, то мы не имѣемъ права не принимать ее въ расчетъ при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій. Но, кромѣ того, мы не должны забывать, что бываютъ минуты въ жизни народовъ, когда дѣйствія начальствующихъ лицъ приобрѣтаютъ какъ бы нарочито изнурительный характеръ, и что именно въ эти-то минуты подначальный человѣкъ и отыскиваетъ въ себѣ охоту прегрѣшать. Все это, разумѣется, можетъ и даже должно въ значительной мѣрѣ служить оправданіемъ для невинно-падшаго; но... Но въ томъ-то и дѣло, Захаръ Иванычъ, что у всякой штуки всегда имѣется въ запасѣ еще двѣ штуки, не одна, а именно двѣ, и притомъ діаметрально противоположныя. Такъ что если, съ одной стороны, мы не имѣемъ права не принимать въ соображеніе смягчающихъ обстоятельствъ, то, съ другой стороны, обязываемся не упускать изъ вида и того, что Провидѣніе, уѣжая нашъ жизненный путь спасительными искушеніями, въ тоже

время приходитъ къ намъ на выручку съ двумя прекраснѣйшими своими дарами. Первый изъ этихъ даровъ есть твердость въ дѣйствіяхъ; второй — раскаяніе, сопровождаемое испрошеніемъ прощенія. О первомъ распространяться не буду, ибо оно достаточно извѣстно всѣмъ, здѣсь присутствующимъ; что же касается до второго, то даръ сей практически можетъ быть формуливанъ такъ: люби кататься, люби и саночки возить. Я увѣренъ, что каждый изъ насъ, ежели только онъ искренно вникнетъ въ смыслъ этой формулы, найдетъ, что въ ней не только нѣтъ ничего обременительнаго, но что, напротивъ, она во многомъ развязываетъ намъ руки. Что стѣдуетъ сказать: пардонѣ? — формально ничего! а между тѣмъ, едва вы произнесли это слово, какъ уже все забыто! Одно слово — только одно слово, Захаръ Ивановичъ! — и какія безграничныя перспективы открываются передъ нами! Не знаю, какъ вы, Захаръ Ивановичъ, но еслибъ очередь прегрѣшать дошла до меня, то я, выполнивъ этотъ невольный долгъ, налагаемый на меня природою, непременно сказалъ бы: пардонѣ. А потомъ и опять бы своевременно прегрѣшилъ, и опять — пардонѣ! И дѣлалъ бы я это тѣмъ охотнѣе, что, въ сущности, куда бы я ни обернулся, куда бы ни пытался уйти — нигдѣ отъ начальства спрятаться не могу. Вездѣ оно меня отыщетъ и покараетъ; и слѣдовательно, ежели я могу отвертѣться отъ него съ помощью коротенькаго «пардонѣ» — ужели же я не воспользуюсь этимъ? И такъ, поднимемъ бокалы наши! И пусть тѣ, которые чувствуютъ себя прегрѣшившими, изъ глубины сердець воскликнуть: пардонѣ! — и затѣмъ пусть вновь на здоровье прегрѣшаютъ!

Рѣчь моя произвела потрясающее дѣйствіе. Но въ первую минуту не было ни криковъ, ни волненія; напротивъ, всѣ сидѣли молча, словно подавленные. Тайные

совѣтники жевали, и, можетъ быть, надѣялись, что сейчасъ съизнова обѣдать начнутъ; Матрена Ивановна крестилась; у Ѳедора Сергѣича глаза были полны слезъ; у Капитолины Егоровны покраснѣлъ кончикъ носа. Захаръ Иванычъ первый положилъ конецъ молчанію, сказавъ:

— Пардонè — и шабашъ! Ну, парень, прошибъ ты меня! Поцѣлуемся!

Слова эти послужили сигналомъ для наплыва чувствъ. Ѳедоръ Сергѣичъ бросился ко мнѣ, и, обнимая, прерывающимся голосомъ говорилъ:

— Вы облегчили... вы сняли бремя съ души... Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я измучился! Капочка! милая!

Въ отвѣтъ на этотъ крикъ сердца, Капитолина Егоровна улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Чтò-жь, ежели всё... попробуй, мой другъ!

А Захаръ Иванычъ присовокушилъ:

— Валяй!

Словомъ сказать, все произошло точь въ точь какъ я предвидѣлъ.

И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на совершенный нами подвигъ смиренія и добра, вечеромъ того же дня произошло чудо.

Старосмысловъ получилъ прогоны...

Онъ получилъ ихъ при любезномъ письмѣ отъ самого Пафнутьева, который, въ согласность съ полученными начальственными предписаніями, просилъ забыть его недавнія консервативныя неистовства и имѣть въ виду одно: что отнынѣ на всемъ лицѣ Россіи не найдется болѣе надежнаго либерала, какъ онъ, Пафнутьевъ. Но въ иллюзіи все-таки убѣждалъ не вѣрить.

Однимъ словомъ, какъ-то такъ случилось, что не Старосмыслову пришлось раскаяваться, а раскаялся самъ Пафнутьевъ.

Я считаю излишнимъ описывать радостный переполохъ, который это извѣстiе произвело въ нашей маленькой колонiи. Но для меня лично, къ этой радости примѣшивалась и частичка горя, потому что на другой же день и Блохины, и Старосмысловы уѣхали обратно въ Россiю. И я опять остался одинъ на одинъ съ мучительною думой: кого-то еще пошлетъ Богъ, кто поможетъ мнѣ размыкать одиночество среди этой биткомъ набитой людьми пустыни...

VI.

Главное, чего русскій гулящій человѣкъ долженъ всего больше опасаться за границей — это одиночества и въ особенности продолжительнаго. Одиночество даетъ человѣку поблажку мыслить — вотъ въ чемъ бѣда. Мыслить, то есть припоминать, ставить вопросы, а буде не пропала совѣсть, то чувствовать и уколы стыда. Такъ что въ результатѣ непременно получится какое-то гложущее уныніе. Это уныніе приведетъ къ нулю всю работу мысли; оно парализируетъ возможныя рѣшенія, заслонитъ возможныя перспективы, и будетъ лишь безнадежно раздражать до тѣхъ поръ, покуда счастливый случай не подвернетъ подъ руку краснохолмскаго купца или всероссійскаго безшабашнаго совѣтника. Или, говоря другими словами, покуда пустяки и праздное мельканіе вновь не займутъ той первенствующей роли, которая, по преданію, имъ принадлежитъ.

Но для того, чтобъ сдѣлать мою мысль, по возможности, ясною, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о пустякахъ.

Въ средѣ, гдѣ нѣтъ ни подлиннаго дѣла, ни подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, пустяки играютъ громадную роль. Это единственный ресурсъ, къ кото-

рому прибѣгаетъ человѣкъ, чтобъ не задохнуться окончательно, и въ то же время, это легчайшая форма жизни, такъ какъ всѣ проявленія ея заключаются въ непрерывномъ маятномъ движеніи отъ одного предмета къ другому, безъ плана, безъ очереди, по мѣрѣ того, какъ они сами собой вышлываютъ изъ бездны случайностей.

Предаваясь этому движенію, человѣкъ совершаетъ простую обрядность, не только не требующую помощи мыслящей силы, но даже идущую прямо въ разрѣзъ ей. Въ этой сутолокѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для мысли. Подавленная цѣлой массой случайныхъ подробностей, мысль прячется, глохнетъ, а ежели, отъ времени до времени, и настаютъ для нея минуты пробужденія, то она не помогаетъ, не выводитъ на дорогу, а только мучительно раздражаетъ. Она ставитъ вопросы, возбуждаетъ совѣсть, но въ то же время постыдно ослабѣваетъ передъ всякой серьезной работой разъясненія. Вопросы остаются обнаженными, въ томъ зачаточномъ видѣ, въ какомъ они возникли; совѣсть безконечно нѣдетъ — только и всего. Даже компромиссовъ не является, на которыхъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, можно было бы примириться. Одно желаніе: уйти, забыть, на все махнуть рукой...

Повторяю: при такихъ условіяхъ, одиночество лишаетъ человѣка послѣдняго ресурса, который даетъ ему возможность заявлять о своей живучести. Потребность усчитать самого себя, которая при этомъ является, приводитъ за собой не работу мысли, въ прямомъ значеніи этого слова, а лишь безнадежное вращаніе въ пустотѣ, вращаніе, сопровождаемое всякаго рода трусостями, отступничествами, малодушіями.

Плодъ жизни, въ основѣ которой лежатъ одни пустяки, эта пустота только пустяками же и можетъ быть наполнена. Вопросы встаютъ, но внушаютъ болѣзненный страхъ;

воспоминанія плывутъ навстрѣчу, но вызываютъ отчаяніе; совѣсть пробуждается, но переходитъ въ смуту. Въ силу какого-то ужаснаго преданія, никто не задерживаетъ мысли, не вызываетъ ее на правильную работу. Остаются — пустыаки. Они представляютъ собой жизненный фондъ, естественное продолженіе всего прошлаго, начиная съ пеленокъ и кончая послѣднею, только что прожитою минутой, когда съ языка сорвалось — именно сорвалось, а не сказалось — послѣднее пустое слово. Въ однихъ пустыакахъ человѣкъ ощущаетъ себя вполне легко; передъ ними одними онъ не чувствуетъ надобности труситься, лицемѣрить, оглядываться въ страхъ по сторонамъ. Пустыаки представляютъ подавляющую силу именно въ томъ смыслѣ, что убиваютъ въ человѣкѣ способность интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ самаго низменнаго бездѣльничества. Является неудержимая потребность потонуть въ пустыакахъ, развѣять жизнь по вѣтру, существовать со дня на день, слоняться отъ одного предмета къ другому, ни во что не углубляясь...

Понятно, что тамъ, гдѣ жизнь слагается подъ бременемъ массы пустыаковъ, никакіе твердые общественные устои не могутъ быть мыслимы. Тѣ рѣдкіе проблески энергіи, которые, повременамъ, пробиваются наружу, и они пріобрѣтаютъ какіе-то чудовищныя, противочеловѣческія формы. Причина простая: въ кисельныхъ берегахъ никакое истинно-жизненное теченіе удержаться не можетъ. Когда жизнь растекается и загниваетъ, то понятно, что случайныя вспышки энергіи могутъ найти себѣ выходъ только или въ изувѣрствѣ, или въ презрѣніи. Ничего не жаль, нечего и некого воззвать къ дѣятельности. Надъ всѣмъ опочила плѣсень вѣковъ; все потонуло въ безразличной безднѣ, даже не отвѣдавъ отъ плода жизни. Возможна-ли, при подобныхъ усло-

віяхъ, иная дѣятельность, кромѣ такой, которая ничего другого не приносить, исключая личного самоуниженія, ненависти и презрѣнія?

Кто, не всуе носящій имя человѣка, не испыталъ священныхъ экзальтацій мысли? кто мысленно не обнижалъ человѣчества, не жилъ одной съ нимъ жизнью? Кто не метался, не изнемогалъ, чувствуя, какъ существо его загорается подѣ наплывомъ сладчайшихъ душевныхъ упоеній? Кто хоть разъ, въ долгій или короткий періодъ своего существованія, не обрекалъ себя на служеніе добру и истинѣ? И кто не пробуждался, среди этихъ упоеній, подѣ окрикъ: цыцъ... вредный мечтатель!

Мы, сходящіе съ жизненной сцены старики, мы настолько уже отдалены отъ упоеній мысли, что съ трудомъ можемъ воспроизвести даже внѣшніе признаки ихъ. Поэтому, и бездна, лежащая между упоеніемъ и пробуждающимъ его окрикомъ, не заставляеть насъ метаться отъ боли. Но несомнѣнно, что и мы въ свое время испытали всѣ фазисы этихъ упоеній. Однакожь, пришли пустяки и заволокли ихъ. Какимъ образомъ заволокли? — мы даже послѣдовательности этого процесса теперь намѣтить не можемъ. Мы можемъ только сказать: заволокли, и затѣмъ, какъ бы подѣ гнетомъ глубокой обиды, поспѣшить уйти отъ случайно выплывающихъ воспоминаній. Но, клянусь, даже и теперь становится жутко, когда спросишь себя: ужели съ такою же легкостью пустяки заволокутъ и тѣхъ, которые призваны смѣнить насъ?

Какъ бы то ни было, но для насъ, мужей совѣта и опыта, пустяки составляютъ тотъ средній жизненный уровень, которому мы фаталистически подчиняемся. Я не говорю, что тутъ есть сознательное «примиреніе», но въ существованіи «подчиненія» сомнѣваться не могу. И благо намъ. Пустяки служатъ для насъ оправданіемъ

въ глазахъ сердецѣдцевъ; они представляютъ собой нѣчто равносильное патенту на жизнь, и въ тоже время настолько одурманиваютъ совѣсть, что избавляютъ отъ необходимости ненавидѣть или презирать...

Счастливыцѣ!!

Тоска настигла меня немедленно, какъ только Блохины и Старосмыслы оставили Парижъ. Воротившись съ проводинъ, я ощутилъ такое глубокое одиночество, такую неслыханную наготу, что чуть было сейчасъ же не послалъ въ русскій ресторанъ за безшабашными совѣтниками. Однако, на этотъ разъ воздержался. Во-первыхъ, вспомнилъ, что я ужъ больше трехъ недѣль по Парижу толкаюсь, а ничего еще порядкомъ не видалъ; во-вторыхъ, меня вдругъ озарила самонадѣянная мысль: а что, ежели я и независимо отъ безшабашныхъ совѣтниковъ съумѣю просуществовать?

Цѣлыхъ два дня я бился, упорствуя въ своей рѣшимости, и скажу прямо: это были одни изъ мучительнѣйшихъ дней моей жизни. Вся бѣда въ томъ, что я сейчасъ же принялся мыслить. Началъ съ того, что побывалъ на берегахъ Пинеги и на берегахъ Вилюя, задалъ себѣ вопросъ: ужели есть такая нужда, которая можетъ загнать человѣка въ эти волшебныя мѣста? — и ничего на вопросъ не отвѣтилъ. Потомъ, тутъ же сряду, спросилъ себя: а что, еслибъ Старосмыслова не на шутку... сначала на коняхъ, затѣмъ на оленяхъ, наконецъ, на собакахъ... а? — и опять ничего не отвѣтилъ. По сцѣпленію идей, съ береговъ Пинеги и Вилюя я перенесся на берега Невы и заглянулъ въ квартиру современнаго русскаго либерала. Увы! онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ, всеми оставленный (ибо прочіе либералы тоже сидѣли, каждый въ своемъ углу, въ ожиданіи возмездія), и тревожно прислушивался, какъ бы

выжидая: вотъ-вотъ звякнетъ въ передней колокольчикъ. Лицо его замѣтно осунулось и выцвѣло противъ того, какъ я видѣлъ его мѣсяць тому назадъ, но губы все еще по привычкѣ шептали: въ надеждѣ славы и добра... И куда это онъ все приглашаетъ? на что надѣется? Или это такая ужъ скверная привычка: шептать, надѣяться, приглашать? удивился я про себя и опять ничего не отвѣтилъ. Отъ либерала мысленно зашелъ на квартиру консерватора и засталъ тамъ цѣлое сборище. Шумѣли, пили водку, потирали руки, проектировали мѣры по части упраздненія человѣческаго рода, писали вопросные пункты, проклинали совѣсть, правду, честь, проливали веселья крокодиловы слезы... Должно быть случилось что-нибудь ужасное — ишь вѣдь какъ гады закопошились! Быть можетъ, осуществился какой-нибудь новый актъ противочеловѣческаго изувѣрства, который далъ *идамъ* радостный поводъ для своекорыстныхъ обобщеній? Все это мелькнуло у меня въ головѣ, мелькнуло и запыло безъ отвѣта. Затѣмъ, я направился въ курную избу самарскаго мужика, но тутъ, даже не формулировавши вопроса, безъ оглядки побѣжалъ дальше. Углубился въ исторію, вспоминалъ про Ермака, подарившаго Россіи Сибирь, про новгородскую вольницу, отыскавшую Вятку, Соликамскъ, Чердынь, Пермь; про Ченслера, указавшаго путь къ устьямъ Сѣверной Двины, воскликнулъ: экъ васъ угораздило! и до такой степени оставилъ это восклицаніе безъ послѣдствій, что даже и теперь не могу обстоятельно объяснить, какимъ образомъ и зачѣмъ оно у меня сложилось.

Однимъ словомъ, ширялъ сизымъ орломъ по поднебесью, рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и даже растекался мыслью по древу. Совсѣмъ какъ во снѣ. Отчего я ни на одномъ вопросѣ не остановился, ни на одинъ не далъ отвѣта? я и на этотъ вопросъ отвѣтить не

могу. Можетъ быть потому, что мысль, атрофированная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, вообще утратила цѣпкость; но, можетъ быть, и потому, что затронутая мною матерія представляла нѣчто до того обыденное, что и вопросы, и отвѣты по ея поводу предполагаются фаталистически начертанными въ человѣческомъ сердцѣ и, слѣдовательно, одинаково праздными. Не то, чтобъ не было отвѣтовъ, но не было потребности ни отыскивать, ни формулировать ихъ...

Нѣсколько настойчивѣе, и какъ будто, опредѣленнѣе останавливался я на вопросѣ о сердцевидахъ и сердцевидахъ; но и тутъ, едва доходило дѣло до живого мяса, какъ мысль моя сейчасъ же впадала въ позорное двоегласіе.

Вопросъ о содержаніи сердець во всегдашней готовности для прочтенія — одинъ изъ самыхъ мучительныхъ въ нашей жизни. И я полагаю, что потому именно онъ такъ обострился у насъ, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не найдется такой массы глухихъ людей, для которыхъ весь кодексъ политической благонадежности выразился въ словахъ: что жь, если у меня душа чиста — милости просимъ! Да и не только за себя такимъ образомъ говорятъ эти глупцы, но и къ постороннимъ людямъ обращаются: «вѣдь у васъ, господа, души чистыя: отчего же не одолжить ихъ для прочтенія?..» Ахъ, срамъ какой!

Хуже всего то, что, наслушавшись этихъ приглашеній, а еще больше насмотрѣвшись на ихъ осуществленіе, и самъ мало по малу привыкаешь къ нимъ. Сначала скажешь себѣ: а что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же въ благоустроенномъ обществѣ безъ сердецъ-видаевъ! Вѣдь это въ своемъ родѣ необходимость... печальная... но все-таки необходимость! А потомъ, по маленьку да по легоньку, и свое собственное сердце начнешь съ та-

кимъ расчетомъ располагать, чтобъ оно во всякое время представляло открытую книгу: смотри и читай!

Приливы предупредительно-пресѣкательнаго энтузіазма, во время которыхъ сердце человѣческое, такъ сказать, само собой летитъ навстрѣчу околочному, до такой степени вошли въ наши нравы, что сдѣлались одною изъ самыхъ обыкновенныхъ обрядностей нашего существованія. Мы такъ мало вѣримъ въ себя, что даже не пытаемся искать защиты въ самихъ себѣ, а прямо воищемъ: Господа сердцевѣдцы! милости просимъ! Очевидно, мы сами въ этомъ контролѣ видимъ единственное средство обѣлить себя не только въ глазахъ любопытствующихъ, но и въ своихъ собственныхъ...

Само собой разумѣется, что я лично ничего противъ приливовъ этого рода не имѣю. Напротивъ того, я въ этомъ случаѣ даже привередливъ: самъ и страницы помогаю перевертывать, потому что вѣдь у него, у сердцевѣдца, пальцы-то, чортъ знаетъ въ чемъ перепачканы... Но, говоря по совѣсти, все-таки не могу скрыть, что любители подобнаго чтенія подчасъ бываютъ очень для подлежащаго прочтенію человѣка непріятны. Причина тому простая: въ человѣческомъ сердцѣ не одни дѣла, до благоустройства и благочинія относящіяся, написаны, но есть кое-что и другое. И вотъ когда начинаютъ добираться до этого «другого», то, по мнѣнію моему, это уже представляется равносильнымъ вторженію въ районъ чужого вѣдомства. Все равно, какъ при обыскѣ или прочтеніи писемъ частныхъ лицъ. Я знаю, конечно, что ежели у меня «искомаго» ничего нѣтъ, то и опасаться мнѣ нечего; но, къ сожалѣнію, кромѣ «искомаго», у меня можетъ оказаться и нѣчто «неискомое». Это «неискомое» я имѣлъ слабость считать своею личною неприкосновенною тайностью, и вдругъ на него глянулъ взглядъ-смотрѣкъ. «Помнишь ли, милый другъ, какъ ты,

какъ я»... кажется, въ этомъ ничего нѣтъ «искомаго?» А между тѣмъ, когда это «неискомое» дѣлается обрѣтеннымъ, то чувствуется ужасная, почти несносная неловкость. Сначала думается: «вотъ оно какое дѣло случилось!» а потомъ думается и еще: «эхъ, руки-то коротки!» Право, съ ума сойти можно... И сходятъ.

Не знаю, можетъ быть, меня упрекнуть, что, разсуждая такимъ образомъ, я обнаруживаю крайнюю неспособность держаться на высотѣ положенія. Виновать, дѣйствительно, этой способности во мнѣ нѣтъ. Будь у меня она, я стоялъ бы себѣ, да постаивалъ на высотѣ положенія — и горюшка мало! Но разъ что высоты для меня недоступны, я поневолѣ отношусь скептически къ полезнымъ свойствамъ сердецвѣдѣнія. И потому, когда замѣчаю, что большинство сердецвѣдцовъ не только смѣшиваетъ «искомое» съ «неискомымъ», но даже сопровождаетъ подобныя смѣшенія веселыми прибаутками, то эти послѣднія ни мало не кажутся мнѣ восхитительными. Иной, напримѣръ, сразу видитъ, что читать нечего, но замѣтитъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ: «помнишь ли, какъ ты, какъ я» — и вѣщится. А бываютъ и такіе, что прежде всего наровятъ отыскать, не написано ли гдѣ: «Извлеченіе изъ высочайшаго манифеста о кредитныхъ билетахъ», и какъ только отыщеть, такъ сейчасъ: эти страницы я ужъ у себя на дому прочту-съ...

Неужто это резонъ?

Вотъ почему иногда и думается: не лучше ли было бы, еслибъ, въ видѣ опыта, право читать въ сердцахъ было замѣнено правомъ ожидать поступковъ... Но тутъ же сряду представляется и другое соображеніе: иной вѣдь, пожалуй, такъ изловчится, что и никогда отъ него никакихъ поступковъ не увидишь... неужто-жь такъ-таки и ждать до окончанія вѣковъ?

Нѣтъ, воля ваша, а это тоже не резонъ.

Или возьмемъ другой примѣръ того же порядка. Многіе публицисты пишутъ: ежели де на песчаномъ морскомъ брегѣ случай просыпалъ коробку съ иголками, то нужно-де эти иголки всё до одной розыскать, хотя бы для этого пришлось взбудоражить весь берегъ...

Многіе, однакожь, полагають, что это не резонъ.

Но, съ другой стороны, какъ размыслишь, да къ тому же еще и съ околодочнымъ переговоришь, то представляется и такое соображеніе: иголки имѣють свойство впиваться, причинять общее безпокойство и т. д. — неужто же такъ-таки и оставить ихъ безъ розысканія.

Нѣтъ, какъ хотите, и это не резонъ.

Резонъ — не резонъ; не резонъ — и опять резонъ. Вотъ вокругъ этихъ-то безплодныхъ терминовъ и вертится жизнь, какъ бѣлка въ колесѣ.

Въ сей крайности, мнѣ кажется, самое лучшее: отложить всякое попеченіе, сидѣть и молчать. Только и тутъ опять бѣда: пожалуй, молчавши, измучаешься!

Слово — серебро, молчаніе — золото; такъ гласитъ стародавняя мудрость. Не потому молчаніе приравняется злату, чтобъ оно представляло невѣсть какую драгоценность, а потому что, при извѣстныхъ условіяхъ, другого болѣе правильнаго выхода нѣтъ. Когда на сцену выступаетъ практическое сердцевѣдѣніе, то я, прежде всего, разсуждаю такъ: вѣроятно, въ данную минуту, обстоятельства такъ сложились, что безъ этого обойтись невозможно. Но, въ то же время, не могу же я заглушить въ своемъ сердцѣ голосъ той высшей человѣческой правды, который удостовѣряетъ, что подобныя условія жизни ни нормальными, ни легко переживаемыми назвать не приходится. И вотъ, когда очутишься между двумя такими голосами, изъ которыхъ одинъ говоритъ «правильно!» а другой: «правильно, чортъ возьми, но несносно!» Вотъ тогда-то и приходитъ на умъ: а что,

ежели я до времени помолчу! И помолчу, потому что и безъ меня охотниковъ говорить достаточно...

Тяжелое наступило нынѣ время, господа: время отравленія особаго рода ядомъ, который я назову *изетнымъ*. Ахъ, какое это неслыханное мученіе, когда газетныя трихины играть начинаютъ! Ползаютъ, суматошатся, вшиваются, съискиваютъ, точатъ. Наглотаешься съ утра этого яду, и потомъ цѣлый день какъ отравленный ходишь...

Какой же, однако, выходъ изъ этого лабиринта двоесловій? Неужто только одинъ и есть: помолчу?..

. . . . .

Но положеніе мое ухудшилось еще больше, когда, наскучивъ безплоднымъ пребываніемъ въ мірѣ конкретностей, я самонадѣянно попытался сизымъ орломъ взлетѣть въ сферу отвлеченностей. Въ старину, я дѣлывалъ подобные полеты нерѣдко. Въмѣстѣ съ прочими сверстниками, я охотно баловалъ себя экскурсіями въ ту область, гдѣ предполагается «невидимыхъ вещей обличеніе», и, помнится, экскурсіи эти доставляли мнѣ живѣйшее удовольствіе. Не скажу, чтобъ я видѣлъ эту область вполнѣ отчетливо, но, во всякомъ случаѣ, созерцаніе ея возбуждало во мнѣ не страхъ, а положительно сладостное чувство. Вообще, тогда жилось дерзновеннѣе (я, конечно, имѣю въ виду только себя и своихъ сверстниковъ), хотя не могу не сознаться, что основной жизненный фондъ все-таки былъ пораженъ непослѣдовательностью, граничащей съ легкомысліемъ. Двѣ жизни шли рядомъ: одна, такъ сказать, *pro domo*, другая — страха ради іудейска, то есть въ формѣ оправдательнаго документа передъ начальствомъ. Сидишь, бывало, дома, и всѣмъ существомъ, такъ сказать, уходишь въ область «невидимыхъ вещей обличенія». И вдругъ, бьетъ урочный часъ — бѣги въ канцелярію. Надѣлъ штаны, виць-мун-

дирь, и черезъ четверть часа находишься ужъ совсѣмъ въ другой области — въ области «видимыхъ вещей утверждения». Натурально, и тамъ, и тутъ — вопросы совсѣмъ разные. Въ первой области — вопросъ о томъ, позади ли нужно искать золотого вѣка, или впереди; во второй — вопросъ объ устройствѣ золотыхъ вѣковъ при помощи губернскихъ правленій и управъ благочинія, на точномъ основаніи, изданныхъ на сей предметъ, узаконеній. Посидишь, поскребешь перомъ, смотришь, опять бьетъ урочный часъ. Снова бѣжишь домой, перемянешь штаны, надѣваешь сюртукъ или халатъ, и опять попадаешь въ область «невидимыхъ вещей обличенія». Такъ и прошла молодость...

Нынѣшнему поколѣнію можетъ показаться не совсѣмъ складною эта бѣготня изъ одной области въ другую, но тогда — жилось и неловкостей не ощущалось.

И вотъ теперь, спустя много-много лѣтъ, благодаря случайному одиночеству, точно струя молодости на меня хлынула. Дай, думаю, побѣгаю, какъ въ старину бывало.

Однако, бѣгать не привелось, ибо какъ ни ходкоплыли навстрѣчу молодыя воспоминанія, а все-таки пришлось убѣдиться, что и ноги не тѣ, и кровь въ жилахъ не та. Да и вопросы, которые принесли эти воспоминанія... ужъ, право, не знаю, какъ и назвать ихъ. Одни, болѣе свисходительные, называютъ ихъ несвоевременными, другіе, несомнѣнно злобные — прямо вредными. Что же касается лично до меня... А, впрочемъ, судите сами.

Вопросъ первый: утѣшаетъ ли исторія? Лѣтъ сорокъ тому назадъ — я знаю это навѣрное — я, по сущей правдѣ, отвѣтилъ бы: да, утѣшаетъ. А нынче что я скажу? Вѣдь я даже мыслить принципиально, безъ вводныхъ примѣсей, разучился. Начну съ мрака времени, и только-что забрезжетъ свѣтъ, сейчасъ наткнусть либо на Пинегу съ Вилюемъ, либо на уставъ о пресѣченіи, да

туть и загрязну. Именно это самое и теперь случилось. Едва выглянулъ на меня вопросъ, едва приступилъ я къ его расчлененію, какъ вдругъ откуда ни взялся генераль-маіоръ Отчаянный и такъ сверкнулъ очами, что я сразу опѣшилъ. Нѣтъ, ужъ лучше я завтра... смущенно отвѣтилъ я самъ себѣ, и въ ту же минуту поспѣшилъ съ такимъ расчетомъ юркнуть, чтобъ и ушей моихъ не было видно.

Вопросъ второй: можно ли жить съ народомъ, опираясь на оный? Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я навѣрное отвѣтилъ бы: не только можно, но иначе и жить нельзя. Нынче... Только-что начну я рассказывать и доказывать «отъ принципа», что человѣческая дѣятельность, внѣ сферы народа, безпредметна и бессмысленна, какъ вдругъ во всемъ моемъ существѣ «шкура» заговорить. Выглянуть молодцы изъ Охотнаго ряда, сотрудники съ Сѣнной площади, и, наконецъ, цѣлая масса афферистовъ-бандитовъ, въ родѣ Наполеона III, который вѣдь тоже возглашалъ: *tout pour le peuple et par le peuple...* И, разумѣется, въ заключеніе: нѣтъ, ужъ лучше я завтра...

Вопросъ третій: можно ли жить такою жизнью, при которой полагается ѣсть пирогъ съ грибами исключительно затѣмъ, чтобъ держать языкъ за зубами? Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я опять-таки, навѣрное, отвѣтилъ бы: нѣтъ, такъ жить нельзя. А теперь? — теперь: нѣтъ, ужъ я лучше завтра...

Словомъ сказать, на цѣлую уйму вопросовъ пытался я дать отвѣты, но увы! ни конкретности, ни отвлеченности — ничто не будило обезсилѣвшей мысли. Мучился я, мучился и чуть-было не крикнулъ: водки! но, къ счастью, въ Парижѣ это напитокъ не столь общедоступный, чтобъ можно было, по произволению, утѣшаться имъ...

Такъ я и легъ спать, вынеся изъ двухдневной тоски

одну истину: что, при известныхъ условіяхъ жизни, за-
пой долженъ быть разсматриваемъ не столько съ точки
зрѣнія порочности воли, сколько въ смыслѣ неудержи-
мой потребности огорченной души...

Мой сонъ былъ тревожный, больной. Сначала мере-
щились какіе-то лишенные связи обрывки, но, мало-по-
малу, образовалось нѣчто связанное, цѣлый colloquium, ге-
роиней котораго была... свинья! Однакожь, этотъ collo-
quium настолько любопытенъ, что я считаю не лишнимъ
подѣлиться имъ съ читателемъ, въ томъ видѣ, въ ка-
комъ сохранила моя память.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СВИНЬЯ

или

РАЗГОВОРЪ СВИНЬИ СЪ ПРАВДОЮ.

Прерванная сцена.

Дѣйствующія лица:

Свинья, развѣвшееся животное; щетина ошерилась и блеститъ, вслѣд-
ствіе непрерывнаго обхожденія съ хлѣвной жидкостью.

Правда, особа, которой, по штату, полагается быть вѣчно-юною, но
уже изрядно побитая. Прикрыта, по распоряженію начальства
лохмотьями, сквозь которыя просвѣчиваетъ классическій пол-
ный мундиръ, т. е. нагота.

Дѣйствіе происходитъ въ хлѣву.

Свинья (*кобенится*). Правда ли, сказываютъ, на
небѣ-де солнышко свѣтитъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. Такъ ли, полно? Никакихъ я солнцевъ, жи-
вучи въ хлѣву, словно не видывала?

Правда. Это оттого, свинья, что когда природа соз-

давала тебя, то, создавая, приговаривала: не видать тебѣ, свинья, солнца краснаго!

Свинья. Ой-ли? (*Авторитетно*). А по моему, такъ всё эти солнцы — одно лжеученіе... ась?

Правда *безмолствуетъ и сконфууженно поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: правда твоя, свинья! лжеученія! лжеученія!*

Свинья (*продолжаетъ кобениться*). Правда ли, будто въ газетахъ печатаютъ: свобода-де есть драгоценнѣйшее достояніе человѣческихъ обществъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. А по моему, такъ и безъ того у насъ свободы по горло. Вотъ я безотлучно въ хлѣву живу — и горюшка мало! Чтò мнѣ! Хочу — рыломъ въ корыто уткнусь, хочу — въ навозъ кувыркаюсь... какой еще свободы нужно! (*Авторитетно*). Измѣнники вы, какъ я на васъ погляжу... ась?

Правда *вновь старается прикрыть наготу. Публика гогочетъ: правда твоя, свинья! Измѣнники! измѣнники! Нѣкоторые изъ публики требуютъ, чтобъ Правду отвели въ участокъ. Свинья самодовольно хрюкаетъ, сознавая себя на высотѣ положенія.*

Свинья. Зачѣмъ отводить въ участокъ? Вѣдь тамъ для проформы подержать, да и опять выпустятъ. (*Ложится въ навозъ и впадаетъ въ сантиментальность*). Ахъ, нынче и участковые однимъ языкомъ съ фельетонистами говорятъ! Намеднись, я въ одной газетѣ вычитала: оттого-де у насъ слабо, что законы только для проформы пишутся...

Правда. Такъ ты и читаешь, свинья?

Свинья. Почитываю. Только понимаю не такъ, какъ написано... Какъ хочу, такъ и понимаю!.. (*къ публикѣ*). Такъ вотъ что, други! въ участокъ мы ее не отправимъ, а своими средствами... Съискивать ее станемъ... сегодня

вопросецъ зададимъ, а завтра — два... (*Задумывается*).
Сразу не покончимъ, а постепенно чавкать будемъ...
(*Соня, подходитъ къ Правдѣ, хватаетъ ее за шкуру и
начинаетъ чавкать*). Вотъ такъ!

ПРАВДА *пожимается отъ боли; публика грохочетъ.*
Раздаются возгласы: ай да свинья! вотъ такъ затѣй-
ница!

СВИНЬЯ. Что? сладко? Ну, будетъ съ тебя! (*Пере-*
стаетъ чавкать). Теперь, сказывай: гдѣ корень зла?

ПРАВДА (*растерянно*). Корень зла, свинья? корень
зла... корень зла... (*Ръшительно и неожиданно для са-*
мой себя). Въ тебѣ, свинья!

СВИНЬЯ (*разсердилась*). А! такъ ты вотъ какъ по-
говариваешь! Ну, теперь только держись! Правда ли,
сказывала ты: общечеловѣческая-де правда противъ око-
лодочно-участковой не въ примѣръ превосходитъ?

ПРАВДА (*стараясь изловчиться*). Хотя при извѣст-
ныхъ условіяхъ жизни, невозможно отвергать...

СВИНЬЯ. Нѣтъ, ты хвостомъ-то не верти! Мы эти
момѣ-то слыхивали! Сказывай прямо! точно ли, по мнѣ-
нію твоему, есть какая-то особенная правда, которая
противъ околодочной превосходитъ?

ПРАВДА. Ахъ, свинья, какъ измѣнически подло...

СВИНЬЯ. Ладно; объ этомъ мы послѣ поговоримъ.
(*Наступаетъ плотнее и плотнее*). Сказывай дальше.
Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всѣхъ
должны обезпечивать, потому-де что, въ противномъ
случаѣ, человѣческое общество превратится въ хаотиче-
скій сбродъ враждующихъ элементовъ... объ какихъ это
законахъ ты говорила? По какому поводу и кому въ по-
ученіе, сударыня, разглаговльствовала? ась?

ПРАВДА. Ахъ, свинья!

СВИНЬЯ. Нечего мнѣ «свиньей»-то въ рыло тыкать.
Знаю я и сама, что свинья. Я — Свинья, а ты —

Правда... (Хрюканье свиньи звучит иронией). А нутко, свинья, погложи-ка правду! (Начинает чавкать. Къ публикъ). Любо, что ли, молодцы?

ПРАВДА корчится отъ боли. Публика приходитъ въ неистовство. Слышится со всѣхъ сторонъ: Любо! Нажимай, свинья нажимай! Гложи ее! чавкай! Ишь вѣдь, распостылая, еще разговаривать вздумала!

На этомъ colloquium былъ прерванъ. Далѣе я ничего не могъ разобрать, потому что въ хлѣву поднялся такой гвалтъ, что до слуха моего лишь смутно долетало: «правда ли, что въ университетѣ...», «правда ли, что на женскихъ курсахъ...» Въ одно мгновеніе ока, Правда была опутана цѣлою сѣтью дурацки-предательскихъ подвоховъ, причемъ всякая попытка распутать эту сѣть встрѣчалась чавканьемъ свиньи и грохотомъ толпы: давай, братцы, ее своимъ судомъ судить... народнымъ!!

Я лежалъ, какъ скованный, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ и меня начнутъ чавкать. Я, который всю жизнь въ легкомысленной самоувѣренности повторялъ: Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ! — я вдругъ во все горло заоралъ: съѣстъ свинья! съѣстъ!

Въ эту минуту сильный стукъ въ дверь заставилъ меня проснуться.

Стучалась хозяйка. Кто-то добрый человекъ проходилъ по лѣстницѣ и слышалъ мои стоны. Хозяйка прибѣжала испуганная — ей представилось, что, отъ нечего дѣлать, я произвожу опыты самоубійства — и, разумѣется, очень обрадовалась, какъ узнала, что весь переполохъ произошелъ отъ того, что мнѣ приснилась свинья.

— Mais cela m'arrive tous les jours! воскликнула она и сейчасъ же самымъ естественнымъ образомъ объяснила это явленіе.

Дѣло въ томъ, что меблированная квартира была какъ разъ расположена надъ рынкомъ Мадлѣны, и такъ какъ туда каждую ночь привозили транспорты свиней, то обстоятельство это не могло не дѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ на воображеніе квартирантовъ.

— Въ первое время, когда мы сняли наше заведеніе, это было очень тяжело, добавила она: — я, впрочемъ, довольно скоро привыкла, но мой бѣдный мужъ чуть съ ума не сошелъ. Однако, теперь все пришло въ порядокъ. Всякій день мы видимъ во снѣ каждый свою свинью, и это ужъ не смущаетъ насъ.

Тѣмъ не менѣе, она ужасно изумилась, когда я, въ свою очередь, объяснилъ ей, что намъ видятся во снѣ совершенно различныя свиньи: ей — такія, которыхъ люди ѣдятъ, а мнѣ — такія, которыя сами людей ѣдятъ.

— У насъ такихъ животныхъ совсѣмъ не бываетъ, сказала она: — но русскіе, дѣйствительно, довольно часто жалуются, что ихъ посѣщаютъ видѣнія въ этомъ родѣ... И знаете ли, чтѣ я замѣтила? — что это случается съ ними преимущественно тогда, когда друзья, въ кругу которыхъ они проводили время, покидаютъ ихъ и вслѣдствіе этого они временно остаются предоставленными самимъ себѣ.

Я долженъ былъ согласиться, что это правда. Одиночество вынуждаетъ насъ думать, а мы къ думанью непривычны. Сообща, мы еще можемъ какъ-нибудь проваландаться: въ винтъ, что ли засядемъ, или въ трактиръ закатимся, а какъ только останешься одинъ, такъ и обступитъ тебя...

— Очень мы оробѣли, *chère madame*, прибавилъ я. — Дѣла-то насъ выворачиваютъ-выворачиваютъ — все стараются, какъ бы лучше вышло. Выворотятъ на изнанку — нехорошо; на лицо выворотятъ — еще хуже. Выворачиваютъ да приговариваютъ: паче всего, вы не сомнѣ-

вайте! Ну, мы и не сомнѣваемся, а только всеминутно готовимся: вотъ сейчасъ опять выворачивать начнутъ!

— Но вѣдь прїѣхавши за границу, *mon cher monsieur*...

— И за границей тоже. Какъ набойшься дома, такъ и за границей небо съ овчинку кажется. Въ ресторанъ придешь — гарсона боишься: какое вы, скажетъ, имѣли право меня не дѣльными заказами беспокоить? Въ музей придешь — думаешь: а что, если я ничего не смыслю? Въ бібліотеку завернешь — думаешь: а ну какъ у меня языкъ сболтнетъ, дайте-моль водевилъ «Отецъ какихъ мало» почитать, буде онъ цензурой не воспрещенъ! Такъ-то, *chère madame*! Взвѣсьте-ка все это, да и спросите себя по совѣсти: можемъ ли мы другіе сны видѣть, кромѣ самыхъ, что называется экстренныхъ?

Признанія мои видимо тронули добрую женщину. Глаза ея отуманились и до слуха моего не разъ долетало тихое, но глубоко прочувствованное: *saperlotte!*

— Единственное средство избавиться отъ видѣній, продолжалъ я: — это вновь подыскать компанію, которая не давала бы думать. Слыхалъ я, будто въ Парижѣ за сходную цѣну собесѣдника нанять можно? Не знаете ли вы, *chère madame*?

Она задумалась на минуту, какъ бы ища въ своихъ воспоминаніяхъ.

— *C'est ça! j'ai votre affaire!* воскликнула она, хлопнувъ себя по ляжкѣ.—*Ah, vous serez bien, bien content, mon cher monsieur! je ne vous dis que ça!*

И точно: черезъ полчаса, она уже вновь стучалась въ мою дверь, ведя за собой «собесѣдника».

— *Le général Capotte!* отрекомендовала она пришельца, и оставила насъ вдвоемъ.

Передо мной стоялъ крупный, плечистый и сильный дѣтина, достаточно пожилой (впослѣдствіи оказалось, что ему 60 лѣтъ), но удивительно сохранившійся. Въ по-

строеніи его тѣла замѣчалось, однакожь, нѣчто въ высшей степени загадочное. Голова выдалась впередъ, грудь — тоже, между тѣмъ, какъ животъ представлялся вдавленнымъ и вся нижняя часть тѣла искусственно отброшенною назадъ. Руки выворочены, лѣвая представляется устремленною, съ выдавшимися указательнымъ и третьимъ пальцами; правая — согнута въ локтѣ и какъ бы нѣчто держитъ въ стиснутомъ кулакѣ. Ноги тоже изумительныя: лѣвая — держитъ позицію, правая — осталась позади и слегка приподнята. Гдѣ-то я видывалъ подобныя фигуры (впослѣдствіи, выяснилось, что на вывѣскахъ провинціальныхъ трактировъ). И лицо у него было знакомое, какъ бы специально приспособленное: бѣлыя хрящевидныя щеки; одинъ глазъ прищуренъ и всматривается, другой — задумался; ротъ — перекосило. И въ довершеніе загадочности, на плечахъ — виць-мундиръ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Онъ молча подалъ мнѣ карточку, на одной сторонѣ которой значилось:

Jean-Marie-François-Archibald Capotte.

Conseiller d'Etat Actuel.

Ancien professeur de billard.

А на другой:

Иванъ Архиповичъ Капоттъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Педагогъ.

Карточка эта разомъ объясняла все загадочности тѣлеснаго построенія. Одно только сомнѣніе представля-

лось уму: говорить-ли ему «ваше превосходительство» или просто: Капоттъ? Несомнѣнно, что въ томъ кафѣ, при которомъ онъ состоитъ, въ качествѣ всегда готово-ваго къ услугамъ посѣтителей биллиарднаго партнера (за это онъ ежедневно получаетъ отъ буфета одну котлету и двѣ рюмки *gorki*), его зовутъ не иначе, какъ «*général*»; но почему-то мнѣ показалось, что, по совѣсти, онъ совсѣмъ не генераль, а прохвость. Мы, русскіе, на этотъ счетъ очень щекотливы. Охотно признавая заслуги, оказываемыя государству отлично-усерднымъ веденіемъ входящихъ и исходящихъ регистровъ, мы подозрительнымъ окомъзираемъ на заслуги, приносимыя биллиардной игрой, фехтованіемъ и хореографическимъ искусствомъ. Да вѣдь оно и въ самомъ дѣлѣ какъ будто странно. Сидишь, напримѣръ, въ балетѣ; спрашиваешь сосѣда: а кто-моль это сію минуту такое изумительное антраша откололъ? — и вдругъ отвѣтъ: это дѣйствительный статскій совѣтникъ Маріюсъ Петипа...

А въ Парижѣ это ужъ и совсѣмъ никуда не годится, ибо тамъ даже Гамбетта не дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Какъ бы то ни было, но, взглянувъ еще разъ на вывернутыя Капоттовыя ноги, я сразу порѣшилъ, что буду называть просто: *mon cher Capotte*.

— Ну-съ, *mon cher Capotte*, началъ я: — такъ вы изъявляете готовность быть моимъ собесѣдникомъ... какія-же ваши условія?

Разумѣется, онъ не сразу отвѣтилъ мнѣ, но предварительно началъ лгать. Изъ словъ его оказывалось, что всѣ «знатные иностранцы» (конечно изъ русскихъ) непременно обращаются къ нему. Ибо онъ не только пріятный собесѣдникъ, но и мужъ совѣта. Всѣ проекты, которыми «знатные иностранцы», воротившись изъ Парижа, радуютъ Россію, принадлежать ему, Капотту.

Такъ, напимѣрь, не очень давно князь Букиазба про-
эктъ публиковалъ: какъ поступить съ мужикомъ? — и
выдалъ его за собственный, а, въ сущности, главнымъ
руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Капоттъ.

— Князь даже совсѣмъ не того хотѣлъ, что потомъ
вышло, объяснилъ Капоттъ: — онъ думалъ, что мужика
необходимо въ кандалы заковать. Но я убѣдилъ его пе-
редать это дѣло на обсужденіе въ наше кафѣ — мы
тамъ все демократы собираемся...

— Но и шпионы, Капоттъ?

— Гм... вы понимаете, что ежели въ интересахъ
истины необходимо...

— Продолжайте, Капоттъ.

— И мы, по внимательномъ разсмотрѣніи, рѣшили:
мужика расковать, а заковать интеллигенцію, препору-
чивъ молодцамъ изъ Охотнаго ряда имѣть бдительнѣй-
шій за нею надзоръ...

— Послушайте, Капоттъ! какъ вы, однакожь, чисто
по русски говорите!

Замѣчаніе это видимо ему польстило. «О, душою я и
до сихъ поръ русскій!» воскликнулъ онъ и въ доказа-
тельство произнесъ нѣсколько неупотребительныхъ въ
печати выраженій, съ такою отчетливостью, что по ком-
натѣ въ одно мгновеніе распространился смрадъ.

— Прекрасно! перебилъ я его: — но не будемъ увле-
каться. Стало быть, еслибъ и у меня, чего Боже со-
храни, что-нибудь наверхулось... вы мнѣ поможете, Ка-
поттъ?

— Несомнѣнно, отвѣтилъ Капоттъ.

— Но, главное, вы поможете мнѣ убить время...
Время — это злѣйшій изъ нашихъ враговъ! Скучно
намъ, Капоттъ, ахъ, какъ скучно!

— Русскіе, дѣйствительно, чаще скучаютъ, нежели
люди другихъ національностей, и мнѣ кажется, это

происходить отъ того, что они черезъ-чуръ избалованы. Русскіе не любятъ ни думать, ни говорить. Я зналъ одного полковника, который во всю жизнь не сказалъ ни одного слова своему деньщику, предпочитая объясняться посредствомъ тѣлодвиженій.

— Ахъ, Капоттъ! но вѣдь это-то и есть...

— Идеаль, хотите вы сказать? — Сомнѣваюсь. Въ сущности, разговаривать не только необременительно, но даже пріятно. Постоянное молчаніе приводитъ къ угрюмости, а угрюмость — къ пьянству. Напротивъ того, человѣкъ, имѣющій привычку пользоваться даромъ слова, очень скоро забываетъ объ водкѣ, и употребляетъ лишь такіе напитки, которые способствуютъ общительности. Русскіе очень талантливы, но они почти совсѣмъ не разговариваютъ. Вотъ когда они начнутъ разговаривать...

— Благодарю васъ, Капоттъ!

Вообще, Россіи предстоитъ великая будущность; но все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ и когда будетъ ей предоставлено воспользоваться даромъ слова. Такъ, напримѣръ, ежели это случится черезъ тысячу лѣтъ...

— Благодарю васъ, Капоттъ!

— Мы во Франціи съ утра до вечера говоримъ, не унимался Капоттъ: — говоримъ да говоримъ, а иногда что-нибудь и скажемъ. Но еслибъ насъ заставили тысячу лѣтъ молчать, то и мы, навѣрное, одичали бы...

— Еще разъ, благодарю васъ, Капоттъ, но я считаю подобные разговоры преждевременными. Возвратимся къ предмету нашего свиданія. Ваши условія?

— Условія мои всегда одинаковы. Десять франковъ въ день — это мой гонораръ. Затѣмъ, куда бы мы съ вами ни пошли — въ театры, рестораны и проч. — вы предоставляете мнѣ тѣже удобства, какими будете сами пользоваться. Если, по обстоятельствамъ, вамъ придется гдѣ-нибудь остаться одному, то я буду ожидать васъ

въ ближайшемъ кафѣ, и вы уплатите за мою консommaцію. Я же, съ своей стороны, обязываюсь быть въ вашемъ распоряженіи отъ одиннадцати часовъ утра вплоть до закрытія театровъ. Но въ крайнемъ случаѣ, вы можете задержать меня и дольше.

Эти условія были положительно тяжелы для моего бюджета; но страхъ вновь увидѣть во снѣ свинью былъ такъ великъ, что я, не долго думая, согласился.

— Въ принципѣ, я ничего не имѣю противъ вашихъ условій, сказалъ я: — но предварительно желалъ бы предложить вамъ два вопроса. Во-первыхъ, объ чемъ мы будемъ бесѣдовать?

— Я могу говорить обо всемъ. Я выжилъ тридцать лѣтъ въ Россіи, слѣдовательно, если вы захотите говорить объ язвахъ, удручающихъ вашу страну, — я могу перечислить ихъ вамъ по пальцамъ; если же, напротивъ, вы пожелаете вести рѣчь исключительно о доблестяхъ, — я и тутъ къ вашимъ услугамъ. Затѣмъ, я знаю очень много «разказовъ» изъ жизни достопримѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, и увѣренъ, что рассказы эти доставятъ вамъ удовольствіе. Такова моя программа относительно Россіи. Что же касается Франціи, то вы можете предлагать мнѣ какіе угодно вопросы, — я на все имѣю самые обстоятельные отвѣты.

— Отлично. Во-вторыхъ, отвѣтите мнѣ откровенно, Капоттъ!! Вы не шшш... то-бишь pardon! — не сердцевѣдецъ?

Я ждалъ, что Капоттъ смутится, но онъ смотрѣлъ на меня ясно и почти благородно. Очевидно, подобный вопросъ уже не разъ былъ обращаемъ къ нему.

— Въ смыслѣ постояннаго занятія — нѣтъ, отвѣчалъ онъ твердо: — но не скрою отъ васъ, что когда обстоятельства призываютъ меня, то я всегда застаю себя стоящимъ на высотѣ положенія!

Тѣмъ не менѣе, говоря это, онъ привсталъ, какъ бы приготовляясь ретироваться. Такова сила предразсудка, сопряженная съ представленіемъ о сердцевѣдѣніи, что даже этотъ крупный и сильный мужчина опасался: а ну какъ меня за это не похвалятъ! Разумѣется, я поспѣшилъ успокоить его.

— Капоттъ! сказалъ я: — не опасайтесь! Вообще говоря, сердцевѣдѣніе, конечно, не особенно для меня симпатично; но такъ какъ, я понимаю, что въ благоустроенномъ обществѣ обойтись безъ этого нельзя, то покоряюсь. Но прошу васъ объ одномъ: читайте въ моемъ сердцѣ, но читайте лишь то, что дѣйствительно въ немъ написано! Не лгите! а ежели чего не поймете, то не догадывайте, не объяснившись предварительно со мною!

Онъ съ радостью согласился исполнить эту просьбу, и мы окончательно поладили.

Біографія Капотта было очень трогательна. Онъ былъ внукъ сестры Марата и много пострадалъ отъ людской несправедливости по случаю этого несчастнаго родства: Уже родители Капоттовы старались примѣрнымъ поведеніемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ смыть наслѣдственное пятно, но всѣ усилія ихъ остались тщетными: ни Наполеонъ, ни Бурбоны не довѣряли ихъ искренности. Нерѣдко пробовали Капотты предавать своихъ кровныхъ, оставшихся вѣрными бездѣльнымъ Маратовымъ преданіямъ, но ихъ предательства называли недостаточными и своекорыстными; когда же они проливали слезы боли и раскаянія, то ихъ слезы называли крокодиловыми. Со вступленіемъ на престолъ Луи-Филиппа, сердца Капоттовъ на мгновеніе оживились надеждою; но хотя Луи-Филиппъ былъ возведенъ на тронъ не *par sesceque*, а *quoique* Бурбонъ, однакожь, въ отношеніи къ Маратовскимъ преданіямъ, оказался еще больше Бурбономъ, не-

жели самые истые Бурбоны. Онъ даже «извѣщеній» не велѣлъ принимать отъ Капоттовъ, «яко отъ людей бездѣльныхъ и довѣрія не заслуживающихъ». Тогда Капотты окончательно пали духомъ и долгое время жили въ полномъ отчужденіи, находя утѣшеніе только въ религіи. Наконецъ, въ 1840 году, юный отпрыскъ этого дома, Jean-Marie-François-Arshibald Capotte принялъ героическое рѣшеніе. Это былъ двадцатилѣтній юноша, сильный, цвѣтушій, полный надеждъ и въ совершенствѣ постигшій тайны биллиардной игры. Наскучивъ унылымъ прозябаніемъ въ отечествѣ и возмущенный несправедливостью согражданъ, онъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и переселился въ сѣвѣга Россіи.

Въ Россіи словно только и ждали его пріѣзда. Прибывъ въ Петербургъ, онъ чистосердечно объяснилъ свое родство съ Маратомъ, присовокупивъ при этомъ, что постарается искреннимъ раскаяніемъ смыть съ себя это пятно. Поступокъ этотъ былъ найденъ благороднымъ. Признано было, что внукъ не долженъ отвѣчать за поступки дѣда, хотя бы то былъ Марать. Когда же на вопросъ: чтò онъ можетъ дѣлать? — Капоттъ съ твердостью отвѣтилъ: все что угодно! — то было сочтено за удобнѣйшее пристроить его въ качествѣ педагога. А дабы сообщить этому устройству нарочитую прочность, Капоттъ изъявилъ готовность присоединиться къ единой православной греко-россійской церкви. Узнавъ объ этомъ, русскія дамы вдругъ словно сбѣсились. Графиня Мамелфина, княгиня Букиазба, маркиза де-Санглò, генеральша Бѣдокурова наперебой переманивали его другъ у друга для воспитанія дѣтей. Благодаря ихъ ходатайствамъ, Капоттъ былъ зачисленъ на службу разомъ по тремъ вѣдомствамъ: у стараго князя Букиазба по части изобрѣтенія пристойныхъ законовъ, у маркиза де-Санглò — по части распространенія пристойнаго просвѣще-

нія и у генерала Бѣдокурова — по какой-то не вполне ясной части, въ титулѣ которой можно было, однакожь, разобрать: «строгость и притомъ быстрота». И по всѣмъ тремъ вѣдомствамъ получалъ пристойное жалованье.

Между тѣмъ, юные питомцы были тоже безъ ума отъ Капотта, ибо послѣдній, посѣвая въ ихъ сердцахъ сѣмена религіи, въ то же время обучалъ ихъ веселымъ романсамъ и игрѣ на билліардѣ. Кромѣ того, имѣя въ виду, что питомцамъ его предстоитъ великое будущее, онъ издалъ «Краткія правила для изобрѣтенія мѣропріятій и немедленнаго ихъ осуществленія», которыя и до сихъ поръ остаются незамѣнимыми. Словомъ сказать, Капоттъ до того преуспѣлъ, что когда, по истеченіи двадцати-пяти лѣтъ, маркизь де-Санглѣ объявилъ ему, что онъ произведенъ въ генералы, то, несмотря на свое французское легкомысліе, онъ хлопнулъ себя по ляжкѣ и прослезился. Но, на свою бѣду, онъ въ тоже время узналъ, что, на основаніи какихъ-то сокращенныхъ сроковъ, выслужилъ разомъ три пенсіи, и... пожелалъ выйти въ отставку.

Это была важная ошибка съ его стороны, ибо она отвратила отъ него сердца родителей. Дѣло въ томъ, что онъ успѣлъ сколотить изрядный капиталецъ, и, подобно всѣмъ французамъ, легкомысленно увлекся идеей о независимой жизни. Открывши школу билліардной игры, онъ надѣялся, что молодое поколѣніе поддержитъ его. И, дѣйствительно, въ первое время дѣла его пошли блистательно, потому что, независимо отъ билліардной, онъ содержалъ еще маркитантскую, изъ которой въ долгъ отпускалъ закуски и вино. Но черезъ годъ, совсѣмъ непредвидѣнно прибылъ изъ Парижа французъ Санъ-Кюлоттъ (слухи ходили, что его, изъ мщенія къ Капотту, выписала генеральша Бѣдокурова, а злые языки, кромѣ того, прибавляли: «съ производствомъ въ коллежскіе ре-

гистраторы»), и сталъ расписывать такія пѣсенки, что кадеты разомъ ошалѣли. А черезъ мѣсяць, на помощь къ Санъ-Кюлотту явилась дѣвица Альфонсинга (Капоттъ былъ на этотъ счетъ строгъ и Альфонсинокъ въ своемъ «заведеніи» не допускалъ), и тѣже пѣсни начала расписывать уже съ пристойными иллюстраціями. Въ сей крайности, Капоттъ попытался-было обратиться съ жалобой на Санъ-Кюлотта къ родителямъ и даже заговорилъ о нравственности, но родители (или, точнѣе, родительницы), вмѣсто отвѣта, напомнили ему объ измѣнѣ, а нѣкоторые даже дозволили себѣ жестокой намекъ на происхожденіе отъ Марата. Кадеты, между тѣмъ, разсѣялись по лицу земли, не уплативъ долговъ, и Капоттъ окончательно прогорѣлъ. Тогда, продавъ за безцѣнокъ свое заведеніе тому же Санъ-Кюлотту, онъ вновь отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, тайно воссоединился къ единой истинной римско-католической церкви и переѣхалъ въ Парижъ.

Теперь онъ скромно живетъ въ Парижѣ на свою пенсію, которая, однакомъ (по тремъ вѣдомствамъ), представляетъ для него вѣрный ресурсъ въ количествѣ семи тысячъ франковъ ежегодно. Большую часть времени онъ проводитъ въ кафѣ, играя на билліардѣ, но, кромѣ того, всегда имѣетъ къ услугамъ «знатныхъ иностранцевъ» разнообразный выборъ соблазнительныхъ картинокъ и секретныхъ принадлежностей туалета. Бывшіе питомцы не забываютъ его, и это составляетъ его утѣшеніе и гордость. Нѣкоторые изъ нихъ уплатили ему долги по билліардной, но большинство ограничивается тѣмъ, что сообщаетъ ему свои проэктъы. Когда эти проэктъы скопляются во множествѣ, тогда Капоттъ временно исчезаетъ изъ кафѣ и весь отдается государственнымъ соображеніямъ.

Между тѣмъ, мѣстные демагоги, въ свою очередь, не

забываютъ, что Капоттъ олицетворяетъ собою послѣдній отпрыскъ пресловутаго Маратова корня. Въ день рожденія Марата, они сходятся въ кафѣ и качаютъ Капотта. А въ день Маратовой смерти, тоже сходятся въ кафѣ и качаютъ Капотта вторительно. Причемъ называютъ его: *général* и слушаютъ его рассказы о томъ, какъ онъ былъ однажды сосланъ на каторгу, какъ его сѣкли кнудомъ, какъ онъ съ каторги бѣжалъ къ бурятамъ, *dans les steppes*, долгое время исправлялъ у нихъ должность шамана, оттуда бѣжалъ—въ Китай... *et me voilà à Paris*.

Цѣлыхъ четыре дня я кружился по Парижу съ Капоттомъ, и все это время онъ безъ умолку говорилъ. Часто онъ повторялся, еще чаще противорѣчилъ самъ себѣ, но такъ какъ мнѣ, въ сущности, было все равно, что ни слушать, лишь бы упразднить представленіе «свиньи», то я не только не возражалъ, но даже механическимъ поматываніемъ головы какъ бы приглашалъ его продолжать. Многого, вѣроятно, я и совѣмъ не слышалъ, довольствуясь тѣмъ, что въ ухахъ моихъ не переставаячи раздавался шумъ.

Первый день мы бесѣдовали объ язвахъ, удручающихъ Россію. До завтрака Капоттъ говорилъ:

— Главная ваша язва въ томъ состоитъ, что вы никогда не представляете себѣ ясно, чего вы хотите. Сегодня, вы выражаете чувства, всѣмъ вообще человѣкамъ свойственныя, а завтра вдругъ пустите такую душину, что хоть топоръ повѣсь. И это происходитъ не отъ регатства, а отъ того, что вслѣдствіе недостаточной подготовки для познанаія вещей, вы не различаете добра отъ зла. Къ тому же, на ваше несчастіе, вы воспримчивы, и потому легко воспаменяетесь. Но вы увлекаетесь безъ разбору, безъ критики, и, къ сожалѣнію, чаще всего тѣмъ, чѣмъ ужь никто въ цѣломъ мірѣ не увлекается. Сегодня, видя человѣка, которому тяжело ды-

шется, вы великодушно говорите: надо ему помочь! А завтра, едва только начал этот человек дышать легче, как вы ужь сердитесь и восклицаете: надо его подтянуть! Ясно, что при такой неустойчивости взглядовъ и чувствъ, не можетъ существовать ни малѣйшаго довѣрія къ будущему. Боязнь завтрашняго дня — вотъ червь, который точитъ вашу жизнь. Но смѣю думать, что покуда вы будете заниматься только трепетаніемъ, вашъ національный гений особенно блестящихъ свойствъ не предъявить.

Я слушалъ эту предику и возмущался духомъ. Но такъ какъ я разъ навсегда принялъ за правило: пускай Капотты съ Гамбеттами что угодно рассказываютъ, а мы свою линію будемъ потихоньку, да полегоньку вести! — то и ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Врете вы все, Капоттъ! Я увѣренъ, что послѣ завтрака вы совсѣмъ другое будете говорить!

И точно, послѣ завтрака, выпивши на свой пай бутылку бургонскаго, Капоттъ говорилъ:

— Вы, русскіе, черезчуръ настойчивы въ преслѣдованіи вашихъ цѣлей — вотъ ваша главная язва. *Vous êtes trop logiques.* Жизнь требуетъ уступокъ, а вы хотите только реформъ. Въ такое короткое время — и такой прогрессъ! — какой организмъ это выдержитъ! А вы не только выдерживаете, но еще говорите: мало! Вамъ дали свободу слова, а вы какъ будто и не подозреваете этого, и все жалуетесь: когда-жъ намъ свободу слова дадутъ? Нѣтъ, *mon cher monsieur*, такъ нельзя! Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается, а человекъ... Человекъ вотъ какъ надо держать, *cher monsieur*, чтобъ онъ не спотыкался!

Говоря это, онъ показывалъ, какъ надо «держать» человекъ: одной рукой натягивалъ воображаемыя возжи, другою — стискивалъ воображаемый бичъ.

Передъ обѣдомъ, въ ухахъ моихъ раздавалось:

— Подобно древнимъ римлянамъ, русскіе времянь возрожденія усвоили себѣ кличъ: panem et circenses! И притомъ, чтобы даромъ. Но circenses у васъ отродясь никогда не бывало (кромѣ секуцій при волостныхъ правленіяхъ), а panem началъ поѣдать жучёкъ. Поэтому-то, мнѣ кажется, старый князь Букиазбѣ былъ правъ, говоря: во избѣжаніе затрудненій, необходимо въ нихъ сію прихоть истреблять.

А послѣ обѣда (три рюмки горькі и двѣ бутылки «ординера»,) я слышала слѣдующее:

— Тѣмъ не менѣе, скажу вамъ откровенно: тридцать лѣтъ сряду стараюсь я отличить русскія язвы отъ русскихъ доблестей — и, убей меня Богъ, ничего понять не могу!

Выговоривши это коснѣющимъ языкомъ, онъ повалился на диванъ и заснулъ. Я же отправилась въ «Variétés» и въ третій разъ съ возрастающимъ удовольствіемъ прослушала «La femme à rava». Но какъ, однакожь, заматерѣла Жюдижъ!

— А какъ любить русскихъ, еслибъ вы знали! рассказывалъ мнѣ сосѣдь по креслу: — представьте себѣ, прихожу я на дняхъ къ ней. «Такъ и такъ, говорю, позвольте поблагодарить за наслажденіе... Въ Петербургѣ, говорю, изволили въ 74 году побывать»... Такъ вы, говорить, русскій? Скажите, говорить, русскимъ, что они — душки! Всѣ, всѣ русскіе — душки! а нѣмцы — фи! И еще скажите русскимъ, что они (сосѣдь наклонился къ моему уху и шепнулъ что-то, чего я, признаюсь, не разобралъ)... Это, говорить, меня одинъ кирасиръ научилъ!

Второй день мы съ Капоттомъ посвятили доблестямъ, До завтрака, впрочемъ, дѣло шло довольно вяло, но за завтракомъ Капоттъ постепенно разогрѣлся.

— Нигдѣ я не ѣдалъ такихъ прекрасныхъ рыбъ, какъ въ Россіи! ораторствовалъ онъ. — *Oukha au sterlet* — ah! c'est quelquechose d'inèffable! Однакожь, когда я поступилъ воспитателемъ къ молодому графу Мамелѣину, то мнѣ долгое время не давали этого божественнаго кушанья. Всѣмъ, бывало, подаютъ уху стерляжью, а мнѣ — изъ окуней. Но когда графиня ближе ознакомилась съ моими нравственными качествами, то мнѣ стали давать двѣ тарелки съ лучшими кусками, а стараго графа перевели на уху изъ окуней. Вотъ тогда я узналъ... Да, впрочемъ, одна ли уха?! а осетровый янтарный балыкъ? а тающая провѣсная бѣлорыбица? а икра банкетная, салфеточная и зернистая? Я долгое время не могъ разобрать, что это такое, но когда понялъ... о!!!

За обѣдомъ, Капоттъ вспоминалъ:

— Тѣмъ не менѣе, рыбами далеко не исчерпываются дары, которыми надѣлилъ Россію ея національный геній. Вспомнимъ о румяной кулебякѣ съ угремъ, о здобномъ пирогѣ-курникѣ, объ этомъ единственномъ въ своемъ поросенкѣ съ кашей, съ которымъ можетъ соперничать только гусь съ капустой — и не будемъ удивляться, что подъ воспитательнымъ дѣйствіемъ этой снѣди умолкаютъ всѣ вопросы внутренней политики. Самыхъ лучшихъ поросятъ я ѣлъ у маркизы де-Сангль, самыя лучшія кулебяки — у генеральши Бѣдоуровой. Что же касается до княгини Букиазбà, то она приготовляла для меня особый напитокъ, называемый «ломполò». Ah, c'est bien, bien barbare, cette boisson là! Въ первое время, я подумалъ, что это одна изъ тѣхъ жестокихъ мистификацій, которымъ такъ охотно предаются русскіе «бояре» относительно беззащитныхъ иностранцевъ, но когда я понялъ... о!!!

Наконецъ, послѣ ужина, передъ отходомъ на сонъ грядущій, онъ сказалъ:

— Есть у васъ и еще одна доблесть: вы тверды въ бѣдствіяхъ. Ежели есть у васъ поросенокъ, — вы ѣдите поросенка, ежели нѣтъ ничего, — вы довольствуетесь хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ лебедой... C'est ca! Никто этого не ѣстъ... ну, вотъ ей-и Богу, никто! ха-ха!

Послѣднія слова онъ произнесъ заплетающимся языкомъ и затѣмъ, взглянулъ на меня съ какой-то неисповѣдимой ироніей, дико захохоталъ. Увы! то были естественныя послѣдствія полубутылки *fine champagne*, выпитой на ночь!

Третій день былъ посвященъ нами чертамъ изъ жизни достопримѣчательныхъ дѣятелей.

По словамъ Капотта, оказывалось, что русскіе вельможи давно уже сомнѣвались въ непререкаемости основъ, на которыхъ покоилось крѣпостное право. Такъ напри- мѣръ, однажды за обѣдомъ, маркизь де-Санглò выразился такъ: «Хотя крѣпостное право и похваляется многими, яко согласное съ требованіями здоровой внутренней политики, но при семъ необходимо имѣть въ виду, что и оныя люди, Провидѣніемъ въ наше распоряженіе для услугъ предоставленныя, суть, подобно намъ, по образу и подобию Божію созданы!» А присутствовавшій при этомъ генераль Бѣдокуровъ присовокупилъ: «Сіе есть несомнѣнно, хотя съ нѣкоторымъ въ фізіономіяхъ поврежденіемъ!» Въ другой разъ, князь Букиазба высказалъ такое мнѣніе: «Сія мысль, что Иванъ (камердинеръ князя) служить мнѣ токмо за страхъ, весьма для меня прискорбна, хотя не могу скрыть, что и за симъ я пользуюсь его услугами съ удовольствіемъ». Наконецъ, старый графъ Мамелфинъ чуть-было совсѣмъ не проговорился. «Тогда лишь я счастливымъ почитать себя буду... началъ онъ, но, вспомнивъ, что за сіе не похвалятъ, продолжалъ: — а, впрочемъ, еслибъ и впредь оное продолжать за нужное было соч-

тено, то мы и за сіе должны благодарить и онимъ безъ критики пользоваться».

— И эти люди назывались либералами, и состояли въ подозрѣніи! присовокупилъ, въ заключеніе, Капоттъ.

Нѣкоторые изъ этихъ достопримѣчательныхъ людей не чужды были и литературнымъ занятіямъ. Такъ, князь Урюпинскій-Доѣзжай написалъ сочиненіе: «О чаѣ и сахарѣ и удовольствіяхъ ими доставляемыхъ», а князь Серпуховскій-Догоняй, въ отвѣтъ на это, выпустилъ брошюру: «Но наипаче сивухой». Графъ Пустомысловъ печатно предложилъ вопросъ: «Куда дѣвался нашъ рубль?, а графъ Твердоонтò тоже печатно отвѣтилъ: «Много будешь знать, скоро состаришься». Наконецъ, генераль-маіоръ Отчаянный вопрошалъ тако: «Слѣдуетъ ли ввести кобылу въ ряды кавалеріи?» — и отвѣчалъ на вопросъ утвердительно: «Слѣдуетъ, ибо черезъ сіе былъ бы достигнуть естественный коневой ремонтъ». А генераль Правдинъ-Маткинъ на это возражалъ: «Сіе столь же разумно, какъ елибъ кто утверждалъ, что необходимо въ ряды арміи допустить генераль-маіоршъ, дабы черезъ сіе достигнуть естественнаго ремонта генераль-маіоровъ». Однимъ словомъ, шла безпрерывная и живая полемика по всѣмъ отраслямъ государствѣденія, но полемика серьезная, при равномъ оружїи: князь съ княземъ, графъ съ графомъ, генераль-маіоръ съ генераль-маіоромъ. Буде же въ полемику впутывался коллежскій регистраторъ, то на таковой дѣлалась надпись: «Печатать не дозволяется. Цензоръ Красовскій-Бируковъ-Фрейгангъ. При семъ съ духовной стороны депутатомъ былъ и такожде къ печатанію не одобрилъ смиренный Іона Вочревѣбывшій».

— Однажды военный совѣтникъ (былъ въ древности такой чинъ) Сдаточный насъ всѣхъ перепугалъ, рассказывалъ Капоттъ. — Совсѣмъ неожиданно написалъ про-

эктъ «о необходимости устройства фаланстеровъ изъ солдатъ, съ припущеніемъ въ оныхъ, для приплода, женскаго пола по пристойности», и, никому не сказавъ ни слова, подалъ его по командѣ. Къ счастью, дѣло разрѣшилось тѣмъ, что проектъ на другой день былъ возвращенъ съ надписью: «дуракъ»!

Но съ собственнымъ сочувствіемъ, какъ и слѣдовало ожидать, Капоттъ относился къ своимъ бывшимъ питомцамъ, относительно которыхъ онъ былъ неистощимъ хотя и довольно однообразенъ. Такъ, молодой князь Букиазба, уже въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, безъ промаху сажалъ желтаго въ среднюю лузу; и однажды, тайно отъ родителей, поступилъ маркѣромъ въ малоярославскій трактиръ, за что былъ высѣченъ; молодой графъ Мамелфинъ столь былъ склоненъ къ философскимъ упражненіямъ, что имѣя отъ роду тринадцать лѣтъ, усомнился въ безсмертіи души, за что былъ высѣченъ; молодой графъ Твердонто тайкомъ отъ родителей изучалъ латинскую грамматику, за что былъ высѣченъ; молодой подпрапорщикъ Бѣдокуровъ, въ предвидѣніи финансовой карьеры, съ юныхъ лѣтъ заключалъ займы, за что былъ высѣченъ. Что же касается до молодого маркиза де-Санглò, то онъ, съ семи-лѣтняго возраста, готовилъ себя по духовному вѣдомству.

— Теперь эта бодрая молодежь въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, восторженно прибавилъ Капоттъ: — и любо посмотрѣть, какъ она поворачиваетъ и подтягиваетъ! Одинъ только де-Санглò сплеховалъ: поѣхалъ на Аѳонъ, думалъ, что его оттуда призовутъ (какихъ, молъ, еще доказательствъ нужно!), анъ его не призвали! Теперь онъ сидитъ на Аѳонѣ, поетъ на крылосѣ и бьетъ въ било. Такъ-то, *mon cher monsieur*? и Богу молиться надо умѣючи! Чтобъ видѣли и знали, что хотя духъ

бодръ, но плоть отъ пристойныхъ окладовъ не отказывается!

На четвертый день мы занялись дѣлами Франціи, причеъъ я предлагалъ вопросы, а Капоттъ давалъ отвѣты.

Вопросъ первый. Возсіяетъ ли Бурбонъ на престолѣ предковъ, или не возсіяетъ? Ежели возсіяетъ, то будетъ ли поступлено съ Гриви и Гамбеттой по всей строгости законовъ, или напротивъ, имъ будетъ объявлена благодарность за найденный во всѣхъ частяхъ управленія образцовый порядокъ? Буде же *не* возсіяетъ, то не ужели тѣмъ только дѣло и кончится, что не возсіяетъ?

Отвѣтъ Капотта. Виды на возсіяніе слабы. Главная причина: ничего не приготовлено. Ни золотыхъ каретъ, ни бѣлаго коня, ни хорутвей, ни приличной квартиры. Къ тому же безплоденъ. Относительно того, какъ было бы поступлено, въ случаѣ возсіянія, съ Гриви и Гамбеттой, то въ легитимистскихъ кругахъ существуетъ такое предположеніе: обоихъ выслать на жительство въ дальнія вотчины, а Гамбетту, кромѣ того, съ воспрещеніемъ баллотироваться на службу по дворянскимъ выборамъ.

Вопросъ второй. Не возсіяетъ ли кто-либо изъ Наполеонидовъ?

Отвѣтъ. Трудно. Но буде представится случай пустить въ ходъ обманъ, коварство и насиліе, а въ особенности въ ночное время, то могутъ возсіять. Въ настоящее время эти претенденты главнымъ образомъ опираются на кокотокъ, которыя и до нынѣ не могутъ забыть, какъ весело имъ жилось при Монтихиномъ управленіи. Однакъожъ, республика, повидимому, уже предусмотрѣла этотъ случай, и въ видахъ умиротворенія кокотокъ, установила такое декольтѣ, передъ которымъ цѣпенѣла, даже смѣлая «наполеоновская идея».

Вопросъ третій. Не возсіяютъ ли Орлеаны?

Отвѣтъ. Не возсіяютъ.

Вопросъ четвертый. Но что вы скажите о Гамбеттѣ и о рара Trinquet? не возсіяютъ ли они? Или, быть можетъ, придетъ когда-нибудь Иванъ Непомнящій, и скажетъ: а дайте-ка, братцы, и я возсіяю?

Отвѣтъ. О первыхъ двухъ могу сказать; ихъ возсіяніе сомнительно, потому что ни одинъ gavroche не согласится кричать: vive l'empereur Gambetta! а тѣмъ мнѣ: vive l'empereur Trinquet! Правда, были времена, когда кричали: да здравствуетъ царь Горохъ — но, кажется, эти времена ужь не возвратятся. Что же касается до Ивана Непомнящаго, то онъ не возсіяетъ... навѣрное! Хотя же у васъ въ Москвѣ идетъ сильная агитація въ пользу его, но, я полагаю, что это только до поры до времени. Обыкновенно, принято съ Иванами поступать такъ: ты, дескать, намъ теперь помощи, а потомъ мы тебѣ носъ утремъ! И точно: не успѣетъ Иванъ порядкомъ возвеселиться, какъ его ужь опять гонять: ступай свойственныя тебѣ тѣлесныя упражненія производить. Такъ-то, mon cher monsieur!

Вопросъ пятый, дополнительный. И вы полагаете, что правильно такъ съ Иванами поступать?

Отвѣтъ. На это могу вамъ сказать слѣдующее. Когда старому князю Букиазбѣ предлагали вопросъ: правильно ли такой-то награжденъ, а такой-то обойденъ? — то онъ неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: о семъ, умолчу. Съ этимъ отвѣтомъ онъ прожилъ до глубокой старости и приобрѣлъ репутацію челоуѣка, которому пальца въ ротъ не клади.

Прослушавъ эти отвѣты, я почувствовалъ себя словно въ туманѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, никто? Ни Бурбоны, ни Тренкѣ... никто!!

— Послушайте, Капоттъ! воскликнулъ я въ смущеніи

ни: — но подумали ли вы о будущем? Будущее! вѣдь это цѣлая вѣчность, Капоттъ! Что ждетъ насъ впереди? какую участь готовите для себя?

Я говорилъ такъ горячо, съ такимъ серьезнымъ и страстнымъ убѣжденіемъ, что даже кровожадный отпрыскъ Марата — и тотъ, повидимому, восчувствовалъ.

— Вѣроятно, придется прожить безъ возсіянія, скажаль онъ уныло: — конечно, быть можетъ, будетъ темненько; но...

Голосъ его дрогнулъ и на глазахъ показались слезы.

— *Ainsi soit il!* произнесъ онъ торжественно, и, хлопнувъ себя по ляжкѣ (онъ всегда это дѣлалъ, когда приходился въ волненіи), разомъ выпилъ на сонъ грядущій двѣ рюмки *gorki*.

. . . . .
На пятый день, Капоттъ не пришелъ. Я побѣжалъ въ кафѣ, при которомъ онъ состоялъ въ качествѣ завсегдатая, и узналъ, что въ то же утро приходилъ къ нему *un jeune seigneur gusse*, и, предложивъ десять франковъ пятьдесятъ сантимовъ, увлекъ стараго профессора съ собою. Такимъ образомъ, за лишнюю полтину мѣди, Капоттъ предалъ меня...

Медлить было нѣчего. Я сейчасъ же направилъ шаги свои въ русскій ресторанъ, въ увѣренности найти тамъ хоть одного безшабашнаго совѣтника. И на мое счастье, нашель ту самую пару, съ которой не очень давно познакомился на обѣдѣ у Блохиныхъ. Они сидѣли у самаго окошка, за столикомъ другъ противъ друга, и, повидимому, подсчитывали прохожихъ, останавливавшихся у писсуара Комической Оперы. Передъ ними стояли небуранные тарелки, съ которыхъ только что исчезли битки *au smétane*. Не спрашивая ихъ дозволенія, я тотчасъ же заказалъ еще три порціи зразъ и три рюмки очи-

ценной; затѣмъ, мы поздоровались, усѣлись и замолчали. Нѣсколько разъ старики взглядывали на меня, разѣвали рты, чтобъ сказать нѣчто, но ничего не говорили. Но, отъ времени до времени, то тотъ, то другой поворачивался по направленію къ улицѣ и произносилъ:

— Сто двадцать седьмой!

На что другой кратко отзывался:

— Однако! сегодня что-то ужъ не на шутку...

Наконецъ, подали водку и зразы; и то, и другое мы мгновенно проглотили и вновь замолчали. Я даже удивился: точно всѣ слова у меня пропали. Навѣрное, я хотѣлъ что-то сказать, объ чемъ-то спросить и вдругъ все забылъ. Но, наконецъ, одинъ изъ стариковъ возгласилъ: Сто сорокъ третій! и, повернувшись ко мнѣ, присовокупилъ:

— Вотъ у насъ этихъ удобствъ нѣтъ.

Тогда и другой почувствовалъ себя свободнѣе, и тоже высказался:

— Здѣсь насчетъ этого превосходно. Сошелъ съ тротуара, завернулъ въ будочку и правъ.

— И, надо сказать правду, здѣшнее населеніе пользуется этимъ удобствомъ съ полнымъ сознаниемъ своего права на него. Представьте себѣ, невступно часъ мы здѣсь сидимъ, а ужъ сто сорокъ три человекъ насчитали. Семень Иванычъ! смотрите-ка, смотрите-ка! Сто сорокъ четвертый! сто сорокъ пятый!

— А вонъ и сто сорокъ шестой бѣжить!

Я сейчасъ же догадался, что это статистики. Съ юныхъ лѣтъ обуреваемые писсуарной идеей, они три года сряду изучаютъ этотъ вопросъ, разѣзжая по всѣмъ городамъ Европы. Но нигдѣ они не нашли такой обильной пищи для наблюдений, какъ въ Парижѣ. Еще годъ или два подробныхъ изслѣдованій — и они воротятся въ Петербургъ, издадутъ томъ или два статистическихъ таблицъ,

и, чего добраго, получать премію и будутъ избраны въ де-сіяньс академію.

Но такъ какъ это были только догадки съ моей стороны, то, конечно, я поспѣшилъ провѣрить ихъ.

— Изслѣдованіями занимаетесь? спросилъ я.

— Да, изслѣдуемъ, отвѣтили они въ одинъ голосъ.

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что въ этомъ дѣлѣ заинтересованъ, въ качествѣ мецената, капиталистъ Губошленовъ, который, на приведеніе его въ яность, пожертвовалъ миллионъ рублей. Изъ нихъ по пяти тысячъ выдалъ каждому статистику впередъ, а остальные девять сотъ девяносто тысячъ спряталъ въ свой письменный столъ, и заперъ на ключъ, сказавъ:

— По окончаніи видно будетъ...

— А ключъ онъ вамъ отдалъ?

— Нѣтъ, въ карманъ положилъ.

— Ахъ, братцы!

Старики тревожно переглянулись и даже поблѣднѣли. Но, къ счастью, они до того прониклись своею идеей и принесли ей столько жертвъ, что никакія опасенія уже не могли сбить ихъ съ истиннаго пути. Не успѣли они надлежащимъ образомъ сосредоточиться на моей догадкѣ, какъ ужъ одинъ изъ нихъ радостно воскликнулъ:

— Николай Петровичъ! ваше превосходительство! Сто сорокъ седьмой, сто сорокъ восьмой, сто сорокъ девятый!

Затѣмъ они подробно изложили мнѣ планъ работъ. Прежде всего они приступили къ изслѣдованію Парижа по сю сторону Сены, раздѣливъ ее на двѣ равныя половины. Вставши рано утромъ, каждый отправляется въ свою сторону и наблюдаетъ, а около двухъ часовъ они сходятся въ русскомъ ресторанѣ и ужъ совмѣстно наблюдаютъ за стѣною Комической Оперы. Потомъ опять

расходятся и поздно ночью, возвратясь домой, провѣряютъ другъ друга.

— И много беретъ это у васъ времени? любопытствовалъ я.

— Да какъ вамъ сказать! вотъ пять мѣсяцевъ живемъ въ Парижѣ, съ утра до ночи только этимъ вопросомъ и заняты, а между тѣмъ, и десятой части еще не высмотрѣли.

— И любопытныхъ результатовъ достигли?

— Да вотъ какъ-съ. Теперь я, напримѣръ, Монмартрскимъ бульваромъ совсѣмъ овладѣлъ, такъ вѣрьте или не вѣрьте, а даже сію минуту могу сказать, въ какой будѣ есть гость и въ какой—нѣтъ!

— Чортъ побори!

— Это такъ точно, подтвердилъ и Семень Ивановичъ:—то же самое и я могу сказать о бульварѣ Боннь-Нувелль...

— Законы статистики вездѣ одинаковы, продолжалъ Николай Петровичъ солидно.—Утромъ, напримѣръ, гостей бываетъ меньше, потому что публика еще исправна; но чѣмъ больше солнце поднимается къ зениту, тѣмъ наплывъ дѣлается сильнѣе. И, наконецъ, ночью, по выходѣ изъ театровъ—это почти цѣлая оргія!

— И замѣтите, пояснилъ Семень Ивановичъ:—каждый день, въ одни и тѣ же промежутки времени, цифры всегда одинаковыя. Колебаній—никакихъ! Такова неизблемость законовъ статистики!

— Безподобно. Но что же вы, кромѣ наблюдений, въ Парижѣ дѣлаете? Въ театрахъ бывали?

— Собираемся, да все недосугъ...

— Въ Луврѣ, въ Люксамбургскомъ дворцѣ, на выставкѣ художественныхъ произведеній были? Венеру Милосскую видѣли? съ Гамбеттой бесѣдовали? Въ ресторанѣ *Fuà turbot sauce Mornay* ѣли? Въ *jardin d'accli-*

matation на верблюдах ѣздили? сыпаль я одинъ вопросъ за другимъ.

— То-то, что недосугъ еще...

— Стало быть, только съ предметомъ своихъ изслѣдованій и познакомились?

Собесѣдники мои поникли головами.

— Ну, а насчетъ республики какъ? Понравилась?

Но и на этотъ вопросъ отвѣта не послѣдовало.

Я взглянулъ на этихъ трудолюбивыхъ и скромныхъ стариковъ и сердце мое вдругъ умилилось. «Вотъ люди! воскликнулъ я мысленно:—которые навѣрное не знаютъ ни унынія, ни вопросовъ, кромѣ того, который заданъ имъ Губошлеповымъ! Живутъ они себѣ въ Парижѣ и, не засматриваясь по сторонамъ, выполняютъ полегоньку провиденціальное свое назначеніе. И благо имъ! Именно только такъ и можно жить въ наше смутное время! И еслибы мы всѣ слѣдовали ихъ примѣру, еслибы всякій изъ насъ глядѣлъ только въ ту точку, которая у него передъ носомъ—на сколько человѣчество было бы счастливѣе! Насколько самая жизнь была бы удобнѣе и пріятнѣе! Устройте, на примѣръ, писсуары, удовлетворите хоть въ этомъ отношеніи справедливыя требованія публики, какой вдругъ получится переворотъ въ жизни цѣлой массы пѣшеходовъ! Какъ всѣ будутъ довольны! Какъ повеселѣютъ и расцвѣтутъ лица! Какая появится въ движеніяхъ свобода и увѣренность!

— Господа, да не возьмете ли вы и меня...

Къ счастью, я не успѣлъ договорить, потому что въ эту минуту Николай Петровичъ въ какомъ-то неистовомъ восторгѣ закричалъ:

— Семень Иванычъ! смотрите! цѣлая компанія! Сто пятьдесятъ девятый! сто шести-десятый! сто шестьдесятъ первый... ахъ!

Я поспѣшилъ уплатить за зразы и водку, и воспользовался восторженнымъ состояніемъ безшабашныхъ со-вѣтниковъ, чтобъ улизнуть изъ ресторана.

Весь вечеръ я просидѣлъ одинъ, и потому ночью опять видѣлъ во снѣ свинью.

На другой день, я уже мчался на всѣхъ парахъ въ Петербургъ.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Октябрь ужъ начался и признаки осени высказывались довольно явственно. Нѣсколько дней сряду стояла переменная погода, солнце показывалось накороткѣ, и ежели не наступили настоящіе холода, то въ воздухѣ уже чувствовалась порядочная сырость. Тянуло на сѣверъ, въ печное тепло, за двойныя рамы, въ странушироговъ съ грибами и держанія языковъ за зубами... Хорошо тамъ!

Я собрался мигомъ, но моментъ отъѣзда былъ выбранъ не совсѣмъ удачно. Кѣльнскій поѣздъ выходилъ изъ Парижа вечеромъ; сверху сыпалось что-то похожее на нашу петербургскую изморозь, туманъ стлался по бульварамъ и улицамъ, и, въ довершеніе всего, платформа желѣзнодорожной станціи была до крайности скудно освѣщена. Все это, вмѣстѣ взятое и осложненное перспективами дорожныхъ неудобствъ, наводило уныніе и тоску.

Вообще, русскій культурный человѣкъ не имѣетъ осо-

бенной склонности къ передвиженіямъ, а заграницей онъ, сверхъ того, встрѣчаетъ, при переѣздахъ, множество неудобствъ, которыя положительно застаютъ его въ распλοхъ. Главное неудобство — недостатокъ желѣзнодорожной прислуги. Приходится не только самому нести свой ручной багажъ, но самому отыскать свой вагонъ, самому сѣсть на мѣсто и самому сказать: ну, сѣли — теперь съ Богомъ! У тамошнихъ людей все это не считается неудобствомъ. Не потому, что тамъ нѣтъ охотниковъ получать пятиалтынные за мелкія услуги по переноскѣ коробокъ, чтобъ эта монета утратила свой престижъ въ глазахъ кабальнаго большинства, а потому, что нѣтъ охотниковъ давать эти пятиалтынные. Предполагается, что всякій самъ съумѣетъ найти свое мѣсто и устроить себя. Все равно какъ въ жизни вообще. Бываютъ обстановки, при которыхъ можно получить слѣдующее даромъ, а бываютъ и такія, при которыхъ слѣдующее можно получить только сунувъ въ руку желтенькую и зелененькую бумажку. И когда люди привыкаютъ къ этимъ послѣднимъ обстановкамъ, то всегда держатъ подачки наготовѣ и только тогда чувствуютъ себя обнадеженными, когда все, что слѣдуетъ, отдадутъ.

Заграничный человѣкъ идетъ и прямо садится на мѣсто, какъ будто оно и въ самомъ дѣлѣ его. А мы, русскіе, въ этомъ не увѣрены. Все думается: сѣсть-то я сяду, да усидѣть-то придется-ли? А вдругъ, генераль Отчаянный крикнетъ (да еще въ темнотѣ!): знай сверчокъ свой шестокъ — ну, и снимайся съ мѣста, разыскивай, гдѣ онъ, этотъ «свой» шестокъ, обрѣтается? Поэтому, мы, какъ и во всѣхъ случаяхъ жизни, прежде всего суемъ въ руку двугривенный и спрашиваемъ, можно-ли сѣсть? Русскіе кондукторы знаютъ это и снисходятъ, а заграничные кондукторы не понимаютъ, и

только покрикиваютъ: en voitures, les voyageurs, en voitures! Какъ будто это такъ ужь легко: взялъ да и сѣлъ!

Но, сверхъ того, большинство изъ насъ еще помнить золотыя времена, когда по всей Руси, изъ края въ край, раздавалось: Эй, Иванъ, платокъ носовой! Эй, Прохоръ, трубку!—и хотя, въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, можно бы, кажется, ужь сродниться съ мыслью, что сапоги приходится надѣвать самолично, а все-таки эта перспектива приводитъ насъ въ смущеніе и порождаетъ въ нашихъ сердцахъ ропотъ. Единственный ропотъ, который, не будучи предусмотрѣнъ въ регламентахъ, пользуется привилегіей: роптать дозволяется.

Именно это чувство неизвѣстности овладѣло мной, куда я, неся подъ мышками и въ рукахъ какія-то совсѣмъ ненужныя коробки, слонялся въ полумракѣ платформы. Собственно говоря, я не искалъ, а въ глубокомъ уныніи спрашивалъ себя: гдѣ-то онъ, мой шестокъ («идѣть домувъ мой?» какъ пѣвали братья-славяне на минералкахъ у Излера), обрѣтается? Не знаю, долго-ли бы я такимъ манеромъ прослонялся, еслибъ въ ушахъ моихъ не раздавался, на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ, призывъ:

— Вы русскій, и я русскій; давайте вмѣстѣ искать.

И дѣйствительно, ободря другъ друга, и напоминая, что на Парижъ дѣйствіе регламентовъ не распространяется, мы вдвоемъ нашли довольно скоро и такъ ловко усѣлись на мѣстахъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ эти мѣста были наши собственные. Да и пора было, потому что едва я успѣлъ сказать: теперь — съ Богомъ! какъ паровозъ засвистѣлъ, запыхтѣлъ, и мы покатили.

Насъ ѣхало въ купѣ всего четыре человѣка, по одному въ каждомъ углу. Можетъ быть, это были все со-

отечественники, но знакомиться намъ не приходилось, потому что наступала ночь, а утромъ въ Кёльнѣ предстояло опять мѣнять вагоны. Часа съ полтора шла обычная дорожная возня, причемъ мой vis-à-vis не утерпѣлъ таки сказать: а у насъ-то что дѣлается — чудеса! — фразу, какъ будто сдѣлавшуюся форменнымъ привѣтствіемъ при встрѣчѣ русскихъ въ послѣднее время. И затѣмъ, все окунулось въ безмолвіе.

Но мнѣ не спалось. Какъ только я созналъ себя одинокимъ, такъ тотчасъ на встрѣчу поплыли «мысли». Вспомнилось тоскливое, безцѣльное заграничное шатаніе, въ сопровожденіи потухшей любознательности и отсутствія интереса ко всему, исключая трактировъ; вспомнилось и сѣрое житьишко дѣла, полное безпредметныхъ и неосмысленныхъ тревогъ... И какъ-то невольно, само собою сказалось: ахъ, какая это ужасная вещь — жизнь!

Въ конечныхъ результатахъ, жизненные тревоги послѣдняго времени настолько ужъ развратили насъ, что каждый въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ почти исключительно выходитъ изъ представленія о «шкурѣ». Боязнь за «шкуру», за завтрашній день — вотъ основной тезисъ, изъ котораго отправляется современный русский человѣкъ, и это смутное ожиданіе вѣчно-грозящей опасности уничтожаетъ въ немъ не только позывъ къ дѣятельности, но и къ самой жизни. На первый взглядъ, тутъ кроется какъ бы противорѣчіе. Ежели человѣкъ тревожно цѣпляется за свой завтрашній день, — стало быть, онъ жаждетъ жить. Ничуть не бывало. Не жажда жизни заставляетъ трепетать, а просто инстинктивная сердечная смута, которая, помимо сознанія, каждому нутно сосетъ и терзаетъ. Сама по себѣ, жизнь и ненавистна, и посылка, но такъ какъ она привязалась, то

приходится ее выносить. Да объ ней какъ-то и не думается, а думается только объ этой несносной смутѣ, которая до такой степени всѣмъ завладѣла, все заслонила, что уничтожила даже силу взглянуть смѣло въ глаза смерти. Не завтрашняго дня жаль, а жутко при мысли, что, можетъ быть, онъ будетъ, а можетъ быть, и не будетъ.

«Шкурный» инстинктъ грозитъ погубить, если ужъ не погубилъ, всѣ прочіе жизненные инстинкты. Ужасно подумать, что возможны общества, возможны времена, въ которыхъ только проповѣдь надругательства надъ человѣческимъ образомъ пользуется правомъ гражданственности. Уши слышать, очи видятъ — и вѣры не имутъ. Невольно вырывается крикъ: неужто все это есть, неужто ничего другого и не будетъ? Неужто все пропало, все? Вѣдь было же когда-то время, когда твердили, что безъ идеаловъ шагу ступить нельзя! Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о «шкурѣ», ни одинъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій. Да, все это несомнѣнно было. Такъ неужто же и эти поэты, и эти мыслители, Шекспиры, Байроны, Сервантесы, Данты, были люди опасные, подлежащіе упраздненію?

Въ смыслѣ свободы мышленія, мы, конечно, не можемъ похвастаться, чтобъ наше прошлое было изобильно благопріятными днями. Но даже въ самыя трудныя времена злобная ограниченность, пошлость и приниженность стремленій не выступали такъ нагло впередъ, не выказывали такъ явно своей властности. Чувствовалась общая суровость жизненныхъ тоновъ, но не было подлаго ликованія съ поддразниваньями, науськиваньями и проч. Правда, дѣйствующая въ кварталахъ, представлялась

обязательною, но никому не приходило въ голову утверждать, что нѣтъ солнца, сіяющаго изъ будки, и что правду высшую, человѣческую, слѣдуетъ заковать въ кандалы. Полезность Псея Стахича Замухрышкина рекомендовалась къ неперемѣнному признанію, но никто не позволялъ себѣ сказать, что Пушкинъ — разбойникъ, а Псой Стахичъ — идеаль человѣковъ. Право, мнѣ кажется, что даже цензура того времени не пропустила бы ничего подобнаго. Потому что вѣдь проповѣдь всеобщаго одичанія, по малой мѣрѣ, столь же опасна, какъ и проповѣдь всеобщаго равенства передъ домашнимъ обыскомъ.

А нынче — послушайте, какая трель всенародно раздается изъ любого литературнаго клоповника! Мыслить не полагается! добрый же сынъ отечества обязывается предаваться установленнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ и затѣмъ насыщаться, переваривать и извергать. Всякій же, кто обнаружитъ попытку мышленія, будетъ яко пособникъ, укрыватель и соучастникъ злодѣйскихъ замысловъ. Неужто же мы такъ и останемся при этихъ хлѣвныхъ идеалахъ?

Неужто это будетъ?..

Всякій, конечно, совершенно ясно понимаетъ практическую несостоятельность подобныхъ опасеній, и всякому, въ тоже время, становится жутко, потому что хлѣвные идеалы формулируются уже черезчуръ рѣшительною и беззащитною рукой. Страшно подумать, что можетъ выдаться хоть одна минута подобнаго торжества, что возможны даже сомнѣнія въ этомъ смыслѣ. Помилуйте! вѣдь насъ, наконецъ, всѣхъ, отъ мала до велика, вша заѣсть! Мы разучимся говорить и начнемъ мычать! Мы будемъ въ состояніи только совершать обрядныя тѣлесныя упражненія, не понимая ихъ значенія, не умѣя

ни направлять ихъ, ни пользоваться какими-нибудь результатами! Мы будемъ хлѣбъ сѣять на камнѣ, а навозъ валить въ щи...

Да, это тоже своего рода крамола. Это крамола противъ челоуѣчества, противъ божьяго образа, воплотившагося въ челоуѣгѣ, противъ всего, что челоуѣчеству дорого, чѣмъ оно живетъ и развивается. И къ ужасу, это крамола не подпольная, а явно и вслухъ проповѣдуемая. Обитательница хлѣвовъ не знаетъ солнца — и отрицаетъ его; не знаетъ вольнаго воздуха — и удостоуѣряетъ, что это выдумка злонамѣренныхъ людей. А Правда слушаетъ это бессмысленное бормотаніе и пожимается. Она ощупываетъ свою «шкуру» и боится, какъ бы до нея дѣло не дошло! Какъ тутъ не воскликнуть: вша источить насъ, вша! Мычать будемъ! щи съ навозомъ будемъ хлѣбать!

Я помню, покойница бабушка говаривала: и мужичка, мой другъ, безъ ума пугать не надо; запугаешь его — онъ и будетъ сохой вавилоны по пашнѣ водить, и самъ-то изъ силъ выбьется, да и пользы отъ этого никакой! Милая бабушка! точно она провидѣла!

. . . . .
 Вотъ тутъ и разсуждай, утѣшаетъ ли исторія. Несомнѣнно, такія личности бываютъ, для которыхъ исторія служить только свидѣтельствомъ неуклоннаго пораженія добра въ мірѣ; но вѣдь это личности исключительныя, насквозь проникнутыя свѣтомъ. Ихъ точно такъ же подавляютъ идеалы будущаго, какъ другихъ пригнетаетъ прахъ прошедшаго. Это личности до того вѣрующія, что для нихъ осуществленіе идеаловъ не составляетъ даже вопроса времени. Они уже осуществились, эти идеалы, они носятся передъ глазами, ихъ можно осязать руками, и никакіе уколы неумолимой дѣйствительности не въ силахъ поколебать въ нихъ эту блаженную увѣ-

ренность... Конечно, тутъ не можетъ быть даже вопроса о томъ, утѣшаетъ ли исторія.

Этотъ изумительный типъ глубоко вѣрующаго человека не рѣдко смущалъ мое воображеніе и я не разъ пытался воспроизвести его. Но задача оказывалась непосильною. Нужно имѣть и громадную подготовку, и почти сверхъестественное художническое чутье, чтобы отыскать неисчерпаемое богатство содержанія въ этомъ вѣшнемъ однообразіи вѣры. Часто представлялъ я себѣ человека, забытаго, затеряннаго, и все-таки обращающаго глаза къ востоку. Онъ ясно видитъ, какъ горитъ и пламенѣетъ этотъ востокъ, и совсѣмъ не замѣчаетъ, что, на самомъ дѣлѣ, и востокъ и западъ, и сѣверъ и югъ — все кругомъ охвачено непроглядной тьмою. Но вѣдь это картина — и только; картина, характеризующая лишь моментъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Повторите этотъ моментъ хотя безчисленное множество разъ, вы не выйдете изъ предѣловъ однообразія, не получите ничего, кромѣ утомительныхъ перифразъ. Чтобы выйти изъ этого однообразія, необходимо прежде всего понять, что тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является «вѣра», и что представленіе о «вѣрѣ» объемлетъ собой не только всего человека, но весь міръ, всю область знанія. И вотъ, тотъ, кто сумѣетъ раскрыть всю безпредѣльность этого содержанія, кто найдетъ въ себѣ мощь воспроизвести все разнообразіе идеаловъ, которое составляетъ естественный выводъ этого содержанія — тотъ, несомнѣнно, напишетъ картину, безконечное разнообразіе и яркость которой зажжетъ всѣ сердца. Слово утратить вялость, образы будутъ полны жизни и огня. Но спрашиваю по совѣсти: гдѣ тотъ художникъ, которому были бы подъ силу такія глубины?

Повторяю: не объ этихъ исключительныхъ натурахъ можетъ идти здѣсь рѣчь, а о простой злобѣ дня. Герой

этой злобы — заурядный дѣлатель современности, устроитель ея будничныхъ отношеній, человѣкъ относительной правды, относительнаго добра, относительнаго счастья. Онъ живетъ, потому что схваченъ тисками жизни; но разъ онъ живетъ, лукавыя мудрствованія ужъ не смущаютъ его. Онъ вникаетъ въ обстановку современности и дѣлаетъ всѣ усилія, чтобъ примѣниться къ ней; онъ ищетъ не абсолютной правды, а *возможной*, и примиряется съ нею; наконецъ, онъ охотно признаетъ «удобство» за синонимъ счастья, и подчиняется этому опредѣленію. Вообще, это человѣкъ не сложныхъ требованій, невыспранныхъ идеаловъ, который, въ случаѣ нужды, пойдетъ на компромиссъ: только не добивай до конца! Понятно, что для этого человѣка утѣшенія, преподаваемые исторіей, составляютъ не вопросъ экзальтированной вѣры, а конкретнѣйшую задачу самаго обыкновеннаго будничнаго обихода.

Несомнѣнно, что и между этими средними дѣлателями современности встрѣчается очень много честныхъ людей, которые совершенно искренно вѣрятъ, что исторія представляетъ неисощимый источникъ утѣшеній. Но средній человѣкъ всегда инстинктивно отличаетъ теорію отъ практики. Не будучи даже малодушнымъ, онъ отводитъ для историческихъ утѣшеній скорѣе отдаленное будущее, нежели ближайшее настоящее. Въ настоящемъ, процессъ нарастанія правды верѣдко кажется ему равносильнымъ процессу сдиранія кожи съ живого организма. Туго приходится въ міръ правда и притомъ цѣною неслыханныхъ жертвъ. Самоотверженность не въ нравахъ средняго человѣка, да вѣдь она и не обязательна. Средній человѣкъ не прочь даже, въ видахъ самооправданія, сослаться на ненормальность самоотверженности вообще, и, въ принципѣ, будетъ, пожалуй, правъ. И хотя ему можно возразить на это: такъ-то такъ, да вѣдь въ не-

нормальной обстановкѣ только ненормальныя явленія и могутъ быть нормальными, но вѣдь это ужь будетъ порочный кругъ, вращаться въ которомъ можно до безконечности, не придя ни къ какому выводу.

Поэтому, ежели въ глазахъ человѣка вѣры безразличны всѣ виды и степени относительной правды, оспаривающіе другъ у друга верхъ, то для человѣка средняго борьба этихъ правдъ составляетъ источникъ глубокихъ и мучительныхъ опасеній. Онъ не подавленъ ни будущимъ, ни прошедшимъ; онъ всѣми своими помыслами прикованъ къ настоящему и отъ него одного ждетъ охраннаго листа на среднее, не очень свѣтлое, но и не черезчуръ мрачное существованіе. Программа его скромна и имѣетъ очень мало соприкосновенія съ блескомъ и полнотою историческихъ утѣшеній...

И вотъ, когда у него оспаривается право на осуществленіе даже этой скромной программы, онъ, конечно, получаетъ полное основаніе сказать: я охотно вѣрю, что исторія *должна* утѣшать, но не могу указать на людей, которыхъ имѣютъ коснуться ея утѣшенія. Что касается до меня лично, то я чувствую только одно: что исторія сдираетъ съ меня кожу.

А между тѣмъ, этотъ средній человѣкъ именно и есть дѣйствительный объектъ исторіи. Для него пишетъ исторія свои сказанія о старой неправдѣ; для него происходитъ процессъ наростанія правды новой. Ради него создаются религіи, философскія системы, утопіи; ради него самоотвергаются тѣ исключительныя натуры, которыя носятъ въ себѣ зиждительное начало исторіи. Какимъ же образомъ ему примириться съ утѣшеніями исторіи, какимъ образомъ увѣровать въ нихъ, когда онъ ежеминутно встрѣчаетъ осязательныя доказательства, что эта самая исторія на каждомъ шагу въ кровь разбиваетъ своего собственнаго героя?

Дѣло въ томъ, что исторія даетъ приютъ въ нѣдрахъ своихъ не только прогрессивному нарастанію правды и свѣта, но и необычайной живучести лжи и тьмы. Правда и ложь живутъ одновременно и рядомъ, но при этомъ первая является нарождающеюся и слабо защищенною, тогда какъ вторая представляетъ собой крѣпкое мѣсто, снабженное всѣми средствами самозащиты. Легко понять, какого рода результаты могутъ произойти изъ подобнаго взаимнаго отношенія сторонъ.

Вообще, ложь, имѣетъ за собою цѣлую свиту преимуществъ.. Во-первыхъ, она знаетъ, что торжество правды не влечетъ для нея за собой никакихъ отомщеній. Правдѣ чужда месть; она приноситъ за собою прощеніе, и даже не прощеніе, а просто только возстановленіе дѣйствительнаго смысла явленія. Во-вторыхъ, циклъ правды до сихъ поръ никогда не представлялся завершившимся, и даже сомнительно, можно ли ждать, чтобъ онъ когда-нибудь завершился. Правда способна развиваться до безконечности, открывая новые и новые горизонты и облегаясь въ новыя, болѣе совершенныя формы. Эта растяжимость правды и на человѣка дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Онъ не прекращаетъ своихъ поисковъ не потому, чтобъ это была прихоть его бунтующей природы, какъ утверждаютъ литературные клоповники, а потому что исканія эти столь же естественны, какъ естественъ и самый законъ прогрессивнаго нарастанія правды. Ложь знаетъ неизбѣжность этихъ исканій, но знаетъ также и неизбѣжность сопровождающихъ эти исканія недоумѣній и ошибокъ. И, на минуту посрамленная, въ лицемѣрномъ спокойствіи ждетъ очереди для отомщеній.

Среднему человѣку приходится считаться со всѣми этими привилегіями лжи. Повторяю: его искъ къ жизни и ея благамъ до крайности скромнъ. До такой степени скро-

мень, что онъ самъ всегда признаетъ за ложью право защищаться до послѣдней крайности. Быть можетъ, онъ даже отказалъ бы себѣ въ правѣ идти навстрѣчу истинной правдѣ (эту осторожность подсказываетъ ему «шкура»), но онъ не можетъ сдѣлать это, потому что всѣ инстинкты тянутъ его въ эту сторону. И вотъ, для него наступаетъ моментъ ожесточенной свалки. Это — свалка жизни, въ которой нѣтъ свидѣтелей, а всѣ сплошь — дѣйствующія лица. И въ этой свалкѣ его бьютъ, бьютъ, бьютъ безъ конца!

Ибо, ежели и не его лично бьютъ, такъ нельзя же вѣдь сказать: тебя не бьютъ, а до прочихъ тебѣ нѣтъ дѣла! Это будетъ разсужденіе каплуны, а не человѣческое.

А такъ какъ процессъ нарастанія правды трудный и медлительный, то встрѣчаются поколѣнія, которыя нарождаются при началѣ битья, а сходятъ со сцены, когда битье подходитъ къ концу. Даже передышкой не пользуются. Какой горькой ироніей долженъ звучать для этихъ поколѣній вопросъ объ историческихъ утѣшеніяхъ.

Утѣшайся исторіей и живи одной мыслью съ народомъ — вотъ обязательныя условія существованія современнаго человѣка. И точно: когда жизнь кидаетъ, вмѣсто хлѣба, камень, тогда поневолѣ приходится искать утѣшеній въ исторіи; но вѣдь, по правдѣ-то говоря, не исторія должна утѣшать, а сама жизнь. Во всякомъ случаѣ, средній человѣкъ имѣетъ право такъ думать, этого желать. Да еслибъ онъ думалъ иначе, еслибъ онъ не ждалъ, что жизнь поступится чѣмъ-нибудь въ пользу его, то онъ и не добывалъ бы, цѣною смертнаго боя, матеріалы, изъ которыхъ создаются историческія утѣшенія. И тогда исторія едва-ли имѣла бы возможность занести на свои страницы достаточное число фактовъ

наростанія добра, которые можно бы принять за отправный пунктъ для утѣшеній.

Что же касается до единенія съ народомъ, то это вопросъ едва-ли еще не болѣе жестокий, нежели вопросъ объ историческихъ утѣшеніяхъ. Конечно, достигнуть или, точнѣе, представить себѣ это единеніе на манеръ тѣхъ испускателей трубныхъ звуковъ, у которыхъ нѣтъ ничего за душой, кромѣ высокомернаго и суетнаго празднословія, очень легко; но дѣйствительное единеніе съ народомъ, по малой мѣрѣ, столь же мучительно, какъ и сдираніе съ живого организма кожи, ради осуществленія историческихъ утѣшеній. Не призыва требуетъ народъ, а подчиненія, не руководства и ласки, а самоотреченія. Вы задаете себѣ задачу: міръ, валяющійся во тьмѣ, призвать къ свѣту, на массы блящія и недугующія пролить исцѣленіе. Но бываютъ историческія минуты, когда и этотъ міръ, и эти массы преисполняются угрюмостью и недовѣріемъ, когда они сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобъ не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты, къ этому валяющемуся во тьмѣ и недугахъ міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою же самою проказой, которая грозитъ его истребить.

Вотъ какія изумительныя задачи выпали на долю средняго человѣка. Съ одной стороны, онъ обязывается завоевывать для исторіи утѣшенія, а съ другой — погружаться въ тьму и примиряться съ проказой. Добавьте къ этому смертный бой ликующей современности, которая какъ-то особенно злобно привязывается именно къ среднему человѣку — и картина душевнаго благополучія будетъ полная. Я не говорю, что онъ предна-

мѣренно и тщеславно беретъ на себя выполненіе этихъ непосильныхъ задачъ; напротивъ, онѣ тяготѣютъ надъ нимъ фаталистически, и онъ, даже при желаніи, не можетъ ускользнуть отъ нихъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, онъ идетъ навстрѣчу ликующей современности, и не только не можетъ защититься отъ нея, но не можетъ и отступитъ. Жизнь защемила его въ свои тиски и не выпуститъ до тѣхъ поръ, пока не высосетъ всей его крови до послѣдней капли. А затѣмъ, выброситъ въ общую яму его трупъ, и будетъ туда валить новые и новые трупы, изъ массы которыхъ исторія, со временемъ, выработаетъ свои «утѣшенія».

Положа руку на сердце, говорю: меня морозъ подиралъ по кожѣ отъ этихъ мрачныхъ думъ. Отъ времени до времени, я заглядывалъ въ окно и сквозь окрестную тьму различалъ вдали цѣлые свѣтящіеся города. То былъ промышленный уголокъ Бельгіи съ его неусыпающими фабриками и заводами. Вотъ-то гдѣ доподлинно добываются историческія утѣшенія! думалось мнѣ, и воображеніе рисовало цѣлыя картины процесса этого добыванія. Да и единеніе съ народомъ тутъ же кстати пристегнулось. Съ народомъ, повиннымъ вѣчной работѣ и изнемогающимъ подъ игомъ тьмы и проказы! Поди-ка, подступись къ этому народу! Ты думаешь о наслажденіяхъ мысли, чувства и вкуса, о свободѣ, объ искусствѣ, объ литературѣ, а онъ свое твердитъ: жрать! Не разнообразно, но за то какъ опредѣленно! Вотъ онъ говоритъ, что книги истребить надо, — войди-ка съ нимъ въ единеніе во имя истребленія книгъ! А можетъ быть, ему и фабрика съ заводомъ не въ утѣшеніе, а въ тягость — чтожь, и эта почва для единенія не дурна! Какъ бы то

ни было, но ужь онъ не уступить! Кто въ проказѣ, — тотъ съ нимъ, у кого нѣтъ проказы, — тотъ противъ него! Коротко и ясно.

Ты хочешь единенія съ народомъ? — прекрасно! выбирай проказу, ложись въ навозъ, ѣшь хлѣбъ, сдобренный лебедой, надѣвай рваный понитокъ и жги книгу. Но не труби въ трубу, не заражай воздуха запахомъ трубныхъ огрѣховъ! Трубные звуки могутъ только раздражать, а съ такимъ непечатымъ организмомъ, какъ народъ, дѣло кончается не раздраженіями, а представленіемъ доказательствъ.

Но всероссійскіе клоповники не думаютъ объ этомъ. У нихъ на первомъ планѣ личныя счеы и личныя отмщенія. Посѣвая смуту, они едва-ли даже предусматриваютъ, сколько жертвъ она увлечетъ за собой: у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго органа, чтобъ понять это. Они знаютъ только одно: что лично они непременно вывернутся. Сегодня они злобно сѣютъ смуту, а завтра, ежели смута приметъ безпокойные для нихъ размѣры, они будутъ, съ тою же холодною злобой, кричать: пали!

Очевидно, тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ не объ единеніи, а о томъ, чтобъ сдѣлать изъ народа орудіе извѣстныхъ личныхъ расчетовъ. А сверхъ того, можетъ быть, и розничная продажа играетъ извѣстную роль. Потому что, сообразите въ самомъ дѣлѣ, для чего этимъ людямъ вдругъ понадобилось это единеніе? Съ чего они такъ внезапно заговорили о немъ?

Я помню еще отъ лѣтъ дѣтства, какъ нашъ сельскій батюшка говаривалъ: всегда бывали господа и всегда бывали рабы, и впредь уповательно также будетъ. Говорилъ-говорилъ батюшка, да вдругъ пришелъ Царь-Освободитель и снялъ съ рабовъ узы. И остался батюшка съ носомъ. Но онъ не обидѣлся этимъ и, вынужъ изъ-за пазухи предіку на тему «любите други

«своя», воскликнулъ: «Совершилось дѣло прелюбезное и для всѣхъ сердець равно благопотребное! Съ горныхъ высотъ раздался гласъ: рабы да возвеселятся, помѣщики же да радуются! Размыслимъ же о семъ, любезные слушатели, и для сего предложимъ себѣ два вопроса: первое, что сіе означаетъ? и второе, что симъ достигается?» и т. д.

Въ сущности, наши консервативные клоповники твердо помнятъ только дореформенный батюшкинъ афоризмъ и хлопочуть только объ одномъ: о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ народнаго порабощенія. Но они понимаютъ, что какъ скоро разъ сказано: «рабы да возвеселятся», то упрощенныя батюшкины предики уже недостаточны, а главное, они знаютъ, что встрѣтятъ на пути противниковъ, которымъ дѣйствительно ненавистно народное порабощеніе. Стало быть, прежде всего нужно упразднить этихъ людей, стереть ихъ съ лица земли, обрызгать «слюною бѣшеной собаки». А для этого, необходимо сдѣлать ихъ подозрительными, дать имъ кличку, воспользоваться всѣми неясностями и недоразумѣніями жизни, чтобъ наплодить массу новыхъ неясностей и недоразумѣній. И когда травля будетъ надлежащимъ образомъ организована, когда пробудившееся чувство исторической розни будетъ доведено до степени неразличенія враговъ отъ друзей, тогда...

Что будетъ тогда, — клоповники сами не уясняютъ себѣ. Они не прозираютъ въ будущее, а преслѣдуютъ лишь ближайшія и непосредственныя цѣли! Поэтому, ихъ даже не пугаетъ мысль, что «тогда» они должны будутъ очутиться лицомъ къ лицу съ пустотой и безсиліемъ. Покамѣстъ, они удовлетворены уже тѣмъ, что ненавидѣть могутъ свободно. И дѣйствительно, они ненавидятъ все, за исключеніемъ своей ненависти. Ненавидятъ заврашній день, потому что тайна, которую онъ хра-

нить въ нѣдрахъ своихъ, мѣшаетъ имъ бездумно предаваться удовлетворенію инстинктовъ человѣконенавистничества; ненавидятъ своихъ собственныхъ дѣтей, потому что видятъ въ нихъ пособниковъ и соучастниковъ завтрашняго дня. Собственно говоря, нельзя представить положенія болѣе ужаснаго. Быть осужденному на вѣчное омертвѣніе и знать, что тутъ же рядомъ нѣчто страдаетъ, изнываетъ, стонетъ, но все-таки живетъ — развѣ можно представить себѣ казнь болѣе жестокою, нежели это пустоутробное, пустомысленное и клокочущее самодовлѣющей злобой существованіе?

Но для живущихъ, дѣло не въ томъ, чего достигаютъ граждане клоповниковъ, а въ томъ, что бывають историческія минуты, когда ихъ клеветы производятъ извѣстный переполохъ въ обществѣ. Міръ, конечно, не погибнетъ отъ этихъ клеветъ, и исторія не перестанетъ созидать утѣшенія; но отдѣльные индивидуумы могутъ погибнуть. Вотъ это-то именно и составляетъ ахиллесову пятку средняго человѣка. Видя, съ какою безнаказанностью дѣйствуетъ клевета, онъ начинаетъ бояться, и въ умѣ у него постепенно созрѣваетъ деморализирующее «ученіе о шкурѣ». Но развѣ деморализованъ средній человѣкъ, деморализація уже дѣлается постояннымъ всего общества. Всѣ поголовно начинаютъ учитывать себя и припоминать; у всѣхъ опускаются руки, у всѣхъ начинаютъ биться сердца безпредметной тревогой. Работа мысли перестаетъ быть плодотворною и сосредоточивается исключительно на одномъ: на спасеніе «шкуры».

По совѣсти говорю: общество, въ которомъ «ученіе о шкурѣ» утвердилось на прочныхъ основаніяхъ, общество, котораго творческія силы всецѣло подавлены однимъ словомъ: случайность — такое общество, какія бы внѣшнія усилія оно ни дѣлало, не можетъ придти ни къ

безопасности, ни къ спокойствію, ни даже къ простому благочинію. Ни къ чему, кромѣ безсрочнаго вращенія въ порочномъ кругѣ тревогъ, и въ концѣ-концовъ... самоумерщвленія.

. . . . .

Было уже около шести часовъ утра, когда я вышелъ изъ состоянія полудремоты, въ которой на короткое время забылся; въ окна проникалъ бѣлесоватый свѣтъ, и облака густыми массами неслись въ вышинѣ, суля впереди цѣлую преспективу ненастныхъ дней. Мой *vis-à-vis* тоже проснулся, и я не безъ смущенія замѣтилъ, что глаза его были пристально устремлены на меня, Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, скорѣе молодой, нежели старый, подвижной и худощавый, не безобразный, но съ сильнымъ выраженіемъ приказной каверзости въ лицѣ, такъ что я тотчасъ же мысленно надѣлъ ему на голову фуражку съ кокардой и форменное пальто. Такое выраженіе лица не рѣдко встрѣчается у земцевъ (онъ и дѣйствительно оказался таковымъ), которые когда-то служили въ столоначальникахъ и ошиблись въ надеждахъ на дальнѣйшую бюрократическую карьеру. Люди эти слывуть въ земствѣ дѣльцами, сочиняютъ формочки съ безчисленнымъ множествомъ графъ, называютъ себя консерваторами, хвастаются связью съ землею, утверждаютъ, что «русскій мужичекъ не выдастъ», и приходятъ въ умиленіе отъ «Московскихъ Вѣдомостей», Нельзя сказать, чтобъ они были положительно противны, но извѣстная ограниченность мѣшаетъ имъ различить добро отъ зла. Потому, они всегда смотрятъ въ одну точку, говорятъ однимъ и тѣмъ же тономъ одни и тѣже слова, мыслятъ азбучно, но съ сознаниемъ благонадежности своихъ мыслей, и безконечно надоѣдаютъ всѣмъ авторитетностью и избыткомъ пустяковъ. Повидимому, этотъ человѣкъ узналъ меня.

— Въ Парижѣ побывали? спросилъ онъ меня съ напукскою развязностью земскаго человѣка, который, памятуя, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ исполняетъ должность пятаго колеса въ колесницѣ государственнаго механизма, не хочетъ, чтобъ его заподозрили, что онъ чѣмъ-нибудь стѣсняется.

— Въ Парижѣ, отвѣчалъ я.

— Поѣздили? погуляли?

— Такъ же, какъ и вы.

— Вернитесь домой, что-нибудь въ смѣшномъ родѣ напишите?

— Можетъ быть, и въ смѣшномъ...

Онъ съ минутою помолчалъ. Отвѣты мои не удовлетворяли его: почему-то онъ ждалъ, что я передъ нимъ, земцемъ, откроюсь. Потому, онъ уперся руками въ колѣни и опять въ упоръ посмотрѣлъ на меня. Именно тѣмъ взглядомъ посмотрѣлъ, который говорить: а вотъ я смотрю на тебя—и шабашъ!

— Однако, вы любите-таки посмѣяться...

Онъ откинулся спиной къ стѣнѣ купе и ждалъ. Но я молчалъ.

— А пора бы, наконецъ, и трезвенное слово, сказать, продолжалъ онъ, все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываясь въ меня... какъ будто поставивъ себѣ задачею запечатлѣть въ своей памяти не только слова мои, но и выраженіе лица.

— Рады стараться!

— Вотъ видите, вы и теперь шутите. А вѣдь я право, не шутя говорю: пора.

— Да, сколько помнится, я никогда пьяныхъ словъ и не говорилъ.

— И опять шутите! Я вамъ говорю, что пора трезвенное слово сказать, а вы о какихъ-то пьяныхъ словахъ...

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчу вамъ яснѣе: по крайнему моему убѣжденію, всѣ слова, которыя я когда-нибудь говорилъ, были трезвенныя.

— Будто?

— Именно. Только надо знать грамотѣ и понимать, что читаешь—вотъ что прежде всего.

— Гм...

Онъ на минуту смолкъ, однакожь, не сконфузился.

— Я, знаете, тамбовець; земець я... началъ онъ, какъ бы желая этимъ сказать, что стоитъ ваше грамотности.

— Отлично.

— Вамъ, можетъ быть, страннымъ кажется, что я такъ прямо съ вами заговорилъ?

— Да, странно.

— Но мы живемъ въ такое время, когда церемоніи то приходится сдать въ архивъ.

— Не вижу надобности.

— Право, такъ... а?

— Повторяю вамъ: не вижу надобности.

Но, повидимому, и эти отвѣты не удовлетворили его, потому что онъ довольно-таки строго покачалъ головой и съ разстановкою произнесъ:

— Однако, вы... не патріотъ!

Земцы вообще прилипчивы и самодовольны, но они рѣдко бываютъ недоброжелательны. Дома, въ своихъ захолустьяхъ, они съ утра до вечера суетятся и хлопочутъ: покупаютъ новые умывальники для больницъ, чинятъ паромы, откладываютъ до будущей сессіи вопросъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, о прекращеніи экизоотій, объ оздоровленіи крестьянскихъ жилищъ и проч., и такъ какъ все это имъ удается, то они чувствуютъ себя совершенно довольными. Набѣгаютъ день деньской, у всѣхъ побываютъ, со всѣми поговорятъ, вездѣ закусятъ, а къ ночи, усталые, воротятся домой и засыпаютъ

до слѣдующаго утра. Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о недоброжелательномъ отношеніи къ ближнему. Вѣруя искренно въ свой жизненный подвигъ, земець и ближняго своего не рѣшается заподозрить въ невѣріи. Потому что тутъ дѣло ясное: вотъ онъ рукомойникъ — смотри!

Но послѣднее трудное время, повидимому, тронуло даже эту душевную ясность. Земцы начинаютъ подозрѣвать и озираться. Рукомойники остаются не луженными, паромы даютъ течь, потому что земець рѣшилъ, что это дѣло второстепенное, и что прежде всего слѣдуетъ смотрѣть вглубь. Вотъ онъ и смотритъ: смотритъ да смотритъ, и вдругъ, фігу увидитъ. Взволнуется, побѣжить и начинаетъ шевелить бровями. И всѣ разомъ бровями зашевелить — ужасно у нихъ это серьезно выходить. Пошевелить и порознь — и опять фігу увидятъ... Нельзя сказать, чтобъ это было страшно, но какъ-то безтолково и бесполезно. По крайней мѣрѣ, я лично очень жалѣю, что на нашихъ глазахъ переводится наивная и добродушная порода людей, вполнѣ довольныхъ получаемымъ ими содержаніемъ.

Сидѣвшій передо мною экземпляръ земца, вѣроятно, и прежде уже таилъ въ себѣ сѣмена недоброжелательства, но событія послѣдняго времени еще болѣе обострили въ немъ это качество. Онъ не просто смотрѣлъ въ глубь, но потщился укрѣпить свой умъ чтеніемъ передовыхъ статей. Представленіе о рукомойникахъ и паромахъ онъ, повидимому, совсѣмъ ужь утратилъ, и весь погрузился въ дѣла внутренней политики. При этомъ, вѣроятно, вновь зароились въ его мозгу и прерванные честолюбивыя мечты столоначальника-неудачника. Представилась возможность не только наверстать потерянное, но и получить рубль на рубль. Творчество — не въ ходу; зато, на подозрительность — требованіе. Въ прежнее

время, онъ былъ бы радъ-радехонекъ, еслибъ его почтили хоть мѣстомъ начальника отдѣленія; теперь онъ смотритъ ужъ выше. Даже исконную земскую неряшливость онъ ужъ успѣлъ страхнуть съ себя. Прежде, онъ ѣздилъ въ третьемъ классѣ и комкалъ свои пожитки въ узелъ; нынче, онъ въ первомъ классѣ ѣдетъ и въ рукахъ его блеститъ лакированный мѣшокъ; прежде онъ умывался только черезъ день; нынче, онъ даже поспину каждую день моетъ казанскимъ мыломъ. Вообще, при взглядѣ на этого человѣка впечатлѣніе получалось колючее. До такой степени колючее, что когда онъ усомнился въ моемъ патріотизмѣ, то мнѣ какъ-то невольно пришло на мысль: а вѣдь онъ, пожалуй, возьметъ да вдругъ...

— Вы, можетъ быть, опасаетесь, что я закричу караулъ? продолжалъ онъ, прозорливо комментируя мысленныя тревоги, отражавшіяся въ моемъ лицѣ.

— Здѣсь я не опасуюсь этого, потому что за такой подвигъ васъ, навѣрное, посадятъ на станціи.

— А въ Вержболовѣ, напримѣръ?

Я долженъ былъ ожидать этого вопроса; но есть вопросы, которыхъ всегда ожидаешь и которые всегда же застаютъ врасплохъ. Я спасовалъ и сдался на капитуляцію

— Спрашивайте, сказалъ я.

— Прежде всего, разувѣрьтесь, началъ онъ: — я человѣкъ правды — и больше ничего. И я полагаю, что если мы всѣ, люди правды, столкнемся, то весь этотъ дурной сонъ исчезнетъ самъ собою. Не претендуйте же на меня, если я повторяю, что въ такое время, какое мы переживаемъ, церемоніи нужно сдать въ архивъ.

— Ахъ, что вы! да развѣ я думалъ?

— То-то-съ. По моему мнѣнію, мы всѣ, люди добра,

должны исповѣдаться другъ передъ другомъ и простить другъ друга. Да-съ, и простить-съ. У всякаго человѣка какой-нибудь грѣхъ найдется — вотъ и надобно этотъ грѣхъ ему простить.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь это, и есть моя мысль!

— Ну-съ, такъ это исходный пунктъ. Простить — это первое условіе, но съ тѣмъ, чтобъ впредь въ тотъ же грѣхъ не впадать — это второе условіе. И такъ будемъ говорить откровенно. Начнемъ съ народа. Какъ земець, я живу съ народомъ, наблюдаю за нимъ и знаю его. И убѣжденіе которое я вынесъ изъ моихъ наблюденій, таково: народъ нашъ представляетъ собой образецъ здороваго организма, который никакія обольщенія не заставятъ сойти съ прямого пути. Согласны?

— Но развѣ можно сомнѣваться въ томъ?

— Прекрасно. Несмотря, однакожъ, на это, несмотря на то, что у насъ подъ ногами столь твердая почва, мы не можемъ не признать, что наше положеніе, все-таки въ высшей степени тяжелое. Мы живемъ, не зная, что ждетъ насъ завтра, и какіе новые сюрпризы готовить намъ жизнь. И все это, повторяю, несмотря на то что нашъ народъ здоровъ и спокоенъ. Спрашивается: въ чемъ же тутъ суть?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ (нельзя же было отвѣтить: прежде всего, въ твоихъ безумныхъ подстрекательствахъ!), но, грѣшный человѣкъ, подмигнулъ-таки глазкомъ, какъ бы говоря: вотъ именно это самое и есть!

— Въ томъ суть-съ, что наша интеллигенція не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что она жила живетъ изолированно отъ народа, питаясь иностранными образцами и проводя въ жизнь чуждыя народу идеи и представленія; однимъ словомъ, вливая отраву и разложеніе въ нашъ свѣжій и непочатой организмъ. Спра-

шивается: на какомъ-же основаніи и по какому праву эта лишенная почвы интеллигенція приняла на себя непринадлежащую ей роль руководительницы?

Я опять хотѣлъ было подмигнуть глазкомъ; но на этотъ разъ онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ и ждалъ? Поэтому, я рѣшился отвѣтить ни да, ни нѣтъ.

— Удивительно, какъ вы плавно говорите! польстили я ему.

— Прекрасно, отвѣчалъ онъ. — А теперь, спрашивается: что необходимо предпринять, чтобъ устранить это растлѣвающее вліяніе? чтобъ вновь вдвинуть жизнь въ ту здоровую колею, съ которой ее насильственно свела ложь, насквозь пропитавшая нашу интеллигенцію?

Онъ опять остановился, но на этотъ разъ уже не для того, чтобъ выждать отъ меня отвѣта, а для того, чтобы дать, такъ сказать, вылежаться фигурѣ вопрошенія, которую онъ такъ искусно пустилъ въ ходъ. Онъ даже губы сложилъ сердечкомъ, словно самъ себя подсвистать хотѣлъ.

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ простой, продолжалъ онъ: — необходимо вырвать съ корнемъ злое начало... Коль скоро мы знаемъ, что нашъ врагъ — интеллигенція, стало быть, съ нея и начать нужно. Согласны?

Признаюсь откровенно: какъ я ни былъ перепуганъ, но при этомъ вопросѣ испугался вдвое («шкура» заговорила). И такъ какъ трусость, помноженная на трусость, даетъ въ результатѣ храбрость, то я даже довольно явственно пробормоталъ:

— Прекрасно. Но помнится, въ девяностыхъ годахъ прошло столѣтія, нѣкто Марать именно такого рода цѣлебныя средства предлагалъ...

— То-то вотъ и есть, что вы все иностранныхъ образцовъ ищете! ни мало не смущаясь, прервалъ онъ меня:—

Марать! что такое Марать?! И какое значеніе может имѣть Марать... для насъ? :

Тогда я опять понялъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ прежде всего необходимо соглашаться и, разумѣется, успѣшилъ исправить свою ошибку.

— Еще бы! сказала я съ увлеченіемъ: — Марать! что такое Марать?! тамъ, у себя, онъ былъ Марать, а у насъ, вѣроятно, былъ бы коллежскимъ ассессоромъ!

— То-то вотъ и есть. Надо говорить дѣло, а вы... Марать!! Насъ, батюшка, Маратами-то не удивишь! И такъ, первое дѣло — по боку интеллигенцію; второе дѣло — по боку печать!

Но при словѣ «печать», мнѣ опять сдѣлалось тяжело, и я ужь совсѣмъ безсознательно проговорилъ:

— Но Гуттенбергъ...

— Что такое Гуттенбергъ?

— То есть, не Гуттенбергъ... а собственно говоря... Позвольте! не лучше ли было бы печать-то простить, а вотъ, напримѣръ, суды, земство... ихъ бы вотъ...

— Суды — всенепремѣнно-съ. Но земство — земля-съ. Земли касаться не слѣдуетъ-съ.

— Ну да, земство — это такъ, оправдывался я: — здоровое земство и за нимъ здоровый народъ... И затѣмъ, ежели принять въ соображеніе присвоенные земскимъ дѣателямъ оклады...

Я хотѣлъ-было развить мою мысль, какъ вдругъ случился совершенно неожиданный скандалъ. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, вѣроятно, увидѣлъ отличнѣйшій сонъ и на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ закричалъ: Ай люли! ай люли!

Это восклицаніе разомъ перерѣзало нашъ разговоръ. Собесѣдникъ мой обидѣлся и пророчалъ:

— Нарѣзался... свинтусъ!

Но я, признаюсь, былъ обрадованъ, потому что съ этими земцами, какъ ни будь остороженъ и консервативенъ, навѣрное, въ концѣ концовъ, въ чемъ-нибудь да проштрафишься. Сверхъ того, мы подѣзжали къ Кельну и въ головѣ моей созрѣлъ предательскій проэктъ: при перемѣнѣ вагоновъ, засѣсть на нѣсколько станцій въ третій классъ, чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ собесѣдованій по дѣламъ внутренней политики.

— Въ Кельнѣ сядемте опять вмѣстѣ, обольщаль меня, между тѣмъ, мой vis-à-vis: — я увѣренъ, что мы навѣрное столкнемся. Слушайте! прибавилъ онъ съ увлеченіемъ: — вы должны! вы непременно должны трезвенное слово сказать! это вапа нравственная обязанность!

— Ай люли! ай люли! опять зашѣлъ безпокойный сосѣдъ и на этотъ разъ самъ проснулся отъ звуковъ собственнаго голоса.

— Фляжку-то не стибрили у тебя? продолжалъ онъ, обращаясь къ своему vis-à-vis, тоже проснувшемуся: — а я, братъ, должно быть, переспаль... йнда очумѣлъ!

Черезъ десять минутъ мы были въ Кельнѣ.

Я выполнилъ въ Кельнѣ свой планъ довольно ловко. Не успѣлъ мой ночной товарищъ оглянуться, какъ я затесался въ толпу и по первому звонку ужъ сидѣлъ въ вагонѣ третьяго класса. Но я имѣлъ неосторожность выглянуть въ окно, и онъ замѣтилъ меня. Я видѣлъ, какъ легкая тѣнь пробѣжала у него по лицу; однакожь на этотъ разъ онъ поступилъ уже съ меньшею развязностью, нежели прежде. Подошелъ ко мнѣ и довольно благосклонно сказалъ:

— Въ народъ идти пожелали?.. Ну, и прекрасно!

Только попомните мое слово: необходимо, чтобъ вы трезвенное слово сказали! Увидимся... въ Вержбовловѣ!

Онъ удалился скорымъ шагомъ по направленію къ своему вагону, но слова его остались при мнѣ и заставили меня задуматься. За минуту передъ тѣмъ, я готовъ былъ похвастаться, что ловко отдѣлался отъ назойливаго собесѣдника, но теперь эта ловкость почему-то представилась мнѣ уже сомнительною. А ну, какъ, вмѣсто ловкости-то, я собственными руками устроилъ, себѣ западню? смутно мелькало у меня въ головѣ.

Земецъ, коль скоро ему разъ вступило въ голову, что онъ консерваторъ, дѣлается строгъ до непреклонности. На всякое возраженіе онъ смотритъ какъ на противодѣйствіе, и ежели, на бѣду заподозритъ при этомъ еще иронию, то готовъ мстить до седьмого колѣна. Говоря безотносительно, эта мстительность была бы не очень-то страшна, но то-то вотъ и есть, что времена-то нынче переходчивыя: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Смотришь на него, какъ онъ усами шевелитъ, думаешь, что онъ въ какомъ-нибудь Цивильскѣ на вѣчныя времена погрузнулъ, а на повѣрку окажется, что онъ только нырнулъ тамъ, а вынырнулъ-то вонъ гдѣ! Ты ему *тамъ* не потрафилъ, а онъ тебя *тутъ* учтетъ, да еще такъ учтетъ, что небу жарко будетъ.

Разумѣется, при помощи сметки и очень большого запаса осторожности, можно и это дѣло обладать. А именно: всякому встрѣчному стараться попасть въ тонъ, польстить, оказать услугу, сказать при случаѣ: какъ это вы съ такими способностями да въ чортовой дырѣ засѣли! Только черезчуръ ужъ много хлопотъ это требуетъ. Вѣдь нынче и не сочтешь, сколько этихъ «встрѣчныхъ» развелось. Всѣхъ не переслушаешь, всякому не наклеишься. Поди, угадай, котораго полезно очаровать и

про котораго можно сказать: а ты, попрежнему, продолжай въ Пирятинѣ смердѣть!

Часто сижу я въ своей квартирѣ у окна, смотрю на прохожихъ и все думаю: который изъ нихъ суженный мой? котораго мнѣ умницей и красавчикомъ назвать? Еслибъ можно было всѣмъ огуломъ крикнуть: здорово, молодцы! — это было бы сейчасъ готово; но вѣдь они самолюбивы, и каждый непременно требуетъ, чтобъ его назвали «молодцомъ» особо. Смѣшай-ка его съ массой другихъ «молодцовъ» — онъ обидится, будетъ мстить; а попробуй каждаго останавливать, передъ каждымъ изъясняться, — ей Богу, спина переломится, языкъ перемелется. Да пожалуй, еще скажутъ: вотъ-моль сумъ переметная, ко всякому лѣзетъ, у всѣхъ ручку цѣлуетъ! должно быть, въ умѣ какое-нибудь предательство засѣло, коли онъ такъ лебезить!

Но, все-таки, если разъ судьба ужъ свела съ прохожимъ или проѣзжимъ, — держи его крѣпче за фалды! Нужды нѣтъ, что онъ прямо изъ-подъ Наровчата выскочилъ, все-таки слушай его и удивляйся мудрости его соображеній. Самое лучшее: слушай и не возражай — прохожіе это любятъ. Можно, однакожь, и возразить, но такъ, чтобъ, благодаря возраженію, мудрость еще рельефнѣе выступила — это они тоже любятъ. А всего больше любятъ раскаянье. Они будутъ на бобахъ разводить, а ты сиди и раскаивайся. Можешь даже слегка наклепать на себя — и это въ заслугу сочтется. Былъ дескать я разбойникомъ печати, неповинныя души погублялъ, а теперь съ тобой, наровчатскимъ мудрецомъ, посидѣлъ — и вотъ, я весь тутъ. Никогда они этихъ ласковыхъ твоихъ словъ не забудутъ. Потому что, въ сущности, они добрые, исключая, разумѣется, тѣхъ минутъ, когда задыхаются отъ злобы. И вотъ, когда ты подмѣтишь, что онъ въ твою пользу размякъ, тогда ужъ не плошай.

Слѣди за нимъ, гдѣ онъ нырнулъ, въ которую сторону побѣжала струя, и гдѣ можно предположить, что онъ вынырнетъ. Но при этомъ имѣй въ виду и слѣдующее: если онъ слишкомъ долго ныряетъ, то легко можетъ случиться, что теченіе вновь прибьетъ его къ Наровчатскимъ трясинамъ, а тамъ онъ ужь окончательно пойдетъ ко дну. Тогда, дѣлать нѣчего, лови другого прохожаго мудреца, къ другому примазывайся.

А что, если мой недавній собесѣдникъ возьметъ да вынырнетъ? думалось мнѣ. Вѣдь онъ меня тогда съ кашей съѣстъ! Что я такое? много ли нужно, чтобъ превратить мое бытіе въ небытіе? Хотя, съ другой стороны, на какую потребу мнѣ бытіе? вотъ такъ бытіе! Такъ не лучше ли сразу погрузиться въ небытіе, нежели остаться при бытіи, съ тѣмъ, чтобъ смотрѣть въ окошко да улыбаться прохожимъ?

И вѣдь какую задачу мнѣ задалъ этотъ проѣзжій мудрецъ: скажи ему трезвенное слово — шутка! Онъ будетъ закусывать да усы въ очищенной мочить, — а я передъ нимъ на вытяжкѣ стой и трезвенныя слова говори... шутники!

Право, мнѣ до сихъ поръ совѣмъ искренно казалось, что я никогда никакихъ другихъ словъ, кромѣ трезвенныхъ, не говорилъ, а вотъ отыскался же мудрецъ, который въ глаза мнѣ говоритъ: нѣтъ, совѣмъ не того отъ тебя нужно. Но что-нибудь одно: или я былъ постоянно пьянъ, и въ такомъ случаѣ отъ пьянаго чловѣка нѣчего и ждать трезвеннаго слова; или я былъ трезвъ, а тѣ, которые слушали меня, были пьяны. А можетъ быть, они и теперь пьяны.

Ужасно мудрено имѣть дѣло съ пьяными цѣнителями. Говори ему, вразумляй, взывай къ его совѣсти, пробуждай въ немъ самосознаніе, кричи ему: проснись, пьяница! — а его только тошнить въ отвѣтъ. А именно

это-то и случается сплошь и рядомъ. Пьяный не возражаетъ и не опровергаетъ, а выражается афоризмами. Ни начала, ни конца у этихъ афоризмовъ услѣдить невозможно, а между тѣмъ онъ такъ самодовольно долбитъ ими, точно въ нихъ, и только въ нихъ однихъ заключается патентъ на дальнѣйшее существованіе. «Нѣтъ, вы не патріотъ!»—поди, разгрызи этотъ камень! Спроси его, что онъ разумѣетъ подъ словомъ «патріотъ»?—онъ, вмѣсто отвѣта, повторить: нѣтъ, вы не патріотъ! Спроси, почему онъ именно въ данномъ случаѣ формулируетъ упрекъ въ недостаткѣ патріотизма? — онъ и опять повторить: нѣтъ, вы не патріотъ! Да пожалуй, еще глазкомъ подмигнетъ, бездѣльникъ. Ужасно очутиться лицомъ къ лицу съ этой глухой стѣной. Сама по себѣ, стѣна есть только стѣна; но сознаніе, что нельзя отъ нея отойти, дѣйствуетъ на человѣка необыкновенно мучительно. Весь дрожишь отъ боли, и все-таки стоишь.

Вотъ еслибъ онъ сказалъ: не нужно, молъ, никакихъ вашихъ словъ, ни пьяныхъ, ни трезвенныхъ — это, по крайней мѣрѣ, было бы складно. Да пожалуй, оно къ тому и придетъ. Общество погрузилось, съ нѣкоторыхъ поръ, въ такую смуту, что и само не разберетъ, пьяно оно или трезво. Къ кому обращаться съ словомъ-то? — вотъ вѣдь къ какому мы вопросу пришли. Будь слово самое трезвенное, все-таки найдутся пьяницы, которые перетолкуютъ его въ пьяномъ смыслѣ; будь слово самое пьянственное, — тѣже пьяницы будутъ плескать руками. Велика должна быть сладкая привычка говорить, если даже такая дремучая смута не въ силахъ заставить человѣка добровольно погрузиться въ тину молчанія! Но откуда взялась эта привычка? зачѣмъ?

Поймите же, пьяницы, сколько не человѣчески-горькаго заключается въ этихъ вопросахъ, и какъ долженъ быть измученъ человѣкъ, который предлагаетъ ихъ себѣ!

Вѣдь слово-то даръ Божій — неужто же такъ-таки и затоптать его? Вѣдь оно задушить можетъ, если его не выговорить!.. Но разъ подобные вопросы возникли, никакого другого отвѣта на нихъ нельзя ожидать, кромѣ безповоротнаго осужденія. И небо, и земля, и движеніе, и жизнь — все исчезаетъ; впереди усматривается только скелеть смерти, въ пустой черепъ которой наровчатскій проѣзжій, для страха, вставилъ горящую стеариновую свѣчку.

Я невольно вспомнилъ: не дальше, какъ въ іюлѣ, три мѣсяца тому назадъ, я ѣхалъ за-границу, и спутниками моими были Удавъ и Дыба. Не скрою: не понравились мнѣ тогда эти люди. Городятъ какія-то двухсмысленности, не то либеральничаютъ, не то «жамкнуть» собираются. Наслушаешься ихъ — точно пустую бочку ты вскатишь на гору, то опять съ горы спустишь. А теперь, съ какою благодарностью, можно сказать, даже съ любовью я помянулъ ихъ! Такъ бы, кажется, и не наслушался музыки ихъ рѣчей, кабы Богъ привелъ опять на распутіи встрѣтиться! Даже объ Твэрдоонтѣ всплакнулъ — и у того нѣкоторыя словечки были...

Сравните ихъ съ этимъ непомнящимъ родства Маратомъ, котораго я только-что оставилъ, — и вы сразу почувствуете, какъ изъ области не особенно блестящей, но все-таки человѣческой, переноситесь въ область чистѣйшаго истуканства. Интеллигенцію -- по боку, печать — по боку; съ чѣмъ же жить-то останетесь? Земство покуда еще пощадилъ — жалованье ему оттуда выдаютъ; но дай срокъ! когда онъ вынырнетъ, онъ и земству кѣпоти задастъ. Онъ въ солнце кишку пожарной трубы направитъ, чтобъ свѣтило умѣреннѣе. И все-таки, мнѣ не столько солнца жалко, сколько печати. Солнца-то, я знаю, не усмирить, а печать... чикъ! и нѣтъ ея!

Удавъ и Дыба были довольно разнообразны въ вы-

борѣ сюжетовъ для собесѣдованія и сверхъ того обладали кой-какою фантазіей. Напротивъ того, проѣзжіи Марать однообразенъ до утомительности и бѣденъ фантазіей до нищенства. За душой у него всего одинъ мѣдный грошъ, и онъ даже не старается ввести насчетъ его въ заблужденіе. Онъ прямо и всенародно ставитъ его ребромъ, какъ бы говоря: вотъ вамъ грошъ, и знайте, что другого у меня нѣтъ.

Удавъ и Дыба охотно склонялись на сторону «подтягиванья», но, отстаивая это міровоззрѣніе, они отчасти обставляли его теоретическими соображеніями, отчасти ссылались на обстоятельства и вообще какъ бы слегка стыдились. Грустно-моль, но дѣлать нѣчего. Проѣзжіи Марать, хотя тоже до краевъ преисполненъ «подтягиванья», но уже у него нѣтъ ни обстановокъ, ни ссылокъ, ни стыда, такъ что «подтягиванье» является совершенно самостоятельной безсмыслицей, не имѣющей ни причинъ, ни предмета.

Склоняясь на сторону «подтягиванья», Удавъ и Дыба, тѣмъ не менѣе, не отрицали, что можно, отъ времени до времени, и «поотпустить». Проѣзжіи Марать не только ничего подобнаго не допускаетъ, но просто не понимаетъ, о чемъ тутъ рѣчь. Да онъ и вообще ни о чемъ понятія не имѣетъ: ни о предѣлахъ власти, ни о предметѣ ея, ни о сложности механизма, приводящаго ее въ дѣйствіе. Онъ бьетъ въ одну точку, преслѣдуетъ одну цѣль и знать не хочетъ, что это однопредметное преслѣдованіе можетъ произвести общую чахлость и омертвѣніе.

Все въ мірѣ выясняется только при посредствѣ сравнительнаго метода. Часто, мы бываемъ несправедливы къ людямъ потому только, что полагаемъ, что хуже ихъ не можетъ ужь быть. А на повѣрку оказывается, что природа въ этомъ смыслѣ неистощима. Съ какимъ бы

удовольствіемъ я побесѣдовалъ теперь съ Удавомъ! съ какимъ наслажденіемъ выслушалъ бы безконечные рассказы Дыбы о мудрости князя Михаила Семеныча и прозорливости графа Алексѣя Андреича! По крайней мѣрѣ, въ этихъ собесѣдованіяхъ я могъ бы уловить образъ, слово... Конечно, возражать было и тогда неудобно, но неужто-жъ непремѣнно надобно возражать?

А теперь вотъ, гляди на картонное лицо непомнящаго родства прохожаго и слушай его азбучное гудѣніе! И не моргни.

Наконецъ, мы и въ Вержболовѣ. Все, о чемъ, въ теченіи празднаго скитанія по заграничнымъ палестинамъ, томилось и тосковало сердце, — все теперь тутъ, на лицо. Осмотръ вещамъ совершился; «отмѣтка о возвращеніи» оторвана. Тихо, смирно, благородно. Кто-то въ толпѣ крикнулъ: «теперь, братъ, ау!» Крикнулъ и собственнаго голоса не узналъ. Въ станціонномъ ресторанѣ, подаютъ сосиски съ каустой и предупреждаютъ: «это у нѣмцевъ, въ Эйдкуненѣ, съ трихинами, а у насъ и заведенія этого нѣтъ». Всѣ крестятся, всѣ довольны: слава Богу! пріѣхали! Какой-то земець — но не мой: я нарочно три дня въ Берлинѣ прожилъ, чтобы «мой» схлынулъ — надѣваетъ на шею аннинскій крестъ. Барыни спрашиваютъ другъ у друга: ну чтò? провезли?— и отъ радостнаго волненія тыкаютъ вилкой и не могутъ попасть въ тарелку.

При входѣ въ спальный вагонъ, меня принялъ молодой малый въ ловко сшитомъ казакинѣ и въ барашковой шапкѣ съ бляхой во лбу, на которой было вырѣзано: *Артельщикъ*. Въ суматохѣ я не успѣлъ взглядѣться въ его лицо, однако-жъ, оно съ перваго же взгляда, показа-

лось мнѣ ужасно знакомымъ. Наконецъ, когда все понемногу угомонилось, всматриваюсь вновь, и кого же узнаю? — того самаго «Мальчика безъ штановъ», котораго я, четыре мѣсяца тому назадъ, видѣлъ во снѣ, ѣдучи въ Берлинъ!

— Слушайте-ка, сказалъ я, улучивъ минуту, когда онъ проходилъ мимо меня: — помните, между Бромбергомъ и Берлиномъ, въ какой-то нѣмецкой деревнѣ, я васъ безъ штановъ видѣлъ?

Однако, онъ прошелъ, сдѣлавъ видъ, что не разспышалъ моего вопроса. Мнѣ даже показалось, что какая-то тѣнь пробѣжала по его лицу. Минуту передъ тѣмъ, онъ мельгалъ по корридору, и на лицѣ его, казалось, было написано: ужь ежели ты *мнѣ* на водку не дашь, такъ ужь послѣ этого я и не знаю... Теперь же, благодаря моему напоминанію, онъ вдругъ словно остепенился.

Разумѣется, я не настаивалъ; но явленіе это не могло, однако-жь, не заинтересовать меня. Чтò собственно не понравилось ему въ моемъ напоминаніи? То ли, что я когда-то зналъ его въ угнетенномъ видѣ, котораго онъ теперь, одѣвшись въ штаны, стыдится, или то, что я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ онъ хвастался передъ «Мальчикомъ въ штанахъ», что онъ, хоть и безъ штановъ, да за то Разуваеву души не продалъ, «а ты, нѣмецъ, контрактомъ господину Гехту обвязался, душу ему заложилъ»... И вотъ теперь, послѣ такого рѣшительнаго бахвальства, я же встрѣчаю его не только въ штанахъ, но и въ суконной поддевкѣ, въ барашковой шапкѣ, форма и качество которыхъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о прикосновенности къ этой метаморфозѣ господина Разуваева.

Подобныя неясности въ жизни встрѣчаются довольно нерѣдко. Я лично знаю довольно много тайныхъ совѣтниковъ (въ Петербургѣ они меня игнорируютъ, но за-

границей, повременамъ, еще узнаютъ), которые въ свое время были губернскими секретарями, и въ этомъ чинѣ не отрицали, что подлинный источникъ свѣта солнце, а не стеариновая свѣчка. И представьте себѣ, ужасно они не любятъ, когда имъ про это губернское секретарство напоминаютъ. И тоже трудно разобрать, почему.

Въ надеждѣ уяснить себѣ этотъ вопросъ, я нѣсколько разъ, даже по пустякамъ, зазывалъ «Мальчика безъ штановъ» въ свой купѣ, но какіе вопросы я ни предлагалъ, онъ на всѣ отвѣчалъ однословно и угрюмо. Наконецъ, я рѣшился дать ему двугривенный. Принялъ.

— Это на первый разъ, поощрительно присовокупилъ я, не вступая, впрочемъ, въ дальнѣйшій допросъ.

Поклонился, но промолчалъ.

Миновали Ковно. Пришла ночь, а съ нею пора дѣлать постели. Я и еще двугривенный далъ. Опять принималъ и даже какъ будто повеселѣлъ.

— Отъ Разуваева штаны получили? спросилъ я какъ бы мимоходомъ.

Отъ него.

— А помните ли вы...

Притворился, что какіе-то пассажиры его требуютъ, и ушелъ, не давши мнѣ договорить.

Ночь я провелъ совершенно покойно и видѣлъ веселые сны. Я будто бы пишу, а меня будто бы хвалятъ, находятъ, что я трезвенныя слова говорю. Вообще, я давно замѣтилъ: воротись домой, ляжешь въ постельку, и начнетъ тебя укачивать и напѣвать: «спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой!»

Утромъ проснулся, еще семи часовъ не было. Выхожу въ корридоръ — «Мальчикъ» сидитъ и папироску курить. Вынимаю третій двугривенный.

— По контракту? спрашиваю.

— Не иначе, что такъ.

— Крѣпче?

— Для господина Разуваева крѣпче, а для насъ и по контракту все одно, что безъ контракта.

— Значитъ, даже надежнѣе, нежели у «Мальчика въ штанахъ»?

— Пожалуй, что такъ.

— А какъ же теперь насчетъ Разуваева? помните, хвастались?

Заторопился, сталъ къ чему-то прислушиваться, сдѣлалъ видъ, что нѣчто услышалъ, и скрылся.

Вплоть до самой Луги я не могъ его уловить. Нѣсколько разъ онъ пробѣгалъ мимо, хотя я держалъ наготовѣ четвертый двугривенный, — и даже съ такимъ расчетомъ держалъ, чтобъ онъ непременно замѣтилъ его, — но онъ, очевидно, рѣшился преодолѣть себя, и на встрѣчу ласкъ моей не пошелъ.

Разумѣется, это меня возмутило. Вотъ, думалось мнѣ, какъ Разуваевъ «обязалъ» тебя контрактомъ, такъ ты и заочно ему служишь все равно, какъ бы онъ всеминутно у тебя передъ глазами стоялъ, а я тебя ужъ три двугривенныхъ сряду безъ контракта отдалъ, и ты хоть бы ухомъ повелъ! Нѣтъ, надобно это дѣло такъ устроить, чтобъ на каждый двугривенный — контрактъ. Коротенькій, но точный, и душа чтобъ тутъ же значилась. И непременно въ Разуваевскомъ вкусѣ. Чтобъ для тебя, «Мальчика безъ штановъ», это былъ контрактъ, а для меня чтобъ все одно, что есть контрактъ, что его нѣтъ.

Наконецъ, въ Лугѣ, всѣ пассажиры разошлись обѣдать, и я поймалъ-таки его.

— Вотъ вамъ рубль, говорю.

Принялъ.

— Слышалъ я за-границей, что покуда я ѣздилъ, а на васъ мода пошла? продолжалъ я.

Усмѣхнулся и хотѣлъ-было увильнуть; но потомъ

вспомнилъ, что я за свой рубль имѣлъ хоть на отвѣтъ-то право — и посоветился.

— На насъ, сударь, завсегда мода. Потому, господину Разуваеву безъ насъ невозможно.

Проговоривъ это, онъ скорымъ шагомъ удалился къ выходу и черезъ минуту ужъ сноваль взадъ и впередъ по платформѣ, отрывая зубами куски булки, которая замѣняла ему обѣдъ.

Черезъ два часа мы были дома.

M. 406255

1944

Exp

— 9 АПР 1943

00054672594

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL